

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

2.

	Стр.		Стр.
1. Записки М. И. Антоновскаго, ученаго человека старыхъ временъ. (Московский университетъ при Екатеринѣ. — Графъ И. Г. Чернышовъ. — Первые судьбы Императорской Публичной Библіотеки).....	146	радь Ридигеръ. — Новые порядки). Князя Н. Н. Имеретинскаго.....	227
2. Автобіографія А. О. Дюгамеля. I—IV, (Аральская экспедиція. — Турецкая война при Николаѣ. — Пѣльнъ. — Въ Адрианополѣ. — Поѣздка чрезъ Малую Азію къ Паскевичу). Съ портретомъ.....	179	5. Письма В. А. Жуковскаго къ Государю Императору Александру Николаевичу. 1848-й годъ. (Революціонныя смуты въ Германіи. — Король Фридрихъ-Вильгельмъ III-й). Съ послѣсловіемъ издателя.....	242
3. Изъ воспоминаній Леонида Федоровича Львова. III. (Поѣздка въ Киргизскую Букеевскую орду. — М. Л. Кожевниковъ. — У хана Джангира). 218		6. Кавказскія воспоминанія А. Л. Зиссермана. Главы VII—IX. 1857-й годъ. (Князь Барятинскій объѣзжаетъ Кавказъ. — Д. И. Романовскій. — Кочевые Ногайцы).....	275
4. Изъ Записокъ стараго Преображенца. 1855-й годъ. (Стрѣлковыя роты. — Стоянка въ Вильнѣ. — Гене-		7. Изъ письма М. П. Погодина къ издателю Русскаго Архива по поводу запрещенія Записки Карамзина о древней и новой Россіи.	299
		8. Шуточная стихотворная хроника Московскаго университета (1861—1863).	301

Къ этой книжкѣ приложенъ портретъ А. О. Дюгамеля.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1885.

фото-гравюра Шерера Набгольца въ Москвѣ.

А. Дюкань

АВТОБІОГРАФІЯ АЛЕКСАНДРА ОСИПОВИЧА ДЮГАМЕЛЯ *).

(Начата въ 1867 году).

1.

Еслибы я служилъ Богу на половину,
какъ и служилъ своему Государю, то
былъ бы дважды спасенъ.

Я родился въ Митавѣ 26 Января 1801 года, за шесть недѣль до кончины императора Павла I-го. Я былъ старшимъ изъ восьми дѣтей, родившихся отъ брака моихъ родителей. При крещеніи мнѣ дали имя Александра, въ честь наслѣдника престола, на котораго вся нація возлагала тогда свои желанія и надежды.

Помню, я слышалъ, какъ рассказывали моему отцу, что когда первое извѣстіе о смерти императора Павла дошло до Митавы, то сначала не хотѣли этому вѣрить, опасаясь, не скрывается ли тутъ какого-нибудь коварнаго умысла, и самое извѣстіе передавали другъ другу шепотомъ; за то, когда слухъ подтвердился, наступило всеобщее ликование.

Митавѣ получила нѣкоторое историческое значеніе съ того времени, какъ Людовикъ XVIII, гонимый отовсюду, прибылъ въ Россію, ища въ ней убѣжища. Императорское правительство назначило ему мѣстомъ жительства древній замокъ Курляндскихъ герцоговъ. А такъ какъ въ Митавѣ мой отецъ, въ числѣ немногихъ, въ совершенствѣ владѣлъ Французскимъ языкомъ, то Людовикъ XVIII находилъ удовольствіе бесѣдовать съ нимъ и допустилъ его въ кругъ своихъ приближенныхъ.

*) Печатается съ Французскаго неизданнаго подлинника, за любезное доставленіе котораго мы обязаны просвѣщенной внимательности къ Русскому Архиву адмирала Митавы Осиповича Дюгамеля, сообщившаго намъ и портретъ своего брата. П. Б.

Король назначилъ виконта Давари вмѣсто себя быть воспріемникомъ при крещеніи одного изъ моихъ братьевъ, родившагося на свѣтъ въ 1806 году *). При этомъ случаѣ онъ написалъ собственноручно очень лестное письмо къ моему отцу. Изъ опасенія, чтобы это письмо не затерялось, мы помѣстили его въ послѣдствіи въ коллекцію автографовъ Императорской Публичной Библіотеки въ Петербургъ.

Благодаря крайностямъ революціи, нигдѣ не считали Французовъ людьми благонадежными, такъ что отецъ мой, опасаясь, чтобы Французское имя, которое онъ носилъ, не послужило препятствіемъ его дѣтямъ для поступленія на Русскую службу, говорилъ объ этомъ съ Людовикомъ XVIII и сказалъ ему, что онъ намѣревался просить Императора позволить ему переимѣнить фамилію. «Это напрасно, возразилъ ему король: кто имѣетъ счастье носить Французское имя, тотъ его никогда не мѣняетъ».

Въ 1807 году когда моего отца перевели изъ Митавы вице-губернаторомъ въ Ригу, у него уже было четверо сыновей, изъ которыхъ одного, Сергѣя, усыновилъ графъ Тормасовъ, женатый на одной изъ сестеръ моей матери и въ то время еще не имѣвшій дѣтей **).

Около этого времени мать моя предприняла путешествіе въ Петербургъ, чтобы повидаться съ Тормасовыми, которые жили на углу Дворцовой набережной и Машкова переулка, въ домѣ, гдѣ въ послѣдствіи я бывалъ часто, когда онъ принадлежалъ г-жѣ Ланской.

Въ 1811 году отецъ мой былъ назначенъ Лифляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

Весной 1812 года, когда уже никто не сомнѣвался, что Французы вторгнутся въ предѣлы Россіи, мой отецъ отправилъ жену свою и дѣтей въ Аренсбургъ, на островъ Эзель, причисленный къ его губерніи, чтобы они были вѣтъ всякой опасности. Въ послѣдствіи, когда непріятель сталъ дѣлать видъ, что желаетъ осадить Ригу, отецъ переехалъ въ Черновъ, куда перевели управленіе губерніей. Зимой, послѣ семимѣсячнаго отсутствія, мы возвратились въ Ригу.

Вслѣдъ за Французской арміей, императоръ Александръ прибылъ въ Вильну, и туда явилась къ нему депутація просить его принять

*) Это былъ Левъ Осиповичъ Дюгамель, нѣсколько лѣтъ назадъ копчившій жизнь въ Москвѣ, почтенный и высокообразованный человѣкъ, нѣкогда служившій инспекторомъ въ Орловскомъ кадетскомъ курпусѣ. Онъ передавалъ намъ, что Людовикъ XVIII-й, вступивъ на Французскій престолъ, не позабылъ про него, своего крестника, и прислалъ ему какой-то подарокъ. П. Б.

**) Мать А. О. Дюгамеля была урожд. Гейкинъ, дочь извѣстнаго президента Юстиц-коллегіи въ Петербургѣ. Въ первомъ бракѣ (который кончился разводомъ) она была за барономъ Корфомъ. Баронъ Курфъ вторично женился и былъ отцомъ графа Модеста Андреевича. П. Б.

названіе «Благословеннаго». Дядя мой, Тормасовъ, былъ въ числѣ этой депутаціи. Въ началѣ кампаніи Тормасовъ командовалъ армейскимъ корпусомъ, но съ прибытіемъ Чичагова, онъ, Тормасовъ, былъ уволенъ отъ командованія, и его корпусъ соединили съ арміей Чичагова. Императоръ Александръ нѣсколько смутился, вновь увидѣвъ Тормасова, несправедливо принесеннаго въ жертву Чичагову. Не смотря на это, разговоръ самъ собой перешелъ на битвы, происходившія на берегахъ Березины. Государь считалъ себя вправѣ порицать образъ дѣйствія адмирала Чичагова въ этомъ случаѣ. Тормасовъ ограничился такимъ отвѣтомъ: «Государь, я поступилъ бы еще хуже, еслибы вы приказали мнѣ командовать флотомъ».

Не могу не привести здѣсь еще одного выраженія императора Александра, которое хорошо обрисовываетъ благородство его характера и его чувства. Въ одну изъ предыдущихъ войнъ, генералъ Сакенъ, за то, что преступилъ приказанія главнокомандующаго и тѣмъ помѣшалъ какому-то военному соображенію, былъ уволенъ отъ командованія и преданъ военному суду. Это дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ, и Сакенъ впалъ въ большую немилость. Но въ 1812 году, когда правительство нуждалось въ дѣятеляхъ, вспомнили о Сакенѣ и поручили ему командовать дивизіей. Онъ принималъ дѣятельное и славное участіе въ сраженіи при Лейпцигѣ. Подъ исходъ этого достопамятнаго боя Государь объѣзжалъ войска и, приблизившись къ Сакену, сказалъ: «генералъ, сегодня вы побѣдили враговъ моихъ и вашихъ».

Молодые мои годы, вплоть до поступленія въ военную службу, были посвящены исключительно моему воспитанію. У меня никогда не было такъ называемаго гувернера; учителя приходили давать уроки моимъ братьямъ и мнѣ, а для уроковъ математики я посѣщалъ классы гимназіи. Меня учили Русскому языку, Французскому, Англійскому и Нѣмецкому, исторіи, географіи, рисованію и математикѣ, къ которой я имѣлъ особую склонность. Но матушка никогда не хотѣла, чтобы я учился по-латыни, изъ боязни, чтобы я не поступилъ въ духовное званіе, къ которому, впрочемъ, я не имѣлъ ни малѣйшаго призванія. Отецъ Куанё, Французскій іезуитъ, главный священникъ католической церкви въ Ригѣ, давалъ мнѣ уроки Закона Божьяго и глубоко вкоренилъ въ моемъ сердцѣ истину Христіанства, основаніе всей нравственности. Я сохранилъ объ этомъ достойномъ священникѣ воспоминаніе набожной благодарности, будучи многимъ ему обязанъ.

Отецъ мой владѣлъ хорошей библіотекой, заключавшей въ себѣ полное собраніе Французскихъ классиковъ XVIII-го столѣтія и много превосходныхъ сочиненій по исторіи. Я воспользовался этимъ и читалъ много. Я перечитывалъ по нѣсколько разъ жизнеописанія зна-

менитыхъ людей, во Французскомъ переводѣ г-жи Дасье. Изъ всѣхъ славныхъ людей, жизнь которыхъ изобразилъ намъ Плутархъ, я полюбилъ въ особенности Аристидъ за его *справедливый умъ* и за строгость его правилъ. Съ того времени я сказалъ себѣ, что Аристидъ есть идеалъ, на который я долженъ стараться походить, сообразуя мою жизнь съ правилами этого добродѣтельнаго мудреца.

Помню, разъ у насъ обѣдалъ полковникъ Будбергъ, братъ того, который послѣ Тильзитскаго мира былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. По обыкновенію, до обѣда подали закуску. Полковникъ Будбергъ, замѣтивъ, что я ничего не ѣмъ, спросилъ о причинѣ, на что я отвѣчалъ ему, что не въ моихъ правилахъ завтракать для того, чтобы портить себѣ обѣдъ. Будбергъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и сказалъ моему отцу: «Знаете, этотъ молодой человѣкъ пойдетъ далеко, если у него уже теперь такія твердо установившіяся правила».

Въ тѣ времена въ Балтійскихъ губерніяхъ совсѣмъ не говорили по-русски, и мнѣ стоило большаго труда освоиться съ этимъ языкомъ. Однажды генералъ графъ Остерманъ-Толстой, отправляясь въ войскамъ въ Германію, проѣздомъ чрезъ Ригу, обѣдалъ у отца моего. Послѣ обѣда графъ подозвалъ меня къ себѣ и спросилъ: «Что, вы говорите по-русски?»—Я отвѣчалъ: «О, да!» Вдругъ графъ принялся смѣяться, говоря: «О да, о да, отъ чего не элегія или идиллія?» Я очень оскорбился этимъ и на всю жизнь сохранилъ объ этомъ воспоминаніе.

Двое изъ моихъ братьевъ и я были зачислены въ Пажескій Корпусъ. Лѣтомъ 1819 года отецъ повезъ насъ въ Петербургъ для поступленія на службу. Братъ Сергѣй и я по годамъ не могли уже поступить въ классы и должны были только выдержать экзаменъ, чтобы получить чинъ армейскаго офицера. Братъ же Іосифъ, которому было только пятнадцать лѣтъ, былъ принятъ въ Пажескій Корпусъ, гдѣ спустя нѣсколько мѣсяцевъ умеръ отъ тифозной горячки. Въ послѣдствіи я выдержалъ второй экзаменъ для поступленія въ Главный Штабъ. Въ числѣ моихъ экзаменаторовъ находился князь Меншиковъ. Я рано понялъ, что долженъ самъ составить себѣ карьеру, ибо зналъ, что у отца для содержанія нашей большой семьи не было другихъ средствъ, кромѣ жалованья. Итакъ я обрекъ себя на самую строгую экономію, избѣгая всякихъ бесполезныхъ расходовъ. Однако отецъ мой нашелъ возможность назначить мнѣ въ годъ денежную помощь въ размѣрѣ 2.000 рубл. асс., что съ 600 рубл. асс. жалованья и 200 рубл. квартирныхъ составляло весь мой доходъ. Но я такъ хорошо распорядился этими средствами, что у меня никогда не было ни копѣйки долгу, а чрезъ нѣсколько лѣтъ, какъ только явилась возможность стать на свои ноги, я рѣшительно отказался отъ денегъ, которыя выдавалъ мнѣ

отецъ. Въ первый же годъ службы былъ я назначенъ производить геодезическія работы въ Петербургской губерніи и въ награду получилъ годовой окладъ, т.-е. 600 рубл. асс. Я поспѣшилъ къ этимъ 600 рубл. прибавить еще личныхъ моихъ сбереженій 400 рубл. и положилъ эту тысячу въ Ломбардъ.

Я возгордился, какъ Артабанъ *), этимъ первымъ успѣхомъ, такъ какъ во всякомъ дѣлѣ всего труднѣе начало, и вознаградилъ себя зимнею поѣздкою въ Ригу, гдѣ и предъявилъ батюшкѣ мой ломбардный билетъ. Я хранилъ его у себя слишкомъ тридцать лѣтъ, можно сказать съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ, считая его, какъ въ баснѣ Лафонтена, чудесной курицей о золотыхъ яйцахъ.

Кругъ моего знакомства ограничивался старинными друзьями батюшки. То были графъ Ламсдорфъ, Альбедиль, графиня Борхъ, г-жа Пальмембахъ, баронъ Бюлеръ и баронъ Корфъ; кромѣ нихъ я почти никого не посѣщалъ, а въ большомъ свѣтѣ и совсѣмъ не бывалъ. Между тѣмъ батюшка представилъ меня княгинѣ Ливенъ, которая жила въ Зимнемъ дворцѣ и пользовалась большимъ уваженіемъ при дворѣ. Она вынудила у меня обѣщаніе посѣщать ее. Признаюсь, эти посѣщенія были мнѣ не по душѣ, и я сиживалъ какъ на иголкахъ въ гостиной у княгини Ливенъ; тѣмъ не менѣе, повинаясь батюшкиной волѣ, я ходилъ къ ней время отъ времени. Однажды при мнѣ пожаловала къ княгинѣ императрица Марія Феодоровна. Замѣтивъ меня, она сказала княгинѣ по-нѣмецки: «Какой у васъ взрослый сынъ!» Княгиня, назвавъ мое имя, представила меня Ея Величеству.

Въ это время молодежь вообще строго и толково относилась къ занятіямъ и въ особенности офицеры Главнаго Штаба. Никогда не видалъ я съ тѣхъ поръ подобнаго рвенія къ приобрѣтенію свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Я работалъ много, чтобы закончить свое образованіе, дѣлая то переводы съ одного языка на другой, то извлеченія изъ замѣчательныхъ сочиненій, попадавшихъ мнѣ подъ руку. Въ этомъ отношеніи великолѣпная библіотека Главнаго Штаба принесла мнѣ великую пользу.

Въ это время Греки, въ борьбѣ за свою независимость, пробуждали къ себѣ сочувствіе всего образованнаго міра. На конгрессѣ въ Лайбахѣ, гдѣ по преимуществу занимались обсужденіемъ Греческаго вопроса, графъ Каподистрія горячо защищалъ дѣло своихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ. Князь Меттернихъ, не раздѣлявшій симпатій Каподистрія, взялъ его за петлицу платья и сказалъ: «Молодой человѣкъ, вы слишкомъ горячитесь». На это Каподистрія, ухвативъ въ свою очередь Меттерниха за петлицу, возразилъ: «Старикъ,

*) Французская поговорка, отъ имени одного изъ Паряискихъ царей. П. Б.

вы забываетесь». Я былъ флѣллиномъ, какъ и всѣ въ ту пору, и ждалъ не дождался, чтобы началась война между Россією и Турцією. Бездѣйствіе меня удручало, да и воинская слава соблазняла меня и манила. Скоро представился мнѣ другой случай выдти изъ выжидательнаго положенія.

Лѣтомъ 1825 года я узналъ, что намѣреваются снарядить учено-военную экспедицію въ Киргизскія степи, къ Аральскому морю, и что начальникомъ этой экспедиціи будетъ полковникъ Главнаго Штаба Бергъ. Хотя въ то время я еще не зналъ его лично, тѣмъ не менѣе рѣшился тотчасъ же отправиться къ нему и высказалъ ему желаніе участвовать въ предполагаемой экспедиціи. Къ моей величайшей радости онъ изъяснилъ согласіе, и съ этого времени начинаются мои отношенія съ этимъ отличнымъ военнымъ дѣятелемъ, въ настоящее время графомъ и фельдмаршаломъ, которому я главнымъ образомъ обязанъ дальнѣйшими служебными успѣхами, за что до конца дней моихъ не перестану платить ему дань живѣйшей признательности.

По причинѣ недостатка воды годной для питья, что составляетъ характеристическую особенность Киргизской степи, которую намъ надлежало изслѣдовать, было положено, что экспедиція состоится зимою, когда растаявшій снѣгъ можетъ служить къ утоленію жажды людямъ и вьючнымъ животнымъ.

Въ началѣ Октября (1825) мы выѣхали изъ Петербурга въ Уральскъ, гдѣ назначено собраться участникамъ похода. Вотъ кто тутъ были: изъ Главнаго Штаба капитанъ Вольховскій *), баронъ Ливень и я; отъ морскаго вѣдомства капитанъ-лейтенантъ Анжу и лейтенантъ Почорковъ, отъ путей сообщеній капитанъ Загоскинъ, графъ Александръ Толстой, адъютантъ генерала Дибича (впослѣдствіи оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода), наконецъ астрономъ Лемъ и докторъ Эверсманъ.

Проѣхавъ обширное пространство по Россіи съ Запада на Востокъ, я нашелъ, что край и богаче и населеннѣе, чѣмъ я себѣ представлялъ.

Въ Уральскѣ насъ приняли самымъ гостепріимнымъ образомъ. Козаки давали намъ безпрестанно обѣды, на которыхъ Шампанское лилось рѣкою и превосходная икра подавалась только что вынутая. Ловля осетровъ, которые изъ Каспійскаго моря поднимаются вверхъ по рѣкѣ Уралу, составляетъ одну изъ выгоднѣйшихъ отраслей промышленности тамошняго населенія, живущаго вообще въ большомъ

*) Лицеметъ, товарищъ Пушкина П. Б.

достаткѣ. Рыбная ловля, разведеніе овецъ и мѣновая торговля съ Киргизами служатъ козакамъ источникомъ доходовъ, которымъ они ловко пользуются. Села или козацкія станицы расположены вдоль по правому берегу Урала, въ разстояніи 15 и 20 верстъ одна отъ другой, и образуютъ такъ называемую Уральскую линію, первоначальное назначеніе которой состояло въ томъ, чтобы защищать Россію съ этой стороны отъ кочевниковъ, бродящихъ съ стадами своими на противоположномъ берегу рѣки и далѣе въ степяхъ вплоть до центральной Азіи.

Войско, входившее въ составъ нашей экспедиціи, состоявшее изъ баталіона пѣхоты, двухъ пушекъ и нѣсколькихъ сотенъ козаковъ, собралось, если память мнѣ не измѣняетъ, въ крѣпости Сарайчикѣ, приблизительно въ 25-ти верстахъ отъ Каспійскаго моря. Полковникъ Бергъ и его штабъ отправились туда въ послѣднихъ числахъ Ноября, чтобы ускорить работы по съемкѣ, которыя еще оставалось докончить, какъ вдругъ, 6-го или 8-го Декабря (въ точности не помню), курьеръ привезъ намъ неожиданное извѣстіе о кончинѣ императора Александра и о восшествіи на престолъ великаго князя Константина. Это страшное извѣстіе поразило насъ тѣмъ болѣе, что мы даже не знали о болѣзни Государя. Чтѣ касается до меня лично, то я искренно и глубоко оплакивалъ утрату, понесенную Россією, тѣмъ болѣе, что мнѣ извѣстно было, какъ покойный Государь былъ всегда добръ и милостивъ къ моему отцу.

Отслужили панихиду, потомъ молебень, присягнули въ вѣрности императору Константину, и на другой день нашъ отрядъ двинулся въ путь, перешелъ Уралъ, давно уже покрытый льдомъ и углубился въ степи по направленію къ Востоку.

Мы шли по берегу Каспійскаго моря или скорѣе вдоль его острововъ, оторванныхъ отъ материка, такъ какъ рукава моря, отдѣляющіе ихъ, будучи покрыты льдомъ, не представляли никакого препятствія для движенія нашего отряда. Мы проходили черезъ настоящіе тростниковые лѣса, дающіе не только топливо, но и убѣжище стадамъ. Киргизы очень цѣнятъ эти мѣста и располагаются здѣсь на зимнія стоянки. Мы однако сильно страдали отъ чрезмѣрнаго холода, ибо термометръ падалъ до 30° ниже нуля по Реомюру. Но температура по истинѣ становилась невыносимой, когда холодъ сопровождался вѣтромъ и снѣжною метелью. На ночь у насъ не было другой защиты кромѣ войлочныхъ палатокъ. Впослѣдствіи, когда мы миновали тростники, намъ не доставало топлива, ибо и единственное дерево этихъ безводныхъ степей, *саксаулъ*, попадалось не вездѣ; нужда заставляла

асъ жечь колеса и осѣ отъ телѣгъ, въ которыхъ везли сѣстные припасы, по мѣрѣ того, какъ онѣ пустѣли.

Перешедши рѣку Эмбу, мы увидали вдали на горизонтѣ нѣчто похожее на цѣпь горъ. Но подойдя ближе, мы убѣдились, что эти предполагаемыя горы были ничто иное, какъ сѣверный склонъ Усть-рта, возвышенной плоскости, простирающейся отъ Каспійскаго моря до Аральскаго и образующей какъ бы перешеекъ между этими морями. Вообразившись на этотъ крутой склонъ, мы тотчасъ убѣдились, что поверхность плоскости такая же ровная и однообразная, какъ и только что пройденная нами степь.

Къ числу ученыхъ вопросовъ, которые намъ надлежало рѣшить, принадлежалъ вопросъ объ относительномъ уровнѣ водъ между морями Каспійскимъ и Аральскимъ. Капитану-лейтенанту Анжу и мнѣ было поручено совершить эту нивелировку посредствомъ барометрическихъ наблюдений. Хотя мы оба принялись за выполненіе этой задачи со всевозможнымъ усердіемъ, но я нисколько не убѣжденъ, что данная задача рѣшена удовлетворительнымъ образомъ; во первыхъ потому, что наши барометры были нѣсколько попорчены во время путешествія и затѣмъ потому, что только въ гористыхъ мѣстностяхъ барометры могутъ опредѣлять довольно вѣрно разницу въ уровнѣ, а не въ равнинахъ, подобныхъ той, которую намъ надлежало изслѣдовать.

Достигнувъ западнаго берега Аральскаго моря, въ разстояніи около 200 верстъ отъ Хивы, не видавши ни одного Хивинца, ни даже ни одного каравана, мы пустились въ обратный путь и благополучно прибыли къ мѣсту нашего отправленія. Въ теченіи 80 дней, мы были какъ бы разлучены со всѣмъ образованнымъ міромъ и ничего не знали, что дѣлалось въ Россіи съ наступленіемъ новаго царствованія.

За время нашего продолжительнаго отсутствія, въ Сарайчикѣ скопилось множество писемъ и журналовъ, заключавшихъ въ себѣ извѣстія чрезвычайной важности. Здѣсь мы узнали заразъ объ отреченіи великаго князя Константина, о восшествіи на престолъ императора Николая, объ открытіи обширнаго заговора, затѣяннаго въ послѣдніе годы царствованія императора Александра, объ усмиреніи мятежа 14 Декабря, обогрившаго кровью Петербургскія улицы. Вѣроятно, во всей Россіи мы только одни не знали о совершившихся важныхъ событіяхъ, около трехъ мѣсяцевъ пребывая въ полной увѣренности, что царствуетъ Константинъ. Изъ всѣхъ насъ оказался замѣшаннымъ, по показанію заговорщиковъ, только одинъ Вольховской, капитанъ Главнаго Штаба; его уже ждалъ фельдъсержъ, имѣв-

пій приказаніе доставить Вольховскаго въ Петербургъ, гдѣ засѣдала Слѣдственная Коммиссія *).

Изъ офицеровъ Главнаго Штаба, замѣшанныхъ въ заговоръ и подвергнутыхъ болѣе или менѣе сильному наказанію, я былъ особенно близокъ съ графомъ Коновницинымъ, Искрицинымъ и Корниловичемъ; но я долженъ замѣтить, что никогда не слыхалъ отъ нихъ ни единого слова, которое бы обнаружило ихъ преступные замыслы; ибо они считали меня, вѣроятно, слишкомъ преданнымъ моему долгу и не посвящали меня въ свои тайны.

Отпустивши войско и козаковъ, полковникъ Бергъ съ своимъ штабомъ отправился въ Оренбургъ, гдѣ мы оставались до половины лѣта, приводя въ порядокъ собранные нами матеріалы. Въ это время я подружился съ графомъ А. Толстымъ: направленіе ума его во многомъ сходилось съ моимъ. Будучи молоды, мы, въ часы досуга, наслаждались поэзіею. Я читалъ ему наизусть нѣкоторыя стихотворенія Шиллера; а онъ, въ свою очередь, знакомилъ меня съ стихотвореніями Пушкина и научилъ цѣнить ихъ. Возвращаясь въ Петербургъ по окончаніи нашихъ работъ, мы ѣхали съ нимъ вмѣстѣ всю дорогу.

Въ Петербургъ было довольно пусто, ибо дворъ отправился въ Москву, гдѣ на 22-е Августа былъ назначенъ день коронаціи. Незначительный чинъ мой и недостатокъ средствъ не давали возможности и думать о присутствіи на этомъ торжествѣ; но полковникъ Бергъ прямо поѣхалъ въ Москву отдать отчетъ начальнику Главнаго Штаба о своей экспедиціи. Здѣсь онъ не замедлилъ получить новое очень важное назначеніе, имѣвшее рѣшительное вліяніе и на все мое дальнѣйшее поприще.

II.

Съ возстанія Грековъ и особенно со смерти патріарха Григорія (котораго, какъ низкаго преступника, казнили въ самый день Свѣтлаго Христова Воскресенія, когда въ полномъ облаченіи выходилъ онъ изъ

*) Въ краткой біографіи Владимира Дмитріевича Вольховскаго (Харьковъ, 1844), составленной его лицейскимъ товарищемъ И. В. Малиновскимъ, сказано, что въ эту экспедицію онъ находился при разбитіи Киргизскихъ разбойниковъ близъ устьевъ Сагира и Эмбы. Оправданный Вольховскій въ этомъ же 1826 году назначенъ на Кавказъ состоять при Паскевичѣ, гдѣ и отличился; но прикосновеніе къ Декабристамъ испортило всю судьбу этого отиивно замѣчательнаго человека: ходу не давали ему, не смотря на всѣ его труды и заслуги († 7 Марта 1811).

церкви) отношенія между Русскимъ правительствомъ и Портой становились все болѣе и болѣе грозными. Русскій посолъ, баронъ Строгановъ, со всѣмъ посольствомъ, выбылъ изъ Константинополя. Позднѣе однако, благодаря переговорамъ Англіи и Австріи съ Портой, стат. сов. Миичаки вернулся въ Константинополь въ качествѣ повѣреннаго по Русскимъ дѣламъ; но тѣмъ не менѣе, къ концу царствованія императора Александра разрывъ между этими державами казался неизбежнымъ.

Прежде чѣмъ взяться за оружіе, было рѣшено сдѣлать послѣднюю попытку къ поддержанію мира, и въ Бессарабіи въ городѣ Аккерманѣ съѣхались Русскіе и Турецкіе уполномоченные для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ и для опредѣленія взаимныхъ въ данное время рѣзко обострившихся отношеній. Всѣ эти вопросы главнымъ образомъ касались положенія Дунайскихъ княжествъ и Сербіи, положенія, вовсе несоотвѣтствующаго статьямъ прежнихъ договоровъ, и затѣмъ притѣсненій, которыя постоянно дѣлались торговлѣ на Черномъ морѣ.

На Аккерманской конференціи представителями Россіи были Рибопьеръ и тайн. сов. Антонъ Фонтонъ. Въ случаѣ благопріятнаго исхода было рѣшено, что Рибопьеръ, какъ чрезвычайный посолъ и полномочный министръ, отправится въ Константинополь; въ противоположномъ случаѣ Россія объявитъ Турціи войну. Такое угрожающее положеніе возымѣло желанное дѣйствіе: по заключенному въ Аккерманѣ договору всѣ требованія Россіи, на которыя она была въ правѣ разсчитывать, были удовлетворены.

Разумѣется, я не былъ посвященъ въ тайны дипломатическихъ переговоровъ и только въ общихъ чертахъ зналъ о состояніи нашихъ отношеній съ Оттоманской Портой. Такимъ образомъ я немало былъ удивленъ, получивъ изъ Москвы отъ главнаго квартирмейстера, которымъ въ то время былъ графъ Сухтеленъ, приказаніе ѣхать черезъ Смоленскъ въ Орелъ и тамъ дожидаться дальнѣйшихъ распоряженій.

Краткость и таинственность этого приказанія до крайней степени возбудили мое любопытство. Въ Орлѣ я прожилъ цѣлыхъ двѣ недѣли, со дня на день ожидая разрѣшенія мучившей меня загадки.

Однимъ изъ знатнѣйшихъ Орловскихъ обывателей былъ графъ Каменскій-старшій. Онъ жилъ на широкую, барскую ногу. Страстный любитель драматическаго искусства, онъ устроилъ у себя въ домѣ театръ, гдѣ еженедѣльно давались драмы, комедіи и водевили. Труппа состояла изъ крѣпостныхъ графа Каменскаго, и онъ всегда самъ присутствовалъ при раздачѣ и продажѣ билетовъ, такъ какъ на представленія допускались и посторонніе зрители. Думаю, что это были

одни изъ послѣднихъ актеровъ, набранныхъ изъ крѣпостныхъ людей, что настоящему поколѣнію будетъ скоро извѣстно лишь по преданію.

Въ одно прекрасное утро, совсѣмъ неожиданно, пришли сказать мнѣ, что прибылъ полковн. Бергъ и просить меня немедленно явиться къ нему въ гостиницу, въ которой онъ остановился. Только тутъ узналъ я, въ чемъ будетъ состоять мое новое назначеніе.

Я былъ назначенъ вторымъ секретаремъ при военномъ отдѣленіи Русскаго посольства въ Константинополь, начальникомъ котораго былъ полковн. Бергъ, въ званіи совѣтника посольства. Шт.-кап. Тучковъ, подпор. Веригинъ и баронъ Ливенъ были назначены въ тоже военное отдѣленіе, и всѣ мы, одинъ за другимъ, были отправлены въ Одессу, гдѣ съ самого заключенія Аккерманской конференціи находился Рибопьеръ.

Теперь вошло въ обычай при разныхъ посольствахъ назначать и военныхъ чиновниковъ, но въ то время это было нововведеніемъ и, дабы не смущать Турокъ, для виду, всѣмъ намъ дали статскіе чины, соотвѣтствующіе нашимъ военнымъ чинамъ: такимъ образомъ Бергъ преобразился въ стат. совѣтника, Тучковъ въ надворнаго, я въ кол. ассесора и т. д., и въ тоже время мы исполняли обязанности секретарей и чиновниковъ при посольствѣ.

Не смотря на заключенный въ Аккерманѣ договоръ, отношенія наши съ Оттоманской Портой продолжали оставаться весьма натянутыми, такъ какъ самый трудный, самый щекотливый вопросъ о признаніи Греціи независимымъ государствомъ, даже не былъ затронутъ. На войну съ Турціей продолжали смотрѣть, какъ на возможную, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, и именно въ виду этого Бергу и всѣмъ состоявшимъ при немъ офицерамъ приказано тщательно изслѣдовать все, что только касалось до военнаго положенія Турціи. Собрать самыя точныя свѣдѣнія о силахъ и составѣ Турецкихъ регулярныхъ войскъ, замѣнившихъ янычаръ (которыхъ съ страшной жестокостью уничтожилъ султанъ Махмудъ), развѣдать о всѣхъ главныхъ дорогахъ, которыя черезъ Балканы ведутъ въ Константинополь; наконецъ, изучить окрестности самой столицы, — вотъ главные предметы, на которые мы должны были сосредоточить наше вниманіе.

Черезъ Яссы и Бухарестъ я первымъ прибылъ въ Константинополь. Это была моя первая поѣздка въ Дунайскія княжества, гдѣ впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось дѣйствовать въ качествѣ дипломата. Консульствомъ въ Яссахъ въ то время завѣдывалъ Лелли, а въ Бухарестѣ Домнандо и Катовъ, первый по политическимъ дѣламъ, второй по коммерческимъ. Стоялъ Ноябрь мѣсяцъ, и дороги уже совсѣмъ испортились. Однако до Константинополя я добрался безъ осо-

бренныхъ приключеній и дней черезъ десять снова вернулся въ Бухарестъ подъ предлогомъ встрѣчи Рибопьера (ѣхавшаго въ мѣсто своего назначенія), на самомъ-же дѣлѣ для того, чтобъ имѣть случай переѣхать черезъ Балканы другой дорогой, а не той, которой я ѣхалъ въ первый разъ.

Въ Бухарестѣ Рибопьеръ ожидалъ только моего приѣзда, чтобы вслѣдъ затѣмъ продолжать свое путешествіе, которое значительно затянулось, какъ отъ полной почти невозможности колесной ѣзды, такъ и вслѣдствіе требуемаго въ подобныхъ случаяхъ этикета.

Въ концѣ концовъ, однако, все посольство понѣмножку съѣхалось въ Константинополь, или вѣрнѣе въ резиденцію Буюкдерэ, такъ какъ Русскій дворецъ въ Перѣ не былъ еще отстроенъ послѣ пожара.

Восхитительное мѣстоположеніе Константинополя и оба берега Босфора, усыянные кіосками, деревнями и садами, произвели на меня сильное впечатлѣніе. Не смотря на зимнее время, деревья были покрыты листвою, Бенгальскія розы въ полномъ цвѣту, а когда дулъ южный вѣтеръ, то можно было вообразить, что находишься въ срединѣ лѣта.

Въ то время Англійскимъ посланникомъ былъ сэръ Стратфордъ-Каннингъ; представителемъ Франціи графъ Гилльоминдъ, Австріи—баронъ Оттенфельсъ; главой Испанскаго посольства—Кастильо, Сардинскаго—маркизъ Гропалло. Эти дипломаты были люди семейные, и при всѣхъ посольствахъ находились на службѣ молодые люди лучшихъ семействъ, прекрасно воспитанные и образованные. Сомнѣваюсь, чтобы когда-либо впослѣдствіи дипломатическій корпусъ въ Константинополѣ былъ лучше составленъ. Всѣ министры жили широко и открыто; множество пріятныхъ, молодыхъ и красивыхъ женщинъ служили украшеніемъ общества; самая искренняя веселость господствовала во всѣхъ собраніяхъ дипломатическаго кружка. Нѣсколько позднѣе и г-жа Рибопьеръ приѣхала къ мужу въ Константинополь. Семья ихъ состояла изъ десятилѣтняго сына, который теперь служить при дворѣ и двухъ дочерей; старшая изъ нихъ, Аглая, вышла замужъ за одного Пруссака и скончалась въ молодыхъ лѣтахъ, а вторая, Софья, позднѣе, вышла замужъ за графа Кутузова. Третья дочь—Марія, впослѣдствіи княгиня Юсупова, родилась уже въ Неаполѣ, куда со всѣмъ посольствомъ переѣхалъ Рибопьеръ, когда произошелъ разрывъ съ Турціею.

Вскорѣ по прибытіи Рибопьеръ имѣлъ аудіенцію у его величества султана по всѣмъ правиламъ этикета, которыя въ то время соблюдались весьма строго, а впослѣдствіи, какъ я слышалъ, подверглись значительнымъ измѣненіямъ.

Русскаго министра сопровождали всѣ состоявшіе при немъ чиновники. Прежде всего въ Портѣ мы явились къ визирю. Здѣсь намъ

былъ данъ обѣдъ. Столы были устроены изъ подносовъ, уставленныхъ на высокихъ скамейкахъ; вокругъ нихъ, по соответствующимъ одинъ другому чинамъ, размѣстились всѣ Турки и мы; Рибопьеръ и визирь вдвоемъ сидѣли за маленькимъ столикомъ, стоявшимъ поодаль. Обѣдъ, которымъ насъ угощали, состоялъ изъ самыхъ лакомыхъ и изысканныхъ Турецкихъ блюдъ; мясныя кушанья чередовались со сладкими. Изъ напитковъ подавали только одинъ шербетъ. Если обѣдъ и не былъ хорошъ, за то отличался оригинальностью. Затѣмъ насъ всѣхъ повезли во дворецъ, гдѣ всѣхъ почему-то закутали въ шубы. Сперва Рибопьеръ одинъ былъ принятъ султаномъ, который подъ балдахинномъ воссѣдалъ на тронѣ. Русскій министръ держалъ рѣчь, которая немедленно была переведена на Турецкій языкъ главнымъ переводчикомъ, Франкини. Затѣмъ и мы всѣ также были допущены къ лицезрѣнію его величества, причемъ каждаго изъ насъ сопровождало двое камергеровъ, капиджей, которые держали насъ за руки, какъ будто мы были разбойники, готовые совершить какое-нибудь ужасное преступленіе. Послѣ аудіенціи въ томъ же порядкѣ верхомъ мы вернулись домой, и всѣ въ шубахъ, которыя милостиво соизволилъ подарить намъ его величество.

Съ наступленіемъ весны мы всѣ занялись изученіемъ мѣстности; а мнѣ сверхъ того, такъ какъ у меня былъ довольно изящный почеркъ, Бергъ поручалъ переписывать множество бумагъ, которыя онъ посылалъ ко двору. Занятія писца, которымъ многія пренебрегаютъ, считая унизительнымъ, принесло мнѣ большую пользу въ послѣдствіи. Переписывая эти бумаги и письма, я ознакомился съ языкомъ и оборотами рѣчи въ дипломатіи, и именно этому занятію обязанъ своимъ успѣхомъ на дипломатической службѣ, когда въ послѣдствіи я занималъ уже независимыя должности.

Бергъ и Рибопьеръ не особенно ладили между собою, такъ какъ сего послѣдняго обижало почти независимое положеніе, которое занималъ Бергъ, и кромѣ того наше офиціальное переобдѣваніе было тайной только для однихъ Турокъ. Такое недоразумѣніе могло имѣть печальныя послѣдствія, и я всѣми силами старался ухаживать за Рибопьеромъ, чтобы по возможности успокоивать его раздраженіе. Однажды я засталъ его въ очень дурномъ расположеніи духа, и вотъ слова, которыя у него вырвались: «Я понялъ бы назначеніе одного или двухъ офицеровъ для того, чтобы изучить мѣстность между прочимъ, не привлекая на себя всеобщаго вниманія; но создать при посольствѣ цѣлый военный отдѣлъ, этому нѣтъ названія!»

Тучковъ также не пользовался расположеніемъ Рибопьера, который называлъ его не иначе какъ переряженнымъ Ахилломъ. Повиди-

мому, я былъ единственнымъ человѣкомъ изъ всѣхъ моихъ товарищей, на котораго Рибопьеръ смотрѣлъ благосклонно, въ чемъ я и убѣдился по моему возвращеніи въ Петербургъ, когда на представленіи графъ Нессельроде поблагодарилъ меня за мое отминое поведеніе относительно Рибопьера.

Между тѣмъ отношенія наши къ Портъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обострялись. Египетскія войска подъ начальствомъ Ибрагима-паши высадились въ Мореѣ, и война съ Греками велась самымъ варварскимъ способомъ, такъ что кабинеты Европы не могли оставаться безстрастными зрителями происходившаго.

6-го Іюля 1827 года между Россіей, Франціей и Англіей состоялось соглашеніе вооруженной силой вмѣшаться между воюющими сторонами, и одновременно съ этимъ рѣшеніемъ въ Средиземное море послать сильный флотъ. Все предвѣщало скорую развязку, и военному отдѣлу оставалось лишь уложиться и выѣхать изъ Константинополя.

Я снова однимъ изъ первыхъ пустился въ обратный путь. Благодаря тому, что я имѣлъ случай лично видѣть всѣ горныя проходы, ведущіе чрезъ Балканы, я вскорѣ по возвращеніи составилъ и подалъ подробную записку о цѣпи Балканскихъ горъ, начиная отъ самаго Чернаго Моря и до того ущелья, чрезъ которое идетъ дорога изъ Шибки въ Габрово. Записка эта и до сихъ поръ должна еще находиться въ тайномъ архивѣ Главнаго Штаба.

Въ Бухарестѣ я узналъ о морской битвѣ при Наваринѣ, гдѣ Турецко-египетскій флотъ былъ совершенно уничтоженъ. Лордъ Воллингтонъ объ этомъ событіи выразился въ парламентѣ, какъ о весьма непріятномъ (untoward event). Но пріятное или непріятное, а событіе это должно было отодвинуть дипломатическіе переговоры на второй планъ и предоставить все лишь силѣ оружія. Задѣтая за живое Порта не замедлила объявить войну, и посланники Англійскій и Французскій, а также и Русскій министръ, были принуждены выѣхать изъ Константинополя. Рибопьеръ со всѣмъ посольствомъ переехалъ въ Неаполь.

Въ награду за услуги, которыя мнѣ посчастливилось оказать, былъ я произведенъ въ штабсъ-капитаны гвардіи и получилъ орденъ св. Владимира 4-й степени. Я поспѣшилъ въ Петербургъ, гдѣ я былъ всѣми прекрасно принятъ. Цѣлыхъ три года не видавъ родителей, я попросилъ отпуска и поѣхалъ въ Ригу, гдѣ отецъ мой все еще продолжалъ жить, не смотря на то, что недавно былъ назначенъ сенаторомъ послѣ 17-ти-лѣтней службы въ должности Лифлядскаго гражданскаго губернатора, во время которой онъ пользовался всеобщимъ глубокимъ уваженіемъ.

Зима съ 1827 на 1828 годъ прошла въ приготовленіяхъ къ войнѣ. Начальство арміей, предназначенной дѣйствовать въ Турціи, было ввѣрено фельдмаршалу графу Витгенштейну, а начальникомъ штаба назначенъ генераль Киселевъ.

Вскорѣ и я получилъ приказаніе явиться въ главную квартиру, которая находилась въ Измаилѣ. Русская армія сосредоточивалась у низовьевъ Дуная; мѣстомъ перехода чрезъ рѣку было выбрано Сатуново. Здѣсь было собрано множество барокъ, въ послѣдствіи послужившихъ для устройства пловучаго моста, по которому 30-го Мая Русскія войска и переправились черезъ Дунай послѣ небольшой стычки съ Турецкимъ гарнизономъ Тульчи. Война была объявлена уже давно, но враждебныя дѣйствія начались только съ этого времени.

III.

Не думая излагать исторію войны 1828 и 1829 годовъ, я ограничусь описаніемъ лишь тѣхъ событій, которыхъ я былъ самъ очевидцемъ и начну разсказъ съ впечатлѣнія, произведеннаго на меня Добруджей, то есть той частью Болгаріи, которая отъ Троянова вала простирается до низовьевъ Дуная.

Я проѣзжалъ этой страной до войны и видѣлъ въ ней многочисленные селенія и прекрасно воздѣланныя нивы. Теперь все измѣнилось. Хотя селенія существовали и хлѣбъ стоялъ на корню, но не было слышно ни одного человѣческаго голоса: мѣстныя власти принудили все населеніе христіанское и магометанское покинуть жилища. По всей странѣ царствовала мертвая тишина, нарушаемая заунывнымъ лаемъ голодныхъ собакъ, которыя рыскали вокругъ пустыхъ, покинутыхъ селеній.

Города и села носили на себѣ явные слѣды той поспѣшности, съ которою выбыли изъ нихъ жители, и не будь я самъ очевидцемъ, то съ трудомъ повѣрилъ бы тому, что населеніе цѣлой страны могло вдругъ такъ безслѣдно куда-то исчезнуть. Если Болгарія сильно пострадала отъ войны, если села ея мало по малу были разорены и уничтожены, то все это главнымъ образомъ слѣдуетъ приписать именно бѣгству жителей.

За исключеніемъ Бабадага, обладающаго обильными источниками, вся Добруджа вообще страдаетъ недостаткомъ воды; рѣдкіе при селахъ колодцы большею частью сажень въ 20 глубины, и это обстоятельство сильно затрудняло нашу кавалерію, когда ей приходилось поить лошадей. Но за то пастбища оказались чудесныя, такъ какъ

Іюньское солнце еще не успѣло выжечь степей, покрытыхъ роскошными травами.

Въ Добруджѣ не только нѣтъ воды, но нѣтъ также и лѣсовъ; только за Базарджикомъ начинаютъ попадаться сперва кустарники, а затѣмъ уже встрѣчаются и большіе тѣнистые деревья и лѣса; здѣсь видъ страны измѣняется, мѣстность становится холмистой, и даже появляются отдѣльныя довольно высокія горы.

Въ Добруджѣ мы не встрѣтили непріятеля, но какъ только вступили въ холмистую, усѣянную лѣсами страну за Базарджикомъ, Турки стали безпрестанно нападать на наши отряды. Изъ-за каждаго куста, дерева, камня въ насъ стрѣляли, и война съ такимъ невидимымъ врагомъ была чрезвычайно утомительна: постоянно приходилось высылать впередъ большіе отряды для развѣдыванія.

Наконецъ, 8-го Іюля мы подошли къ Шумлѣ. Здѣсь горы идутъ полукругомъ по обѣ стороны города и составляютъ какъ-бы отдѣльную цѣпь, не соединяющуюся съ Балканами. Самый городъ, амфитеатромъ живописно расположенный въ глубинѣ узкой долины, производитъ внушительное впечатлѣніе.

Со стороны долины Шумла окружена валомъ, который съ обѣихъ сторонъ упирается въ очень крутыя высоты; вокругъ-же вала идетъ глубокій ровъ. Передъ валомъ Турки построили цѣлый рядъ сильныхъ редутовъ, снабженныхъ пушками крупнаго калибра. Лѣвое крыло горъ, которое несравненно отложе праваго, усѣяно батареями. Вотъ каковы были укрѣпленія Шумлы.

Крѣпость эта имѣла отъ 35-ти до 40-ка тысячъ человѣкъ гарнизона и довольно хорошо снабженные магазины. Тѣсно обложить ее не было никакой возможности: растянувшись даже на пространствѣ свыше 30-ти верстъ, осаждающія войска не были въ состояніи отрѣзать ей сообщеніе, такъ какъ, не смотря на самую тѣсную осаду, для пересылокъ съ остальною странюю остались бы еще горныя тропинки.

Правильная осада представила бы безконечныя затрудненія; недостаточно бы было захватить одинъ или два редута, главное затрудненіе состояло въ томъ, чтобы овладѣть высотами. Одновременный приступъ къ центру и высотамъ лѣваго крыла представилъ бы въ данномъ случаѣ болѣе надежды на успѣхъ. Но дѣло не въ томъ, какой изъ этихъ двухъ способовъ лучшій, а въ томъ, что армія наша подъ Шумлою простояла цѣлыхъ три мѣсяца, и всѣ способы осады безъ всякой послѣдовательности были примѣнены одинъ за другимъ безуспѣшно.

Холодная погода въ Болгаріи обыкновенно наступаетъ около Димитрова дня, т.-е. 26-го Октября. Въ 1828 году холода установились

еще раньше этого времени. Войска, осаждавшія Силистрію и другія, бравшія Варну, стали возвращаться на зимнія квартиры въ Дунайскія княжества. Въ этотъ походъ имъ довелось вынести очень много страданій и лишеній въ Болгарскихъ степяхъ, гдѣ не было ни крова, чтобъ пріютиться отъ ненастья, ни лѣса, чтобъ развести огня и обогрѣться; благодаря этому, на стоянкахъ мы потеряли множество людей и еще болѣе лошадей. Войскамъ же, оставленнымъ гарнизономъ въ Болгаріи, выпала на долю еще болѣе тяжкая участь, такъ какъ имъ приходилось исполнять неимоვნно трудныя работы. Приходилось на зиму рыть землянки, въ разныхъ мѣстахъ устраивать больницы и всюду возводить укрѣпленія,—однимъ словомъ, изъ ничего создать все.

Я покинулъ Шумлу и былъ прикомандированъ къ генералу Доврѣ (D'Auvray), который временно командовалъ вторымъ корпусомъ. Вслѣдъ за нимъ я отправился въ Бухарестъ.

Дунайскія княжества въ то время находились подъ управленіемъ графа Оедора Палена, который носилъ званіе уполномоченнаго президента дивановъ Молдавіи и Валахіи. У него въ домѣ собиралось все мѣстное общество, которое онъ принималъ съ откровенной любезностью, что всегда было отличительной чертой его характера.

Тѣмъ временемъ главное начальство арміей перешло въ другія руки. Графъ Дибичъ замѣнилъ фельдмаршала Витгенштейна, Толь назначенъ начальникомъ штаба вмѣсто Киселева, а Бергъ главнымъ квартирмейстеромъ.

Въ теченіи минувшей войны я убѣдился, что во всякой войнѣ съ Турціей главная задача состоитъ въ исправномъ продовольствіи арміи; а у насъ воны, которые возили припасы, падали тысячами потому только, что дѣло перевозки было въ крайнемъ безпорядкѣ. Въ виду этого мнѣ пришла мысль по всей линіи военныхъ дѣйствій учредить станціи для воловъ и ихъ погонщиковъ, такъ чтобъ на каждой изъ этихъ станцій и воны, и погонщики смѣнялись, какъ это обыкновенно дѣлается на почтовыхъ трактахъ съ ямщиками и лошадьми; затѣмъ, когда воза придутъ въ мѣсто своего назначенія и сложать привезенные ими припасы, они должны тѣмъ же порядкомъ возвращаться назадъ, но уже нагруженные ранеными и больными. Мысль эту я изложилъ письменно и записку свою послалъ въ главную квартиру. Графъ Толь вполне одобрилъ мою мысль и во многихъ мѣстахъ собственноручно сдѣлалъ на бумагахъ моей нѣкоторыя помѣтки. Записка эта по всей вѣроятности должна находиться въ секретномъ архивѣ Главнаго Штаба.

Между тѣмъ приближалась весна, и мы снова готовились выступить въ походъ. Сдача Варны въ минувшую войну повлекла за собою

паденіе великаго визиря, Селима-Мехмета-паши, и государственная печать была передана капудану-пашѣ, Иссеть-Мехметъ-пашѣ, одному изъ защитниковъ Варны. Человѣкъ этотъ, пользовавшійся совершенно незаслуженной славой, обѣщалъ своему государю въ теченіи зимы снова овладѣть Варной и отбросить Русскихъ за Дунай. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ ничего не сумѣлъ сдѣлать, и расположеніе къ нему султана весьма быстро миновалось. Низложеніе его не замедлило совершиться, и не задолго до начала военныхъ дѣйствій 1829-го года на его мѣсто былъ назначенъ Решидъ-Мехметъ-паша.

Решидъ-паша по происхожденію Грузинъ, сперва рабъ, затѣмъ пріемный сынъ сараскира Хозревъ-паши, въ весьма короткое время достигъ и славы, и почестей. Онъ былъ назначенъ Румили-Валисси; во время войны съ Греками ему было ввѣрено командованіе войскомъ, и онъ же взялъ Миссолонги. У него были большія земли въ Албаніи, и онъ состоялъ въ родствѣ съ знатнѣйшими Албанскими семействами, почему Порта полагала, что онъ пользуется значительнымъ вліяніемъ на Албанцевъ, народъ воинственный, но безпокойный, и это было однимъ изъ многихъ основаній, почему его сдѣлали первымъ министромъ.

5 (17) Мая военныя дѣйствія начались обложеніемъ Силистріи на Дунаѣ и битвой въ окрестностяхъ Праводовъ при Эскіарнаутларѣ. Зная, что корпусъ Рота, главная квартира коего была въ Варнѣ, не имѣлъ еще времени сосредоточиться и что отдыхавшая по княжествамъ кавалерія не успѣла соединиться съ нимъ, великій визирь задумалъ воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы съ превосходными силами напасть на Эскіарнаутларъ. На позицію эту, защищаемую всего 6-ю баталіонами пѣхоты, Турки напали раннимъ утромъ, и кромѣ того имъ благопріятствовалъ густой туманъ. Хотя и застигнутые врасплохъ, солдаты наши успѣли построиться въ боевомъ порядкѣ. Непріятель былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ, и всѣ его усилія овладѣть нашей позиціей оказались тщетными, благодаря удивительному мужеству и хладнокровію нашихъ солдатъ. Поспѣшное прибытіе ген. Вахтена изъ Девны къ намъ на помощь со стрѣлками 31-го и 32-го полковъ дало понять Туркамъ, что задуманное ими предпріятіе окончится полнѣйшей неудачей и что имъ остается отступить. Они двинулись въ долину Невчи, грозя отрѣзать намъ сообщеніе съ Праводами.

Эскіарнаутларъ находится верстахъ въ десяти отъ Праводовъ; съ лѣвой стороны дороги, которая ведетъ туда, тянутся довольно крутыя лѣсистыя высоты. Ротъ имѣлъ намѣреніе (вмѣстѣ съ генер. Нагелемъ, который долженъ былъ выдти изъ Праводовъ) наавтра напасть на непріятеля и потому приказалъ Охотскому полку съ двумя пушками

занять эти высоты и стрѣлять по непріятелю, чтобы не допускать его заградить намъ путь. Въ качествѣ офицера, состоявшаго при штабѣ, я былъ отправленъ вмѣстѣ съ Охотскимъ полкомъ, и кромѣ того мнѣ было дано устное порученіе къ Нагелю. Увидавъ, что отъ нашихъ главныхъ силъ вдругъ отдѣлилось и направилось въ сторону всего два баталіона, Турки также зашевелились, въ надеждѣ воспользоваться такой ошибкой съ нашей стороны. День уже клонился къ вечеру, и намъ нельзя было терять ни минуты. Замѣтивъ движеніе Турокъ, Ротъ приказалъ стрѣлкамъ 31-го полка съ 4-мя пушками идти на подкрѣпленіе къ Охотскому полку, и между нашими четырьмя баталіонами и всею Турецкою арміей завязалось одно изъ самыхъ кровопролитныхъ сраженій всей кампаніи.

За неимѣніемъ мѣста развернуться, наши четыре баталіона, одинъ позади другаго, построились въ каре, и съ обѣихъ сторонъ началась довольно сильная пушечная пальба. Первые Турецкія ядра пролетали у насъ надъ головой, но непріятель не замедлилъ исправить свою оплошность, и вслѣдъ затѣмъ выстрѣлы его произвели въ нашихъ рядахъ большое опустошеніе. Вотъ въ это-то самое время, подъ страшнымъ огнемъ, оба каре Охотскаго полка начали свое отступленіе, оставляя на полѣ битвы множество убитыхъ товарищей. Ободренные этимъ первымъ успѣхомъ, Турки съ яростью бросились на 1-й баталіонъ стрѣлковъ 31-го полка, который въ полномъ порядкѣ отступалъ вслѣдъ за Охотскимъ полкомъ, и стѣснили его со всѣхъ сторонъ. Двѣ пушки, непрерывно бившія картечью, нѣсколько минутъ сдерживали натискъ непріятеля, во вскорѣ Турки овладѣли и ими. Въ нашихъ рядахъ произошелъ ужаснѣйшій безпорядокъ; солдаты, оттѣсненные къ оврагу, падали другъ на друга, и свалка была страшная. Турецкая кавалерія и пѣхота стремительно бросились на насъ, отчаянно рубя саблями направо и налево. Я получилъ легкую рану въ плечо и ошеломившій, но не ранившій меня ударъ саблей по головѣ. Падая, въ двухъ шагахъ отъ себя замѣтилъ я Турка съ менѣ свирѣпымъ видомъ, чѣмъ прочіе; я обратился къ нему потурецки. Онъ помогъ мнѣ подняться съ земли и, сдѣлавъ знакъ слѣдовать за собою, отвелъ нѣсколько въ сторону отъ мѣста страшнаго побоища; онъ даже защитилъ меня отъ нападенія своихъ товарищей, объявивъ имъ, что я плѣнникъ.

Солнце уже зашло. Нѣкоторое время еще были слышны крики «ура!» и «Аллахъ!»; но затѣмъ мало по малу все стало затихать, и вскорѣ наступила полнѣйшая тишина. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ поля битвы меня принялись обирать. Сняли съ меня все платье, сапоги и отняли небольшія деньги, которыя со мною были. Ночь я про-

велъ прескверно, все время дрожа отъ холода, такъ какъ прикрытъя у меня только и было, что окровавленная солдатская шинель. Рядомъ со мною на землѣ стоналъ стрѣлокъ 31-го полка, тяжело раненый въ голову. Видя, что я коченѣю отъ холода, онъ завернулъ мнѣ ноги своей шинелью. Такое состраданіе со стороны человѣка, который вовсе не зналъ меня, прекрасно характеризуетъ чудесную природу Русскаго солдата. Я былъ глубоко тронутъ его поступкомъ, но къ сожалѣнію ничѣмъ не могъ отблагодарить его, такъ какъ нѣсколько дней спустя онъ умеръ отъ истощенія.

На другой день меня отвели къ визирю, который, сидя подъ деревомъ на коврѣ, одѣлялъ денежными наградами всѣхъ воиновъ, которые являлись къ нему съ трофеями въ видѣ плѣнниковъ, отрѣзанныхъ ушей, ружей, аммуниціи и проч. Сдѣлавъ мнѣ нѣсколько незначительныхъ вопросовъ, великій визирь приказалъ перевязать мою рану и затѣмъ велѣлъ собрать всѣхъ плѣнныхъ. Ихъ оказалось человѣкъ пятьдесятъ, въ томъ числѣ были капитанъ Охотскаго полка Терлецкій и священникъ стрѣлковаго полка. Въ тотъ же день насъ всѣхъ отправили въ Шумлу, куда изнеможенные отъ усталости мы прибыли 7-го Мая, на самомъ разсвѣтѣ дня.

Мѣсто для нашего заключенія выбрали наскоро. Это былъ большой дворъ, по обѣимъ концамъ котораго находились постройки въ родѣ тюремъ. Намъ не дали ни соломы, ни циновокъ, и въ теченіи нѣсколькихъ дней раненые оставались безъ всякой помощи. Сторожами къ намъ приставили двухъ кавасовъ, Гусейна и Ибрагима. Первый умѣлъ весьма сносно выражаться по-русски. Имъ было поручено одѣлять солдатъ хлѣбомъ и ходить за всѣмъ, что намъ понадобится на базаръ. Я нуждался бы рѣшительно во всемъ, еслибъ не познакомился съ Саксонскимъ регенгатомъ Махмудомъ-агой, который состоялъ при великомъ визирѣ въ качествѣ врача. Узнавъ о томъ, что я говорю по-тѣмъски, Махмуд-ага тотчасъ пришелъ ко мнѣ; звуки роднаго языка, напомнившіе ему его юность и родину, такъ пріятно подѣйствовали на него, такъ живо тронули его сердце, что онъ весьма скоро привязался ко мнѣ и обѣщаль употребить все свое вліяніе, чтобы облегчить горькую участь мнѣ и моимъ товарищамъ по несчастію. Первую услугу онъ оказалъ тѣмъ, что далъ мнѣ возможность написать къ своимъ письмо, въ которомъ я сообщалъ, что живъ и просилъ обо мнѣ не беспокоиться. Письмо мое дошло до мѣста назначенія, и въ отвѣтъ на него я получилъ вещи и деньги.

Махмуд-ага говорилъ обо мнѣ съ визиремъ, и съ этого времени намъ стали каждый день правильно выдавать мясо, рисъ и масло, а мнѣ кромѣ того выдавали еще кофею и сахару. Мы тотчасъ же по-

думали о томъ, какъ бы намъ получше устроиться и съ общаго согласія рѣшили весь кухонный отдѣлъ поручить священнику, который, какъ человѣкъ женатый, лучше всѣхъ остальныхъ понималъ въ домашнемъ хозяйствѣ.

Махмудъ-ага приходилъ ко мнѣ почти каждый день. Уже очень много лѣтъ покинувъ Германію, онъ совершенно потерялъ изъ виду всю Европу и теперь съ жадностью слушалъ все, что я ему рассказывалъ о послѣднихъ политическихъ событіяхъ. Впослѣдствіи, когда мы ближе съ нимъ познакомились онъ рассказалъ мнѣ о печальныхъ обстоятельствахъ, которые заставили его оставить родину и отказаться отъ вѣры отцевъ. Я вовсе не ручаюсь за достовѣрность его рассказа, въ немъ весьма трудно отдѣлать истину отъ вымысла, и передаю его какъ слышалъ отъ него самого.

Имя Махмудъ-аги было Фроманъ, родомъ онъ былъ изъ Саксоніи, гдѣ и до сихъ поръ живы у него родственники. Онъ изучилъ медицину и былъ прикомандированъ въ качествѣ санитарнаго офицера къ Австрійскому войску, которое, подъ начальствомъ Суворова, совершало походъ въ Италію. Послѣ всякихъ приключеній и разъѣздовъ почти по всей Европѣ, онъ наконецъ прибылъ въ Вѣну, гдѣ, вслѣдъ за паденіемъ Наполеона, былъ назначенъ врачомъ при императрицѣ Маріи-Луизѣ. Наполеонъ между тѣмъ задумалъ бѣжать съ острова Эльбы и вернуться во Францію; въ виду этого онъ рѣшилъ вызвать къ себѣ императрицу, и потому отправилъ одного изъ своихъ маршаловъ съ тайными порученіями въ Вѣну. Не имѣя возможности прямо снестись съ императрицей, маршалъ обратился къ ея врачу, крупными подарками и любезностями расположилъ его въ свою пользу и, наконецъ, поручилъ ему передать императрицѣ письмо отъ Наполеона, въ которомъ тотъ подробно излагалъ свои предположенія и намѣренія. Черезъ нѣсколько дней Марія-Луиза дѣйствительно покинула Вѣну, но, не успѣвъ еще переѣхать границу Австріи, была задержана. Она созналась, что письмо было ей доставлено ея врачомъ, который и уговорилъ ее тайно уѣхать изъ Вѣны. Его схватили и заключили въ тюрьму. Цѣлыхъ семь лѣтъ Фроманъ томился по тюрьмамъ разныхъ крѣпостей, все время однако надѣясь на помилованіе; наконецъ, потерявъ терпѣніе, онъ подкупилъ своего тюремщика и бѣжалъ. Подвергаясь всякимъ опасностямъ, переодѣтый пробрался онъ чрезъ Венгрію и Трансильванію; затѣмъ ему удалось переправиться черезъ военный кордонъ и, наконецъ, онъ добрался до Видина. Доведенный долгими страданіями до отчаянія, исполненный злобы и мести противъ своихъ гонителей, смѣшивая въ своемъ озлобленіи христіанъ съ ихъ вѣрою (особеннымъ приверженцемъ которой онъ повидимому

никогда и не былъ), боясь, что Австрійское правительство станетъ требовать у Турціи своего бѣглеца, онъ поспѣшилъ принять Исламъ и перемѣнилъ свое Нѣмецкое имя на магометанское. Затѣмъ первымъ его дѣломъ было изученіе Турецкаго языка, на которомъ говорилъ онъ весьма недурно, хотя и съ сильнымъ Нѣмецкимъ акцентомъ; а потомъ его медицинскія познанія дали ему полную возможность къ существованію. Состоя на службѣ при различныхъ пашахъ, онъ изъѣздилъ почти всю Малую Азію и, наконецъ, получилъ мѣсто при Решидъ-Мехметъ-пашѣ, который повидимому былъ къ нему очень расположенъ.

Нѣсколько дней по водвореніи моемъ въ Шумлѣ, меня подвергли допросу въ присутствіи секретаря, который записывалъ всѣ мои отвѣты. Я былъ весьма удивленъ глубокимъ невѣдѣніемъ Турокъ относительно состава нашей арміи. Они непременно требовали, чтобы я открылъ имъ, какая у насъ главная цѣль настоящихъ военныхъ дѣйствій и какія второстепенныя цѣли. Сперва я сдѣлалъ видъ, что не понимаю, чтѣ они разумѣютъ подъ этими выраженіями; но они пояснили свою мысль, сказавъ мнѣ: «Въ прошлую кампанію всѣ ваши усилія были направлены на овладѣніе Варной, все остальное было дѣломъ второстепеннымъ. Точно также и теперь мы желаемъ знать, на чтѣ будутъ направлены всѣ силы вашей арміи, какія въ этомъ году ваши главные намѣренія?» Не задумываясь ни минуты, я отвѣчалъ, что въ этомъ году мы желаемъ взять Силистрію, а что всѣ наши остальные дѣйствія будутъ ничего незначущими и второстепенными. Отвѣтъ мой показался имъ вполне правдоподобнымъ, и они, казалось, были весьма довольны, что такъ легко добились отъ меня того, чего желали.

Зная немного потурецки, я иногда имѣлъ случай слышать удивительные разговоры. Однажды, одинъ изъ двухъ Турецкихъ солдатъ, сторожившихъ насъ, сказалъ другому, указывая на меня пальцемъ: «Знаешь ты, что этотъ Мѣхендисъ (инженеръ въ самомъ широкомъ значеніи слова; меня знали здѣсь подъ этимъ названіемъ) изъ пушки ядромъ можетъ попасть вонъ въ птицу, чтѣ сидитъ тамъ на деревѣ? (Дерево это находилось по крайней мѣрѣ на цѣлую версту отъ нашего двора; вотъ до чего высоко цѣнять здѣсь искусство Русскихъ инженеровъ!) — «Если это правда, отвѣчалъ ему товарищъ, то всего лучше было бы срубить ему голову.»

Дни медленно тянулись за днями, и однообразіе ихъ не нарушалось никакими выдающимися изъ ряду событіями. Не желая подвергаться оскорбленіямъ жителей, я выходилъ очень рѣдко; не смотря на это, я очень хорошо зналъ обо всемъ, чтѣ происходило черезъ караса Гуссейна, который, выпивъ чарку вина, становился очень бол-

ливъ, и чрезъ Болгаръ, которые съ опасностью жизни, подъ разными предлогами, являлись къ намъ и сообщали новости.

Такимъ образомъ я узналъ, что великій визирь, во главѣ большей части своихъ войскъ, вышелъ изъ Шумлы осаждать Праводы. Я ничего еще не зналъ о послѣдствіяхъ этого движенія, какъ вдругъ однажды замѣтилъ страшное смятеніе среди Турокъ: всѣ лица выражали ужасъ и уныніе. Лавки поспѣшно запирались, можно было подумать, что непріятель подступилъ уже къ самымъ стѣнамъ города. Вдали дѣйствительно виднѣлось многочисленное войско и поднимался дымокъ. Общее безпокойство улеглось только на слѣдующій день къ вечеру, когда увидѣли великаго визиря съ остатками его арміи; онъ возвращался съ противоположной стороны.

Это смятеніе было произведено битвой при Кулевчѣ, о которой носились самыя невѣроятныя слухи. Нѣкоторые говорили, что великій визирь убитъ, другіе, что онъ попалъ въ плѣнъ и т. д. Всѣ эти слухи были невѣрны и преувеличены; вѣрно было то, что послѣдняя битва разстроила Турецкія силы на все остальное время войны. Множество бѣглецовъ разсыпалось по лѣсамъ, и вмѣсто того, чтобы вернуться въ армію, большинство ихъ предпочло разойтись по своимъ домамъ. Въ послѣдствіи, рассуждая о минувшей войнѣ, не разъ поднимали вопросъ о томъ, что тотчасъ послѣ Кулевчинской битвы легко было бы взять и Шумлу. Меня даже спрашивали о количествѣ гарнизона, оставленнаго для защиты крѣпости. Войска здѣсь оставалось мало; но въ случаѣ нужды всѣ жители были бы призваны къ оружію, и тогда составила бы армія отъ восьми до десяти тысячъ человѣкъ. Но даже допустивъ, что, среди охватившаго всѣхъ ужаса и смятенія, было легко овладѣть Шумлой, я не думаю, чтобы въ то время это могло намъ доставить дѣйствительныя выгоды. Увидавъ, что Шумла въ рукахъ Русскихъ, великій визирь сосредоточилъ бы свои силы въ Балканахъ и такимъ образомъ или совершенно бы заградилъ намъ путь черезъ горы, или весьма затруднилъ бы наши движенія.

Мы жили въ ожиданіи будущихъ событій, какъ вдругъ пришли сказать намъ, чтобы мы готовились къ путешествію въ Константинополь, гдѣ, по варварскому обычаю военнопленныхъ запирали въ острогъ. Намъ въ то время было семь офицеровъ и около 150-ти человѣкъ солдатъ. Такая перемѣна въ судьбѣ не имѣла для меня ничего привлекательнаго, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ я продолжалъ лелѣять надежду, что меня обмѣняютъ на кого-нибудь изъ Турецкихъ плѣнныхъ, и въ этомъ смыслѣ уже и были сдѣланы нѣкоторыя попытки у визиря.

Не теряя времени, я тотчасъ же написалъ Махмуду-агѣ и просилъ его похлопотать за меня. Онъ добился, что меня не отправили

съ прочими плѣнниками, а оставили пока здѣсь и даже позволили жить у него въ домѣ. На это послѣднее великій визирь долгое время не давалъ согласія; но Махмудъ-ага такъ убѣдительно просилъ его, что наконецъ онъ исполнилъ его просьбу.

Вскорѣ послѣ того меня перевели къ Махмуду-агѣ, и съ этого времени положеніе мое безъ всякаго сравненія улучшилось: у Махмуда-аги было много слугъ, онъ жилъ довольно широко, какъ живутъ всѣ достаточные и довольно высокопоставленные Турки. Въ то же время меня стали гораздо менѣе стѣснять, позволяли гулять, однимъ словомъ дали мнѣ нѣкоторую свободу, чего до сихъ поръ я былъ вполне лишенъ.

Тѣмъ временемъ войска наши взяли Силистрію, и Гуссейнъ-паша, палачъ янычаръ, перешелъ изъ Рущука въ Шумлу. Одинъ разъ мнѣ удалось видѣть его у визиря. Гуссейнъ-паша красотою не отличался, такъ какъ былъ очень толстъ; но взглядъ его свидѣтельствовалъ о твердомъ, энергическомъ и предприимчивомъ характерѣ; у Решида же паши черты лица были правильныя, а выраженіе мягкое и доброе.

Внутри лагеря безпрестанно раздавались барабанный бой и ружейная пальба, потому что регулярнымъ войскамъ два раза въ день производилось ученіе: ихъ желали сдѣлать непобѣдимыми во что бы ни стало. Съ другой стороны дѣлалось все, чтобы ихъ портить, такъ какъ ихъ баловали въ ущербъ нерегулярнымъ войскамъ. Только низаму исправно платилось жалованье и шло хорошее содержаніе, а на рамазанъ султанъ даже велѣлъ для него привезти изъ Константинополя меду на приготовленіе сладкихъ кушаній, которыя обыкновенно употребляютъ мусульмане во время своего поста. Благодаря всему этому, между низамомъ и нерегулярными войсками шла скрытая вражда, да и вообще всѣ люди болѣе или менѣе были недовольны правительствомъ. На базарахъ, въ баняхъ и кофейняхъ довольно свободно разсуждали о политикѣ, и султана открыто порицали за то, что онъ замѣнилъ янычаръ какими-то молокососами и что онъ началъ войну, не имѣя средствъ вести ее. Съ злополучной битвы при Кулевчи Турецкая армія не получала никакихъ подкрѣпленій, а между тѣмъ съ каждымъ днемъ уменьшалась, благодаря войнѣ, болѣзнямъ и бѣгству солдатъ. Съ другой стороны, и запасы начинали истощаться; ибо, хотя въ арміи было уже не болѣе 25-ти тысячъ человѣкъ, тѣмъ не менѣе содержать ее требовалось много денегъ. Ежедневно выдавали болѣе 60-ти тысячъ пайковъ, такъ какъ въ лагерь кромѣ войска было великое число слугъ, состоявшихъ при военныхъ чинахъ.

Уже около двухъ недѣль гостилъ я у Махмуда-аги, какъ однажды къ нему пришло нѣсколько человѣкъ Турокъ съ сіяющими отъ

радости лицами и съ извѣстіемъ, что Русскіе обращены въ бѣгство (они иначе никогда не называютъ никакого движенія нашей арміи вспять). Дѣйствительно, отрядъ нашихъ войскъ, цѣлый мѣсяцъ стоявшій въ виду Шумлы, вдругъ снялся и отодвинулся къ Енибазару.

Недолго однако довелось Туркамъ радоваться. На другой же день пришло извѣстіе, что Русскіе переправились черезъ рѣчку Камчикъ, и затѣмъ, спустя еще нѣсколько дней, мы узнали, что наши войска перешли Балканы и что Айдосъ, Мизеврія и Бургасъ уже находятся въ ихъ власти.

Съ этого времени почти каждый день къ намъ приходило извѣстіе о какомъ-нибудь новомъ пораженіи Турецкой арміи.

Генераль Красовскій, который командовалъ обсервационнымъ корпусомъ и отодвинулся къ Енибазару лишь для того, чтобы лучше скрыть движеніе главныхъ силъ, теперь снова появился подъ Шумлой, чѣмъ привелъ Турокъ еще въ большее смятеніе и ужась.

Великій визирь между тѣмъ старался внушать своимъ солдатамъ мужество и надежду на успѣхъ, которыхъ по всей вѣроятности самъ онъ уже не испытывалъ. Я судилъ объ этомъ по словамъ, вырвавшимся у Махмуда-аги, который въ данныхъ обстоятельствахъ былъ только отголоскомъ великаго визиря. «Разумѣется», говорилъ онъ мнѣ, «Русскіе перешли Балканы, но за такую смѣлость они поплатятся всей своей арміей. Чѣмъ далѣе вы будете двигаться въглубь страны, тѣмъ болѣе будете ослаблять свои силы. Наши охотники будутъ идти за вами по пятамъ; мы будемъ нападать на ваши отдѣльные отряды и обозы и кромѣ того отрѣжемъ вамъ путь къ отступленію. Затѣмъ наступитъ зима и окончательно доконаетъ вашу армію. Вы дѣлаете ту же ошибку, которую сдѣлали Французы, войдя въ самую глубь Россіи, и васъ постигнетъ та же злая участь. Въ добавокъ, что выиграете вы, углубившись такъ далеко въ нашу страну? Ужъ не думаете ли вы запугать султана? Не думаете ли, угрожая или даже и въ самомъ дѣлѣ взявъ Константинополь, заставить его просить мира? Ахъ, вы не знаете его желѣзной воли, его твердаго, непреклоннаго характера! Вѣдь онъ уже заявилъ, что ни за что на свѣтѣ не подпишетъ унизительнаго для себя мира; въ крайнемъ случаѣ онъ скорѣе броситъ свою столицу и уйдетъ въ Чамъ (въ Сиріи), чтобы тамъ до послѣдней крайности продолжать войну». Всѣмъ извѣстно, какъ эти блестящія предсказанія были совершенно опровергнуты событіями; но я упомянулъ о нихъ для того, чтобы показать, какъ первые государственные люди Турціи старались сами обманывать себя относительно своего положенія. Не смотря однако на подобныя похвалы, духъ Турецкой арміи былъ сильно потрясенъ, и одержанная нашими вой-

сками въ концѣ Іюля блестящая побѣда вполне доказала, насколько они ослабѣли.

Какъ я уже говорилъ, генералъ Красовскій съ тысячами двѣнадцати войска снова занялъ свою прежнюю позицію передъ Шумлой. Въ теченіи нѣсколькихъ дней сряду онъ дѣлалъ разныя передвиженія, желая отвлечь вниманіе великаго визиря и не дать ему возможности посылать отряды къ Балканамъ. Решиль же паша горѣли нетерпѣніемъ поднять прежнее значеніе своего войска какимъ-нибудь блистательнымъ сраженіемъ; настоящее время онъ счелъ удобнымъ для полного истребленія корпуса Красовскаго и потому, во главѣ всѣхъ своихъ силъ, вышелъ изъ Шумлы, чтобы ударить на непріятеля.

Красовскій, не дожидаясь приближенія Турокъ, двинулся имъ навстрѣчу и приказалъ артиллеріи начать пальбу. Достаточно было нѣсколькихъ ядеръ, чтобы произвести замѣшательство во всей Турецкой пѣхотѣ, а вскорѣ и всею арміей овладѣлъ какой-то панической страхъ. Всѣ усилія великаго визиря и Гуссейна-паши удержать бѣглецовъ оказались тщетными. Подъ ними обоими были убиты лошади, и только благодаря случайности, сами они не попали въ руки побѣдителей. Турки бѣжали въ самомъ ужасномъ безпорядкѣ и остановились передохнуть лишь въ своихъ собственныхъ укрѣпленіяхъ. Даже по словамъ самихъ Турокъ, никогда еще войску ихъ не приходилось терпѣть такого постыднаго пораженія.

Дня два спустя, а именно 29-го Іюля (день навѣки запечатлѣвшійся въ моей памяти) ко мнѣ пришелъ переводчикъ великаго визиря и подъ строжайшей тайной сообщилъ мнѣ, что завтра меня перешлютъ въ лагерь Красовскаго. Надо было побывать въ моемъ положеніи, чтобы понять что я почувствовалъ, когда волшебное слово «свобода» коснулось моего слуха. Долго я даже не былъ въ состояніи вѣрить своему счастью; воспоминанія о всемъ пережитомъ еще до того сильно владѣли мною, что въ теченіе нѣсколькихъ минутъ мнѣ казалось, что я брежу. Во всю ночь я не могъ сомкнуть глазъ: мысль о томъ, что я увижу своихъ соотечественниковъ и буду въ состояніи успокоить моихъ родителей, до такой степени охватила меня, что я совершенно лишился сна.

Но вотъ забрежилъ день, и никогда въ жизни утро не казалось мнѣ столь продолжительнымъ. Наконецъ, меня потребовали къ визирю. Онъ сказалъ мнѣ, что я свободенъ, могу отправиться куда мнѣ будетъ угодно, поручилъ мнѣ передать поклонъ Красовскому и велѣлъ мнѣ подать лошадь, чтобы отправиться въ Русскій лагерь. Я зашелъ проститься съ другими знатными Турками, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться во время моего плѣна. Всѣ они рассыпались

въ увѣреніяхъ дружбы, просили не забывать ихъ, а на прощанье подарили мнѣ пузырьковъ съ розовымъ масломъ! Махмудъ-ага все это время не разставался со мною и проводилъ меня до ожидавшей меня верховой лошади. Онъ такъ горячо полюбилъ меня, что, прощаясь со мною, плакалъ, предчувствуя, что по всей вѣроятности мы уже никогда болѣе не увидимся. Я былъ тронутъ не менѣе его, и воспоминаніе о безчисленныхъ услугахъ, оказанныхъ мнѣ этимъ поистинѣ добрымъ человѣкомъ, никогда не изгладится изъ моей памяти.

Я только въ послѣдствіи узналъ о причинѣ великодушнаго обращенія со мною со стороны великаго визиря. Вскорѣ послѣ битвы при Кулевчѣ, графъ Дибичъ предложилъ великому визирю обмѣнять меня на того изъ плѣнныхъ, кого онъ самъ укажетъ. Решидъ-паша отвѣчалъ уклончиво, и дѣло затянулось; когда же, позднѣе, военныя событія стали принимать болѣе и болѣе печальный для Турокъ оборотъ, то великій визирь уже самъ сталъ искать случая вступить обо мнѣ въ переговоры. Вотъ въ это-то самое время онъ и получилъ отъ Красовскаго письмо, въ которомъ тотъ говорилъ обо мнѣ, какъ о человѣкѣ, въ которомъ онъ принимаетъ участіе, и выражалъ Решиду-пашѣ благодарность за то, что со мною хорошо обращаются въ Шумлѣ. Письмо это имѣло самое счастливое дѣйствіе на мою судьбу: великій визирь тотчасъ же отпустилъ меня и велѣлъ написать Красовскому, что онъ считаетъ себя весьма счастливымъ, что можетъ сдѣлать что-либо ему пріятное.

Вскорѣ я доѣхалъ до нашихъ передовыхъ отрядовъ, а къ вечеру того же дня былъ уже въ Русскомъ лагерѣ.

IV.

Не буду распространяться о радушномъ пріемѣ г-ла Красовскаго и всѣхъ его офицеровъ, точно также какъ и о безчисленныхъ вопросахъ, которые мнѣ дѣлались, такъ какъ всѣ желали знать малѣйшія подробности, касавшіяся моего плѣна. Три дня проведены въ дружескихъ изліяніяхъ, и за тѣмъ меня отправили курьеромъ въ главную квартиру, которая, какъ было извѣстно, уже перешла изъ Айдоса. Такъ какъ въ Балканахъ повсюду были устроены станціи, то переѣздъ этотъ я совершилъ на почтовыхъ. Изъ Айдоса я поѣхалъ въ Карнабадъ, гдѣ узналъ, что главная квартира находится въ Ямполѣ. Я пересѣлъ на казацкую лошадь и тою-же ночью помчался въ Ямполь; чтобы застать главную квартиру еще тамъ, до перехода въ Адрианополь.

Балканы во всю ихъ ширину я проѣхалъ безъ провожатыхъ; ибо черезъ горы, покрытыя лѣсомъ, проѣздъ былъ вполне безопасенъ. Въ долинахъ по южному склону Балкановъ я къ великому своему удивленію увидалъ мирныя селенія, воздѣланныя нивы и виноградники, гдѣ всюду магометанское и христіанское населеніе спокойно, какъ въ самое мирное время, занимались полевыми работами. Такое положеніе дѣлъ особенно поражало противоположностью съ Болгаріей, гдѣ появленіе каждаго Турка равнялось появленію грознаго непріятеля. Такое мирное и спокойное настроеніе жителей происходило вслѣдствіе удивительной дисциплины нашихъ войскъ, которыя успѣли внушить къ себѣ полное довѣріе со стороны какъ христіанскаго, такъ и мусульманскаго населенія Румеліи. Съ переходомъ за Балканы и характеръ самой войны измѣнился, и здѣсь все намъ сулило полный успѣхъ.

Сколько разъ задавался вопросомъ, почему въ Румеліи Турки не слѣдовали той системѣ обезлюднѣнія, которая по ту сторону Балканъ доставила имъ такія безспорныя выгоды. Явленіе это объясняется тѣмъ, что Турки никоимъ образомъ не ожидали, что мы перейдемъ Балканы, которые они считали для насъ непреодолимой преградой. Дѣйствительно, въ прошлыя кампаніи театромъ военныхъ дѣйствій служили Дунайскія княжества и земли по сую сторону Балканъ, а потому и на этотъ разъ Турки были твердо увѣрены, что всѣ военныя дѣйствія будутъ происходить опять тамъ же. Такимъ образомъ они не приняли никакихъ мѣръ относительно того, чтобы выселить отсюда народъ, что впрочемъ и нелегко было бы сдѣлать въ Румеліи, куда болѣе трехъ столѣтій не вступала непріятельская нога:—здѣсь все населеніе, привычки его и нравы были вполне миролюбны. Это населеніе съ полнѣйшимъ равнодушіемъ взидало на всѣ событія: ему было безразлично, кто выйдетъ побѣдителемъ изъ войны, которая потрясала основы Оттоманской имперіи.

Пріѣхавъ къ Ямполъ, я тотчасъ же направился въ палатку Берга и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ пошелъ къ графу Дибичу, который уже слышалъ о моемъ прибытіи. Онъ выбѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу и обнялъ съ неподдѣльной горячностью, какъ будто къ нему возвращался родной его сынъ. Я никогда не зналъ никого, кто бы имѣлъ болѣе теплое сердце и былъ бы такъ со всѣми добръ, какъ графъ Дибичъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которыхъ нельзя не любить. Вообще меня всѣ такъ ласкали, такъ привѣтствовали, что я сравнивалъ себя съ заблудшей овцой, которая, наконецъ, возвратилась къ себѣ въ овчарню.

Ямполъ лежитъ всего верстахъ во ста отъ Адрианополя, къ которому отсюда ведутъ двѣ дороги по обоимъ берегамъ Тунджи. Вся

армія шла лѣвымъ, а 7-й корпусъ правымъ берегомъ рѣки; а какъ уже съ 7-го Августа у насъ всюду были разосланы сильныя отряды, то вскорѣ всѣ наши силы стянулись на высотахъ, которыя окружаютъ Адріанополь. Жары стояли нестерпимыя, солдаты были крайне утомлены; но непріятель нигдѣ не оказалъ намъ ни малѣйшаго противо-дѣйствія.

Видѣ лежащаго въ равнинѣ Адріанополя съ его высокими башнями и минаретами, съ великолѣпными домами и садами, и мысль, что стоить намъ шевельнуть пальцемъ, и все это будетъ наше, производили на насъ глубокое впечатлѣніе и ободряющимъ образомъ дѣйствовали на утомленную армію.

Въ Адріанополѣ было до 120-ти тысячъ жителей, а регулярнаго войска около 8-ми тысячъ. Одну минуту Турки повидимому хотѣли поставить городъ въ оборонительное положеніе и даже начали кое-какія работы на самыхъ опасныхъ мѣстахъ; но вслѣдъ затѣмъ всѣ эти приготовленія были прекращены, потому ли что Турки сочли свои силы слишкомъ незначительными, чтобъ защищать такой обширный городъ, или же потому, что между ними не нашлось хорошаго распорядителя. Какъ бы то ни было, но Галиль-паша не позаботился даже и о спасеніи своей артиллеріи. Погруженные въ какое-то летаргическое оцѣпенѣніе, Турки ожидали что будетъ, и съ нашей стороны было достаточно самыхъ незначительныхъ враждебныхъ дѣйствій, чтобъ вслѣдъ за тѣмъ городъ сдался.

8-го Августа, день нашего вступленія въ эту древнюю столицу Оттоманской имперіи, былъ однимъ изъ лучшихъ дней всей кампаніи. У всѣхъ у насъ было тайное предчувствіе, что теперь конецъ всѣмъ нашимъ трудамъ и мученіямъ. Христіанское населеніе города радостно вышло къ намъ на встрѣчу, и его восторженные крики и привѣтствія придали этому дню какое-то особенно-торжественное, праздничное настроеніе, которое надолго запечатлѣлось у меня въ памяти.

Торговля въ Адріанополѣ шла своимъ чередомъ. Тотчасъ послѣ нашего вступленія всѣ лавки снова были открыты, и городъ, еще накануне ждавшій всякихъ ужасовъ, имѣлъ видъ полнѣйшаго спокойствія. Нѣсколькихъ Русскихъ часовыхъ, разставленныхъ по перекресткамъ, было достаточно, чтобы поддерживать порядокъ и прекращать разныя безчинства, которыя не могутъ не случаться въ городѣ съ такимъ пестрымъ населеніемъ.

Едва прошла недѣля съ занятія нашими войсками втораго по своей важности города имперіи, какъ насъ извѣстили, что прибыли Турецкіе уполномоченные вести переговоры о мирѣ. Имъ сопутствовалъ Прусскій министръ въ Константинополѣ Ройеръ, который при-

нялъ на себя трудную и неблагоприятную обязанность посредника съ цѣлью привести къ скорому и достойному соглашенію обѣ воюющія стороны.

Столкѣваться однако было гораздо легче, чѣмъ это казалось съ перваго взгляда; ибо Государь еще до начала войны объявилъ свои мирныя условія. Туркамъ оставалось лишь умолять о великодушій побѣдителя; что-же касается до захвата какой-либо части Турціи, то Государь вовсе не думалъ объ этомъ.

Въ теченіи переговоровъ и прежде чѣмъ стали извѣстны умѣренныя требованія Россіи, графъ Дибичъ получилъ письмо, подписанное посланниками при Турецкомъ дворѣ, Французскимъ и Англійскимъ, въ которомъ оба представителя этихъ державъ сообщали, что если Русскіе подвинутся хотя бы на одинъ еще шагъ, то Турція перестанетъ существовать. Позднѣе желали опровергнуть подлинность этого письма; но я видѣлъ его своими глазами. Безъ всякаго сомнѣнія письмо это служить лучшимъ доказательствомъ отчаяннаго положенія, въ которомъ въ то время находилась Оттоманская имперія. 2-го Сентября, былъ подписанъ мирный договоръ уполномоченными обѣихъ воюющихъ сторонъ.

Во избѣжаніе напраснаго пролитія крови, надо было какъ можно скорѣе сообщить о заключеніи мира графу Паскевичу, который начальствовалъ Русской арміей въ Малой Азіи и, разбивъ Турокъ въ различныхъ мѣстахъ, овладѣлъ Эрзерумомъ. Въ виду этого графъ Дибичъ послалъ одного изъ своихъ флигель-адъютантовъ, кап. Могучаго, прямо въ Требизондъ, приказавъ ему сѣсть на корабль въ Сизополісѣ. Въ тоже время и я получилъ приказаніе сухимъ путемъ ѣхать въ Эрзерумъ чрезъ Константинополь, гдѣ я долженъ былъ дожидаться утвержденія мира султаномъ.

Я отправился въ путь 4-го числа вмѣстѣ съ Прусскимъ посланникомъ Ройеромъ, который возвращался въ Константинополь. Вѣсть о заключеніи мира, распространившись по Турціи, произвела на разныхъ людей самыя противоположныя впечатлѣнія. Турки не умѣли скрывать радости, которую испытывали, благодаря этому событію; что же касается до всѣхъ покоренныхъ народовъ, то они уныло хранили молчаніе, что явно доказывало страхъ, который они испытывали за свое будущее. Но восторженная радость среди мусульманъ главнымъ образомъ выразилась въ самой столицѣ; ибо къ концу войны всѣ слои общества въ этомъ многолюдномъ городѣ совершенно упали духомъ. Каждую минуту здѣсь ожидали появленія Русскихъ передовыхъ отрядовъ; недовольное своимъ правительствомъ мусульманское населеніе совершенно потеряло всякую энергію. Въ то время какъ Русскія войска брали Мидію, пушечная пальба была слышна

даже въ сералѣ; ни съ чѣмъ нельзя сравнить того паническаго страха, который въ то время овладѣлъ населеніемъ: всѣ лавки мгновенно были заперты, и весь городъ находился въ неопisanномъ смятеніи.

Турки страшились за свои гаремы и имущества, а христіане— взрыва фанатизма со стороны мусульманскаго населенія еще болѣе, чѣмъ насилія со стороны непріятеля. Рассказывали объ одномъ отцѣ семейства, который всѣ ночи проводилъ на лодкѣ въ Босфорѣ, единственномъ мѣстѣ, которое онъ считалъ безопаснымъ.

Я помѣстился въ Перѣ, въ домѣ Прусскаго министра, гдѣ, до самаго прибытія нашего собственнаго посольства, всѣ посылаемые по дѣламъ службы въ Константинополь Русскіе офицеры находили себѣ самый радушный и любезный пріемъ. Противъ всякаго ожиданія я прожилъ здѣсь цѣлыхъ десять дней, благодаря тому, что Турецкій министръ, не смотря на критическое положеніе государства, ни за что не хотѣлъ отступить отъ стариннаго обычая, требовавшаго, чтобы мирный договоръ, который долженъ подписать султанъ, былъ написанъ на пергаментѣ и притомъ золотыми буквами.

Наконецъ, всѣ формальности были окончены, и 15-го Сентября блистательная Порта объявила иностраннымъ министрамъ объ утвержденіи его величествомъ султаномъ мира, заключеннаго въ Адрианополѣ.

Запасшись фирманомъ и окончивъ свои дорожныя приготовленія, я выѣхалъ изъ Константинополя рано утромъ, 16-го, въ сопровожденіи двухъ Татаръ, пореводчика и Донскаго казака, и тѣмъ же днемъ флигель-адъютантъ графа Дибича, кап. Львовъ, водою отплылъ въ Дарданеллы, везя за собою къ адмиралу Рикорду письма, относящіяся до снятія морской осады.

Прямое разстояніе отъ Скутари до Эрзерума, если ѣхать на Токать, будетъ около 1.360-ти верстъ. Но Татары объявили мнѣ, что имъ приказано везти меня на Требизондъ, гдѣ долженъ былъ находиться сераскиръ Османъ-паша, главнокомандующій Турецкой арміи въ Азіи. Такимъ образомъ въ Марсиванѣ я свернулъ съ большой дороги и взялъ вѣво, чтобы проѣхать на Самсунъ, гавань на Черномъ морѣ. Тамъ я сѣлъ въ саколеву: такъ называютъ здѣсь 6-ти и 8-ми весельныя почтовые лодки, которыя никогда далеко не отходятъ отъ берега и служатъ здѣсь единственнымъ способомъ сообщенія, ибо по дорогамъ, ведущимъ чрезъ горы, почти нѣтъ никакой возможности проѣхать. На каждой станціи мѣняютъ лодку и гребцовъ и, благодаря дующему по ночамъ вѣтру, можно ѣхать довольно быстро, такъ что на пятый день моего отъѣзда изъ Самсуна я прибылъ въ Требизондъ.

Проѣхавъ большую часть Малой Азіи по направленію съ Запада на Востокъ, я имѣлъ возможность убѣдиться въ совершенномъ

упадкѣ духа во всѣхъ слояхъ мѣстнаго населенія и съ удивленіемъ спрашивалъ себя, та-ли это Малая Азія, фанатизмъ и энергію которой намъ описывали? Та-ли это Азія, которая по рассказамъ составляетъ истинное ядро Оттоманской имперіи? Всѣ мои заблужденія на этотъ счетъ совершенно разсѣялись, и даже мнѣ не разъ пришлось замѣтить, что Турки здѣсь ожидаютъ насъ, какъ своихъ избавителей, въ надеждѣ, что для нихъ, быть можетъ, настанутъ нѣсколько лучшія условія жизни. Всѣ слои общества были здѣсь подавлены не столько нововведеніями султана, сколько чрезмѣрностью всякихъ поборовъ, которые раздражали населеніе и возбуждали его противъ правительства. Если къ этому прибавить злоупотребленія отъ цѣлой стаи чиновниковъ, которые всѣ только и жили, что грабежемъ и притѣсненіемъ жителей, то будетъ легко составить себѣ понятіе о повсемѣстно господствовавшемъ неудовольствіи.

Погода удивительно благоприятствовала моему путешествію, а что за чудная природа въ Малой Азіи! Великолѣпныя лѣса, прекрасно воздѣланныя поля, деревья сгибающіяся подъ тяжестью плодовъ, безконечное множество самаго чудеснаго винограда (чтобы сорвать лучшія вѣтки, стоило только нагнуться съ лошади), все это вмѣстѣ было восхитительно.

Мѣстныя власти всюду оказывали мнѣ самый любезный пріемъ и, если только о моемъ пріѣздѣ было извѣстно заранее, то всегда навстрѣчу мнѣ высылали верховыхъ лошадей съ собственныхъ конюшенъ. Такого рода любезность весьма распространена у Турокъ.

Послѣ моего переѣзда чрезъ Босфоръ, первый встрѣтившійся мнѣ на пути большой городъ былъ Требизондъ. Это торговый пунктъ, чрезъ который Персидскіе товары идутъ въ Константинополь, а Европейскія произведенія на Востокъ. Торговля здѣсь была бы еще значительнѣе, еслибы дорога отъ Эрзерума къ морю чрезъ Армянское плоскогорье не представляла такихъ великихъ затрудненій. Съ тѣхъ поръ Турецкое правительство не разъ пыталось устроить сносныя проѣзжія дороги между Эрзерумомъ и Требизондомъ; но удалось ли ему справиться съ дѣйствительно невѣроятными препятствіями, которыя представляетъ здѣсь гористая и каменистая почва, я не знаю.

Я остановился въ таможенной гостиницѣ, куда ко мнѣ съ визитомъ пріѣхали почти всѣ иностранные консулы въ Требизондъ. Я узналъ здѣсь, что, за три дня до моего пріѣзда, въ гавани бросилъ якорь нашъ бригъ, на которомъ ѣхалъ кап. Могуцій; но такъ какъ у него не было съ собою фирмана отъ Порты, то Турки не повѣрили его извѣстіямъ, появленіе его сочли за военную хитрость и принудили его удалиться. Въ тоже время мнѣ сообщили, что сераскиръ

Османъ-паша, во главѣ своей арміи, находится въ окрестностяхъ Бейбурта, а что каймаканомъ, правителемъ города, онъ на время назначилъ вмѣсто себя своего брата.

Сей послѣдній прислалъ за мною лошадей съ просьбою быть къ нему. Извѣстіе о заключеніи мира съ быстротой молніи распространилось по городу; народъ толпами сбѣгался по дорогѣ, и мнѣ стоило большаго труда добраться до конака или дворца паши. Приняли меня необычайно вѣжливо и любезно, а каймаканъ сообщилъ мнѣ, что обѣ арміи стоятъ другъ противъ друга, и ожидается большое сраженіе. Тѣмъ болѣе, стало быть, долженъ былъ я торопиться отъѣздомъ. Я тотчасъ же рѣшилъ немедленно ѣхать дальше и въ тотъ же день въ два часа по полудни выѣхалъ изъ Требизонда.

Я ѣхалъ всю ночь и только къ 9-ти часамъ слѣдующаго вечера добрался до лагеря сераскира. За вычетомъ нѣсколькихъ часовъ отдыха я проѣхалъ 27-мь часовъ кряду и сдѣлалъ не менѣе 135-ти верстъ. Все это пространство я проѣхалъ, не мѣняя лошадей; онѣ бѣдныя просто изнемогали отъ усталости, да и самъ я отъ такой продолжительной верховой ѣзды чувствовалъ сильное утомленіе. Въ сутки съ небольшимъ мнѣ пришлось проѣхать нѣсколько климатовъ; ибо, найдя въ Требизондѣ лѣто, я засталъ уже начало зимы на Армянскомъ плоскогорьѣ. Барометра съ мною не было, и я могъ только по растительности судить о различныхъ положеніяхъ плоскогорья, на которое я поднялся; Эрзерумъ лежитъ около 6.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Прежде всего исчезаютъ виноградники и фруктовыя деревья; затѣмъ дубовыя лѣса замѣняются сосновыми; далѣе и самыя сосны становятся все рѣже и невзрачнѣе и, наконецъ, на самомъ высочайшемъ мѣстѣ плоскогорья не встрѣчается не только никакихъ деревьевъ, но даже и кустарниковъ.

Сераскиръ расположился лагеремъ въ ужаснѣйшемъ ущельѣ, куда можно проѣхать лишь по узенькой тропинкѣ, по которой съ грузомъ могли ѣхать двѣ лошади рядомъ. Слетѣть въ пропасть, для этого было достаточно, чтобы лошадь поскользнулась или оступилась, и я могъ считать себя весьма счастливымъ, что, не смотря на сильнѣйшую усталость, благополучно пробрался по этой страшной тропинкѣ.

Въ лагерѣ сераскира я нашелъ ст. сов. Влангали, главнаго переводчика при графѣ Паскевичѣ. Влангали прибылъ сюда нѣсколькими часами раньше меня. Его прислали сюда по просьбѣ Османа-паши, который утверждалъ, что изъ вѣрныхъ источниковъ знаетъ о томъ, что миръ заключенъ, и это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что одинъ Англіійскій курьеръ проѣздомъ изъ Константинополя въ Персію говорилъ въ Эрзерумѣ, что въ Адрианополѣ идутъ переговоры о мирѣ.

Прїїздъ мой положилъ конецъ всѣмъ сомнѣніямъ, и сераскиръ, за четыре дня предъ тѣмъ потерпѣвшій пораженіе подъ Бейбуртомъ, былъ весьма доволенъ, получивъ извѣстіе, что война кончена.

Битва подъ Бейбуртомъ была очень жаркая и происходила 27-го Сентября, то-есть 25-ть дней спустя по заключеніи мира. Избѣгнуть этой бесполезной рѣзни было бы весьма легко, еслибы Турки согласились допустить въ Требизондъ кап. Могучаго, или не держали меня десять дней въ Константинополѣ въ ожиданіи подписи султана на мирномъ договорѣ.

Нѣсколько отдохнувъ въ лагерь Османа-паши, я на другой же день отправился въ лагерь графа Паскевича, который былъ расположенъ верстахъ въ пятнадцати отъ Бейбурта, и прибылъ туда 1 (13) Октября, на 16-й день послѣ моего отъѣзда изъ Константинополя. Графъ Паскевичъ принялъ меня самымъ благосклоннымъ образомъ. Но совсѣмъ иначе было принято имъ привезенное мною извѣстіе о заключеніи мира, по поводу котораго, нимало не стѣсняясь, онъ высказалъ свое полное неудовольствіе. Онъ былъ того мнѣнія, что, благодаря страшному упадку и разслабленію Турціи, безъ всякаго труда было можно заключить миръ на несравненно болѣе выгодныхъ условіяхъ, и сверхъ того онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ, что съ нимъ объ этомъ не совѣщывались заблаговременно. Главнымъ же образомъ графъ Паскевичъ возмущался тѣмъ, что Карсъ отдають обратно Туркамъ. Онъ основывался на томъ, что крѣпость эта необходима для безопасности нашихъ Закавказскихъ владѣній и что, отдавая ее снова Туркамъ, мы тѣмъ самымъ возлагаемъ на себя обязанность близъ этой части границы построить и себѣ такую же крѣпость. Слова его дѣйствительно оправдались въ послѣдствіи, когда zaloжили Александрополь.

Съ другой стороны было очевидно, что, благодаря громадности разстоянія, отдѣляющаго другъ отъ друга оба театра военныхъ дѣйствій въ Европѣ и Азій, и въ виду приближенія осени, графъ Дибичъ никоимъ образомъ не могъ снестись съ графомъ Паскевичемъ, тѣмъ болѣе, что было необходимо покончить всѣ переговоры до наступленія ненастья, которое и безъ того прекратило бы всѣ военныя дѣйствія. Кромѣ всего этого, Европа начинала тревожиться успѣхами нашего оружія, и особенно волновалась Австрія. При подобныхъ обстоятельствахъ опасно было слишкомъ натягивать струны, и они могли лопнуть. Къ тому же, по своему прямому рыцарскому характеру, императоръ Николай вовсе не былъ способенъ ожесточиться до того, чтобы добивать уже побѣжденнаго врага, который исполнялъ всѣ его справедливыя требованія и смиренно молилъ о пощадѣ. Вопреки вѣраднымъ

увѣщаніямъ со всѣхъ сторонъ, Государь никогда не имѣлъ намѣренія возбуждать Сербовъ и другихъ христіанскихъ народовъ къ возстанію противъ власти султана. Императоръ Николай былъ истиннымъ воплощеніемъ началъ законности, и въ его глазахъ ничто не могло оправдать возмущенія подданныхъ противъ ихъ государя.

Трудно выразить чувство удовольствія, которое я испытывалъ, находясь снова среди соотечественниковъ. Я съ какою-то жадностью слушалъ ихъ рассказы о разныхъ сраженіяхъ послѣдней войны въ Азіи, гдѣ почти всякій переходъ нашихъ войскъ былъ ознаменованъ какой нибудь побѣдой.

Войска, находившіяся подъ начальствомъ графа Паскевича, закалились въ бою; на своихъ плечахъ они вынесли три войны кряду, и теперь всѣ они, особенно же пѣхота, представляли удивительно-прекрасное зрѣлище. Стоило взглянуть на этихъ молодцовъ, чтобы позымѣть увѣренность, что ничто не въ силахъ противостоятъ имъ: столько во взглядѣ и во всемъ ихъ существѣ выражалось твердости и увѣренности въ самихъ себѣ. Благодаря постоянной войнѣ съ горцами, линейные казаки стали такими же хорошими наѣздниками и стрѣлками, какъ и сами Черкесы; они служили превосходнымъ дополненіемъ къ кавалеріи, которая была немногочисленна, и были незамѣнимы въ аванпостной службѣ. Нельзя было пренебрежительно относиться и къ мусульманскимъ полкамъ, набраннымъ въ Ширвани, Эривани и Карабахѣ; прекрасно вооруженные и на своихъ чудныхъ коняхъ, всѣ они удивительно статны и когда надо преслѣдовать непріятели или грабить его обозъ, они просто неоцѣнимы и незамѣнимы.

Въ графѣ Паскевичѣ между прочимъ было одно неоспоримое достоинство: онъ всегда крайне заботился о продовольствіи войска и своимъ постояннымъ успѣхомъ въ военныхъ дѣйствіяхъ отчасти былъ обязанъ именно тому, что люди его и лошади всегда были сыты и хорошо содержаны. Не обращая вниманія на то, что окрестности Карса и Эрзерума, считаемыя за житницу Малой Азіи, представляли богатый запасъ продовольствія, онъ устроилъ себѣ подвижной хлѣбный магазинъ, состоявшій изъ 3000 телѣгъ, изъ которыхъ въ каждую запрягалось по 4 вола, и такимъ образомъ за войскомъ всюду слѣдовалъ хлѣбъ въ количествѣ 21-й тысячи четвертей. Правильная раздача харчей, а также и здоровый воздухъ плоскогорья, на которомъ лежатъ Карсъ и Эрзерумъ (гдѣ даже и лѣтомъ жары бывають умѣренные) содѣйствовали тому, что въ войскѣ больныхъ было весьма незначительное количество. Въ арміи графа Дибича сильное опустошеніе произвели горячки, лихорадки и поносъ; тамошнія

больницы были переполнены, между тѣмъ какъ состояніе здоровья въ Азіи было вполнѣ удовлетворительно.

Послѣ торжественнаго молебствія по случаю заключенія мира, армія снялась съ лагеря и начала отступать къ Эрзеруму, куда и я сопровождалъ графа Паскевича.

Хотя подъемъ еще и продолжался, но почва здѣсь уже не представляла непреодолимыхъ препятствій для передвиженія арміи. Обширная долина, которая разстилается вокругъ Эрзерума, вся прекрасно воздѣлана и окружена цѣпью горъ, вершины которыхъ съ Августа мѣсяца уже покрываются снѣгомъ; въ долину стремится множество ручьевъ, которые съ большимъ искусствомъ приспособлены къ орошенію полей. Но, не смотря на все свое плодородіе, долина эта производитъ какое-то печальное, унылое впечатлѣніе: нигдѣ не видно ни деревца, и даже самыя деревни, построенныя изъ бураго камня, какъ-то сливаются съ почвой. За отсутствіемъ строеваго лѣса, крыши здѣсь всюду каменные, плоскія и, начиная съ Эрзерума, не только въ Персіи, но и во всей Малой Азіи, преобладаетъ этотъ родъ построекъ.

Эрзерумъ, городъ съ 60-ю тысячами жителей, отличается отъ остальныхъ городковъ и селеній Арменіи лишь занимаемымъ имъ обширнымъ пространствомъ. Крѣпостью его назвать было нельзя; но, подобно всѣмъ городамъ Малой Азіи, онъ былъ окруженъ стѣной съ нѣсколькими башнями, что не позволяло непріятелю сразу овладѣть имъ. Чтобы не оставлять большаго гарнизона для защиты этого укрѣпленнаго мѣста, графу Паскевичу пришла мысль раздѣлить его стѣной почти на двѣ равныя части, такъ что войско, больницы, магазины и сѣстные припасы были сосредоточены въ одной части города, а другая часть его была предоставлена жителямъ.

Со мной всѣ были необычайно любезны и предупредительны, и мнѣ было бы весьма пріятно подольше остаться при главной квартирѣ графа Паскевича; но быстрыми шагами приближавшееся плохое время года принудило меня торопиться отъѣздомъ, такъ какъ я зналъ, что когда выпадутъ большіе снѣга на горахъ, проѣхать черезъ нихъ бываетъ почти невозможно. Поэтому я попросилъ графа поскорѣе отправить меня обратно и 13 (25) Октября выѣхалъ изъ Эрзерума въ сопровожденіи тѣхъ же людей, которые поѣхали со мною изъ Константинополя.

Желая посмотрѣть внутренность Малой Азіи, которую во время моего пути изъ Константинополя въ Тренизандъ мнѣ не удалось видѣть, я рѣшилъ направиться прямо на Токать и такимъ образомъ проѣхаться поперекъ всей страны.

Самымъ труднымъ оказалось добраться до Арзъ-Ингяна, такъ какъ въ мѣстности, по которой я долженъ былъ ѣхать, разъѣзжали и разбойничали Курды. Близъ Мама-Хотуна я подѣхалъ къ берегамъ Эвфрата, который здѣсь во многихъ мѣстахъ можно проѣхать въ бродъ (многоводнымъ и глубокимъ онъ становится лишь въ паденіи въ него Карасана). Въ горахъ, которыя тянутся вдоль Евфрата отъ Мама-Хотуна и до Арзъ-Ингяна, преимущественно обитаютъ Курды, не признающіе надъ собою никакой власти и живущіе лишь грабежомъ и разбоемъ. Курды строятъ хижины свои на самыхъ вершинахъ горы, какъ хищныя птицы свои гнѣзда. Изъ сакель своихъ они наблюдаютъ окрестность и какъ только завидятъ какой-нибудь соблазнительный для своей алчности предметъ, то съ быстротой орлиного полета устремляются на него сверху. Не слѣдуетъ смѣшивать этихъ Курдовъ, которыхъ можно назвать осѣдлыми, съ тѣми Курдами, которые въ палаткахъ кочуютъ съ стадами въ долины Эвфрата и вообще въ Малой-Азій. Впрочемъ какъ тѣ, такъ и другіе предаются разбою. Они лишаютъ торговлю и той небольшой доли безопасности, которою она пользуется въ этихъ полудикихъ странахъ. На Курдовъ съ полной справедливостью можно смотрѣть какъ на самый ужасный бичъ Малой Азій.

Генералъ Панкратьевъ, комендантъ Эрзерума, снабдилъ меня письмомъ къ Терджанскому бейу, который среди Курдовъ пользовался извѣстнымъ вліяніемъ. По моей просьбѣ бей этотъ далъ мнѣ въ прожатые начальника одного изъ главныхъ Курдскихъ племенъ; его присутствіе во главѣ моего маленькаго каравана должно было служить намъ охраной. Не одинъ разъ толпы съ головы до ногъ вооруженныхъ Курдовъ пробовали заграждать намъ путь; но послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ нашимъ проводникомъ, они тотчасъ же давали намъ дорогу, и такимъ образомъ безо всякихъ приключеній добрались мы до Арзъ-Ингяна.

Это не городъ, а множество деревень, расположенныхъ по Евфрату въ долины Арзъ-Ингяна, покрытой виноградниками и прекрасно воздѣланными полями. Затѣмъ надо ѣхать на Карагисаръ, откуда двѣ дороги ведутъ въ Токатъ: одна, возможная лишь для аровъ или мѣстныхъ телѣгъ, идетъ на Сивасъ, а другая, болѣе удобная, на Никсаръ. Я ѣхалъ этой второй дорогой.

Въ Никсарѣ Армянское плоскогорье какъ будто кончается, ибо далѣе встрѣчается совсѣмъ иная растительность и температура.

Отъ Никсара всего 10 часовъ ѣзды до Токата, самаго лучшаго города въ этой части Малой Азій. Здѣсь происходитъ довольно значительная торговля мѣдными издѣліями, бумажными и шелковыми тка-

ними, и въ тоже время Токатъ служить складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, идущихъ изъ Константинополя, Багдада, Алеппо и Эрзерума. Самый ближайшій отсюда приморскій городъ Самсунъ. Опрятность, которая такъ замѣтна въ Токатѣ, вещь весьма рѣдкая въ Турецкихъ городахъ, и достатокъ его жителей пріятно поражаютъ путешественника, послѣ того какъ онъ повсюду привыкъ видѣть печальныя картины нищеты и разоренія.

Изъ Токата приходится послѣдовательно проѣзжать Амазію, Марсиванъ и Османджикъ. Всюду большія насажденія тутовыхъ деревьевъ свидѣтельствуютъ о высокой степени, которой здѣсь достигло шелководство, составляющее одно изъ самыхъ главныхъ и прибыльныхъ промысловъ мѣстныхъ жителей. Османджикъ (у древнихъ Галисъ), расположенный на правомъ берегу Кизилъ-Ирмака, отличается великолѣпнымъ мостомъ, построеннымъ при султанѣ Баязидѣ изъ прекрасно обтесанныхъ каменныхъ плитъ. Далѣе путь лежитъ черезъ Тозию, Коджгисаръ и Гамамли; по обѣимъ сторонамъ дороги виднѣются многочисленныя стада козъ, шерсть которыхъ тонкостью и шелковистостью ни чуть не уступаетъ шерсти Ангорскихъ козъ; козьи шкуры, здѣсь окрашенныя въ красную и синюю краски, обыкновенно употребляются Турками для чепраковъ. Наконецъ, пріѣзжаешь въ Боли, которое своими садами, многочисленными усадьбами и вообще отличною обработкою земли представляетъ одно изъ самыхъ восхитительныхъ мѣстечекъ Малой Азіи. Неподалеку отъ Боли есть обширное поле, усыпанное обломками колоннъ, капителей, базисовъ и другихъ остатковъ древнихъ зданій, которыя краснорѣчиво говорятъ о высокой степени благоденствія и процвѣтанія нѣкогда бывшихъ здѣсь Греческихъ колоній. Между Боли и Никомедіей, или Исникъ-Мидъ (какъ ее зовутъ Турки) тянутся большіе лѣса, которые доставляютъ матеріалъ для постройки морскихъ судовъ. За тѣмъ дорога извивается по берегу предѣстнаго Никомедійскаго залива; онъ глубоко врѣзывается въ землю, а неподалеку отъ него виднѣется громадный кедровый лѣсъ, который служить для Скутари кладбищемъ.

Послѣ двухмѣсячнаго отсутствія я прибылъ въ Константинополь 7-го Ноября. Здѣсь я узналъ о томъ, что, согласно условіямъ мирнаго договора, главная квартира изъ Адріанополя переведена въ Бургасъ и что войска на зимнюю стоянку отодвинуты ближе къ Балканамъ.

Я не медля отправился въ Бургасъ. Городакъ этотъ весьма незначителенъ; но ему дали предпочтеніе, какъ потому, что онъ лежитъ недалеко отъ моря и слѣдовательно представляетъ удобство для сообщенія, какъ и потому, что у насъ былъ устроенъ тамъ складъ съѣст-

ныхъ припасовъ. Въ христіанскихъ селеніяхъ солдаты наши стояли по квартирамъ у жителей и помѣщались вмѣстѣ съ ихъ семьями; а въ мусульманскихъ жители предпочитали уступать имъ половину избы, а сами помѣщались въ другой ея половинѣ. Впрочемъ, во все время нашей стоянки въ Румелии между магометанами и нашими солдатами существовали наилучшія отношенія. Мы пользовались полнымъ довѣріемъ мусульманскаго населенія, и въ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ происходили какія-либо ссоры съ Болгарами, они прямо и смѣло обращались за помощью и защитой къ нашимъ мѣстнымъ властямъ.

Гораздо труднѣе было ладить съ христіанскимъ населеніемъ. Приходилось очень часто подавлять взрывы ненависти, гнѣздившейся въ сердцахъ каждого христіанина противъ мусульманъ. Весьма значительное число Болгаръ намѣревалось слѣдомъ за нашей арміей выселиться въ Россію: до такой степени имъ былъ ненавистенъ возвратъ въ отечество, оставшееся подъ Турецкимъ владычествомъ. Напрасно издалъ султанъ указъ о прощеніи; напрасно Адрианопольскій архіерей ѣздилъ по всей странѣ, убѣждая народъ не покидать жилищъ и обѣщая покровительство властей,—ничто уже не было въ силахъ успокоить лихорадочное возбужденіе, охватившее здѣсь всѣ умы. Въ половинѣ Апрѣля, какъ только стала показываться трава, переселенцы разомъ поднялись и задвигались со всѣхъ сторонъ. Обозы, изъ 200, 300 телѣгъ, запряженныхъ волами, длинными вереницами потянулись по направленію къ Дунаю. Телѣги эти были нагружены всякимъ домашнимъ скарбомъ, а женщины, дѣти и старики шли пѣшіе. Мы съ сердечнымъ замираніемъ глядѣли на тысячи этихъ несчастныхъ переселенцевъ, покидавшихъ родныя мѣста и пускавшихся на встрѣчу невѣдомой судьбѣ. Однако было бы ошибочно думать, что они дѣйствовали подъ вліяніемъ отчаянія; напротивъ, лица ихъ выражали радость и веселье. Болгарскихъ семей, въ то время покинувшихъ Румелию, насчитываютъ до 20-ти тысячъ. Многія изъ нихъ остались въ Дунайскихъ княжествахъ, но большая часть поселилась въ Бессарабіи, гдѣ имъ отведены земли.

Около того-же времени Турки выплатили намъ часть военной контрибуціи, и армія наша двинулась изъ Румелии, а главная квартира послѣдовательно переводилась сперва въ Сатуново, потомъ въ Тирасполь и, наконецъ, въ Тульчинъ. Я отсюда отправился въ Петербургъ вмѣстѣ съ капитаномъ ген. штаба Павломъ Коцобу, съ которымъ въ теченіи только что окончившейся войны я очень подружился.

(Продолженіе будетъ).

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

4.

Стр.

Стр.

1. Графиня Фоссъ про Императора Александра Павловича и про Русский дворъ (1802—1814. Со снимкомъ съ современной гравюры, изображающей первое свиданіе съ королевой Луизой). 465
2. Автобіографія А. О. Дюгамеля V—VII. (Польскій мятежъ.—Поѣздка въ Сирію и разговоръ съ Ибрагимомъ-пашею. — Николай Павловичъ о Египтѣ.—Служба въ Египтѣ.—Перезазды по Востоку.—Мехметъ-Али). 489
3. Письма В. А. Жуковскаго къ Государю Императору Александру Николаевичу. 1849 годъ. (Сравненіе революцій 1789—1849 годовъ.—Юбилей Жуковскаго.—Кончина великой княжны Александры Александровны. — Рейтернъ и его картины). 526
4. Изъ воспоминаній Л. Ѳ. Львова. VI— VIII (Концертъ въ Иркутскѣ. — Разбойникъ Рыковъ.—Ссылные въ Сибири. — Добыча соболей.—Прощальный пиръ). 541
5. Изъ Записокъ Старога Преображенца. 1856 годъ. (Солдатская грамотность.—Гренадеры.—Походъ на коронацію.—Сумятица обмундировки.—Иностранцы на коронаціи.—В. Е. Челнщевъ). Князя Н. К. Имбретинскаго 558
6. Кавказскія воспоминанія А. Л. Зиссермана. Главы X—XIII (Начало газетности.—Корадини.—Князь Барятинскій въ Тифлисъ.—Походы въ Малую и Большую Чечни.—Бабынскія разговоры.—Грамотинъ.—Комитетъ во Владикавказѣ). 600
7. Н. С. Соханская (Кохановская) и ея автобіографическое письмо къ Петербургской пріятельницѣ. 629
8. За Богомъ молитва не пропадаетъ. (Николай Павловичъ и крестьянка-мать). Архимандрита Леонида. 638
9. Декабристы баронъ Розенъ о Эстляндскихъ дѣлахъ. (Сообщено М. Н. Галкинымъ-Враскинымъ). 641
10. Славянскіе гости у Русскаго Царя. (Изъ Записокъ Миличевича). 644
11. „Новая Свѣтлана“. Пародія, примѣненная къ Н. А. Полевому. (1840). 647
12. Щепинъ. Мочаловъ. Ленскій, и стихи сего послѣдняго. 660
13. Острословія А. О. Арнфельда. 661
14. Поправки и замѣтки. (Надпись Русскаго генерала на колоннѣ въ Кобленцѣ 1814 года. — Д. В. Веневитиновъ у барона А. А. Дельвига.—О гравюрѣ, изображающей свиданіе Александра Павловича съ королевой Луизой). 661

(Содержаніе Р. Архива 1884 г. см. на обор.).

Приложена гелиогравиюра, изображающая первое свиданіе Императора Александра Павловича съ Прускою королевою Луизой (1802).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1885.

АВТОБІОГРАФІЯ А. О. ДЮГАМЕЛЯ.

V *).

Вѣсть о Польскомъ возстаніи достигла Петербурга въ Ноябрь мѣсяцѣ. Государь Николай Павловичъ на парадѣ сообщилъ ее генераламъ и офицерамъ. Я и теперь еще помню единодушно вырвавшийся у всѣхъ крикъ негодованія. Всѣ понимали, что во многихъ отношеніяхъ Полякамъ жить было лучше чѣмъ Русскимъ и что они не имѣли никакого законнаго основанія къ своему возстанію. Съ одного конца Россіи до другого стали готовиться къ войнѣ, и вскорѣ гвардейскій гренадерскій корпусъ, 1-й пѣхотный, 3-й и 5-й кавалерійскіе корпуса получили приказъ идти къ Польскимъ границамъ на соединеніе съ находившимся въ Литвѣ 6-мъ пѣхотнымъ корпусомъ.

Въ Декабрѣ я выѣхалъ изъ Петербурга и направился въ главную квартиру въ Вѣлостокъ. Главнокомандующимъ былъ назначенъ фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій, начальникомъ главнаго штаба графъ Толь, а главнымъ квартирмейстеромъ генералъ Нейдгардтъ.

Въ виду политическаго состоянія Европы и дабы не дать возстанію времени распространиться въ западныхъ губерніяхъ государства, было необходимо какъ можно скорѣе покончить съ Польскимъ мятежемъ. Таково было убѣжденіе и самого графа Дибича, твердо на дѣявшагося въ три недѣли кончить всю войну. Но уже при самомъ началѣ произошло нѣсколько досадныхъ случайностей.

Мы рассчитывали по крайней мѣрѣ на одинъ зимній мѣсяцъ; но начиная съ 25-го Января, т. е. со дня, въ который съ девяти раз-

*) См. выше, стр. 179.

ныхъ пунктовъ, отъ Устюга до Ковны, вся армія тронулась къ границѣ, началась сильная оттепель, испортившая всѣ дороги такъ, что движеніе для войскъ сдѣлалось крайне затруднительно. Кромѣ того, не имѣя времени устроить магазины, мы рассчитывали продовольствовать армію способомъ реквизицій въ самой странѣ; вскорѣ однако замѣтили, что реквизиціонная система, разоряя страну, тѣмъ не менѣе доставляетъ весьма скудные средства къ продовольствію арміи. Наконецъ, третьимъ обстоятельствомъ, неблагопріятно подѣйствовавшимъ на военныя дѣйствія, было внезапное измѣненіе фельдмаршаломъ маршрута арміи. вмѣсто того, чтобы идти на Остроленку и Пултускъ, на Пльскъ или Вышгородъ, какъ предполагалось сначала, графъ Дибичъ свернулъ на Нуръ, гдѣ армія переправилась черезъ Бугъ неподалеку отъ Брестъ-Литовскаго шоссе. Слѣдуя этой дорогой, мы въ движеніи нашомъ сообразовались съ движеніемъ непріятеля, что всегда ошибочно, если за собою имѣешь численное превосходство силъ; мы углубились въ лѣсистую страну, которая тянется между Сѣдльцемъ и Варшавой, и кончили тѣмъ, что очутились въ мѣстности, заранѣе тщательно изученной и изслѣдованной непріателемъ.

Однако, не смотря на всѣ эти помѣхи, 13-го Февраля, подъ самыми стѣнами Варшавы, при Гроховѣ, мы одержали блистательную побѣду, которая была бы рѣшительною, если бы не опоздалъ на цѣлыхъ три часа появленіемъ на поле битвы гренадерскій корпусъ, состоявшій подъ начальствомъ князя Шаховскаго. Командовавшій Польской арміей генераль Хлопицкій былъ раненъ, мятежниковъ объялъ паническій страхъ, и они отступили въ крайнемъ безпорядкѣ. Непріятельскіе баталіоны такъ и таяли по мѣрѣ вступленія въ Варшаву. Уже былъ отданъ приказъ обезлюдить предмѣстье Прагу, какъ только наши войска станутъ приближаться, а между тѣмъ не было сдѣлано никакихъ распоряженій о снятіи или уничтоженіи моста на Вислѣ. Именно въ эту-то минуту и слѣдовало бы намъ нанести рѣшительный ударъ непріятелю, то-есть устремить всѣ наши силы на мостовыя укрѣпленія. Того же мнѣнія былъ и графъ Тель. Но у графа Дибича не достало въ данномъ случаѣ рѣшительности. Ссылаясь на утомленіе солдатъ, дравшихся въ теченіи шести часовъ сряду, и въ особенности на наступившую темноту, онъ рѣшилъ отложить приступъ до слѣдующаго дня. А между тѣмъ 14-го утромъ положеніе дѣлъ уже измѣнилось. Въ теченіи ночи на мостовое оборонное укрѣпленіе была поставлена значительная артилерія и приказъ объ очищеніи Праги отмененъ, такъ что приступъ далеко уже не имѣлъ тѣхъ же вѣроятностей успѣха какъ наканунѣ. Отъ этой ошибки, война затянулась еще на шесть мѣсяцовъ, и фельдмаршалъ графъ Дибичъ утратилъ большую

часть того обаянія, которымъ онъ пользовался благодаря своимъ успѣхамъ въ Турецкую войну. Я даже полагаю, что ошибка эта, за которую впослѣдствіи онъ горько укорялъ себя, была одной изъ причинъ его преждевременной кончины.

Съ этой минуты военныя дѣйствія ознаменовались какою-то несвязностью. Намъ заставляли дѣлать переходы взадъ и впередъ, утомлявшіе солдатъ и не дававшіе ничего въ результатѣ. Генерала Розена поколотили подъ Дембе-Вельке, а Дверницкій во главѣ охотниковъ проникъ на Волынь для распространенія возстанія въ тѣхъ мѣстахъ.

Тѣмъ не менѣе намъ представился и еще случай уничтожить Польскую армію во время наступательнаго движенія мятежниковъ на гвардейскій корпусъ, который составлялъ правое крыло нашей арміи и находился въ окрестностяхъ Ломжи. Въ виду этого движенія со стороны непріятеля, фельдмаршалъ приказалъ командовавшему гвардіей Великому Князю Михаилу Павловичу медленно и въ порядкѣ отодвинуться по Ковенскому шоссе за Наревъ по направленію къ Русской границѣ, между тѣмъ какъ самъ съ главными силами намѣревался, отрѣзавъ непріятелю всѣ дороги, предупредить его на мосту въ Остроленкѣ, единственномъ для него пути къ отступленію. Но для того, чтобы такое движеніе имѣло желаемый успѣхъ, слѣдовало во что бы ни стало перебраться черезъ Бугъ и направить армію на Брокъ, вмѣсто того чтобы переходить рѣку въ Граннѣ. Сдѣлавъ же крюкъ на Гранну, мы успѣли настичъ лишь одинъ непріятельскій арьергардъ, между тѣмъ какъ всѣ главныя Польскія силы уже имѣли время перейти на правый берегъ Нарева. Здѣсь у моста завязалась одна изъ самыхъ ожесточенныхъ схватокъ. Замѣчательно, что эта битва, названная битвой при Остроленкѣ, произошла противъ воли обоихъ главнокомандующихъ. Съ обѣихъ сторонъ военныя дѣйствія были открыты второстепенными генералами. Увлеченные рвеніемъ, они начали дѣло отдѣльными бригадами, а затѣмъ уже послѣдовательно, для подкрѣпленія своихъ, вся Польская и большая часть нашей арміи приняли участіе въ дѣлѣ.

Хотя битва подъ Остроленкой не дала тѣхъ результатовъ, которые могла и должна была дать, но она все таки сильно пошатнула мятежниковъ; съ этой минуты они потеряли увѣренность какъ въ самихъ себѣ, такъ и въ своихъ начальникахъ. Ихъ Варшавскіе вожаки теперь уже не заблуждались на счетъ исхода войны, которую они такъ неосторожно затѣяли, а державшаяся до сихъ поръ въ сторонѣ демагогическая партія получила перевѣсъ въ ихъ совѣщаніяхъ. Насильственными мѣрами мятежное правительство продолжало рыть про-

пасть, которая навсегда должна была поглотить благоденствіе и процвѣтаніе Польши.

Въ томъ же 1831-мъ году впервые совершила свое нашествіе на Россію холера. Она проникла и въ Польшу, гдѣ отъ нея весьма сильно пострадали обѣ воевавшія стороны. Самой знаменитой жертвой этого ужаснаго бича былъ фельдмаршалъ графъ Дибичъ: въ нѣсколько часовъ онъ скончался отъ холеры, въ Клещевѣ, 29-го Мая. Страданія фельдмаршала были до того сильны, и кончина его наступила до того быстро, что злоба людская поспѣшила приписать его смерть яду и обвинить въ этомъ преступленіи графа Орлова, только что присланнаго Государемъ въ главную квартиру для того, чтобы разузнать о положеніи и состояніи арміи. Разумѣется, всѣ эти нелѣпые толки очень скоро замолкли, но слѣды ихъ замѣтны въ газетахъ того времени. Графа Дибича жалѣли и оплакивали всѣ близко знавшіе его люди. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, чего не могла ни предвидѣть, ни предотвратить человѣческая опытность, общественное мнѣніе совершенно напрасно поднялось противъ покойнаго графа Дибича и взвалило на него отвѣтственность за тѣ жертвы, которыхъ потребовала отъ государства такая продолжительная и разорительная война. Ошибки, разумѣется, были; но каково бы ни было мнѣніе свѣдущихъ людей о военныхъ дарованіяхъ покойнаго фельдмаршала, никто не можетъ не воздать должной дани справедливости и уваженія возвышенности его души и благородству чувствъ.

Еще до кончины графа Дибича окончательно былъ установленъ весь планъ войны. Дѣло шло о томъ, чтобы перейти Вислу неподалеку отъ Прусской границы, и въ виду этого было приступлено къ устройству большихъ магазиновъ въ Торнѣ, точно также какъ и къ приобрѣтенію достаточнаго количества барокъ и лодокъ для сооруженія черезъ рѣку моста. Графъ Толь, временно взявшій на себя командованіе арміей, продолжалъ приводить въ исполненіе предварительныя распоряженія для переправы черезъ Вислу, а 13-го Іюня изъ Пултуска прибылъ графъ Паскевичъ Эриванскій, назначенный главнокомандующимъ арміи.

Нашему фланговому движенію къ низовьямъ Вислы непріятель не помѣшалъ; безъ всякаго противодѣйствія съ его стороны наша армія въ Осикѣ перешла Вислу и остановилась лишь на короткое время, необходимое для печенія хлѣба и для превращенія его въ сухари. Затѣмъ по лѣвому берегу Вислы мы продолжали двигаться къ Варшавѣ. Занимавшій Люблинское воеводство генералъ Рюдигеръ, которому было приказано въ своихъ движеніяхъ сообразоваться съ движеніемъ нашей арміи, не замедлилъ также перейти Вислу, и съ этого времени

войска наши желѣзнымъ кольцомъ все тѣснѣе и тѣснѣе окружили Варшаву.

Не смотря на это, графъ Паскевичъ, ничего не желая предоставлять случаю, дѣйствовалъ съ крайней осторожностью и медлительностью, что всѣ мы въ глубинѣ души порицали до такой степени, что даже обвиняли фельдмаршала въ трусливости и малодушіи. Вникая однако въ дѣло глубже, нельзя было не согласиться, что онъ былъ вполне правъ. Онъ дожидался значительнаго подкрѣпленія отъ генерала Крейца, который въ это время былъ занятъ умиротвореніемъ Литвы. Его корпусъ тремя отдѣльными отрядами двинулся на Ломжу и Осижъ и въ дни 14-го, 16-го и 17-го Августа соединился съ нашими главными силами. Когда, наконецъ, вся наша армія была въ сборѣ подъ Варшавою, то на лицо оказалось 55,000 человѣкъ пѣхоты, 18,000 кавалеріи и 390 пушекъ.

Вожаки мятежа въ Варшавѣ, въ какомъ-то необъяснимомъ заблужденіи, рѣшились на отчаянный шагъ, который только могъ ускорить неизбежную развязку. Противъ генерала Розена, стоявшаго въ Милосиѣ, на шоссе изъ Варшавы въ Сѣдльце, они отправили Ромарино съ двадцати-двухъ-тысячнымъ войскомъ и съ 40-а пушками. Это было заранѣе предусмотрено нами, и Розену дана инструкція не вступать въ большое сраженіе, а отступать защищаясь, и такимъ способомъ завлечь непріятеля какъ можно дальше. Это соображеніе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Ромарино былъ до того неостороженъ, что преслѣдовалъ корпусъ Розена до самаго Брестъ-Литовска. Фельдмаршалъ не упустилъ случая воспользоваться такой непростительной ошибкой непріятеля и рѣшилъ 25-го Августа идти на приступъ.

Варшава была отлично укрѣплена. Самый городъ расположенъ большимъ полукругомъ, а Висла составляетъ хорду всей дуги, на которой мятежники построили нѣсколько рядовъ укрѣпленій, упиравшихся съ двухъ сторонъ въ рѣку. Старинный городской валъ, къ которому прибавили нѣсколько уступовъ для фланговаго огня, составлялъ первый рядъ этихъ укрѣпленій; затѣмъ второй рядъ шелъ по предмѣстьямъ города и, наконецъ, нѣсколько отдѣльныхъ редутовъ, изъ которыхъ самый значительный былъ Воля, составлялъ третій рядъ укрѣпленій Варшавы.

Отдѣльно стоявшіе редуты были взяты нашими войсками съ полету; это было какое-то непреодолимое стремленіе, которому ничто не могло противостоять. Но укрѣпленіемъ Воли намъ удалось овладѣть лишь послѣ отчаяннаго сопротивленія со стороны ея защитниковъ. Фельдмаршалъ приказалъ на этотъ день ограничиться одержанными побѣдами и на завтра готовиться къ новому приступу.

Ночью мятежники прислали къ намъ парламентаревъ, чтобы переговоры объ условіяхъ сдачи города. Днемъ опять шли переговоры; но фельдмаршалъ скоро замѣтилъ, что всѣ они не содержатъ въ себѣ ничего важнаго и главнымъ образомъ ведутся Поляками лишь для того, чтобы выиграть время; почему въ часъ по полудни и приказалъ открыть огонь по всей линіи. Произошла ужаснѣйшая пушечная пальба, открыть по истинѣ адскій огонь. Почти при самомъ началѣ приступа фельдмаршалъ получилъ пулей контузію и былъ принужденъ удалиться; но планъ атаки былъ заранѣе рѣшенъ и теперь тщательно приведенъ въ исполненіе; ибо взявшій на себя командованіе арміей графъ Толь продолжалъ дѣйствовать въ высшей степени энергично. Черезъ часъ наши взяли въ штыки второй рядъ укрѣпленій, и въ тоже время въ предмѣстьяхъ города разомъ загорѣлось въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Войска наши продолжали наступать, прошли черезъ пылавшія улицы и достигли городского вала. Здѣсь завязалась новая отчаянная сѣча; но все должно было уступить натиску нашего храбраго войска, и съ наступленіемъ ночи валъ, послѣдній оплотъ мятежниковъ, былъ въ нашихъ рукахъ. Уже давно стемнѣло, а битва все еще продолжалась при пламени пожаровъ; пушечная пальба и ружейный огонь долгое время не умолкали еще и ночью. На слѣдующее утро Польская армія покинула Варшаву и по правому берегу Вислы сперва направилась на Плоцкъ, а затѣмъ къ Прусской границы, гдѣ мятежники были принуждены сложить оружіе. Ромарино же и другіе отряды охотниковъ перебрались въ Галицію.

Таковъ былъ конецъ этой междоусобицы, которая до крайнихъ предѣловъ возвеличила славу графа Паскевича. Онъ былъ пожалованъ титуломъ князя Варшавскаго, а графы Толь и Паленъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. Армія была осыпана всевозможными наградами, и мнѣ въ числѣ многихъ другихъ данъ чинъ полковника.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіи многихъ лѣтъ, Паскевичъ управлялъ Польшею въ качествѣ намѣстника Государева; но онъ не замедлил стать въ дурныя отношенія съ большинствомъ лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ умиротвореніи Польши. Здѣсь повторились тѣ же событія, которыя ознаменовали пребываніе Паскевича на Кавказѣ; ибо у него былъ проносносный характеръ: равнинный, завистливый и честолюбивый, онъ постоянно страшился, чтобы кто либо не отнесъ къ другимъ часть той славы, которую онъ приписывалъ одному себѣ.

Однимъ изъ людей, съ которыми всего менѣе ладила князь Паскевичъ, былъ графъ Толь, который не замедлил просить, чтобы его избавили отъ обязанностей начальника главнаго штаба. Эти два без-

спорно достойные человека испытывали другъ къ другу непреодолимую антипатію. Въ одной, бывшей у меня въ рукахъ, рукописи графъ Толь рѣзко критикуетъ всѣ военныя дѣйствія князя Паскевича и не признаетъ въ немъ рѣшительно никакихъ дарованій. Я знаю также, что, нѣсколько разъ говоря о князѣ Паскевичѣ съ моимъ отцемъ, онъ выражался о немъ слѣдующимъ образомъ. «Вѣрьте мнѣ, сенаторъ: у человека этого положительно голова не въ порядкѣ».

По окончаніи войны, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, я оставался въ Варшавѣ и нашелъ здѣсь брата моей бабки, нѣкоего Миклашевскаго, стараго холостяка, который умеръ вскорѣ послѣ моего съ нимъ знакомства.

Чтобы покончить всѣ счеты съ Прусскимъ правительствомъ, я былъ прикомандированъ къ статскому совѣтнику Пейкеру и вмѣстѣ съ нимъ долженъ былъ ѣхать въ Данцигъ; но г-ль Нейгардтъ, назначенный передъ тѣмъ генераль-квартирмейстеромъ Главнаго Штаба, вызвалъ меня въ Петербургъ, куда я и прибылъ въ самомъ началѣ 1832 года.

VI.

Съ этихъ поръ начинаются личныя мои сношенія съ ген. Нейгардтомъ. Я находился подъ непосредственнымъ его начальствомъ, заведѣвая отдѣленіемъ Главнаго Штаба по военной исторіи и статистикѣ.

Большую часть года прожилъ я тихо, посреди моего семейства. Вскорѣ возникли новыя политическія осложненія, и въ такой сторонѣ, откуда наименѣе ихъ ждали.

Уже нѣсколько лѣтъ Египетскій паша, Мехметъ-Али, всѣ свои заботы и старанія употреблялъ на устройство и улучшеніе своихъ армій и флота. По требованію Порты и для того, чтобы помочь ей подавить возстаніе Грековъ, сынъ его Ибрагимъ-паша высадился съ войскомъ въ Мореѣ. Такое обращеніе султана къ своему вассалу усилило политическое значеніе сего послѣдняго. Постоянно возрастающее могущество Мехмета-Али не могло не тревожить Турціи; когда же, вслѣдствіе дѣйствительныхъ или придуманныхъ непріятностей съ Абдуллахомъ-пашей въ Сень-Жанъ д-Акрѣ, паша Египетскій наводнилъ Сирію и взялъ крѣпость Акру, разрывъ между государемъ и его вассаломъ сдѣлался неизбѣжнымъ, и обѣ стороны начали готовиться къ войнѣ. Турецкая армія, состоявшая подъ начальствомъ Гуссейна-паши, была разбита Ибрагимомъ-пашей въ долинѣ, которая разстилается передъ городомъ Гомсомъ въ Сиріи, а вслѣдъ затѣмъ Египетская армія побѣдоносно перешла хребетъ Тавръ и вступила въ Малую Азію. Всему

Востоку грозило страшное потрясеніе, и Россія, какъ держава сопредѣльная, не могла оставаться равнодушной зрительницей событій, совершавшихся съ такой неимоверной быстротой. Съ Адрианопольскаго мира мы поддерживали добрыя отношенія съ Турціей, добросовѣстно исполнявшей всѣ условія мирнаго договора, и для насъ вовсе не было выгодно, если-бъ положеніе дѣлъ въ Турціи измѣнилось въ пользу возмущавшагося вассала: низверженіе султана открыло бы широкое поле для неизбѣжныхъ честолюбивыхъ происковъ и произвело бы пустоту, которую трудно снова наполнить. Кромѣ того, благодаря своему опредѣленному взгляду на законность, императоръ Николай считалъ долгомъ держать сторону Турціи и порицать поведеніе Египетскаго паши. Такимъ образомъ прежде всего слѣдовало ободрить султана и затѣмъ припугнуть Мехмета-Али. Это двойное порученіе было возложено на генералъ-лейт. Муравьева. Онъ долженъ былъ ѣхать сперва въ Константинополь, а потомъ въ Александрію. Я былъ прикомандированъ къ нему въ качествѣ уполномоченнаго отъ Военнаго Министерства.

Я покинулъ Петербургъ въ концѣ Октября и все путешествіе на Востокъ совершилъ вмѣстѣ съ Муравьевымъ. Никогда, долженъ признаться, ни прежде, ни послѣ, не приходилось мнѣ ѣздить такъ медленно, хотя намъ нужно было торопиться. Муравьевъ прежде всего отправился въ Тверскую губернію, въ имѣніе князя Мещерскаго, Латошино. Въ то время была еще жива старая княгиня Мещерская, имѣвшая, благодаря своему мистицизму, значительное вліяніе на императора Александра I. Муравьевъ сдѣлалъ этотъ крюкъ для того, чтобы засвидѣтельствовать ей свое почтеніе. Затѣмъ мы поѣхали въ Московскую губернію, въ село Осташево, гдѣ жилъ отецъ Муравьева, бывшій въ теченіе многихъ лѣтъ начальникомъ школы колонно-вожатыхъ, которая доставляла арміи офицеровъ для Главнаго Штаба. Довольно значительное число вышедшихъ отсюда офицеровъ было замѣшано въ заговоръ 14 Декабря 1825 года, а потому и самая школа была переведена въ Петербургъ. Муравьевъ-отецъ былъ еще очень бодрый старикъ, весьма образованный, и говорить съ нимъ было чрезвычайно пріятно. Я зналъ всѣхъ его сыновей, но принужденъ сказать, что ни одинъ изъ нихъ не стѣбилъ отца. Изъ Осташева мы отправились на Кіевъ, въ Тульчинъ. Здѣсь мы снова задержались на нѣсколько дней; штабъ дивизіи, которою до сихъ поръ командовалъ Муравьевъ, находился въ Тульчинѣ, и потому у него оказалось здѣсь множество всякаго дѣла. Когда мы, наконецъ, добрались до Одессы, море у берега уже покрылось льдомъ; намъ пришлось сухимъ путемъ проѣхать въ Севастополь, гдѣ отданный въ распоряженіе Муравьева

Фрегатъ «Штандартъ» ждалъ насъ въ гавани. Здѣсь мы были принуждены были быть на обѣдѣ, который намъ далъ вице-адмиралъ Панагитти; затѣмъ 4-го Декабря мы сѣли на фрегатъ, на слѣдующее утро снялись съ якоря и направились къ Югу.

Фрегатъ находился подъ начальствомъ кап. лейтен. Щербакова. Что касается до свиты Муравьева, то ее составляли: кап. лейтен. Серебряковъ, родомъ Армянинъ, вполне свободно говорившій по турецки *), Лутковскій, молодой офицеръ Харискій, исполнявшій обязанности адъютанта и я.

Вѣтеръ дулъ встрѣчный; намъ пришлось лавировать. Изъ предосторожности генер. Муравьевъ окликалъ въ рупоръ всѣ встрѣчныя Турецкія суда, шедшія изъ Босфора, и спрашивалъ у нихъ о положеніи дѣлъ, такъ какъ уже очень давно мы не имѣли никакихъ извѣстій изъ Константинополя; пароходное плаваніе въ то время находилось еще въ совершенномъ младенчествѣ.

Въ Босфоръ мы прибыли только 9-го Декабря, а 10-го бросили якорь въ Буюкдере предъ Русскимъ дворцомъ, гдѣ уже были приготовлены для нашего приѣма комнаты. Составъ Русскаго посольства былъ теперь совсѣмъ иной, чѣмъ предъ войной. Посломъ Русскимъ въ Константинополь былъ Вутеневъ, и первымъ его секретаремъ Титовъ, съ которымъ съ этого времени я постоянно находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Турки знали, что къ нимъ скоро будетъ ген. Муравьевъ и съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидали его приѣзда. Офіціальная аудіенція была назначена ему на 15-е Декабря, и положеніе дѣлъ было таково, что нечего было и думать объ исполненіи безконечныхъ подробностей этикета, требуемыхъ въ такихъ случаяхъ.

Султанъ Махмудъ въ то время жилъ на Европейскомъ берегу, во дворцѣ Чараганъ. Около 10-ти часовъ утра мы причалили къ лѣстницѣ, служившей дворцу пристанью. Построенныя шпалерами войска вдоль ведшей ко дворцу дороги отдали намъ честь, а военная музыка исполняла нѣсколько піесъ довольно вѣрно. У входа на лѣстницу насъ встрѣтили сераскиръ Хозревъ-паша, рейсъ-эффенди и Ахметъ-паша, нѣчто въ родѣ военнаго совѣтника, который управлялъ внутренними залами дворца и былъ въ большой милости у султана. Одежда всѣхъ этихъ сановниковъ рѣзко отличалась отъ прежняго богатаго Турецкаго наряда. Турбанъ былъ замѣненъ красной феской съ синей шел-

*) Серебряковъ родился въ Гумушъ-Гане, близъ Требизонда, въ мѣстности, гдѣ есть серебряная руда. Гумушъ—слово Турецкое, означающее серебро; ноги почему офицеръ этотъ, вступая въ Русскую службу, принялъ фамилію Серебряковъ.

ковой кистью, сафьянныя туфли Европейскими кожаными сапогами. На высокій санъ указывало только золотое шитье на воротникѣ и обшлагахъ мундира. Послѣ обычныхъ привѣтствій намъ объявили, что султанъ готовъ немедленно принять насъ. Надобно было пройти дворомъ, чтобы достигнуть покоевъ, занимаемыхъ его величествомъ; они находились во второмъ этажѣ. Лѣстница была устлана коврами, впрочемъ все было чрезвычайно просто и ни въ чемъ не было замѣтно той восточной роскоши, которая гораздо болѣе существуетъ въ воображеніи, чѣмъ въ дѣйствительности.

Султанъ Махмудъ принималъ насъ сидя на диванѣ. На немъ была таже одежда, что и на сераскирѣ съ тою разницею, что на плеча у него былъ накинута болѣе широкій плащъ. Такъ какъ его величество сидѣлъ спиною къ окну, то лицо его находилось въ тѣни, и было невозможно хорошо разсмотрѣть его черты. Впрочемъ онъ казался человѣкомъ нестарымъ и впечатлѣніе производилъ пріятное.

Аудіенція, во время которой стат. совѣт. Фрайкини служилъ переводчикомъ, длилась не особенно долго, такъ что къ двумъ часамъ пополудни мы уже успѣли вернуться въ Буюкдере.

Пока его величество еще ублаживалъ себя всевозможными заблужденіями, самые зловѣщіе слухи уже носились среди населенія. Вскорѣ съ достовѣрностью сдѣлалось извѣстно, что командовавшій Турецкими силами въ Малой Азіи великій визирь Решидъ-Мехметъ-паша потерпѣлъ полнѣйшее пораженіе, что армія его разбѣжалась и что самъ онъ попалъ въ руки непріятеля. Одно только плохое состояніе дорогъ препятствовало Египетской арміи подойти подъ самый Константинополь; положеніе Оттоманской имперіи было самое критическое. Во всякой другой странѣ все населеніе разомъ поднялось бы и собралось около своего государя, между тѣмъ какъ здѣсь среди населенія столицы не выразилось ни малѣйшаго порыва патріотическаго чувства. Скажу болѣе, въ Константинополѣ весьма значительное число жителей всѣми силами души желали Египетскаго владычества, такъ какъ Ибрагимъ-паша велъ себя весьма искусно и умѣлъ пріобрѣтать народную любовь всюду, гдѣ ему ни случалось проходить со своей арміей.

Обстоятельства не терпѣли отлагательства, потому г. Муравьевъ предложилъ послать меня на встрѣчу къ Ибрагиму-пашѣ, а самъ намѣревался немедленно ѣхать въ Александрію. Предложеніе это, какъ все, выходящее изъ обычной колеи, прежде всего сбило съ толку министровъ Порты; они потеряли нѣсколько дней въ безплодныхъ совѣщаніяхъ и кончили тѣмъ, что обратились къ самому султану. Его величество далъ свое разрѣшеніе на предлагаемое путешествіе, но

только съ тѣмъ условіемъ, что я отправлюсь въ путь въ качествѣ простаго путешественника, безъ всякаго офиціальнаго характера.

Я выѣхалъ изъ Константинополя 24-го Декабря въ сопровожденіи слуги, переводчика и двухъ Татаръ. Переправившись черезъ Босфоръ въ каякъ, я взялъ въ Скутари лошадей и направился на Нико-медію и Брусу въ Конію, гдѣ находилась главная квартира Египетской арміи.

Шли сильные дожди, погода стояла скверная. По мѣрѣ того какъ я удалялся отъ Константинополя, дождь замѣнялся снѣгомъ, холодъ становился все нестерпимѣе; когда же я взобрался на Малоазіатское плоскогорье, то снѣгу уже было почти на аршинъ, а термометръ по Реомюру показывалъ 17° холода. Я сильно страдалъ во время этого труднаго переѣзда, тѣмъ болѣе, что не всегда удавалось находить себѣ сколько-нибудь сносный ночлегъ. Страна, по которой я ѣхалъ, была страшно разорена Турецкими войсками, которые безъ всякаго милосердія обращались съ мирными сельскими жителями.

5-го Января 1833-го года я прибылъ въ Конію и въ ту минуту какъ въѣзжалъ въ городскіе ворота увидѣлъ, что изъ нихъ выѣзжаетъ опередившій меня на нѣсколько дней курьеръ Французскаго посольства въ Константинополь. Весьма вѣроятно, что Французскій посланникъ поторопился предупредить Ибрагима-пашу о моемъ пріѣздѣ съ цѣлью предостеречь его противъ тѣхъ предложеній, которыя мнѣ было поручено ему сдѣлать. Вообще политика Тюльрійскаго кабинета того времени отличалась подозрительностью и двуличностью, что представляло особенно рѣзкую противоположность съ открытыми и прямыми дѣйствіями императора Николая. Поведеніе Французскихъ представителей какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Александріи носило на себѣ отпечатокъ возмутительнаго пристрастія въ отношеніи Египетскаго паши; я даже убѣжденъ, что они отъ всего сердца желали, чтобъ Мехметъ-Али опоясался саблей Османа и сѣлъ султаномъ на мѣсто Махмуда въ Константинополѣ. Позднѣе, въ 1840-мъ году, симпатія Франціи къ Египту выразилась еще болѣе рѣзко и была между прочимъ причиной того отчужденія, которое этой державѣ пришлось испытать ото всей остальной Европы.

Едва успѣлъ я пріѣхать въ Конію, какъ получилъ аудіенцію у Ибрагима-паши. То было мое первое свиданіе съ этимъ знаменитымъ во многихъ отношеніяхъ человекомъ, съ которымъ въ послѣдствіи мнѣ пришлось видаться весьма часто. Ибрагимъ-паша былъ средняго роста; его рѣденькая борода уже начинала серебриться, хотя въ то время ему было не болѣе 40-ка лѣтъ отъ роду. Лице его было сильно изрыто оспою; во всей фигурѣ не было ничего внушительнаго, но

во взорѣ много огня, а въ рѣчахъ много живости. Ибрагимъ-паша вовсе не былъ необтесаннымъ дикаремъ, какъ мнѣ это говорили; напротивъ того, онъ глубоко пропитался Европейскими идеями и воззрѣніями. Онъ былъ хорошо знакомъ съ новѣйшими изобрѣтеніями въ военномъ искусствѣ и отлично зналъ взаимныя отношенія всѣхъ державъ. Францію онъ любилъ болѣе всѣхъ остальныхъ государствъ Европы, что совершенно понятно, такъ какъ Французы главнымъ образомъ познакомили Египетъ съ успѣхами просвѣщенія. Первое мѣсто въ данномъ случаѣ безспорно принадлежитъ Солиману-бею, регенту Сельву (Selve), начальнику главнаго штаба Египетской арміи, который пользовался большимъ вліяніемъ на Ибрагима-пашу. Сельвъ сперва служилъ во флотѣ, потомъ въ артиллеріи и, наконецъ, въ гусарскомъ полку; во Французской арміи онъ дослужился до чина полковника, позднѣе былъ флигель-адъютантомъ маршала Груші. Запущанный въ процессъ маршала Нея, или вѣрнѣе обвиненный въ покушеніи доставить этому генералу возможность бѣжать, Сельвъ былъ принужденъ покинуть Францію. Онъ пріѣхалъ въ Египетъ, поступилъ на службу къ Мехмету-Али, весьма скоро сообразилъ неудобство быть христіаниномъ, чтобы двигаться по службѣ соотвѣтственно своимъ дарованіямъ, и по расчетамъ честолюбія отрекся отъ своей вѣры.

Когда я вошелъ къ Ибрагиму-пашѣ, онъ сидѣлъ поджавъ подъ себя ноги на диванѣ и все время не останавливаясь покачивался изъ стороны въ сторону всѣмъ туловищемъ. Образомъ жизни не отличался онъ отъ большинства Турецкихъ сановниковъ. Онъ не курилъ, а изъ прислуги у него былъ всего одинъ человѣкъ. Въ Морѣе при немъ находилась еще цѣлая арія слугъ, которые составляютъ какъ бы необходимую принадлежность обстановки всякаго высокопоставленнаго лица въ Турціи. Убѣдившись въ бесполезности такой роскоши, Ибрагимъ-паша разомъ совершенно измѣнилъ образъ жизни. Для лежанья у него былъ всего одинъ коверъ; точно также только одна шуба. Нѣтъ сомнѣнія, что своимъ личнымъ примѣромъ Ибрагимъ-паша весьма способствовалъ изгнанію изъ Египетской арміи всего излишняго, что обыкновенно такъ сильно затрудняетъ въ военное время движеніе войскъ.

Послѣ самыхъ необходимыхъ привѣтствій я поспѣшилъ сообщить Ибрагиму-пашѣ о посольствѣ ген. Муравьева къ его отцу и передалъ ему все, что мнѣ было приказано. Затѣмъ я сильно настаивалъ на томъ, чтобы Ибрагимъ-паша пріостановилъ наступательное движеніе своей арміи по крайней мѣрѣ до полученія новыхъ приказаній отъ отца. Но должно сказать, что все свое краснорѣчіе я тратилъ напрасну: Ибрагимъ-паша не переставалъ твердить, что онъ совершенно

чуждъ политикѣ и что въ качествѣ командующаго арміей онъ вовсе не обязанъ разсуждать, а только исполнять получаемыя имъ отъ отца приказанія. Отклонивъ такимъ образомъ все мои предложенія, онъ продолжалъ: Откуда это у Русскаго императора такая горячая дружба къ султану, когда не далѣе, какъ четыре года тому назадъ онъ велъ противъ него войну?

Я.—Пока Турція отказывалась уважать права, присвоенныя намъ прежними договорами, мы вели съ нею открытую войну; съ той же минуты какъ султанъ попросилъ мира, миръ былъ ему дарованъ на широкихъ и великодушныхъ основаніяхъ.

Ибрагимъ.—Не стоило дѣлать такихъ большихъ тратъ ради удовлетворенія одного только преувеличеннаго чувства чести.

Я.—Война была ведена не изъ-за одного преувеличеннаго чувства чести, какъ вы выражаетесь, но и изъ-за нашей торговли, требовавшей обезпеченій. У насъ и въ мысляхъ никогда не было отнимать какихъ бы то ни было Турецкихъ владѣній. Находясь въ Адрианополѣ, мы были отъ Константинополя ближе, чѣмъ вы теперь отъ Коніи, и кромѣ того между нами и столицей Оттоманской имперіи не было Босфора.... И несмотря на это, развѣ мы не возвратили Турціи всѣхъ нашихъ завоеваній?

Ибрагимъ.—Но скажите-же, наконецъ, почему Русскій императоръ принимаетъ такое живое участіе въ судьбѣ султана?

Я.—Потому что, какъ я уже имѣлъ честь вамъ докладывать, его величество императоръ—вѣрный союзникъ и другъ его величества султана, и сверхъ того императоръ считаетъ войну, которую вы ведете противъ султана, въ высшей степени несправедливою.

Ибрагимъ.—А что вы называете несправедливою войною?

Я.—Мы называемъ несправедливою ту войну, которую управитель края, паша, ведетъ противъ своего государя.

Ибрагимъ.—Не смѣшивайте пожалуйста муссиръ-валисси (Египетскаго пашу) съ ничтожнымъ пашей какой-нибудь Коніи или Кутаи.

Я.—Я знаю, что Египетскій паша безъ всякаго сравненія богаче и могущественнѣе всѣхъ остальныхъ пашей, но тѣмъ не менѣе онъ подданный своего государя.

Ибрагимъ.—Вижу, что вы совершенно не знаете главной причины войны....

И онъ принялся весьма пространно разсказывать мнѣ все неудовольствія Мехмета-Али противъ Абдуллаха-пашы. Онъ говоритъ, что Порты не обращала никакого вниманія на жалобы его отца, что послѣ взятія Акры Мехметъ-Али, довольный тѣмъ, что наказалъ Абдуллахъ-

пашу, предложилъ Портѣ отдать ему это мѣсто; но султанъ желалъ видѣть въ немъ только возмутившагося вассала.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на разные другіе предметы. Ибрагимъ-паша очень много говорилъ со мною объ Индіи, о боязни Англичанъ, чтобы Русскіе когда-нибудь не отняли у нихъ этихъ завоеваній и о томъ, что по этому поводу говорилъ ему адмиралъ Малькольмъ. Затѣмъ онъ обратился къ проявлявшемуся всюду въ Европѣ революціонному духу и сказалъ, что это быстро распространяющійся пожаръ.

На слѣдующій день меня посѣтилъ Солиманъ-бей и передалъ мнѣ, что едва успѣлъ я наканунѣ удалиться отъ Ибрагима-паши, какъ, преслѣдуя нить своихъ собственныхъ мыслей, тотъ продолжалъ:—Какъ жалъ, что я не сдѣлалъ полковнику еще одного возраженія. Онъ называетъ насъ мятежниками; Греки были точно такіе же мятежники, а между тѣмъ три самыя могущественныя державы Европы соединились между собою и ратовали въ ихъ пользу.

При второмъ и послѣднемъ моемъ свиданіи съ Ибрагимомъ-пашей я обратилъ разговоръ на великое событіе дня, на Конійскую битву. Я очень скоро замѣтилъ, что разговоръ этотъ пріятно щекочетъ самолюбіе Ибрагима-паши, и вотъ слышатся мною изъ его устъ подробности объ этой столь гибельной для Оттоманской арміи битвѣ. Чтобы лучше объяснить свои слова, Ибрагимъ-паша взялъ карандашъ и собственноручно, на листѣ бумаги, начертилъ порядокъ размѣщенія своихъ войскъ во время битвы. Безъ единого выстрѣла прошла Египетская армія горными проходами Тавра и заняла Конію. Ибрагимъ-паша съ главными силами находился въ ней, когда получилъ извѣстіе, что на него идетъ великій визирь. Онъ тотчасъ же приказалъ осмотрѣть и изслѣдовать поле, на которомъ должна будетъ происходить битва. Конія лежитъ въ обширной, совершенно открытой равнинѣ; нигдѣ нѣтъ ни деревца, ни кустика. По направленію къ Югу, въ 4-хъ или 5-ти верстахъ отъ дороги въ Константинополь, равнина эта обрамлена цѣпью довольно крутыхъ холмовъ, которые тянутся вплоть до самаго города. Ибрагимъ-паша немедленно составилъ планъ битвы, заключавшійся въ томъ, чтобъ порывистымъ движеніемъ ударить на непріятеля смѣло, отрѣзать ему путь къ отступленію, т.-е. Константинопольскую дорогу, и отбросить его къ вышеупомянутой цѣпи холмовъ. Погода стояла холодная и, жалѣя своихъ солдатъ, Ибрагимъ-паша выступилъ изъ Коніи лишь послѣ того какъ получилъ извѣстіе, что великій визирь находится всего на разстояніи двухъ часовъ отъ города. Конница въ боевомъ порядкѣ, въ 1500 саженьяхъ отъ городскихъ садовъ, построилась на Константинопольской дорогѣ. Шесть развернутыхъ баталіоновъ составляли первую линію, другіе

точно также развернутые баталіоны составляли вторую линію, въ 400 шагахъ позади первой. Оба крыла арміи не имѣли никакой точки опоры; только по обѣ стороны боевой линіи въ 200 шагахъ отъ каждого ея крыла было построено по баталіону въ каре. Наконецъ, резервъ, состоявшій изъ 4-хъ баталіоновъ гвардіи и 16-ти эскадроновъ кавалеріи, составлялъ третью линію нѣсколько правѣ главныхъ Египетскихъ силъ. Передъ первой линіей было поставлено 16 пушекъ, передъ второй 6, а въ запасномъ отрядѣ 12. Египетская армія, участвовавшая въ сраженіи при Коніи, состояла изъ 15-ти тысячъ пѣхоты, 2-хъ тысячъ кавалеріи и имѣла 36 пушекъ. Оттоманская армія въ количествѣ 52-хъ тысячъ человекъ и съ 92 пушками двигалась въ одну долгую линію, по всей вѣроятности надѣясь, благодаря своему численному превосходству, разомъ со всѣхъ сторонъ окружить непріятеля. На разстояніи двухъ пушечныхъ выстрѣловъ отъ Египетской арміи Турки развернули свои баталіоны, до сихъ поръ шедшіе колоннами, и вскорѣ началась перестрѣлка. Стоялъ густой туманъ, и обѣимъ враждующимъ арміямъ только изрѣдка урывками приходилось видѣть другъ друга. Благодаря этому туману, Ибрагиму-пашѣ удалось привести въ исполненіе задуманный планъ сраженія. Пока первая и вторая линіи его арміи вели перестрѣлку съ непріателемъ, онъ двинулъ справа свои запасныя силы и перпендикулярно ударилъ въ лѣвое крыло Турецкой арміи. Завязалась самая жаркая битва. Турецкая армія, развернутая въ одну узкую линію, безъ запаснаго отряда, не могла устоять противъ натиска Египетскихъ кавалеріи и пѣхоты. Великій визирь дрался отчаянно; подъ нимъ убито двѣ лошади, плащъ его весь прострѣленъ пулями, но наконецъ онъ былъ принужденъ сдаться. Плѣнъ его произвелъ окончательный безпорядокъ въ Оттоманской арміи. Общее смятеніе было такъ велико, что часть Турецкой кавалеріи нашла возможность прорваться сквозь обѣ линіи Египетской арміи и въѣхать въ самый горедъ Конію, гдѣ она и оставалась въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Хотя туманъ и благопріятствовалъ бѣгству Турокъ, они тѣмъ не менѣе оставили побѣдителю 10 тысячъ человекъ плѣнныхъ и 42 пушки.

Объявивъ о своемъ намѣреніи ѣхать черезъ Сирію въ Египетъ, чтобы тамъ присоединиться къ г. Муравьеву, который впрочемъ по всѣмъ вѣроятіямъ еще не успѣлъ прибыть туда, я распростился съ Ибрагимомъ-пашей. Онъ снабдилъ меня письмами, необходимыми для того, чтобы я могъ вполне безпрепятственно добраться до Тарса, первого мѣста остановки на моемъ долгомъ пути.

Плоскогорье, по которому мнѣ приходилось проѣзжать, не прерываясь идетъ до самыхъ вершинъ Таврскихъ горъ. Холодъ съ

каждой минутой становился нестерпимѣе. Не съумѣю передать всѣхъ страданій, которыя мнѣ доводилось испытать пробѣгая этими негостепріимными горами, въ которыхъ нигдѣ нѣтъ жилья и по которымъ обыкновенно стараются пробѣжать какъ можно скорѣе, чтобы не заморить вьючныхъ животныхъ. Съ сѣверной стороны склонъ Таврскихъ горъ довольно отлогъ, почва здѣсь на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ поднимается незлѣтно; съ противоположной же стороны къ Караманскимъ долинамъ, наоборотъ, горы спускаются чрезвычайно круто.

Когда мы переѣзжали вершины Тавра, стояла совершенная зима, а 36 часовъ спустя я уже видѣлъ покрытыя плодами апельсиныя деревья. Не помню, чтобы когда-нибудь мнѣ приходилось испытать такую рѣзкую перемену температуры, что и подѣйствовало весьма губительно на мое здоровье. Въ самый вечеръ моего пріѣзда въ Тарсъ (мѣсто рожденія Апостола Павла) со мной сдѣлалась лихорадка, и я тотчасъ же догадался, что заболѣлъ опасно. Меня схватила лихорадка перемежающаяся, чрезвычайно злокачественнаго свойства, какъ и всѣ лихорадки въ этой странѣ. Я послалъ за единственнымъ врачомъ-Итальянцемъ, находившимся на службѣ при Египетской арміи. Онъ поспѣшилъ прописать мнѣ усиленные приемы хины. Въ нѣсколько дней ему дѣйствительно удалось прервать лихорадку; но я чувствовалъ себя до такой степени слабымъ и больнымъ, что съ моей стороны было бы настоящимъ безуміемъ ѣхать далѣе. Такимъ образомъ поневолѣ мнѣ пришлось отказаться отъ путешествія въ Египетъ, и я рѣшилъ вернуться въ Константинополь моремъ, въ надеждѣ, что перемена воздуха поможетъ мнѣ выздороветь. Въ гавани въ то время стоялъ нагруженный хлѣбомъ Греческій корабль, направлявшійся въ Смирну; я, нимало не раздумывая, взялъ себѣ на немъ мѣсто. Едва успѣлъ я пробыть одни сутки въ морѣ, какъ со мною снова сдѣлалась сильнѣйшая лихорадка; я до такой степени изнемогъ, что, пріѣхавъ къ острову Родосу, убѣдился въ полной невозможности продолжать путь.

Англійскій консулъ въ Родосѣ, Вилькинсонъ, узнавъ о моемъ безпомощномъ состояніи, былъ настолько добрѣ, что посѣтилъ меня на кораблѣ и предложилъ переѣхать къ нему въ домъ; разумеется, я съ большой радостью и глубокой признательностью принялъ его приглашеніе. Я провелъ цѣлыхъ три недѣли въ семействѣ этого достойнаго человека, который заботился обо мнѣ, какъ о родномъ братѣ. Мѣстный врачъ Ланцони лѣчилъ меня совершенно иначе, чѣмъ Тарскій эскулапъ. Благодаря его попеченіямъ и прекрасному климату острова Родоса, я очень скоро вполне оправился отъ тяжелаго недуга

Островъ Родосъ оставилъ во мнѣ неизгладимыя воспоминанія; не знаю, благодаря ли его исключительному чудесному климату, благодаря ли испытанному мною удовольствію выздоровленія, но мнѣ всегда впослѣдствіи казалось, что хорошо было бы жить и умереть въ этомъ земномъ раю.

Когда ко мнѣ начали возвращаться силы, я сталъ предпринимать верхоми на ослѣ прогулки въ разныя части острова, который въ сущности очень невеликъ. Главная улица крѣпости называется улицей Рыцарей, потому что на фасадахъ всѣхъ домовъ высѣчены рыцарскіе гербы Іоанитскаго ордена, которымъ нѣкогда они принадлежали. Можетъ быть, случившееся позднѣе землетрясеніе частью разрушило эти средневѣковые памятники, но въ 1833 году всѣ зданія были еще въ очень хорошемъ состояніи.

Чувствуя быстрое возстановленіе силъ, я нанялъ большую рыбачью лодку и переправился на другую сторону пролива въ Мармарицкую гавань, лежащую какъ разъ противъ острова Родоса. На всемъ Малоазіатскомъ берегу нѣтъ болѣе обширной и лучше защищенной гавани; здѣсь цѣлый флотъ можетъ стоять на якорѣ. Часа черезъ два я ступилъ на твердую землю, взялъ почтовыхъ лошадей и пустился въ Смирну. Въ Смирнѣ я пробылъ всего два дня и останавливался въ домѣ нашего консула Иванова. Затѣмъ снова на почтовыхъ лошадяхъ я поѣхалъ черезъ Магнезію въ Константинополь, куда наконецъ и прибылъ послѣ слишкомъ двухмѣсячнаго отсутствія.

За это время произошло одно весьма важное событіе: эскадра Черноморскаго флота подъ начальствомъ контръ-адмирала Лазарева вошла въ Босфоръ и бросила якорь передъ Русскимъ дворцомъ въ Буюкдере. Точно также съ минуты на минуту ожидалось прибытіе на транспортныхъ судахъ нѣсколькихъ тысячъ высаднаго войска.

Вотъ чѣмъ было вызвано это событіе.

Когда въ Константинополѣ было получено извѣстіе, что Ибрагимъ-паша, не смотря на мои доводы, двигается по направленію къ Кутайѣ, рейсъ-эффенди, по приказанію султана, подалъ нашему посланнику ноту, въ которой султанъ офиціально просилъ Государя на защиту его столицы прислать ему эскадру съ четырьмя или пятью тысячами человѣкъ экипажа и кромѣ того отъ двадцати пяти до тридцати тысячъ человѣкъ сухопутнаго войска. Это обращеніе къ великодушію императора Николая достигло Петербурга 12-го Февраля, и въ тотъ же день былъ отданъ приказъ о принятіи наивозможно быстрыхъ мѣръ къ исполненію просьбы султана; что же касается до эскадры Лазарева, то, по первому знаку нашего посла, согласно

даннымъ ему инструкціямъ, она еще втораго Феврала двинулась къ Константинополю.

Въ этотъ промежутокъ времени положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось. Египетская армія, по приказанію Мехмета-Али, вслѣдствіе настояній г. Муравьева, прекратила свое наступательное движеніе, и грозившая столицѣ опасность теперь была уже не такъ велика. Между Русскимъ посольствомъ и Оттоманскимъ министромъ состоялось соглашеніе, по которому, согласно желаніямъ, выраженнымъ его величествомъ султаномъ, эскадра наша должна была отправиться въ Сизополь, самую близкую къ Константинопольскому проливу гавань, и стоять тамъ для того, чтобы быть на готовѣ при первой надобности идти на помощь къ султану. Высадное войско должно было получить точно такой же приказъ. Вполнѣ естественно, что такое соглашеніе весьма не понравилось контръ-адмиралу Лазареву, который былъ того мнѣнія (и весьма основательнаго), что было бы несовмѣстно съ достоинствомъ Россіи, еслибы эскадра ушла изъ Босфора послѣ того, какъ она явилась туда по чрезвычайному зову самого султана. Лазаревъ говорилъ, что разъ уже Русскіе пришли сюда, то и должны оставаться здѣсь. Чтобы не трогаться съ мѣста, онъ, между прочимъ, ссылаясь на встрѣчный вѣтеръ.

Съ другой стороны Французскіе журналы и газеты имѣли неловкость истолковать благосклонность Императора съ Французской точки зрѣнія и отнести распоряженіе насчетъ Русской эскадры къ хлопотамъ предъ Портой Французскаго посланника Руссена. Такое вовсе не имѣвшее основаній увѣреніе глубоко оскорбило самолюбіе императора Николая. Возможно, что въ дипломатіи происходили волненія и что недоброжелательные толки относительно Россіи ходили изъ устъ въ уста; но возможно также и то, что, придя въ себя отъ перваго страха, султанъ самъ выразилъ нѣкотораго рода колебаніе и сомнѣніе. Но такъ какъ въ то же время было получено извѣстіе, что, не смотря на обѣщанія Мехмета-Али, отрядъ арміи Ибрагима-паши занялъ Смирну, Магнезію и Баликезеръ, по пути свергая всѣ поставленныя отъ султана власти, то всѣ прежнія приказанія были отмѣнены и вмѣсто нихъ даны другія, а Бутеневу было предписано офиціально объявить: эскадра и сухопутныя войска, присланныя на помощь султану, по чрезвычайной просьбѣ этого государя, будутъ стоять на своихъ прежнихъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока Ибрагимъ-паша не покинетъ Малой Азіи и не перейдетъ Таврскаго хребта, а также пока Египетскій паша не подпишетъ всѣхъ сдѣланныхъ ему Портой предложеній.

Морская дивизія такъ и осталась на мѣстѣ своей стоянки въ Босфорѣ, и вскорѣ затѣмъ двѣ пѣхотныя бригады съ соотвѣтствующей имъ артиллеріей высадились на Азіятскомъ берегу пролива и стали лагеремъ противъ Буюкдере близъ Хункиари-Эскелеси. Само собою разумѣется, что Франція и Англія смотрѣли съ чувствомъ глубокаго неудовольствія на такое появленіе Русскихъ силъ у воротъ столицы Оттоманской имперіи. Въ это-то время и появилась знаменитая статья въ *Journal des Débats*, походившая на звонъ набатнаго колокола и начинавшаяся словами: Вотъ наконецъ осуществленіе мечтаній честолюбивой Екатерины. Наше положеніе въ то время въ Турціи было таково, что Порта считала неприличнымъ и невозможнымъ отказать намъ въ чемъ бы то ни было. А потому Муравьевъ и счелъ своевременнымъ воспользоваться такимъ единственнымъ случаемъ (который могъ и не повториться въ теченіи цѣлаго столѣтія) для самаго тщательнаго изученія Дарданельскаго пролива какъ въ топографическомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи его теченій, а также и для собранія точныхъ свѣдѣній объ оборонительныхъ укрѣпленіяхъ пролива и объ ихъ вооруженіи.

Дѣло это было поручено мнѣ, и въ мое распоряженіе даны инженеръ-подполковникъ Бюрно, капитанъ Гейнрихсъ и въ качествѣ переводчика лейтенантъ Дайнези; отъ флота къ нашей экспедиціи были откомандированы лейтенанты Путятинъ и Корниловъ, но прямо подчинены мнѣ они не были. Въ первыхъ числахъ Апрѣля мы выѣхали на фрегатѣ въ Галиполи. Позднѣе я поселился на Азіятскомъ берегу пролива въ Чанакъ-Кале, гдѣ жилъ Селехъ-паша, главный командиръ обоихъ береговъ. Отсюда, какъ изъ центра, мнѣ было удобно послѣдовательно осмотрѣть всѣ крѣпости пролива. Могу сказать, что мы не потеряли времени даромъ и въ теченіе шести недѣль были сильно заняты. Бюрно и Гейнрихсъ, благодаря своей исключительной способности снимать выпуклые планы, особенно оказались мнѣ полезными. Что же касается морскихъ офицеровъ, то они ограничились измѣреніемъ глубины морскаго дна. Результатомъ моихъ личныхъ наблюденій и трудовъ товарищей моихъ была весьма подробная докладная записка объ укрѣпленіяхъ Дарданельскаго пролива и значительное количество плановъ; все это, по всей вѣроятности, должно храниться въ секретномъ отдѣленіи Главнаго Штаба.

Возвращаясь около половины Мая назадъ, я впервые увидѣлъ восхитительное зрѣлище, которое представляютъ взору Константинополь, Скутари и острова Принцевъ, на пути изъ Мраморнаго моря въ Константинополь. Графа Орлова я уже засталъ въ Буюкдере. Онъ пріѣхалъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла и главнокомандующаго

нашими морскими и сухопутными силами. Дабы придать болѣе единства дѣйствіямъ нашей дипломатіи и положить конецъ постоянно происходившимъ распрямъ между Бутеневымъ, Муравьевымъ и Лазаревымъ (особенно между двумя послѣдними), императоръ Николай счелъ необходимымъ сосредоточить всю власть въ рукахъ одного лица, которому онъ могъ вполне довѣряться. Въ тоже время я получилъ назначеніе состоять подъ непосредственнымъ начальствомъ графа Орлова. Сознаясь, что это доставило мнѣ истинное удовольствіе; ибо трудно было имѣть болѣе непріятнаго начальника какъ г. Муравьевъ. У него былъ даръ утомлять до полного изнеможенія всѣхъ своихъ подчиненныхъ; иногда онъ будилъ своихъ адъютантовъ среди глубокой ночи, чтобы велѣть имъ написать какую-нибудь незначительную бумагу, которую можно было, безъ всякаго ущерба, написать и отправить на другой день утромъ. Тщеславный, солдатски требовательный, упрямый Муравьевъ со всѣми былъ въ дурныхъ отношеніяхъ, и всякій считалъ себя счастливымъ, если у него не было съ нимъ дѣла.

Примиреніе съ Египтомъ начинало понемногу устриваться, благодаря присутствію нашихъ воинскихъ силъ по близости Константинополя и также стараніямъ Французскаго посланника, убѣдившаго Египетскаго пашу принять условія мира, предложенныя султаномъ.

Наканунѣ прибытія графа Орлова въ Буюкдере, султанъ пожаловалъ Мехмета-Али намѣстничествомъ Сиріи, а Ибрагима-пашу званіемъ магазили, главнаго управителя Аданскаго округа.

Итакъ надо было ожидать, что тотчасъ же начнется возвратное движеніе Египетской арміи. Но чтобы вполне удостовѣриться въ этомъ, капитанъ Главнаго Штаба баронъ Ливень съ однимъ изъ старыхъ офицеровъ Оттоманской арміи полковникомъ Гафизъ-беємъ получилъ приказаніе отправиться въ Малую Азію и слѣдовать за Египетской арміей, пока она не перейдетъ Таврскихъ горъ. Въ этотъ промежутокъ времени въ Константинополѣ одно празднество смѣнялось другимъ, а самое великолѣпное изъ нихъ безъ всякаго сомнѣнія было празднество, устроенное графомъ Орловымъ въ Буюкдерскомъ дворцѣ. Садъ, расположенный нисходящими террасами, былъ иллюминированъ съ большимъ вкусомъ и представлялъ волшебное зрѣлище. Военные Русскіе и Турки, Турецкія должностныя лица всѣхъ званій и чиновъ, иностранные дипломаты всѣхъ Европейскихъ дворовъ, наконецъ все общество Перы толпилось въ залахъ и садахъ Русскаго посольства. Присутствовалъ здѣсь инкогнито и самъ султанъ. Празднество это, безъ сомнѣнія, оставившее глубокое впечатлѣніе въ памяти всѣхъ на немъ бывшихъ, закончилось роскошнымъ ужиномъ и великолѣпнымъ фейерверкомъ. Султанъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ нашъ

флотъ, а сухопутныя войска произвели въ его присутствіи разныя эволюціи....

VII

Когда я возвратился въ Петербургъ, императоръ Николай только что отправился путешествовать по Россіи. Позднѣе онъ долженъ былъ проѣхать въ Мюнхенгретцъ, въ Богемію, гдѣ было условлено свиданіе между нимъ, императоромъ Австрійскимъ и королемъ Прусскимъ. Такимъ образомъ мнѣ пришлось до Октября мѣсяца дожидаться возвращенія Государя въ Петербургъ.

Аудіенція была мнѣ назначена въ Красносельскомъ Александровскомъ дворцѣ, и я въ первый разъ въ жизни очутился съ глазу на глазъ съ Его Величествомъ. Тогда же записалъ я милостивыя рѣчи Государя и могу почти слово въ слово передать все, что я удостоился въ тотъ день слышать изъ собственныхъ устъ Императора.

«Благодарю васъ, любезный полковникъ, за прекрасное исполненіе возложеннаго на васъ послѣдняго порученія, которое вы впрочемъ исполнили такъ-же хорошо, какъ и всѣ предъидущія. Вы только что успѣли вернуться, а я тѣмъ не менѣе отдыхать вамъ не дамъ; вы мнѣ нужны; я желаю послать васъ въ далекій край. Понимаю, что путешествіе это не можетъ вамъ быть особенно пріятно, но все-таки надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ томъ. Всѣ получаемыя мною изъ Египта извѣстія и все что мнѣ передалъ подполковникъ Прокешъ, съ которымъ я видѣлся въ Мюнхенгретцѣ, все это болѣе и болѣе убѣждаетъ меня, что намъ необходимо имѣть въ Египтѣ человѣка, на котораго можно вполне полагаться. Французы и Англичане, помимо своего собственнаго желанія, оказали мнѣ большія услуги своими происками и двуличными дѣйствіями, ибо они тѣмъ самымъ обнаружили всѣмъ прямоту моихъ собственныхъ намѣреній. Я желаю, чтобы передъ Мехметомъ-Али вы не выражали никакой настойчивости; по словамъ Прокеша, именно такимъ способомъ и можно пріобрѣсти надъ нимъ большое вліяніе. Видѣть его можно каждый день въ 9 часовъ; къ нему приходятъ подъ предлогомъ пить чай, завязываютъ съ нимъ разговоръ, и въ такихъ случаяхъ иногда онъ бываетъ до невѣроятности довѣрчивъ».

«Я желаю, чтобы Россія имѣла вліяніе на Египетъ; по своему географическому положенію и могуществу она должна имѣть силу на всемъ Востокѣ. Хотя я вовсе не желаю разыгрывать изъ себя посредника между султаномъ и его могущественнымъ вассаломъ, тѣмъ не менѣе вы можете дать понять Мехмету-Али, что никто не въ состояніи быть ему полезенъ болѣе меня, лишь бы онъ не переступалъ разумныхъ границъ. Особенно же дайте ему понять, что я лично вовсе

въ немъ не нуждаюсь, но что желаю быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ вассаломъ, котораго самъ султанъ сдѣлалъ почти независимымъ. Если съ Египтомъ могутъ завязаться выгодныя для моихъ подданныхъ торговыя сношенія, то я буду весьма этому радъ. Во всякомъ случаѣ вы должны бдительно слѣдить за всѣми дѣйствіями Мехмета-Али. Можетъ быть, вы уже знаете, что онъ говоритъ про себя, что онъ Филиппъ и указываетъ на одного изъ своихъ младшихъ сыновей, называя его Александромъ. Ну такъ не слѣдуетъ допускать, чтобы изъ тѣхъ мѣстъ могъ появиться Александръ. Что же касается до вашихъ товарищей, консуловъ, то постарайтесь быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ Австрійскимъ; ибо я могу выражать только одобреніе Австріи, пока она будетъ держать себя такъ какъ теперь. Съ консулами Французскимъ и Англійскимъ будьте крайне вѣжливы—и только. Прокешъ говоритъ, что у Мехмета-Али не менѣе ста тысячъ войска, большая часть его силъ оставалась въ Египтѣ, а это не согласуется съ нашими свѣдѣніями. Прокешъ полагаетъ, что Египетскія суда не могутъ служить долѣе шести лѣтъ, но, прибавляетъ онъ, за то ихъ и строить съ изумительной быстротою. Такъ, напримѣръ, одинъ Египетскій фрегатъ былъ выстроенъ въ 42 дня. Я никакъ этого понять не могу. Я думалъ, что самъ строилъ суда очень (даже пожалуй слишкомъ) скоро; правда, меня къ этому принуждали обстоятельства, но несмотря на это мнѣ никогда не удавалось употребить на постройку фрегата менѣе 6-ти, 7-ми мѣсяцевъ. Построить фрегатъ въ 42 дня просто невѣроятно; мнѣ даже кажется, что Прокешъ немножко приуменьшаетъ. Знаю, вамъ еще не дано никакихъ инструкцій; но я ожидаю Нессельроде, чтобы вмѣстѣ съ нимъ уладить все относительно вашей поѣздки. Возвращаясь снова къ вашему посольству и къ тому какъ именно я желаю, чтобы вы представляли меня, мнѣ остается прибавить нѣсколько словъ. Политика моя прямая, открытая, скажу пожалуй почти военная; вотъ почему выборъ мой и палъ именно на васъ».

Проницательность и опытность подполков. Прокеша весьма высоко цѣнились всѣми. Онъ только что вернулся отъ Мехмета-Али, у котораго исполнилъ все возложенное на него къ полному удовольствію своего правительства. Съ нимъ совѣщивались монархи, съѣхавшіеся въ Мюнхенгретцъ, и просили его письменно изложить его наблюденія и мнѣнія. Прокешъ обладалъ чрезвычайной живостью воображенія; онъ былъ столько же поэтъ какъ и дипломатъ; его сочиненія служатъ тому доказательствомъ. Хотя я не думаю, чтобы можно было согласиться со всѣмъ, что онъ выставляетъ на видъ, тѣмъ болѣе что предсказанія его далеко не всегда оправдывались; но тѣмъ не менѣе я считаю нелишнимъ привести здѣсь наблюденія и мнѣнія подполковника

Прокеша въ томъ видѣ, въ какомъ нѣкогда они были сообщены мнѣ въ руководство въ моихъ собственныхъ дѣйствіяхъ на Востокѣ. Прокешъ усилилъ предубѣжденія, которыя обнаруживались въ то время въ высшихъ правительственныхъ сферахъ.

Мнѣнія подполковника Прокеша о Египетскомъ вопросѣ.

Мюнхенгретцъ, 18-го Сентября 1833 г.

1) Мехметъ-Али совершенно отказался отъ мысли свергнуть султана, какъ для воцаренія въ Турціи новой династіи, такъ и для учрежденія регентства, которое бы находилось въ полной зависимости отъ него.

2) Мысль эта никогда не была ясно опредѣлена въ головѣ Мехмета-Али; она явилась у него вслѣдствіе его побѣдъ, а теперь уже замѣнена другою—создать Арабское государство.

3) Последняя мысль очень его занимаетъ. Религія не препятствуетъ осуществленію ея, ибо религіозный глава, Меккскій шерифъ, человѣкъ вполне преданный Мехмету-Али. Общественное мнѣніе также поддерживаетъ его во всѣхъ его дѣйствіяхъ; религіозный и политическій фанатизмъ всецѣло обратился противъ нынѣ царствующей въ Константинополѣ династіи; превосходство средствъ Мехмета-Али надъ средствами Порты громадно. Мехметъ-Али безъ устали работаетъ надъ приведеніемъ своей мысли въ исполненіе; онъ ведетъ переговоры со всѣми вліятельными родами Багдада, города, на который смотрятъ какъ на центръ Арабскаго населенія, а также и со всѣми племенами Месопотаміи. Онъ пользуется почти неограниченнымъ вліяніемъ на всѣхъ независимыхъ князьковъ, живущихъ по берегамъ Персидскаго залива и Индійскаго океана. Чиновниковъ Турокъ онъ всюду замѣняетъ Арабами. Онъ постоянно старается объ умноженіи своихъ средствъ и своего значенія и объ усиленіи своихъ армій и флота. Арабы смотрятъ на него, какъ на мстителя за калифовъ, какъ на Божьяго избранника, которому предназначено снова возвеличить славу Мусульманъ.

4) Чтобы привести эти замыслы въ исполненіе, Мехметъ-Али ждетъ тѣлько переполоха въ Константинополѣ, по его словамъ неизбежнаго и непредотвратимаго. Когда придетъ время, онъ намѣренъ объявить себя главою Арабскаго государства; за своими надежными укрѣпленіями онъ считаетъ себя вполне безопаснымъ отъ всякихъ нападений. Европейскую Турцію и даже области по ту сторону Тавра онъ намѣренъ предоставить на усмотрѣніе другихъ державъ.

б) Есть причины опасаться того, чтобы Мехметъ-Али какъ либо не ускорилъ нужнаго ему такового событія въ Константинополь. На это его могутъ подвинуть:

а) Европейская война; б) Происки Франціи и пассивное отношеніе къ дѣлу Англіи; в) Ослабленіе самой Порты, которая можетъ сдѣлать попытку снова приобрѣсти Сирію; г) Честолюбіе Ибрагима-паши и безпокойное честолюбіе всего его двора (за исключеніемъ Богхоса, человѣка умѣреннаго и миролюбиваго). е) Убѣжденіе, что всѣ приготовленія окончены, что часъ для исполненія его замысловъ насталъ, что всякое промедленіе будетъ ошибкой и непременно повредить всему дѣлу. Всѣ эти вліянія могутъ нарушить спокойствіе всей Европы и быть гибельны для Турціи; для борьбы съ ними и побѣды надъ ними мнѣ кажутся необходимыми и вполнѣ достаточными слѣдующія мѣры:

- 1) Не предоставлять Александріи вліянію одной только Франціи.
- 2) Принудить Турцію держаться мудрой умѣренности, обращаться съ крайнимъ уваженіемъ съ Мехметомъ-Али, стараться снискать дружбу Богхосъ-бея, вліяніе котораго стоитъ вліянія Ибрагима-паши и всѣхъ остальныхъ людей, имѣющихъ значеніе въ Египтѣ.
- 3) Помѣстить въ Багдадъ Абдуллахъ-пашу и тѣмъ самымъ дать Арабской оппозиціи точку опоры противъ Мехмета-Али и такимъ образомъ, если возможно, оттянуть или даже вовсе помѣшать всѣмъ его приготовленіямъ.

*

Вскорѣ графъ Нессельроде вернулся въ Петербургъ, я получилъ всѣ необходимыя инструкціи и прямо отправился въ Одессу, гдѣ меня ждалъ люгеръ *Широкій* для отвоза въ Константинополь. Люгеромъ этимъ командовалъ лейтенантъ Метлинъ, который въ послѣдствіи на весьма короткое время былъ морскимъ министромъ. «Широкій» былъ очень маленькое судно, на дворѣ стояла осень, море было бурное, и насъ очень сильно качало.

Въ Вуюкдере я пересѣлъ на Русскій фрегатъ «Улиссъ», на которомъ и долженъ былъ переправиться въ Египетъ. Со мною ѣхали секретарь консульства Лависонъ и переводчикъ Поповъ, который хотя и воспитывался въ Петербургскомъ Институтѣ Восточныхъ Языковъ, но не говорилъ ни по-турецки, ни по-арабски, и потому былъ для меня вполнѣ бесполезенъ. «Улиссъ» былъ фрегатъ ветхій, плохого хода, и капитанъ его далеко не былъ мастеромъ своего дѣла. По ночамъ мы болѣею частію стояли на якорѣ во всѣхъ встрѣчавшихся гаваняхъ. Обѣхавъ островъ Кандію и направившись прямо къ Югу, мы, наконецъ, увидѣли плоскій берегъ Египта и, благодаря искусству проводниковъ, благополучно пробрались между песчаными мелями, окружающими Александрійскую гавань.

1 (13) Января 1834 года я ступилъ на Египетскую землю, гдѣ провелъ чрезвычайно интересныхъ четыре года моей жизни.

Мехметъ-Али и его первый министр Богхосъ-бей, Армянинъ родомъ и вѣроисповѣданіемъ, приняли меня очень любезно. Было очевидно, что Египетскій паша весьма польщенъ тѣмъ, что при его особѣ будетъ находиться представитель Русскаго императора. Мнѣ удалось сразу заслужить расположеніе Мехмета-Али, который постоянно выказывалъ ко мнѣ столько благосклонности, что всѣ мои товарищико-консулы кончили тѣмъ, что стали мнѣ завидовать.

Я часто бывалъ у Мехмета-Али, въ разговорахъ съ нимъ проводилъ цѣлые часы и никогда не подавалъ ему ни малѣйшаго повода къ неудовольствію на себя; ибо торговля Русскихъ подданныхъ въ Египтѣ была до такой степени незначительна, что мнѣ весьма рѣдко представлялся случай обращаться къ нему съ какими бы то ни было требованіями, что обыкновенно дѣйствовало на него раздражительно.

Между прочимъ мнѣ какъ-то удалось выхлопотать помилованіе нѣсколькимъ Египетскимъ матросамъ, приговореннымъ за бѣгство со службы къ смертной казни, а между тѣмъ Мехметъ-Али отказывалъ въ этомъ помилованіи всѣмъ, кто пытался хлопотать за этихъ несчастныхъ. Много лѣтъ спустя, будучи въ Константинополѣ у султана, въ разговорѣ съ Титовымъ, бывшимъ въ то время Русскимъ посланникомъ, Мехметъ-Али выразился обо мнѣ слѣдующимъ образомъ: «Единственно, въ чемъ я могу упрекать полковника Дюгамеля, это въ томъ, что онъ постоянно бралъ у меня займы, никогда не желая въ свою очередь одолжать меня». Говоря же попросту, это означало, что я постоянно старался все вывѣдывать у него и не платилъ ему тѣмъ же довѣріемъ. Съ моими братьями, остальными консулами, я также былъ въ добрыхъ отношеніяхъ. Австрійскій консулъ, Ачерби, былъ человѣкъ весьма образованный, съ обширными познаніями въ наукахъ. Мехметъ-Али съ нимъ былъ просто на ножахъ вслѣдствіе того, что тотъ не разъ препятствовалъ исполненію честолюбивыхъ замысловъ его. Англійскому консулу сэру Патрику Кемпбелю было уже лѣтъ шестьдесятъ; нѣсколько чопорный, подобно всѣмъ Англичанамъ, онъ былъ воплощеніемъ честности и прямоты. Поведеніе Французскаго консула Мимѡ было, можетъ быть, и не вполне безупречно, и на немъ невольно отражались лукавство и двуличіе политики Тюльерійскаго кабинета. Но самымъ симпатичнымъ для меня изъ всѣхъ моихъ товарищей, съ которыми я видался почти каждый день, былъ Анастаси, консулъ Швеціи и Норвегіи, который въ тоже время былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ негоціантовъ Александріи. Этотъ достойный человѣкъ, по происхожденію Грекъ (дочь его была замужемъ за Бе-

недетти, который въ настоящее время состоитъ Французскимъ посланникомъ при Берлинскомъ дворѣ), выказывалъ мнѣ истинно сердечное расположеніе. По отъѣздѣ изъ Египта я постоянно переписывался съ нимъ до самой его смерти.

Жителей Сѣвера Египетъ страшно поражаетъ противоположностью съ ихъ собственной родиной. Не только растительное царство отличается удивительнымъ богатствомъ своихъ произведеній, которыхъ почти нельзя встрѣтить подъ тою же широтой (разновидная пальма, сахарный тростникъ, хлопокъ, индиго, макъ, изъ котораго добывается опиумъ), но и самый порядокъ времени года совершенно не тотъ, что у насъ. Хлѣбъ сѣять въ Ноябрь, когда Ниль войдетъ въ берега послѣ своего разлитія. Въ теченіи зимнихъ мѣсяцевъ поля бываютъ покрыты самой роскошной растительностію, а въ Февралѣ и Мартѣ собирается жатва. Однимъ словомъ, зима здѣсь лучшее время года. Мехметъ-Али и всѣ консулы обыкновенно на зиму переѣзжаютъ въ Каиръ, гдѣ никогда не бываетъ дождей и гдѣ удивительно хорошъ воздухъ. Лѣтомъ же самое пріятное въ Египтѣ мѣсто—Александрія, избавленная отъ особенно удушливыхъ жаровъ вслѣдствіе того, что съ моря постоянно дуетъ освѣжительный вѣтеръ.

Значительное число знатныхъ путешественниковъ, посѣтившихъ въ этомъ году Египетъ, также немало способствовало привлекательности этой страны, поставленной въ самыя выгодныя условія какъ природой, такъ и своимъ географическимъ положеніемъ. Египетъ посѣтило множество ѣздившихъ въ Индію и возвращавшихся оттуда Англичанъ, множество Французовъ и Итальянцевъ, которые завѣдывали фабриками, школами и разными отраслями управленія; въ томъ числѣ было, разумѣется, и значительное число всякаго рода искателей приключеній.

Я уже не засталъ въ Египтѣ знаменитаго Шамполиона, посвятившаго большую часть жизни на изученіе гіероглифовъ; но я слышалъ о немъ много рассказовъ. Мнѣ кажется, что, не смотря на свои глубокія познанія, онъ не былъ однако чуждъ извѣстнаго рода шарлатанства. Такъ, мнѣ рассказывали, что, читая однажды въ многочисленномъ собраніи одну недавно открытую гіероглифическую надпись, онъ вдругъ неожиданно оборвалъ чтеніе и сказалъ, что тутъ есть географическая ошибка. По моему, это уже слишкомъ.

При мнѣ въ качествѣ путешественниковъ были въ Египтѣ маршалъ Мармонъ, герцогъ Рагузскій, князь Пюклеръ-Мюскау и, наконецъ, миссіонеръ Еврейскаго происхожденія Вольфъ, который ѣздилъ по всему Востоку, разыскивая 10 колѣнъ Израильскихъ, упоминаемыхъ въ Библии. Я былъ счастливъ, что могъ предложить гостепріимство двумъ

русскимъ путешественникамъ, А. С. Норову и Андрею Ивановичу Саурову. Вмѣстѣ съ Норовымъ я взбирался на большую Гизейскую пирамиду и до сихъ поръ дивлюсь тому, какъ могъ онъ съ своей девяностилѣтней ногой совершить такой трудный подъемъ.

Мнѣ не было необходимости быть особенно проницательнымъ, чтобы весьма скоро убѣдиться, что наскоро заключенный въ Кутайфъ миръ между султаномъ и Мехметомъ-Али весьма ненадеженъ. Махмудъ нетерпѣливо грызъ свои удила и никакъ не могъ утѣшиться въ отери Сиріи и Аданскаго округа, которыхъ лишился вслѣдствіе возмущенія своего вассала. Съ другой стороны, Мехметъ-Али не имѣлъ никакого ручательства на будущія времена: достаточно было какой-нибудь прихоти султана, чтобы отнять у него обратно всѣ сдѣланныя ему уступки. Ему мало теперь было увѣренности въ пожизненномъ владѣніи управляемыми имъ землями; онъ стремился порвать послѣднія нити своего подданства въ отношеніи Турціи, желалъ себѣ полной независимости, желалъ имѣть право передать свои владѣнія своимъ потомкамъ. Положеніе было самое натянутое. Личныя взаимныя чувства султана и Мехмета-Али точно также не могли содѣйствовать улучшенію ихъ отношеній. Мехметъ-Али питалъ непримиримую ненависть къ султану и его министрамъ, особенно къ Хозревъ-паша, на котораго онъ смотрѣлъ какъ на своего личнаго врага; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ никакъ не старался скрывать своихъ чувствъ. Съ своей стороны Махмудъ точно также ненавидѣлъ своего вассала. Такимъ образомъ миръ въ Востокѣ висѣлъ на волоскѣ, и легко было предвидѣть, что немного раньше, немного позже, но новый взрывъ неудовольствій съ обѣихъ сторонъ неминуемъ.

Съ самаго 1834 года Мехметъ-Али, безъ моего вѣдома, обращался къ кабинетамъ Лондонскому, Парижскому и Вѣнскому съ разными предложеніями, требуя для себя полной независимости. Онъ полагалъ, что для достиженія этой цѣли ему будетъ достаточно возбудить въ морскихъ державахъ недовѣріе и зависть къ Россіи. И то и другое дѣйствительно существовало; но до объявленія Россіи войны было еще далеко, и въ этомъ была ошибка Мехмета-Али. Всеобщая ненависть къ Россіи усилилась со времени заключенія Хункиарь-Эскелесійскаго договора, противъ котораго особенно горячо ратовалъ пылчивый и раздражительный лордъ Понсонби, Англіійскій посланникъ въ Константинополь. Онъ утверждалъ, что договоръ этотъ составленъ въ ущербъ другому, прежнему договору, заключенному между Великобританіей и Турціей въ 1809 году. Хотя Хункиарь-Эскелесійскій договоръ былъ заключенъ на восемь лѣтъ, но Русское правительство, для общаго успокоенія, гораздо ранѣе срока отказалось отъ выговорен-

ныхъ въ немъ правъ. Я никогда не могъ понять, какія особенныя выгоды для Россіи, за исключеніемъ удовлетворенія честолюбія, доставилъ ей этотъ договоръ. Пока мы оставались въ добрыхъ отношеніяхъ съ Турціей и по прежде заключеннымъ договорамъ, она была обязана не пропускать чужихъ флотовъ въ Черное море: настаивать на этомъ было все равно что выламывать открытую дверь. Въ случаѣ же войны съ Турціей всѣ заключенные съ нею договоры теряли значеніе, и ничто не могло помѣшать султану позвать себѣ на помощь чей бы то ни было флотъ, какъ это дѣйствительно случилось во время Крымской войны.

На этотъ разъ Мехмету-Али не удалось ничего добиться; его смѣлыя предложенія были отвергнуты рѣшительно всѣми. Всѣ три кабинета, Лондонскій, Парижскій и Вѣнскій, рѣзко высказали ему свое неудовольствіе по поводу того, что онъ снова затронулъ вопросъ, уладить который стоило такихъ большихъ усилій. Разговаривая по этому поводу въ Парижѣ съ Французскимъ консуломъ въ Каирѣ Фердинандомъ Лессепсомъ, Тьеръ выразился еще рѣзче. «Мы устроимъ новый Наваринъ тому», сказалъ онъ, «кто первый осмѣлится шевельнуться».

Вторымъ политическимъ событіемъ подавшимъ поводъ къ большимъ толкамъ и оживленной перепискѣ, за время моего пребыванія въ Египтѣ, было пароходство, которое Англійское правительство предложило устроить по Евфрату для сокращенія почтоваго сообщенія между Индіей и ея метрополіей. Проектъ этотъ не нравился ни Портѣ, ни Египту. Мехметъ-Али слишкомъ хорошо зналъ, какъ трудно бываетъ избавиться отъ Англичанъ, если они куда заберутся; особенно же этотъ проектъ былъ ему не по душѣ вслѣдствіе того, что всѣ матеріалы, нужны для заведенія этого пароходства, будутъ слѣдовать сухимъ путемъ изъ Александретты чрезъ Алеппо на Биръ къ Евфрату.

Англійское упорство однако преодолѣло всѣ препятствія, и начальнику предпріятія, полковнику Чеснеку, удалось-таки совершить нѣсколько поѣздокъ вверхъ и внизъ по теченію рѣки. Одинъ изъ его пароходовъ пропалъ, а самое плаваніе по Евфрату представляло столько трудностей, что послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ предпріятіе это рушилось само собою.

Чтобы познакомить читателей съ впечатлѣніями, которыя производили на меня тогдашнія дѣла и съ моимъ на нихъ взглядомъ, я за лучшее считаю сдѣлать выписки изъ писемъ моихъ къ Бутеневу и къ графу Орлову.

Его превосходительству г-ну Бутеневу.

Александрія, 18 (30) Сентября 1884 г.

Я вовсе не считаю могущество Мехмета-Али прочнымъ. Напрямъ того, я вижу, что армія его велика только на бумагѣ, что наоръ въ нее солдаты сопряженъ съ большими трудностями вслѣдствіе того, что Египетъ обезлюдѣлъ и завоеванныя области недовольны введеннымъ въ нихъ управленіемъ и только ждутъ удобнаго случая, чтобы сбросить съ себя ненавистное иго. Но именно вслѣдствіе этихъ-то причинъ и слѣдовало бы разумной политикѣ посовѣтовать Портѣ выжидать того времени, когда управленіе Мехмета-Али окончательно падетъ въ общественномъ мнѣніи.

Я не понимаю, почему Порта такъ держится за Сирію, гдѣ владычество ея всегда было непрочно и гдѣ на ея долю всегда выпадалъ весьма незначительный доходъ. Весьма ошибаются, если думаютъ, что могущество Мехмета-Али усилилось благодаря этому приобрѣтенію. Я полагаю совершенно противное; по моему мнѣнію, онъ ослабилъ себя тѣмъ, что раскинулъ такъ широко свои владѣнія, ибо Сирія только поглощаетъ его солдатъ и деньги, такъ какъ только вооруженной силой можетъ онъ держать въ повиновеніи эту страну. Еслибы Египетская армія теперь снова двинулась въ Малую Азію, то уже вовсе не пользовалась бы сочувствіемъ мѣстныхъ жителей, что такъ сильно содѣйствовало ея успѣхамъ въ минувшую войну. Все мусульманское населеніе обманулось въ своихъ ожиданіяхъ и пришло къ тому убѣжденію, что Египетское владычество еще притѣснительнѣе Турецкаго.

Точно также я твердо убѣжденъ, что неоднократно повторяемыя Египетскимъ пашею мирныя увѣренія вполнѣ искренни не въ силу умѣренности его характера, а въ силу того, что миръ ему крайне необходимъ. Новая война представляетъ для него выгоды весьма сомнительныя, между тѣмъ какъ мало-мальски значительное возстаніе въ Сиріи, послѣ того какъ онъ перейдетъ Таврскій хребетъ, разомъ обратитъ въ прахъ все его величіе.

Турецкое правительство повидимому ничего этого не сообразило. Оно слѣдовало только внушеніямъ ненависти и мщенія. А если оно и рѣшилось дѣйствовать, то должно было дѣйствовать быстро и рѣшительно. Решиду-пашѣ слѣдовало наводнить Сирію при первомъ же извѣстіи о возстаніи въ Палестинѣ; теперь же, послѣ того какъ оно уже подавлено, двинуться туда было бы безуміемъ. Какъ ни плохо устройство Египетской арміи, все же войска султана ниже ея во многихъ отношеніяхъ, и еслибы снова начались враждебныя дѣйствія, то я

считаю весьма вѣроятнымъ, что Оттоманская армія будетъ снова терпѣть неудачи. Мехметъ-Али отлично сумѣлъ воспользоваться отзывами и неосторожными приготовленіями Порты; онъ ухватится за это обстоятельство для достиженія того, чего ему еще не доставаетъ—полной независимости. Онъ объявилъ всѣмъ, кто желалъ его слушать, что при первомъ запальчивомъ дѣйствіи со стороны Оттоманскаго правительства онъ порветъ свои послѣднія связи съ Турціей и въ данномъ случаѣ весьма сильно надѣется на поддержку со стороны Лондонскаго и Парижскаго кабинетовъ.

Я почти увѣренъ, что онъ уже входилъ съ ними по этому поводу въ сношенія; а если принять во вниманіе неестественное положеніе Мехмета-Али относительно султана, то нечего и сомнѣваться, что Египетъ кончитъ тѣмъ, что сдѣлается независимымъ государствомъ.

Принимая во вниманіе выгоды одной только Россіи, я вовсе не считаю, чтобы настоящее могущество Мехмета-Али, даже и въ томъ случаѣ, если онъ станетъ вполнѣ независимымъ, чѣмъ-либо могло повредить намъ. Напротивъ, въ существованіи этой новой державы я усматриваю вѣчное страшилище для Блистательной Порты, что заставитъ диванъ все болѣе и болѣе искать сближенія съ Россіей и только еще болѣе укрѣпить наше законное вліяніе на Востокъ. Впрочемъ я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что независимость Египта вопросъ весьма важный и весьма сложный, ибо придется же въ концѣ концовъ объявить, кто чью сторону держитъ.

Роль Россіи при данномъ положеніи вещей на мой взглядъ заранѣе вполнѣ опредѣлилась; ибо, порицая всякую попытку стремленія къ независимости въ Египетскомъ пашѣ, мы тѣмъ самымъ приобретаемъ еще новыя причины на признательность къ намъ со стороны султана, даже и въ томъ случаѣ, если намъ не удастся ничѣмъ помѣшать осуществленію замысловъ Мехмета-Али. Дружественныя отношенія съ Турціей касаются жизненныхъ интересовъ Россіи, между тѣмъ какъ отношенія наши къ Египту будутъ для насъ всегда имѣть лишь второстепенное значеніе.

Его сіятельству графу Орлову.

Александрія, 29 Іюня (11 Іюля) 1836-го года.

Слишкомъ два года тому назадъ пріѣхавъ въ Египетъ, я нашелъ тогда, что представители Франціи и Англіи отнѣнно ухаживали за Египетскимъ пашею. Для нихъ въ то время онъ былъ человѣкъ, ниспосланный Провидѣніемъ для возрожденія Востока и распространенія просвѣщенія въ самомъ сердцѣ Африки. Восхищались всѣми его

дѣйствіями и поступками, спѣшили предупредить его малѣйшія желанія; всѣ Европейскія газеты хоромъ пѣли хвалебныя гимны, какъ только рѣчь заходила о Мехметѣ-Али и о великой будущности, которую его геній готовитъ Египту.

Теперь совсѣмъ уже не то. Морскія державы весьма замѣтно отдалились отъ Мехмета-Али, и Англія, какъ кажется, особенно желаетъ его унижить, ослабить и снова превратить въ простаго вассала.

Между тѣмъ было бы несправедливо сказать, чтобы такую злобу со стороны Сентъ-Джемскаго кабинета вызвала перемѣна въ поведеніи самого Египетскаго паши. Мехметъ-Али все тотъ же человѣкъ, какимъ былъ и 20 лѣтъ тому назадъ; ни система его управленія, ни его честолюбивыя замыслы нисколько не измѣнились съ тѣхъ поръ. Слѣдовательно, если Англія измѣнилась въ отношеніи къ нему, то вѣроятно потому, что поняла, наконецъ, что, благопріятствуя усиленію Египетскаго могущества, она дѣлаетъ ошибку, послѣдствіемъ которой можетъ быть ослабленіе Оттоманской имперіи, и сія послѣдняя въ силу обстоятельствъ должна будетъ всѣми средствами держаться Россіи.

Египетскій паша слишкомъ проницателенъ для того, чтобы не понять новаго положенія вещей и не стараться найти себѣ новой поддержки послѣ того, какъ онъ уже не можетъ болѣе рассчитывать на поддержку со стороны морскихъ державъ. Теперь всѣ его любезности обращены на меня; Богхосъ-бей выказываетъ необыкновенную склонность исполнять малѣйшія мои желанія и требованія. Россія не сходитъ у него съ языка, онъ даже клянется ею; однимъ словомъ, я убѣжденъ, что Мехметъ-Али съ поспѣшностью готовъ ухватиться за все, чтобы только угодить Русскому кабинету. Изъ всего этого слѣдуетъ, что паша всего охотнѣе исполняетъ мои совѣты и потому особенно заботится о своихъ денежныхъ расчетахъ съ Портой. Недавно онъ отослалъ въ Константинополь 25 тысячъ кошельковъ, то есть дань, слѣдующую за 1251-й годъ, а черезъ пять-шесть мѣсяцевъ онъ обѣщалъ мнѣ выслать туда деньги за первое полугодіе текущаго 1252-го года. Я думаю также, что теперь менѣе чѣмъ когда либо можно ожидать какого-нибудь взрыва со здѣшной стороны; ибо нельзя не признать, что въ былыя времена паша мечталъ о войнѣ и завоеваніяхъ вслѣдствіе того, что рассчитывалъ на нравственную поддержку или по крайней мѣрѣ на благосклонное невмѣшательство со стороны морскихъ державъ, между тѣмъ какъ теперь, въ случаѣ его столкновенія съ Портой, онъ можетъ ожидать, что морскія силы этихъ державъ обратятся противъ него. Принимая все это во вниманіе, Мехметъ-Али долженъ считать за счастье, что онъ въ состояніи удерживать то, что уже имѣетъ, и ни въ какомъ случаѣ не мечтать о новыхъ пріобрѣтеніяхъ.

Не знаю, можно ли столько же быть увѣрену въ готовности султана поддерживать миръ. Турція, повидимому, еще не бросила мысли снова завладѣть Сиріей и, подстрекаемая Англіей, на поддержку которой она рассчитываетъ, пожалуй снова вздумаетъ воевать съ своимъ опаснымъ вассаломъ. Я не придаю значенія усовершенствованіямъ, произведеннымъ въ Оттоманской арміи; а дарованія Турецкаго генералиссимуса возбуждаютъ во мнѣ мало довѣрія. Но я не могу обойти молчаніемъ обстоятельство, которое до нѣкоторой степени можетъ способствовать успѣхамъ вооруженной силы, которая вздумаетъ завоевать Сирію. Обстоятельство это есть недовольство мусульманскаго населенія этой страны; вслѣдствіе воинскихъ наборовъ и притѣсненій Египетскихъ управителей оно крайне озлоблено и разомъ готово бы подняться противъ Египта, если бы только могло рассчитывать на чью бы то ни было поддержку.

*

Я велъ дѣятельную переписку съ нашимъ посломъ, насколько позволяли мнѣ это весьма несовершенные способы сообщенія того времени. Я зналъ, что мои донесенія нравятся при дворѣ и въ письмѣ барона Брунова изъ Петербурга отъ 19 (31) Марта 1835-го года получилъ подтвержденіе этому. Вотъ между прочимъ что онъ писалъ мнѣ.

«Съ удовольствіемъ пользуюсь этимъ случаемъ, чтобъ передать вамъ извѣстіе, которое всегда бываетъ пріятно получить въ такомъ далекомъ краю: ваши донесенія читаются здѣсь съ отмѣннымъ вниманіемъ, и Его Величество вполне одобряетъ ваши дѣйствія. Графъ Нессельроде весьма часто доставляетъ мнѣ удовольствіе слушать, какъ васъ хвалятъ. Мнѣніе это, знаю навѣрное, раздѣляетъ и графъ Чернышовъ. Изъ послѣднихъ, полученныхъ нами отъ васъ, извѣстій, мы узнали, что вы въ скоромъ времени собираетесь въ Верхній Египетъ. Мы съ живымъ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъ васъ подробностей о вашей поѣздкѣ. Будьте увѣрены, что письма ваши всѣми цѣнятся весьма высоко. Донесенія ваши цѣликомъ, наравнѣ съ донесеніями пословъ, читаются самимъ Императоромъ. Говорю вамъ объ этомъ, ибо изъ опыта знаю, что ничего такъ не тревожитъ за границей какъ опасеніе, что пишешь слишкомъ пространно, или что писемъ твоихъ вовсе не читаютъ. Ни того ни другого никогда не случается съ вами».

Я провелъ въ Каирѣ зиму 1834—1835-го года. Этотъ огромный городъ, болѣе чѣмъ какой-либо другой, носитъ на себѣ Арабскій характеръ и въ этомъ отношеніи стоитъ подробнаго описанія.

Дворецъ паши находится въ стѣнахъ крѣпости, построенной на одной изъ крайнихъ вершинъ Арабской горной цѣпи, Моккатамъ, ко-

торая тянется между Краснымъ моремъ и Нильской долиной. Отсюда взорамъ путешественника открывается великолѣпная панорама. Подъ ногами лежитъ городъ съ тысячами узкихъ и кривыхъ улицъ; далѣе видно, какъ Ниль катитъ свои могучія воды среди цвѣтущихъ садовъ и зеленыхъ полей, а еще далѣе, на границѣ Ливійской пустыни, величественно поднимаются три громадныя Гизейскія пирамиды.

Именно здѣсь получили мы извѣстіе о случаяхъ заразительной болѣзни, появившейся въ одномъ Греческомъ монастырѣ въ Александріи и занесенной туда богомольцами, пришедшими изъ Іерусалима. Это было началомъ чуть ли не самой сильной чумы, свирѣпствовавшей въ Египтѣ и буквально опустошившей весь край.

Было очевидно, что изъ Александріи чума перейдетъ въ Каиръ и произведетъ въ немъ ужасныя опустошенія. Мехметъ-Али принялъ рѣшеніе переѣхать въ Верхній Египетъ, куда, какъ знали изъ опыта, чума никогда не проникаетъ. Всѣ консулы послѣдовали примѣру паши. Какъ только первые признаки ужаснаго бича появились среди скученнаго населенія Каира, я нанялъ *дегабижу* (какъ называются плавающие по Нилу лодки) и пустился въ путь, направляясь въ Верхній Египетъ.

Когда дулъ попутный вѣтеръ, мы плыли съ парусомъ, а черезъ часто встрѣчающіяся стремнины лодочники, выйдя на берегъ, переправляли нашу дегабижу руками. Этимъ способомъ двигаться весьма медленно, но за то мы имѣли возможность часто выходить на берегъ и изучать мѣстную природу, которая такъ рѣзко отличается отъ нашей сѣверной природы.

Мнѣ уже давно хотѣлось побывать въ Верхнемъ Египтѣ и посмотрѣть гигантскіе памятники прошлаго, о которыхъ я такъ много слыхалъ; но я долженъ сказать что то, что я видѣлъ во время этого путешествія и въ особенности колоссальныя развалины Фивъ, далеко превосходятъ все, что только можетъ создать самое пылкое воображеніе.

Я поднимался до Ассуана (Римская Сіена). Онъ лежитъ подъ тропинками; близъ него находятся гранитныя ломки, изъ которыхъ фараоны брали камень для обелисковъ, сфинксовъ, фундаментовъ, воротъ и проч., однимъ словомъ все, чѣмъ украшены воздвигнутые ими памятники; ибо до Ассуана ни одна изъ горныхъ степей, идущихъ вдоль Нильской долины, гранита не даетъ.

Видно, что вслѣдствіе какого-то политическаго событія работы въ Ассуанскихъ ломкахъ были разомъ прекращены, ибо и теперь тамъ еще лежатъ на половину обтесанные обелиски, которыхъ даже не успѣли отдѣлить отъ утесовъ.

За Ассуаномъ пороговъ на Нилѣ такъ много, что я уже сухимъ путемъ проѣхалъ къ лежащему выше пороговъ острову Филе, гдѣ находится нѣсколько храмовъ, замѣчательныхъ по своей архитектурѣ.

Отсюда уже начинается Нубія, съ населеніемъ существенно отличающимся отъ Египетскаго. На возвратномъ пути я еще на нѣсколько дней останавливался въ Стовратныхъ Оивахъ. Развалины этого города широко раскинулись по обѣ стороны Нила, такъ что и цѣлаго мѣсяца было бы мало, чтобы осмотрѣть ихъ во всѣхъ подробностяхъ.

Прошло уже около двухъ мѣсяцевъ послѣ нашего отъѣзда изъ Каира; вѣсти, доходившія къ намъ оттуда, были самыя печальныя: смертность была ужасная. Не смотря на это, какое-то спѣшное дѣло заставило Мехмета-Али вернуться въ Каиръ, и мнѣ пришлось сдѣлать тоже самое. Мехметъ-Али былъ настолько любезенъ, что приказалъ для меня занять домъ по сосѣдству съ лѣтнимъ дворцомъ, Чуброй, въ которомъ онъ жилъ самъ и который находится верстахъ въ двухъ отъ Каира, то-есть отъ главнаго средоточія чумы.

Въ то время, какъ мы проѣзжали мимо Каира и сосѣднихъ деревень, я тщательно наблюдалъ, чтобы наши лодочники не имѣли никакого сообщенія съ побережными жителями; эти же самыя лодочники на собственныхъ плечахъ перенесли мои пожитки изъ лодки въ предназначенный мнѣ домъ.

Такими мѣрами предосторожности я охранялъ себя отъ всякой опасности; Арабскіе же лодочники, фаталисты подобно всѣмъ мусульманамъ, получивъ свою плату, въ тотъ же день вернулись къ своимъ семьямъ въ Каиръ; въ послѣдствіи одинъ изъ нихъ заходилъ ко мнѣ и говорилъ, что добрая половина его товарищей умерли отъ чумы въ теченіе трехъ дней. Вотъ какъ жестоко свирѣпствовалъ здѣсь этотъ ужасный бичъ.

Я очень часто ходилъ къ Мехмету-Али въ сопровожденіи двухъ солдатъ, которые передо мною разгоняли народъ. Я оставался въ карантинѣ до Иванова дня, ибо въ Египтѣ, въ противоположность всѣмъ другимъ странамъ, съ наступленіемъ жаровъ чума обыкновенно ослабѣваетъ, а иногда даже и вовсе прекращается.

Послѣ усмиренія Навплійскихъ горцевъ до насъ стали доходить изъ Сиріи самыя противорѣчивыя извѣстія. Я счелъ своей обязанностью съѣздить туда, какъ для того, чтобы точно и безпристрастно судить о настроеніи умовъ, такъ и съ цѣлью поглядѣть на примѣненіе правительственной системы, изобрѣтенной вице-королемъ Сиріи.

Въ концѣ Апрѣля 1836-го года я отправился на Англійскомъ пароходѣ въ Бейрутъ. Отсюда прежде всего я проѣхалъ въ Ливанъ

къ эмиру Беклиру. Этотъ замѣчательный старецъ въ то время жилъ въ своемъ дворцѣ Дейръ-Эль-Камарѣ. Нѣкогда онъ игралъ первенствующую роль въ дѣлахъ своей горы и въ теченіе многихъ лѣтъ мудро управлялъ Друзами и Маронитами. Съ Египетскими властями онъ не былъ въ особенно дружескихъ отношеніяхъ, привыкнувъ къ большой независимости. Склоны горъ здѣсь были весьма старательно воздѣланы, несмотря на свою плохую почву. Приходилось на ослахъ возить сюда изъ долинъ плодородную землю и подпорками и стѣнами препятствовать дождямъ уносить ее. Весь склонъ горъ былъ покрытъ безчисленнымъ числомъ терассъ, нагроможденныхъ одна надъ другою; на нихъ во множествѣ росли фиговые, оливковыя и въ особенности тутовые деревья; шелководство составляло здѣсь главный промыселъ жителей.

Официально этотъ Беклиръ считался мусульманиномъ, но въ тайнѣ исповѣдывалъ христіанство. У него во дворцѣ, въ часовнѣ, ежедневно служилась обѣдня.

Изъ Дейръ-Эль-Камара я направился черезъ Триполи, Латакію и Антиохію въ Алеппо. Затѣмъ проѣхалъ я черезъ Гомсъ, Гаму и долину, отдѣляющую Ливанъ отъ Антиливана и посѣтилъ развалины Бельбека. Отсюда я отправился въ Дамаскъ, который послѣ Каира есть самый Арабскій городъ. Изъ Дамаска я поѣхалъ въ Палестину, переправился черезъ Іорданъ, проѣхалъ вдоль Тиверіадскаго озера, поднимался на гору Ѡаворъ и останавливался въ Назаретѣ. Наконецъ, изъ Іерусалима, гдѣ я прожилъ болѣе недѣли, я ѣздилъ въ Виелеемъ, Іерихонъ и на берегъ Мертваго моря, однимъ словомъ посѣтилъ всѣ мѣста освященные воспоминаніями нашей святой вѣры.

Во все время моего путешествія по Верхнему Египту и Сиріи я постоянно писалъ большія письма къ отцу, дѣлая съ нимъ всѣми своими впечатлѣніями. Нравы, обычаи, гражданское устройство различныхъ народностей, которыя мнѣ привелось видѣть, разнообразіе растительности, различные способы орошенія полей, заслуживающіе въ высшей степени вниманія, наконецъ историческіе памятники исчезнувшихъ народовъ,—однимъ словомъ все, что я видѣлъ служило мнѣ предметомъ изученія и притомъ весьма интереснаго. По несчастію, по смерти моего отца письма эти затерялись, а теперь много подробностей моего путешествія совершенно изгладилось изъ моей памяти.

Чтобы не впасть въ ошибку, я ограничусь теперь изложеніемъ въ краткихъ чертахъ того, что я вынесъ изъ моего путешествія по Сиріи. Египетское управленіе ложилось очень тяжелымъ гнетомъ на народъ, вслѣдствіе обременительныхъ налоговъ и воинской повинности, съ которой онъ не былъ знакомъ до того времени, и вообще возбуж-

дало противъ себя глубокую ненависть во всемъ населеніи. Но за то, съ другой стороны, Египетское управленіе своими строгими мѣрами успѣло водворить порядокъ въ странѣ, гдѣ прежде царствовала полнѣйшая анархія. Теперь безъ всякаго конвоя и не подвергаясь ни малѣйшей опасности, можно было проѣхать всю Сирію изъ конца въ конецъ; ни прежде, ни послѣ ничего подобнаго не было въ этомъ краѣ, населенномъ буйными разбойничьими племенами и сверхъ того вѣчно подвергавшемся хищническимъ набѣгамъ Бедуиновъ пустыни. Затѣмъ, въ тоже время я убѣдился, что лучшимъ руководителемъ для путешествія по Палестинѣ всегда будутъ Библія и Евангеліе: ибо характеръ страны, нравы, обычаи и одежда жителей такъ мало измѣнились въ теченіе столѣтій, что на каждомъ шагѣ поражаешься сходствомъ того, что видишь, съ тѣмъ, что говорится въ Священномъ Писаніи.

Покинувъ Іерусалимъ, я сѣлъ на корабль въ Яфѣ и моремъ возвратился въ Александрію. Я могъ бы конечно возвратиться и сухимъ путемъ черезъ Эль-аришъ и пустыню, но былъ уже Іюнь мѣсяцъ, и я побоялся палящихъ лучей лѣтняго солнца.

Хотя Египетскій климатъ и очень хорошъ, но на меня онъ производилъ какое-то расслабляющее дѣйствіе, и потому лѣтомъ 1837-го года я хотѣлъ попросить себѣ восьми-мѣсячнаго отпуска и намѣревался, прежде чѣмъ вернуться въ Россію, провести нѣкоторое время въ Италіи и Германіи. Но едва я составилъ свое прошеніе, какъ новое на счетъ меня распоряженіе разстроило всѣ мои планы. Графъ Нессельроде сообщилъ мнѣ, что Его Величество Императоръ имѣетъ для меня въ виду болѣе выгодное назначеніе, что графъ Александръ Мединъ назначенъ моимъ преемникомъ въ Египтъ и что какъ только я ему сдамъ дѣла, то немедленно долженъ буду ѣхать въ Петербургъ.

Такимъ образомъ, не уѣзжая никуда, я ожидалъ своего преемника, который вскорѣ и прибылъ въ Египетъ. Не теряя времени, я вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ Каиръ, гдѣ тогда находился Мехметъ-Али, чтобы проститься съ нимъ и представить ему моего замѣстителя.

Во дворцѣ Чубръ имѣлъ я свою прощальную аудіенцію и въ послѣдній разъ видѣлся съ Египетскимъ пашей. Послѣ продолжительной бесѣды онъ оставилъ меня съ собою обѣдать. На небольшомъ кругломъ столѣ было поставлено два прибора, одинъ для него, другой для меня; переводчикъ Артымъ-бей стоялъ возлѣ насъ. Столъ былъ Французскій и во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненный: не пришлось болѣе употреблять вмѣсто вилки собственные пальцы, а красное Бордосское вино замѣнило шербетъ. Послѣ обѣда намъ подали трубки, а когда я сталъ прощаться, папа далъ мнѣ на память великолѣпную

осыпанную брилліантами табакерку съ своимъ вензелемъ. Мнѣ помнится, что впослѣдствіи я показывалъ эту табакерку многимъ лицамъ на вечерѣ у графа Нессельроде, и генер.-ад. графъ Красинскій, разсматривая ее, сказалъ мнѣ: «Знаете ли, что со временъ Наполеона I-го никто изъ государей никому не дарилъ такихъ дорогихъ табакерокъ».

Не смотря на личные недостатки Мехмета-Али и на приемы его управленія, отличавшагося самымъ безжалостнымъ вымогательствомъ, я не могу не сознаться, что чувствовалъ къ нему нѣкоторую симпатію и расставался съ нимъ съ грустью. Проведя лучшіе годы жизни на Востокѣ, я имѣлъ случай быть въ дѣловыхъ сношеніяхъ со многими высокопоставленными Турками, но не видѣлъ ни одного, котораго бы хоть нѣсколько можно было сранивать съ Мехметомъ-Али. Между Турками, особенно за послѣднее время, найдется много такихъ, которые въ совершенствѣ усвоили себѣ знаніе иностранныхъ языковъ и виѣшній лоскъ Европейскаго просвѣщенія; но ни одного изъ нихъ нельзя назвать геніальнымъ человѣкомъ, какимъ несомнѣнно былъ Мехметъ-Али. Всѣ знаютъ его довольно темное происхожденіе. Онъ не получилъ никакого образованія, не умѣлъ вовсе писать и читалъ очень плохо; но у него было то, чего не можетъ дать никакое образованіе, чуткость въ дѣлахъ, знаніе людей и умъ способный ко всякимъ высшимъ соображеніямъ. Онъ могъ бы быть опорой Оттоманской Имперіи, еслибъ султанъ сумѣлъ привлечь его къ себѣ.

Съ нѣ котораго времени Французское правительство учредило постоянное пароходное сообщеніе съ главными пунктами Востока. Въ Ноябрь я сѣлъ на одинъ изъ этихъ пароходовъ, отправлявшійся въ Константинополь и провелъ нѣсколько дней въ обществѣ барона Рикмана (который на время отсутствія Бутенева исполнялъ его должность) и Титова, съ которымъ я былъ особенно близокъ.

Всего проще мнѣ было бы теперь ѣхать на Одессу; но вслѣдствіе нѣсколькихъ случаевъ моровой язвы, появившихся въ этомъ городѣ, онъ былъ оцѣпленъ карантинами, и потому я былъ принужденъ сѣсть на корабль, отправлявшійся въ Севастополь. Здѣсь я былъ радушно принятъ семействомъ коменданта, ген.-лейтенанта Розена. Я подробно осмотрѣлъ всѣ морскія укрѣпленія Севастопольской гавани, какой можетъ быть нѣтъ подобной въ мірѣ.

Изъ Крыма я проѣхалъ прямо къ отцу въ Вильну, гдѣ провелъ около недѣли, а оттуда черезъ Митаву въ Петербургъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

5.

Стр.

Стр.

1. Изъ Записокъ графа Дмитрія Николаевича Толстаго. (Помѣщичья жизнь.—М. А. Доктурова.—Семейство Окуньковыхъ.—С. А. Масловъ.—Комитетъ прошеній.—Служба у Н. М. Лонгинова.—1861 годъ. Департаментъ полиціи.—Графъ П. А. Валуевъ.—Я. А. Соловьевъ.—Крестьяне и помѣщики.—Два цензуры.—Праздникъ тысячелѣтія.—Рекрутскія росписки.—Судебная реформа.—Полицейскіе штаты.—Волны либерализма).....	5	Афганскому вопросу съ графомъ Нессельроде, барономъ Бруновымъ, графомъ Орловымъ, графомъ Бергомъ и Е. А. Головинымъ).....	82
2. О Декабристѣ Корниловичѣ (баронъ Г. В. Розень къ графу А. Х. Бенкендорфу)	11	6. Кавказскія воспоминанія А. Л. Зиссермана. XIV—XVII. (Веселая жизнь во Владикавказѣ.—А. Б. Ивановичъ.—Академикъ Абихъ.—Потѣшка въ Петербургѣ.—Пережѣна службы).....	127
3. Гарибальди про Русскій народъ. Замѣтка Н. Х. Весселя, со сномъ. 72		7. Дѣла давно минувшихъ дней. I. Продажа слободы Михайловки и нѣмный крестьянскій бунтъ. Н. А. Рѣшетева.	149
4. О фельдмаршалѣ князѣ Барятинскомъ.—О Лермонтовѣ. Замѣтки А. Л. Зиссермана.....	75	8. Жалованная Грамота Государыни Императрицы Екатерины Второй па права, вольности и преимущества благороднаго Россійскаго дворянства, 21 Апрѣля 1785 года.....	155
5. Автобіографія А. О. Дюгамеля. VIII и IX. (Разговоръ съ Николаемъ Павловичемъ про Египетъ и Персію.—Графъ Симоничъ.—Виткевичъ.—Посланничество въ Персію.—Афганистанъ, Герать и сношенія съ Англіею.—Переписка по		9. Предложеніе І. Н. Шатилова Тульскому дворянству по случаю столѣтней годовщины Дворянской грамоты.	
		10. Историческая справка, по поводу празднованія Орловскимъ дворянствомъ столѣтія Дворянской Грамоты. Н. А. Ратынскаго.	

(Содержаніе Р. Архива 1884 г. см. на обор.).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1885.

АВТОБІОГРАФІЯ А. О. ДЮГАМЕЛЯ.

VIII *).

Еще до моего прибытія въ Петербургъ (1837) я узналъ, косвеннымъ путемъ, что Императоръ назначилъ меня своимъ представителемъ при Тегеранскомъ дворѣ на мѣсто графа Симонича. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда, Императоръ соблаговолилъ принять меня въ аудіенціи, во время которой Его Величество обрисовалъ въ общихъ чертахъ образъ дѣйствій, котораго я долженъ былъ держаться въ отношеніи къ Персидскому правительству, и я считаю моимъ долгомъ привести отъ слова до слова разговоръ, происходившій по этому случаю между мною и Императоромъ.

Императоръ.—Какъ ваше здоровье? Какъ вынесли вы Египетскую жару и за тѣмъ переѣздъ въ нашъ сѣверный климатъ.

Я.—Вообще, Ваше Величество, я чувствовалъ себя хорошо; климатъ въ Египтѣ не дуренъ; однако въ концѣ концовъ онъ разслабляетъ физическія силы.

Императоръ.—Что скажете вы мнѣ о будущности Египта?

Я.—Я считаю будущность этой страны необезпеченной. Ибрагимъ—человѣкъ здравомыслящій, и что бы о немъ ни рассказывали, и считаю его вполне способнымъ продолжать дѣло его отца; но, къ несчастію, его здоровье совершенно разстроено, его смерти можно ожидать со дня на день, а всѣ остальные сыновья Мегмета-Али слишкомъ молоды, и страна слишкомъ мало съ ними знакома, такъ что они едва ли будутъ въ состояніи взять въ руки бразды правленія.

Императоръ.—Стало быть, вы допускаете, что послѣ смерти Мегмета-Али и Ибрагима Египетъ можетъ распасться на части. Въ такомъ случаѣ не сдѣлается ли онъ добычею Французовъ или Англичанъ?

Я.—Я думаю, что соперничество между Франціей и Англіей никогда не допуститъ ни одну изъ этихъ странъ до завладѣнія Египтомъ. Эта страна, вѣроятно, снова подпадетъ подъ владычество Порты, если какая-нибудь доселѣ неизвѣстная намъ личность не вздумаетъ снова разыграть въ свою собственную пользу роль Мегмета-Али.

Императоръ.—Между Египетскимъ населеніемъ не замѣтно ли желанія возвратиться подъ владычество Порты?

*) См. первую книгу Р. Архива сего года, стр. 179 и 489.

Я.—Нѣтъ, Ваше Величество. Египтяне до того отупѣли, что не въ состояніи имѣть какое-либо мнѣніе. Но въ Сиріи совсѣмъ другое дѣло. Такъ какъ жители этой провинціи ничего не выиграли отъ переменъ повелителя, то они сожалеютъ о томъ, что когда-то желали успѣха Египтянамъ, и я полагаю, что Турецкая армія нашла бы тамъ приверженцевъ.

Императоръ.—А для которой нибудь изъ христіанскихъ державъ есть ли какія-нибудь вѣроятности удержаться въ Сиріи? Вѣдь коли Турція развалится, кому-нибудь изъ насъ придется завладѣть святыми мѣстами, такъ какъ оставлять ихъ въ рукахъ мусульманъ крайне неприлично.

Я.—Я полагаю, что христіанская армія нашла бы слабую поддержку въ Сиріи, потому что мусульмане тамъ въ огромномъ большинствѣ и никогда не будутъ равнодушно смотрѣть на утвержденіе христіанъ въ самомъ сердцѣ Азіи. Различіе религій создало въ этомъ отношеніи пропасть между Азіатцами и Европейцами, и та христіанская держава, которая взялась бы управлять мусульманскимъ населеніемъ, встрѣтила бы самыя серьезныя препятствія.

Императоръ.—Побѣды Паскевича въ Малой Азіи отозвались ли чѣмъ-нибудь въ Египтѣ и въ Сиріи?

Я.—Что касается Египта, то страна слишкомъ отдалена отъ театра войны; но въ Сиріи взятіе Эрзерума произвело впечатлѣніе.

Императоръ.—Боялись насъ, или желали намъ успѣха?

Я.—Я полагаю, что боязнъ была преобладающимъ чувствомъ.

Императоръ.—Однако, Мегметъ-Али, должно быть, рассчитываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на насъ.

Я.—Безъ всякаго сомнѣнія. Онъ всего больше боится Англіи, которая можетъ сжечь его эскадру, лишь только этого пожелаетъ. Относительно этой державы онъ находится въ такомъ же положеніи, какъ между молотомъ и наковальней, такъ какъ ему грозитъ со стороны Индіи такая же опасность, какъ и со стороны Средиземнаго моря. Я полагаю, что Мегметъ-Али всего больше расположенъ къ Франціи, которая всегда относилась къ нему доброжелательно; но поддержку со стороны Россіи, по причинѣ нашего вліянія на Порту, онъ безъ сомнѣнія предпочелъ бы всякой другой, такъ какъ она была бы для него и самой безопасной, и самой полезной.

Императоръ.—Вамъ, вѣроятно, извѣстны мои намѣренія относительно васъ?

Я.—Да, Ваше Величество; мнѣ сообщилъ ихъ вице-канцлеръ.

Императоръ.—Вамъ предстоитъ прекрасная роль въ Персіи. Вы должны держаться тамъ прямого и откровеннаго образа дѣйствій и

пользоваться тѣмъ вліяніемъ, которое принадлежитъ намъ по праву но при этомъ не становиться въ непріязненныя отношенія къ Англичанамъ. И у насъ и у Англичанъ одни и тѣже интересы въ Персіи. И мы и они желаемъ сохранить теперешній порядокъ вещей и укрѣпить, насколько это будетъ возможно, правительственную власть для того, чтобъ предотвратить распадѣніе Персидской монархіи, которое имѣло бы послѣдствіемъ множество затрудненій. Англичане,—надо въ этомъ сознаться,—дурно себя вели въ послѣднее время. Такъ напримеръ, они хотѣли завести консуловъ въ портахъ Каспійскаго моря тогда какъ по трактатамъ это право принадлежитъ однимъ намъ. Впрочемъ у Англичанъ нѣтъ никакихъ торговыхъ интересовъ на Каспійскомъ морѣ, и заведеніе ихъ консульствъ въ этой странѣ не имѣло бы иной цѣли, кромѣ заведенія интригъ. Поэтому Персидское правительство ничего не хотѣло объ этомъ слышать, а мы также этому воспротивились. Вотъ тотъ пунктъ, въ которомъ вы никогда не сдѣлаете уступокъ; но, помимо этого, я желаю, чтобъ вы жили въ самомъ добромъ согласіи съ Англійской миссіей. Мѣшайте какъ можно меньше во внутреннія дѣла страны, а если къ вамъ обратятся за совѣтомъ, отвѣчайте то, что вамъ подскажетъ ваша совѣсть, то, что вы найдете полезнымъ для страны. Вотъ приблизительно тѣ инструкціи, которыя я могу вамъ дать, такъ какъ всѣхъ случайностей предвидѣть невозможно. Управленіе въ Персіи гнусное. Теперешній шахъ имѣетъ передъ собою будущность, такъ какъ онъ молодъ; но, съ другой стороны, онъ невѣжественъ, очень жестокъ и подчиняется вліянію каждаго. Все это, какъ вы видите, не обѣщаетъ хорошаго. Экспедиція противъ Герата была предпринята вовсе не по нашему желанію; но когда намъ сказали, что дѣло идетъ о наказаніи мятежниковъ, мы отвѣчали, что ихъ слѣдуетъ наказывать. Англичане воображаютъ совершенно противное; они полагаютъ, что наше вліяніе сказывается во всемъ, что происходитъ на Востокѣ, и вы должны доказать вашимъ откровеннымъ образомъ дѣйствій неосновательность этихъ нелѣпыхъ поклѣповъ.

Я.—Но, Ваше Величество, вѣдь не одной Персіи грозитъ распаденіе; къ несчастію, весь Востокъ находится въ такомъ же положеніи.

Императоръ.—Это правда, и я искренно объ этомъ сожалею, потому что я поступаю добросовѣстно, между тѣмъ какъ иные, быть можетъ, этому радуются въ надеждѣ извлечь какія-нибудь выгоды изъ такого порядка вещей. Дѣйствительно, ничто такъ не соответствуетъ выгодамъ Россіи, какъ безсиліе, въ которомъ находятся въ настоящее время Турція и Персія. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что въ Пер-

снѣ есть баталіонъ, составленный изъ Русскихъ перебѣжчиковъ. Когда я посѣтилъ Закавказскія провинціи и эмиръ Низамъ пріѣхалъ ко мнѣ съ привѣтствіями вмѣстѣ съ сыномъ шаха, я потребовалъ выдачи этихъ дезертировъ и объявилъ, что если мое требованіе не будетъ исполнено въ теченіе шести мѣцевъ, моей миссіи приказано будетъ выѣхать изъ Тегерана. Эмиръ Низамъ самъ говорилъ мнѣ, что число этихъ перебѣжчиковъ доходитъ до двухъ тысячъ. Съ тѣхъ поръ этотъ баталіонъ какъ будто растаялъ, такъ какъ рѣчь идетъ уже только о 400 солдатахъ; очень можетъ быть, что когда наши дезертеры узнали, что я требую ихъ выдачи, ими овладѣлъ страхъ, и они разбѣжались. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что дезертерамъ удастся укрываться и избѣгать правительственнаго надзора въ странѣ, такъ дурно управляемой какъ Персія; но я не хочу, чтобъ изъ нихъ составляли подѣ самымъ нашимъ носомъ правильно организованные отряды, которые могутъ служить поощреніемъ и приманкой для всякаго солдата, который вздумаетъ дезертировать. Мы въ скоромъ времени получимъ извѣстіе или о томъ, что Персидское правительство исполнило мое требованіе, или о томъ, что наша миссія выѣхала изъ Тегерана согласно съ данными мною приказаніями. Если наши дезертеры будутъ намъ возвращены, вамъ придется наблюдать, чтобъ впредъ не могли быть организованы подобные отряды.

Я.—Я отъ кого-то слышалъ, что этотъ баталіонъ изъ дезертировъ всегда считался ядромъ Персидской арміи.

Императоръ.—Конечно. Ихъ называютъ непобѣдимыми. Ими командуетъ бывшій унтеръ-офицеръ Черниговскаго полка, поселившійся въ Персіи болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, женившійся на Персіянкѣ и извѣстный подѣ именемъ Самсунъ-хана.—Теперь вамъ приблизительно извѣстно, въ чемъ состоятъ мои инструкціи. Въ заключеніе я вамъ скажу, что я былъ доволенъ и очень доволенъ тѣмъ, какъ вы исполнили вашу задачу въ Египтѣ, и я надѣюсь, что вы будете точно также держать себя на новомъ мѣстѣ, на которое я васъ назначаю.

Я.—Ваше Величество, я постоянно буду стараться оправдать ваше довѣріе.

Императоръ.—Въ этомъ я увѣренъ. Прощайте, до свиданія.

Однако прежде, чѣмъ приступить къ описанію моей дипломатической дѣятельности на этомъ новомъ поприщѣ, я считаю нужнымъ возвратиться къ предшествующимъ событіямъ, какъ для того, чтобъ выяснитъ отношенія, существовавшія до того времени между Россіей и Персіей, такъ и для того, чтобъ познакомитъ читателя съ тѣми важными затрудненіями, которыя возникли между Тегеранскимъ дворомъ

и Британскимъ правительствомъ и устраненіе которыхъ было главною задачею моею миссіи.

Еще въ царствованіе Петра Великаго, лежавшія вдоль береговъ Каспійскаго моря Персидскія провинціи перешли подъ владычество Россіи; но вполсѣдствіи эти провинціи были ~~переступлены~~ переуступлены Персіи, и только съ первыхъ годовъ текущаго столѣтія, послѣ того, какъ владычество Россіи утвердилось на Югѣ отъ Кавказскихъ горъ, наши сношенія съ Персіей становились все болѣе и болѣе частыми.

Но въ этихъ сношеніяхъ не было ни искренности, ни доброжелательства, такъ какъ Тегеранскій дворъ постоянно заявлялъ притязанія на верховную власть надъ Грузіей, Мингреліей, Имеретіей и въ особенности надъ мусульманскими ханствами, находившимися на южномъ склонѣ Кавказскихъ горъ. Недовольные и перебѣжчики изъ нашихъ Закавказскихъ провинцій находили гостепріимное убѣжище при дворѣ шаха и отравляли отношенія между Россіей и Персіей, границы которыхъ къ тому-же не были съ точностью установлены.

Въ первые дни царствованія императора Николая, князю Меншикову было приказано отправиться къ шаху, чтобъ увѣдомить его о вступленіи Его Величества на престолъ и чтобъ миролюбиво уладить пререканія, безпрестанно возникавшія на границахъ двухъ державъ.

Но въ то время, какъ князь Меншиковъ исполнялъ порученіе, которое было возложено на него изъ вѣжливости и имѣло цѣлію упрочить дружественныя отношенія между двумя сосѣдними государствами, Персы, съ безпримѣрнымъ вѣроломствомъ и безъ предварительнаго объявленія войны, неожиданно напали на принадлежащую имперіи территорію, въ безразсудной увѣренности, что никакая сила не будетъ въ состояніи устоять противъ непреодолимаго мужества тѣхъ варваровъ, изъ которыхъ они незадолго передъ тѣмъ организовали регулярную армію подъ руководствомъ Англійскихъ инструкторовъ.

Не смотря на то, что мы не ожидали этого нападенія и не были приготовлены къ войнѣ, успѣхи Персовъ были незначительны.

Паскевичъ, замѣнившій генерала Ермолова въ главномъ командованіи Кавказской арміей, выступилъ противъ непріятеля со всѣми находившимися подъ рукою военными силами, напалъ на Персовъ близъ Елисаветполя и разбилъ ихъ на-голову. За тѣмъ онъ приступилъ къ осадѣ Эривани, считавшейся однимъ изъ оплотовъ Персидской монархіи и принудилъ эту крѣпость сдаться на капитуляцію.

Паскевичъ не ограничился этими первыми успѣхами. Армія, которою онъ командовалъ, была немногочисленна, но она была воодушевлена воинственнымъ пыломъ и рвеніемъ. Онъ въ свою очередь пе-

решель черезъ Араксъ, вторгнулся въ Азербейджанъ и занялъ Таврисъ.

Эти быстрые и блестящіе успѣхи совершенно смутили шаха и его министровъ и принудили ихъ просить мира во избѣжаніе новыхъ несчастій. Переговоры открылись въ Туркменчаѣ и сначала велись медленно, но наконецъ миръ былъ заключенъ 22 Февраля 1827, и этотъ мирный договоръ до сихъ поръ служить руководствомъ для нашихъ сношеній съ Персіей.

Вскорѣ послѣ того, случилось неожиданное и пагубное происшествіе, отъ котораго война едва не возгорѣлась вновь: фанатическое населеніе умертвило въ Тегеранѣ Русскаго уполномоченнаго Грибоѣдова и всѣхъ членовъ дипломатической миссіи. Эта катастрофа была отчасти вызвана надменнымъ образомъ дѣйствій и непомятною требовательностью нашего уполномоченнаго, который постоянно обнаруживалъ желаніе унижить шаха и его министровъ ¹⁾. Чапа была полна, и было достаточно одной капли, чтобы она переполнилась черезъ край. Этой каплей было повелительное требованіе выдать нѣсколькихъ женщинъ, которыя были Русскими подданными и которыхъ Персы увели въ плѣнъ во время своего нашествія, а за тѣмъ размѣстили по гаремамъ высшихъ сановниковъ. Послѣ раздражительныхъ переговоровъ, эти женщины были намъ возвращены.

Что тогда произошло въ помѣщеніи посольства, никому неизвѣстно; но положительно вѣрно то, что тѣ самыя женщины, цѣпи которыхъ мы хотѣли разорвать, сожалѣли о своемъ мнимомъ рабствѣ. Выйдя на терасу дома, въ которомъ жилъ Грибоѣдовъ, онѣ огласили воздухъ своими отчаянными воплями. Образовавшееся вокругъ дома сборище увеличивалось съ каждой минутой, и народная толпа, страсти которой были раздражены до крайности, кончила тѣмъ, что устремилась на убійство.

Не смотря на сопротивленіе нѣсколькихъ казаковъ, состоявшихъ на службѣ при нашемъ уполномоченномъ, его домъ былъ разрушенъ до основанія; чернь жаждала крови, и ни одинъ человѣкъ не спасся отъ общей рѣзни ²⁾.

Кажется несомнѣннымъ, что правительство шаха не было совершенно безучастнымъ въ этой народной демонстраціи; но оно едва-ли желало заходить такъ далеко и было поставлено въ затруднительное положеніе тѣмъ, что совершилось на его глазахъ.

¹⁾ Несчастный Грибоѣдовъ не однимъ высокомеріемъ приготовилъ гибель себѣ и лицамъ своего посольства. II. Б.

²⁾ Кромѣ И. С. Мальцова. II. Б.

Шахъ послалъ одного изъ своихъ внуковъ, Хозрева-мирзу, въ Петербургъ съ порученіемъ передать его извиненія и выразить глубокое сожалѣніе о совершившейся въ Тегеранѣ печальной катастрофѣ. У насъ сдѣлали видъ, будто находятъ достаточнымъ такое прозрачное удовлетвореніе, потому что не желали имѣть на рукахъ въ одно время двѣ войны.

Въ мусульманскихъ странахъ восшествіе каждаго новаго монарха на престолъ всегда сопровождается, благодаря многоженству, смутами и политическими потрясеніями. Перспектива такихъ потрясеній была тѣмъ болѣе тревожна для Персіи, что у Фетъ-Али-шаха было нѣсколько сотъ дѣтей. По его желанію, Россія и Англія признали его преемникомъ Аббаса-мирзу, который не былъ самымъ старшимъ изъ его сыновей. Но, вслѣдствіе непредвидѣнной роковой случайности, Аббасъ-мирза умеръ прежде своего отца, и эта преждевременная смерть снова поднялъ уже рѣшенный вопросъ.

Однако, такъ какъ и Россія и Англія были одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы въ Персіи не возникла анархія, то эти двѣ державы условились возвести на престолъ, послѣ смерти Фета-Али-шаха, старшаго сына Аббаса-мирзы, Магомета-мирзу, который, благодаря этому соглашенію, и наслѣдовалъ безъ всякихъ препятствій своему дѣду подъ именемъ Магомета-шаха, не смотря на то, что у него было множество соперниковъ въ дядьяхъ его, воображавшихъ, что они имѣютъ одинакія съ нимъ, или даже болѣе вѣскія, права на престолъ.

Въ то время уже всѣ убѣдились въ томъ, что для обезпеченія внутренняго спокойствія и порядка въ Персіи необходимо, чтобы кабинеты Лондонскій и Петербургскій, заинтересованные болѣе всѣхъ другихъ дѣлами этой страны, держались одной и той-же политической системы, и это убѣжденіе считалось нашимъ кабинетомъ за аксіому. Поэтому, только вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ и вслѣдствіе того, что въ Тегеранѣ былъ Русскимъ уполномоченнымъ человѣкъ, державшійся идей, которыя были совершенно противоположны нашей традиціонной политикѣ, возникло то положеніе вещей, которое я нашелъ, прибывъ въ Персію.

Исключительныя обстоятельства, о которыхъ я только что упомянулъ, касаются политическаго положенія Афганскихъ племенъ, которое, въ теченіи двухъ столѣтій, подобно кошмару, лежитъ тяжелымъ гнетомъ на Персидскомъ правительствѣ.

Афганцы свергли съ престола династію Софіевъ, которая царствовала въ Персіи не безъ славы, и за тѣмъ, въ теченіи 70 лѣтъ, держали въ страхѣ эту несчастную страну съ безпримѣрною жесто-

костью. До сихъ поръ видны слѣды опустошеній, которыя они производили на своемъ пути. Многія изъ разрушенныхъ ими деревень никогда не могли возстать изъ развалинъ, и даже въ городѣ Испагани есть нѣсколько пустынныхъ кварталовъ, въ которыхъ живутъ одни шакалы и которые свидѣтельствуютъ о свирѣпомъ варварствѣ завоевателей.

Въ то время, когда я прибылъ въ Персію, Афганистанъ былъ раздѣленъ на три, независимыя одно отъ другаго, княжества или ханства. Братья Баракзеи, свергнувъ съ престола главу старинной династїи, шаха Шуджу-эль-Мулька, царствовали—Достъ-Магометъ-ханъ въ Кабулѣ, Когендилъ-ханъ въ Кандагарѣ, между тѣмъ какъ Гератъ оставался подъ властію потомка древнихъ мѣстныхъ владѣтелей Камрамъ-шаха. Отсюда возникли глухое соперничество и глубокая вражда между владѣтелями Кабула и Кандагара съ одной стороны и владѣтелемъ Герата съ другой.

Въ послѣднее время, Персидскій шахъ поддерживалъ сношенія съ двумя братьями Баракзеями въ надеждѣ овладѣть, при ихъ содѣйствїи, Гератомъ, на который Персидское правительство предъявляло старинныя права, которымъ давно желало завладѣть и обладаніе которымъ считало необходимымъ для безопасности восточныхъ границъ своихъ. Въ Азіатскихъ странахъ, безпрестанно дѣлающихся жертвами различныхъ переворотовъ, никогда не бываетъ недостатка въ предложенияхъ для объявленія войны, и Магометъ-шахъ отправился во главѣ своей арміи осаждать Гератъ.

Русскій уполномоченный графъ Симоничъ не только не отговаривалъ Персидское правительство отъ этого безразсуднаго предпрїятія, онъ сдѣлалъ болѣе того: онъ, со всей своей миссіей, сопровождалъ шаха до самыхъ стѣнъ Герата и помогалъ ему своими совѣтами и деньгами.

Британское правительство, недовѣрчиво слѣдившее за интригами, которыя затѣвались въ Афганистанѣ, полагало, что экспедиція противъ Герата предпринята по внушенію Россіи и будетъ первымъ шагомъ къ завоеванію Индіи; поэтому оно обратилось къ Персидскому правительству съ настоятельными предостереженіями и протестами, а когда убѣдилось, что его протесты остаются безъ послѣдствій, Англійскій флотъ завладѣлъ, въ видѣ отместки, островомъ Каракомъ, лежащимъ въ Персидскомъ заливѣ.

Около того-же времени, и какъ-бы съ намѣреніемъ дать новую пищу подозрѣніямъ и раздражительности Британскаго правительства, графъ Симоничъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что желаетъ завязать торговыя сношенія, отправилъ въ Кабулъ поручика Виткевича. Тогда, при

дворѣ эмира Доста-Магомета-хана завязалась борьба изъ-за вліянія между Виткевичемъ и тѣмъ извѣстнымъ путешественникомъ Бѣрнсомъ, который погибъ такимъ печальнымъ образомъ. Бѣрнсъ былъ посланъ въ Кабулъ генераль-губернаторомъ Индіи для того, чтобъ узнать о намѣреніяхъ Доста-Магомета-хана и расположить его къ Англичанамъ.

Наконецъ, какъ будто всего этого было недостаточно, чтобъ испортить отношенія между Россіей и Англіей, графъ Симоничъ имѣлъ неосторожность поручиться отъ имени Россіи за прочность договора о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ, заключеннаго между Персидскимъ шахомъ и Когендилъ-ханомъ.

Этого было слишкомъ достаточно, чтобъ подложить подъ порохъ огню и ускорить взрывъ. Поэтому Британскій уполномоченный, сэръ Джонъ Макниль внезапно прекратилъ дипломатическія сношенія съ Тегеранскимъ дворомъ. Онъ выѣхалъ изъ Персіи со всѣмъ персоналомъ посольства и въ тоже время, по заранѣе обдуманному плану, генераль-губернаторъ Индіи лордъ Аукландъ отправилъ сильную экспедицію на Кабулъ и на Кандагаръ съ цѣлію наказать братьевъ Баракзеевъ за ихъ мнимое сообщничество съ Россіей и съ Персіей и снова возвести на Афганистанскій престолъ престарѣлаго Шуджу-эль-Мулька, который уже много лѣтъ жилъ въ Индіи на Англійской пенсіи.

Это былъ первый актъ той драмы, запутанныя нити которой мнѣ приходилось разматывать.

Графъ Симоничъ былъ родомъ изъ Далмаціи. Онъ служилъ во Французской арміи и былъ взятъ въ плѣнъ во время кампаніи 1812 года. Послѣ заключенія мира, онъ поступилъ въ Русскую службу и командовалъ полкомъ въ битвѣ при Елисаветполѣ, гдѣ былъ раненъ довольно серьезно. Я не знаю, благодаря чьему вліянію онъ былъ назначенъ, послѣ Грибоѣдова, на постъ Русскаго уполномоченнаго въ Персію; но можно положительно утверждать, что нельзя было сдѣлать болѣе неудачнаго выбора.

Симоничъ былъ ярый Бонапартистъ, такой ярый, какихъ я рѣдко встрѣчалъ, и онъ въ высшей степени раздѣлялъ всѣ предубѣжденія и личную ненависть знаменитаго плѣнника, жившаго на островѣ Св. Елены,—то есть, другими словами, отъ всей души ненавидѣлъ Англичанъ. Въ его пріемной гостиной въ Тегеранѣ висѣла на стѣнѣ только одна литографія, та хорошо всѣмъ извѣстная литографія, на которой тѣнь Наполеона изображена двумя пнями съ надписью: «Я оставляю царствующему въ Англіи дому въ наслѣдство позоръ моей смерти». Повѣсить эту литографію на видномъ мѣстѣ въ томъ самомъ са-

лонѣ, въ которомъ онъ принималъ визиты Англійскаго посланника, значило не имѣть никакого такта и нарушать всѣ приличія.

Сэръ Джонъ Макниль, далеко превосходившій графа Симонича личными достоинствами, также былъ раздражительнаго характера, и передъ его глазами безпрестанно вставалъ грозный призракъ Россіи, готовящейся вторгнуться въ Индію.

Было-бы трудно найти двухъ людей, менѣе способныхъ жить въ согласіи, и я могу рѣшительно утверждать, что если бы Симоничъ остался еще одинъ годъ на своемъ посту въ Персіи, онъ непременно довелъ-бы дѣло до войны между Англіей и Россіей.

Графъ Нессельроде какъ будто предчувствовалъ, какія политическія затрудненія Симоничъ можетъ создать для императорскаго кабинета, и уже съ Августа 1837 года назначалъ меня на его мѣсто. Но огромное разстояніе, которое мнѣ приходилось проѣхать, и различныя семейныя дѣла не позволили мнѣ немедленно вступить въ отправленіе моихъ обязанностей, между тѣмъ какъ Персидскія дѣла приняли серьезный оборотъ именно въ теченіе 1838 года и прежде нежели я прибылъ на мѣсто моего назначенія.

Я зналъ, что отправляюсь въ Персію на нѣсколько лѣтъ и что я не найду тамъ никакого общества; поэтому, чтобъ предохранить себя отъ угрожавшаго мнѣ одиночества, мнѣ не оставалось иного способа, какъ жениться и такимъ образомъ создать для себя семейную жизнь.

Въ домѣ княгини Одоевской и ея матери г-жи Ланской я познакомился съ дѣвицей Юліей Козловской, дочерью тайнаго совѣтника Козловскаго *) и его первой жены, урожденной графини Бальменъ. Я получилъ согласіе дѣвицы Козловской и ея отца, и наша свадьба была отпразднована 24 Апрѣля, немедленно послѣ Пасхи, такъ какъ время было дорого, и я долженъ былъ торопиться.

Мнѣ пришлось еще съѣздить въ Вильну, чтобъ представить мою жену моимъ родителямъ, и тогда-то я въ послѣдній разъ видѣлся съ моимъ отцомъ. Его силы быстро падали, и я говорилъ самъ себѣ, что уже не застану его въ живыхъ.

Около половины Іюля, я наконецъ выѣхалъ въ Персію черезъ Ставрополь и Тифлисъ; въ этомъ послѣднемъ городѣ я остановился на нѣсколько дней для того, чтобъ Персидскій чиновникъ, обязанный по

*) Этотъ Козловскій служилъ прежде въ гвардіи и командовалъ Преображенскимъ полкомъ, отъ котораго караулъ наряженъ былъ въ Михайловскій замокъ въ ночь на 11 Марта 1801 года, но былъ умышленно замѣненъ карауломъ отъ Семеновскаго полка. П. Б.

установленному  тикету вст ѣтитъ меня на границ , усп ѣлъ пр ѣхать на м ѣсто. Въ Ставропол  я нашелъ радушный пр ѣмъ у генерала Граббе. Командовавшій Кавказскою арміею, генералъ Головинъ им ѣлъ постоянное м ѣстопробываніе въ Тифлисъ. Тамъ я вст ѣтился съ моимъ пр ѣтелемъ, генераломъ Коцебу, съ лицами главнаго штаба и съ другимъ моимъ товарищемъ по служб  въ Генеральномъ Штаб , генераломъ Скалономъ, занимавшимъ въ то время должность гражданскаго губернатора.

Отъ Тифлиса я ѣхалъ на собственныхъ лошадяхъ и д ѣлалъ не большіе пере зды. Въ Делижанскомъ ущел , гд  было приступлено къ сооруженію очень хорошей шоссеюй дороги, я воспользовался гостепр имствомъ полковника путей сообщенія Эспехо, зав дывавшаго работами. Мы провели ночь въ сакл , которую онъ устроилъ для самаго себя и которая была на дв  трети вырыта въ земл . Въ д ревняхъ только и вст ѣчаются постройки этого рода, потому что он  требуютъ мало строеваго л са, а въ жаркую пору прохладны. Во время ужина, полковникъ Эспехо кивнулъ мн  на двухъ состоявшихъ подъ его начальствомъ офицеровъ, которые, казалось, не понимали Французскаго языка, и сказалъ: Посмотрите, въ какое я поставленъ положеніе; въ обществ   тихъ животныхъ я принужденъ проводить жизнь.

Изъ Эривани я съ здитъ въ  чмядзинскій монастырь, чтобъ сд ѣлать визитъ Армянскому патріарху, и оттуда въ первый разъ увид лъ дв  конусообразныя вершины Арарата, представляющія такое величественное зр лище, котораго не можетъ позабыть кто разъ его вид лъ.

Я пере халъ черезъ Араксъ близъ Джульфы, а на другомъ берегу р ки меня вст ѣтилъ Персидскій михмандаръ. Отсюда мы продолжали наше путешествіе верхами; но за мною сл довалъ мой дормезъ, и мы подвигались впередъ по черепашьему, такъ какъ это требовала благопристойность: по Персидскимъ понятіямъ, ч мъ выше чело в къ поставленъ, т мъ медленн е долженъ онъ двигаться.

Въ Таврис  я вид лся съ эмиромъ Низамомъ и посл  путешествія, длившагося бол е двадцати дней, прибылъ въ конц  Октября вм ст  съ женою въ Тегеранъ.

IX.

Послѣ того, какъ шахъ былъ вынужденъ снять осаду Герата, онъ возвратился въ свою столицу, а изъ всѣхъ своихъ завоеваній Персы сохранили лишь ничтожный Горіанъ, находящійся на полдорогѣ между Месхедомъ и Гератомъ.

Первые дни, проведенные мною въ Тегеранѣ, были употреблены на то, чтобъ дѣлать и принимать визиты. Вскорѣ послѣ того я былъ принятъ въ торжественной аудіенціи и представилъ мои вѣрительныя грамоты е. в. шаху, къ которому приближаются не иначе, какъ называя его Кублей-Алемъ, то есть средоточіемъ вселенной. Впрочемъ эта аудіенція не представляла ничего выдающагося, кромѣ той особенности, что, наперекоръ нашимъ обычаямъ, тамъ благопристойность требуетъ, чтобы, разговаривая съ его величествомъ, не снимали съ головы шляпы.

Первый министръ назывался Гаджи-мирза-Агасси. Онъ былъ наставникомъ шаха и имѣлъ такое вліяніе на своего августѣйшаго ученика, что скорѣе онъ, чѣмъ Магометъ-шахъ, былъ дѣйствительнымъ правителемъ Персіи.

Гаджи-мирза-Агасси былъ просто мулла, ничего не понимавшій въ дѣлахъ государственнаго управленія. Такъ какъ онъ къ тому же отличался чрезвычайнымъ самодовольствомъ и безпримѣрнымъ упрямствомъ, то и считалъ себя способнымъ ко всему. Этотъ министръ, остававшійся въ милости все время моего пребыванія въ Персіи, имѣлъ самое прискорбное вліяніе на ходъ дѣлъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ мирза Массудъ—тотъ самый, который сопровождалъ Хозревармиру во время его поѣздки въ Петербургъ. Онъ довольно хорошо говорилъ пофранцузски и былъ пріятенъ въ обхожденіи, но въ дѣлахъ онъ не имѣлъ никакого вліянія.

Уже съ перваго взгляда легко было убѣдиться, что мое положеніе въ Персіи будетъ крайне затруднительно. Въмѣсто того, чтобъ потакать воинственнымъ наклонностямъ шаха, какъ это дѣлалъ мой предшественникъ, я былъ вынужденъ во многихъ отношеніяхъ не одобрять его образа дѣйствій и говорить съ Персидскими министрами вовсе не тѣмъ языкомъ, къ какому они привыкли. Я долженъ былъ напрягать всѣ мои усилія, чтобъ уладить миролюбивое соглашеніе между кабинетами Сень-Джемскимъ и Тегеранскимъ, а такъ какъ Британскій уполномоченный уѣхалъ, не дождавшись моего пріѣзда, то всѣ мирныя предложенія должны были идти на Петербургъ прежде чѣмъ достигнуть Лондона и въ то время, какъ депеши находились въ пути, могли

возникать и дѣйствительно возникали во множествѣ обстоятельства, которыя значительно видоизмѣняли положеніе обсуждаемаго вопроса.

Графъ Симоничъ съ своей стороны дѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобъ создавать новыя для меня препятствія. Онъ постоянно увѣрялъ шаха и его министровъ, что я назначенъ замѣнить его лишь на время и что ему стѣдуетъ только съѣздить въ Петербургъ, тогда его образъ дѣйствій будетъ одобренъ Императоромъ, и все опять пойдетъ по старому. Онъ дошелъ до того, что внушилъ Гаджѣ-мирзѣ-Агассѣ странную мысль написать къ графу Нессельроде письмо и настоятельно просить, чтобъ въ Персію былъ снова назначенъ графъ Симоничъ, какъ единственный человѣкъ, стоявшій на высотѣ трудныхъ обстоятельствъ того времени.

Наши отношенія къ Сень-Джемскому кабинету были въ ту пору крайне натянуты, какъ это видно изъ дипломатической ноты отъ 27 Октября (9 Ноября) которая была вручена нашему кабинету маркизомъ Кланриккардомъ, по порученію лорда Пальмерстона, и въ которой перечислены всѣ причины неудовольствія Англіи. (См. *Correspondence relating to Persia and Afghanistan, presented to both houses of Parliament*).

Но еще до полученія этой ноты, графъ Нессельроде, какъ-бы въ предупрежденіе тѣхъ объясненій, которыхъ требовалъ Сень-Джемскій кабинетъ, отправилъ Русскому посланнику въ Лондонѣ графу Поццо-ди-Борго депешу отъ 20 Октября (1 Ноября), содержаніе которой такъ важно, что я нахожу необходимымъ изложить его *in extenso*, чтобъ уяснить образъ дѣйствій, котораго держался императорскій кабинетъ съ самаго начала этихъ дипломатическихъ затрудненій.

Графъ Нессельроде къ графу Поццо-ди-Борго. С.-Петербургъ 20 Октября (1 Ноября) 1838.

Императоръ очень внимательно прочелъ депеши вашего сіятельства касательно двухъ свиданій, во время которыхъ лордъ Пальмерстонъ, говоря о теперешнемъ положеніи дѣлъ въ Персіи, высказалъ опасенія, внушенныя правительству Индійской Компаніи экспедиціей шаха противъ Герата.

По этому случаю, первый министръ ея Британскаго величества, завѣдующій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, не скрылъ отъ васъ, г-нъ графъ, что общественное мнѣніе въ Англіи считаетъ совершающіяся въ настоящее время въ Персіи событія послѣдствіемъ преобла-

дающаго вліянія Россіи и приписываетъ нашему кабинету замыслы, угрожающіе безопасности Британскихъ владѣній въ Азіи.

Это обстоятельство такъ важно и можетъ оказать такое прискорбное вліяніе на наши отношенія къ Великобританіи, что мы, не колеблясь ни одной минуты, обращаемся къ Англійскому кабинету съ откровеннымъ и добровольнымъ объясненіемъ, чтобъ вполне успокоить его на счетъ намѣреній и видовъ нашего правительства касательно положенія дѣлъ въ Азіи.

Политика, которой держится тамъ Императоръ, руководствуется такими же принципами, какъ и въ Европѣ. Будучи далека отъ всякой мысли о какихъ-либо насильственныхъ захватахъ, эта политика имѣетъ одну цѣль—охраненіе правъ Россіи и уваженіе къ законнымъ правамъ всѣхъ другихъ державъ.

Поэтому намѣреніе посягнуть на безопасность и спокойствіе Великобританскихъ владѣній въ Индіи никогда не приходило и никогда не придетъ на умъ нашему Августѣйшему Государю. Онъ желаетъ только того, что справедливо и что возможно. По этимъ двумъ мотивамъ, онъ не допускаетъ возможности какого-либо замысла, направленаго противъ Британскаго владычества въ Индіи. Такой замыселъ былъ бы несправедливъ, потому что онъ ничѣмъ не вызванъ. Онъ былъ бы неосуществимъ по причинѣ отдѣляющихъ насъ громадныхъ разстояній, по причинѣ тѣхъ жертвъ, на которыя пришлось бы рѣшиться, и по причинѣ тѣхъ трудностей, которыя пришлось бы преодолѣть,—и все это для того, чтобъ привести въ исполненіе рискованный замыселъ, который никогда нельзя будетъ согласовать съ здравой и благоразумной политикой. Достаточно взглянуть на географическую карту, чтобъ разсѣять всякія опасенія по этому предмету и чтобъ внушить каждому безпристрастному и образованному члену убѣжденіе, что никакія враждебныя намѣренія по отношенію къ Англіи не могутъ руководить въ Азіи политикою нашего кабинета.

Вотъ, г-нъ графъ, что Императоръ самъ объявилъ лорду Кланрикарду въ первомъ разговорѣ, который имѣлъ съ нимъ на пріемной аудіенціи, происходившей 16 (28) текущаго мѣсяца въ Царскомъ Селѣ. Этотъ посланникъ, конечно, сообщитъ своему правительству все, что онъ услышалъ отъ нашего Августѣйшаго Государя. Довѣріе, съ которымъ мы охотно относимся къ представителю ея Британскаго величества, освобождаетъ насъ отъ необходимости присовокуплять какіе-либо коментаріи къ тому сообщенію, съ которымъ онъ обратится къ своему кабинету. Мы ограничиваемся ссылкой на это сообщеніе въ полной увѣренности, что лордъ Кланрикардъ оцѣнитъ по достоин-

ству тѣ политическіе принципы, которые Императоръ соблаговолилъ изложить ему изустно.

Если Британское правительство отнесется къ этимъ принципамъ съ тѣмъ довѣріемъ, которое они должны внушать, то вамъ, г-нъ посланникъ, нетрудно будетъ разсѣять въ его глазахъ тѣ сомнѣнія, которые внушилъ ему нашъ образъ дѣйствій во время послѣднихъ событій въ Персіи, а именно въ томъ, что касается экспедиціи Магомета-шаха противъ Герата.

Чтобъ дать в. с. возможность возстановить въ ихъ настоящемъ свѣтѣ факты, которые, какъ кажется, были страннымъ образомъ извращены, я спѣшу сообщить вамъ изложенныя въ этой депешѣ подробности, уполномочивая васъ познакомить съ ея содержаніемъ Англійскій кабинетъ безъ малѣйшихъ исключеній.

Ему такъ же хорошо, какъ и намъ, извѣстна причина вражды, существующей между Персіей и Гератомъ, который составляетъ самую западную часть Афганистана. Эта вражда существуетъ издавна. Персидское правительство считаетъ себя въ правѣ требовать отъ этой страны уплаты дани и предъявляетъ на нее верховныя права, которыя, еще въ царствованіе Фета-Али-шаха, Аббасъ-мираза и Магометъ-мирза (нынѣ царствующій) поддерживали съ оружіемъ въ рукахъ до самыхъ стѣнъ Герата. Не смотря на предъявленіе такихъ правъ со стороны Тегеранскаго двора, Гератскіе Афганцы безпрестанно дѣлають нашествія на Персидскія владѣнія, обращаютъ въ рабство жителей, которыхъ они захватываютъ въ восточныхъ провинціяхъ, и поддерживаютъ тамъ зародыши смутъ и мятежа.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что прекращенія этихъ разбоевъ настоятельно требуютъ безопасности и спокойствія Персидскаго правительства. Оно, безспорно, въ правѣ употреблять для самообороны тѣ средства, къ которымъ прибѣгаетъ всякая независимая держава, и въ правѣ нападать съ оружіемъ въ рукахъ на тѣхъ сосѣдей, которые беспокоятъ его и оскорбляютъ. Поэтому, когда Персія вступала въ борьбу съ провинціей, соприкасающейся съ ея границами, она не рѣшала ничего такого, что выходило бы за предѣлы ея правъ, и не давала никакого основательнаго повода жаловаться какой-либо посторонней державѣ, не участвующей въ расприхъ между двумя сосѣдними странами. Тѣмъ менѣе могла она ожидать, что ея образъ дѣйствій раздражитъ и оскорбитъ Британское правительство, которое въ своихъ переговорахъ съ Тегеранскимъ дворомъ положительно обязалось не принимать ни ту ни другую сторону въ случаѣ, еслибы между Персами и Афганцами вспыхнула война.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, не подлежитъ сомнѣнію, что Магометь-шахъ, рѣшаясь предпринять войну противъ Герата, дѣйствовалъ въ предѣлахъ своихъ правъ, въ качествѣ независимаго монарха, и что онъ нисколько не нарушилъ обязанностей, налагаемыхъ на него трактатами.

Однако, хотя эта война, какъ мы замѣтили, вполне оправдывалась въ нашемъ мнѣніи и неоспоримыми правами, принадлежащими Персидскому правительству, и безпрестанными непріятностями, которыми оно терпѣло отъ хищническихъ набѣговъ необузданнаго народа, съ другой стороны мы, не колеблясь, указывали на несвоевременность и опасность всякой военной экспедиціи, предпринятой Персидскимъ правительствомъ при теперешнемъ безсиліи и истощеніи страны. Въмѣсто того, чтобъ толкать его на предпріятіе, которое въ нашихъ глазахъ не представляло никакихъ видовъ успѣха, мы сдѣлали все, что отъ насъ зависѣло, чтобъ отговорить его отъ этого предпріятія и старались убѣдить его, что онъ долженъ предпочесть миролюбивое соглашеніе съ владѣтелемъ Герата такой войнѣ, конца которой нельзя было предвидѣть.

Въ этомъ смыслѣ были составлены всѣ инструкціи, которыми императорскій кабинетъ снабдилъ своего представителя при Тегеранскомъ дворѣ, лишь только ему сдѣлалось извѣстнымъ намѣреніе этого двора снова идти войною на Гератъ.

Въ 1836, точно такъ же какъ и въ 1837 г., совѣты нашего кабинета, проникнутые непритворнымъ миролюбіемъ и искреннимъ доброжелательствомъ, постоянно имѣли цѣлю упрочить внутреннее спокойствіе Персіи и сосѣднихъ провинцій путемъ соглашенія, которое положило бы конецъ ихъ раздорамъ и удержало бы Магомета-шаха отъ борьбы, не обѣщавшей никакого успѣха.

Зимой 1837 года прибытіе въ Тегеранъ уполномоченнаго отъ владѣтеля Герата заставило насъ вѣрить въ возможность мирнаго соглашенія между двумя противниками. Вслѣдствіе того, графу Симоничу было дано положительное приказаніе «употребить въ дѣло все его вліяніе, чтобъ склонить шаха на формальное мирное соглашеніе». Таковы подлинныя выраженія депеши, которую я послалъ, по приказанію Императора, этому уполномоченному 4 Мая 1837 года.

Хотя наши совѣты, къ сожалѣнію, остались безъ послѣдствій, мы тѣмъ не менѣе сознаемъ, что употребили всѣ старанія, чтобъ предотвратить возобновленіе войны, прискорбный исходъ которой мы предвидѣли.

Русскій кабинетъ, конечно, нельзя упрекать въ томъ, что онъ внушилъ или поддерживалъ намѣреніе предпринять эту пагубную

експедицію. Если бы нужно было дать доказательство искренности наших намѣреній и прочности нашихъ принциповъ, то было бы достаточно указать только на тотъ фактъ, что Императоръ потребовалъ отъ Персидскаго правительства отсылки сформированнаго изъ Русскихъ дезертёровъ баталіона въ такую минуту, когда намъ было хорошо извѣстно, что этотъ баталіонъ составлялъ главную силу въ тѣхъ войскахъ, которыя были собраны въ лагерь подъ Гератомъ. Именно съ цѣлію настоять на этомъ требованіи, нашъ уполномоченный испрашивалъ и получилъ разрѣшеніе отправиться туда, гдѣ находился шахъ.

По прибытіи въ лагерь, графъ Симоничъ нашелъ Персидскую армію въ очень затруднительномъ положеніи и не счелъ себя въ правѣ отказать въ своемъ содѣйствіи шаху, когда этотъ монархъ обратился къ нему съ настоятельной просьбой осмотрѣть осадныя работы.

Мы, конечно, не будемъ отвергать участія, которое принималъ генералъ Симоничъ въ этихъ работахъ. Всякій Англійскій офицеръ, будучи поставленъ въ такое же положеніе, безъ сомнѣнія поступилъ бы точно такъ же и оказалъ бы дружественному монарху содѣйствіе, о которомъ тотъ просилъ въ столь критическомъ положеніи.

Однако, даже еслибы шаху удалось выйти съ торжествомъ изъ этого опаснаго положенія, даже еслибы городъ Гератъ былъ бы вынужденъ отворить передъ нимъ свои ворота, нашъ кабинетъ вовсе не имѣлъ намѣренія допустить съ этой стороны такого расширенія Персидскаго могущества, которое могло бы возбудить опасенія въ сосѣднихъ странахъ.

Мы были такъ далеки отъ такого намѣренія, что нашъ уполномоченный, въ ожиданіи удачнаго исхода осады, присовѣтовалъ Тегеранскому двору согласиться на мирную сдѣлку, въ силу которой Гератъ былъ бы уступленъ Персіей владѣтелю Кандагара, Когендиль-хану. Уже были заведены съ этой цѣлію переговоры между этимъ послѣднимъ и Магометомъ-шахомъ при посредничествѣ нашего уполномоченнаго. Если бы это соглашеніе дѣйствительно состоялось, въ основѣ его было-бы положено неперемѣнное условіе, чтобъ Афганистанъ былъ независимъ и чтобъ «шахъ» формально обязался не дѣлать никакихъ посягательствъ ни на неприкосновенность страны, находящейся въ настоящее время подъ властію Сердарей, ни на спокойствіе племенъ, во главѣ которыхъ они стоятъ».

Такая мирная и безобидная сдѣлка, по всему вѣроятію, упрочила бы внутреннее спокойствіе Афганистана, положила-бы конецъ раздорамъ, такъ часто волновавшимъ эту страну и возвратила бы ей такое благоденствіе и спокойствіе, что она сдѣлалась-бы доступна для тор-

говли и промышленности всѣхъ націй, заинтересованныхъ развитіемъ природныхъ богатствъ центральной Азіи.

Нашъ кабинетъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что средства этой страны такъ обширны, что могутъ быть предметомъ ничѣмъ не стѣсняемой торговой предприимчивости всѣхъ странъ, которыя, не стараясь вытѣснять одна другую, должны соперничать одна съ другой путемъ свободной и честной конкуренціи. Съ нашей стороны, г-нъ посланникъ, мы считаемъ такую конкуренцію вполне мирной и промышленной, но отнюдь не политической и не внушаемой чувствомъ непріязни.

При искренности и добросовѣстности нашего образа дѣйствій, намъ никогда не представится необходимость умалчивать о нашихъ замыслахъ и предпріятіяхъ, или скрывать ихъ.

Вотъ почему мы откровенно сознаемся передъ Англіей, что Русскій офицеръ недавно былъ отправленъ въ Кабулъ для собиранія свѣдѣній, относящихся къ торговлѣ. Такимъ образомъ, фактъ появленія этого агента, сообщенный вамъ лордомъ Пальмерстономъ, вполне вѣренъ. Но причина и цѣль отправки этого агента, какъ кажется, были выставлены въ глазахъ Англійскаго министерства съ толкованіями, преувеличеніями и лживостью которыхъ мы считаемъ нужнымъ вывести наружу.

Для этого намъ достаточно будетъ замѣтить, что отправка г. Виткевича въ Кабулъ была вызвана ничѣмъ инымъ, какъ прибытіемъ въ 1837 въ С.-Петербургъ отъ Доста-Магомета-хана агента съ цѣлю завязать торговые сношенія съ Россіей. Чтобъ привести въ ясность, какія выгоды могло-бы доставить нашимъ торговцамъ такое предпріятіе и какія представляетъ оно обезпеченія въ странѣ, съ которой Россія не имѣла до тѣхъ поръ никакихъ сношеній, наше правительство рѣшилось предварительно послать туда уполномоченнаго съ письмомъ въ отвѣтъ на тѣ, съ которыми Дость-Магометъ-ханъ обратился къ намъ по собственному почину.

Таковѣ ясное и безыскусственное изложеніе тѣхъ обстоятельствъ, послѣдствіемъ которыхъ было кратковременное появленіе Русскаго путешественника въ Кабулъ. Эта командировка не имѣла цѣлю ни заключенія торговаго трактата, ни какихъ либо политическихъ комбинацій, которыя могли-бы вызвать со стороны посторонней державы жалобы или подозрѣнія. Она не имѣла и не должна была имѣть никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ того, что познакомила насъ съ страной, отдѣленной отъ нашихъ границъ такимъ громаднымъ пространствомъ, что наше правительство было вынуждено дѣйствовать крайне осмотрительно, чтобъ предохранить нашихъ торговцевъ отъ рискованныхъ

предпріятій, въ которыя они могли-бы вовлечься безъ предварительнаго знакомства со всѣми вѣроятностями успѣха.

Возстановивъ такимъ образомъ дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ, нашъ кабинетъ можетъ обратиться къ Лондонскому кабинету съ положительнымъ удостовѣреніемъ, что ни въ командировкѣ г-на Виткевича въ Кабуль, ни въ его инструкціяхъ, которыми онъ былъ снабженъ, не было рѣшительно ничего непріязненнаго къ Англійскому правительству и не было рѣшительно никакого намѣренія нарушать спокойствіе Британскихъ владѣній въ Индіи.

Если есть держава, которая могла-бы питать нѣкоторыя опасенія или предъявлять нѣкоторыя жалобы, то эта держава — Россія, такъ какъ ей небезызвѣстно, съ какою неутомимой дѣятельностью Англійскіе путешественники возбуждаютъ волненія среди народовъ центральной Азіи и распространяютъ тревогу даже внутри тѣхъ странъ, которыя соприкасаются съ нашими границами.

Между тѣмъ, какъ съ нашей стороны мы не желаемъ ничего другаго, какъ участія, путемъ честной конкуренціи, въ выгодахъ, доставляемыхъ Азіатской торговлей, — стремящаяся къ исключительному владычеству и недовѣрчивая Англійская промышленность старается совершенно устранить насъ отъ участія въ тѣхъ выгодахъ, которыми желаетъ пользоваться безраздѣльно, и старается вытѣснить наши продукты со всѣхъ Средне-азиатскихъ рынковъ; доказательствомъ этого служатъ высказанныя Бёрнсомъ соображенія и стремленія тѣхъ Англійскихъ путешественниковъ, которые шли по его слѣдамъ въ направленіи къ Бухарѣ и до самыхъ воротъ Оренбурга.

Указывая на эти факты и на безпокойную предпримчивость нѣсколькихъ частныхъ лицъ, дѣйствующихъ по своему собственному почину, мы, конечно, не хотимъ возлагать заслуженное ими порицаніе на ихъ правительство. Напротивъ того, мы увѣрены, что Британскій кабинетъ совершенно чуждъ указанныхъ нами тенденцій. Но, относясь съ справедливымъ довѣріемъ къ добросовѣстности Англійскаго правительства, и мы съ своей стороны въ правѣ ожидать, что оно отнесется съ такимъ-же довѣріемъ къ нашей.

Великобританія, точно такъ-же какъ и Россія, должна имѣть въ виду одну цѣль — поддержать внутреннее спокойствіе въ самомъ центрѣ Азіи и предохранить эту обширную часть свѣта отъ повсемѣстнаго кровопролитія. А чтобъ предотвратить такое несчастье, необходимо тщательно охранять спокойствіе тѣхъ странъ, которыя отдѣляютъ Русскія владѣнія отъ Великобританскихъ. Упрочивать спокойствіе этихъ странъ, не вооружать ихъ одну противъ другой, возбуждая между ними взаимную ненависть, ограничиваться соперничествомъ въ

сферѣ промышленности, а не вступать въ борьбу изъ-за политическаго вліянія, наконецъ,—и это главное,—уважать независимость тѣхъ промежуточныхъ странъ, которыя раздѣляютъ наши владѣнія: такова по нашему мнѣнію, та система, которой должны неизмѣнно держаться изъ обоюдныхъ интересовъ два кабинета для того, чтобъ предотвратить возможность столкновенія между двумя великими державами, которыя, желая жить въ дружбѣ, должны избѣгать соприкосновеній и столкновеній въ центрѣ Азіи.

Эти соображенія Императоръ поручаетъ вамъ, г-нъ графъ, сообщить Англійскому министерству съ самой полной откровенностью; надѣюсь, что они совершенно успокоятъ его на счетъ намѣреній нашего кабинета и выкажутъ въ ея настоящемъ свѣтѣ охранительную и безкорыстную политику нашего Августѣйшаго Монарха.

Послѣ исполненія этой первой обязанности, прошу васъ, г-нъ посланникъ, откровенно приступить къ обсужденію тѣхъ вопросовъ, которые болѣе тѣсно связаны съ теперешнимъ положеніемъ Персіи и на которые въ настоящую минуту обращено вниманіе Императора. Ваше сіятельство соблаговолите прежде всего напомнить лорду Пальмерстону, что между всѣми политическими вопросами, которые намъ приходилось улаживать вмѣстѣ съ Англіей, вопросы, касающіеся Персіи, были именно тѣ, въ которыхъ намъ удавалось достигнуть полнаго соглашенія между нашимъ кабинетомъ и Лондонскимъ, а это удавалось по той простой причинѣ, что наши обоюдные интересы по отношенію къ Персіи одинаковы, такъ какъ мы столько-же, сколько Англія, не желаемъ, чтобъ эта страна сдѣлалась театромъ политическихъ потрясеній, къ которымъ мы не могли-бы относиться безучастно. Будучи проникнутъ этимъ убѣжденіемъ, нашъ кабинетъ, еще до воцаренія теперешняго шаха, обратился къ Англійскому правительству по собственному почину съ предложеніемъ установить между Россіей и Великобританіей полное единомысліе касательно Персидскихъ дѣлъ съ цѣлію предохранить эту страну отъ бѣдствій, которымъ могли подвергнуться ее споры о наслѣдованіи престола и междоусобная война.

Результаты этого предложенія въ ту пору вполне оправдали наши ожиданія. Оба кабинета,—какъ вамъ извѣстно, г-нъ графъ,—дѣйствовали съ той минуты съ общаго согласія и сообща, чѣмъ вполне обезпечили успѣхъ своего вмѣшательства. Ихъ представителямъ были посланы въ Тегеранъ инструкціи, составленныя по взаимному соглашенію. Поддерживаемый обоими дворами, Магометь-мирза вступилъ на престолъ и, не смотря на то, что внутреннему спокойствію Персіи грозили въ то время многочисленныя причины раздоровъ, оно ни на

одну минуту не было нарушено, благодаря единодушію, съ которымъ дѣйствовали Россія и Великобританія.

Не лишнимъ будетъ, г-нъ графъ, напомнить лорду Пальмерстону содержаніе депеши, съ которой онъ обратился въ ту пору къ Англійскому посланнику въ С.-Петербургѣ и которую этотъ послѣдній передалъ намъ. Эта депеша приложена при семъ въ копіи. Съ этимъ документомъ въ рукахъ, соблаговолите, г-нъ посланникъ, увѣрить лорда Пальмерстона, что тѣ-же самыя чувства, которыми мы руководствовались въ 1834 году и которыя заставили насъ желать въ ту пору дружественнаго соглашенія съ Англіей касательно Персидскихъ дѣлъ, служатъ и въ настоящую минуту мотивомъ нашей политики и внушаютъ намъ увѣренность, что она приведетъ къ такимъ-же удовлетворительнымъ результатамъ, какъ и та, которая ей предшествовала.

За тѣмъ ваше сіятельство выразите безъ обиняковъ наше сожалѣніе о томъ, что въ настоящую минуту прерваны миролюбивыя сношенія между дворами Лондонскимъ и Тегеранскимъ, а также наше желаніе, чтобъ они были скорѣе возстановлены на прежнихъ основаніяхъ. Прибавьте къ этому, г-нъ графъ, что нашъ кабинетъ отнюдь не имѣетъ намѣренія принимать на себя роль судьи въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя Великобританія предъявляетъ противъ Персидскаго правительства. Впрочемъ эти обвиненія, какъ намъ не безъизвѣстно, относятся къ предметамъ второстепенной важности. Поэтому мы считаемъ себя въ правѣ надѣяться, что Персидское правительство могло бы безъ большаго труда придти съ Англійскимъ министерствомъ къ соглашенію касательно способа устранить эти затрудненія съ соблюденіемъ интересовъ обѣихъ сторонъ.

Но есть одно болѣе важное обстоятельство и одно болѣе серьезное соображеніе, которыя побуждаютъ насъ обратиться къ Британскому кабинету безъ всякихъ околичностей и дружески сообщить ему нашъ взглядъ на теперешнее положеніе дѣлъ въ Персіи.

Это положеніе, по нашему мнѣнію, усложняется и становится болѣе опаснымъ вслѣдствіе того, что Англія недавно стала въ угрожающее положеніе по отношенію къ Тегеранскому двору.

Дѣйствительно, и морская демонстрація, произведенная по приказанію Британскаго правительства въ Персидскомъ заливѣ, и занятіе острова Карака и распространившіеся слухи о скоромъ выступленіи на сцену Зелли-султана и тѣхъ Персидскихъ принцевъ, которые стали подъ покровительство Англіи,—все это такіе факты, которые неизбѣжно должны внушать Магомету-шаху серьезныя опасенія.

При такомъ положеніи дѣлъ, этотъ монархъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ дружбѣ Императора и просить его посредничества для

того, чтобъ достигнуть миролюбиваго соглашенія и устранить тѣ опасенія, которыя внушены Тегеранскому двору послѣдними мѣрами Британскаго правительства.

Исполняя желаніе шаха, Императоръ, не колеблясь, обращается къ чувствамъ справедливости Англійскаго кабинета, чтобъ склонить его къ прекращенію такого порядка вещей, который,—въ случаѣ если бы онъ продлился,—подвергнулъ-бы внутреннее спокойствіе Персіи серьезной опасности, а тѣмъ самымъ сдѣлался-бы предметомъ безпокойствъ для самой Россіи и принудилъ-бы ее въ свою очередь принять мѣры обороны и предосторожности.

Чтобъ во время предотвратить всякія дальнѣйшія усложненія, послѣдствія которыхъ неминуемо были-бы печальны для Персіи, по нашему мнѣнію, нѣтъ болѣе вѣрнаго способа, какъ соглашеніе между представителями Россіи и Великобританіи и ихъ совокупное стараніе упрочить власть монарха, возведенію котораго на престолъ содѣйствовали оба двора.

И такъ, если Англія не намѣрена дѣйствовать въ настоящее время наперекоръ той цѣли, которой желала достигнуть въ 1834 году, если она не желаетъ возбуждать волненія, которыя старалась предотвратить въ ту пору: она, по нашему глубокому убѣжденію, должна-бы была немедленно поставить на прежнюю ногу свои сношенія съ Тегеранскимъ дворомъ, должна-бы была отозвать свою эскадру изъ Персидскаго залива и очистить островъ Каракъ, занятый въ настоящую минуту ея войсками.

Если бы Англія такимъ образомъ возстановила прежній порядокъ вещей, она нашла-бы съ нашей стороны готовность помогать ей въ ея стараніяхъ впредь удерживать Персидское правительство въ тѣхъ предѣлахъ, которыхъ оно не должно-бы было переступать ради собственныхъ интересовъ, и заставить его впредь не предпринимать экспедицій въ родѣ той, отъ которой оно теперь вынуждено отказаться.

Съ этой цѣлію нашему посольству въ Тегеранѣ будетъ дано приказаніе впредь дѣйствовать сообща съ Англійскимъ посольствомъ, лишь только мы узнаемъ, что порученіе, возлагаемое въ настоящую минуту на ваше сіятельство, достигло своей цѣли и что Лондонскій кабинетъ согласился положить конецъ своимъ непріязненнымъ дѣйствіямъ по отношенію къ Персіи.

Нашъ образъ дѣйствій, г-нъ графъ, будетъ по необходимости согласоваться съ тѣмъ окончательнымъ рѣшеніемъ, которое будетъ принято Британскимъ правительствомъ. Конечно, отъ него одного будетъ зависѣть возстановленіе между Русскимъ и Великобританскимъ посольствами въ Тегеранѣ того единодушія въ цѣляхъ и въ образѣ дѣйствій,

котораго мы такъ искренно желали достигнуть въ 1834 году и которое такъ много способствовало въ ту пору упроченію внутренняго спокойствія Персидской монархіи.

Если Англійское министерство, какъ мы искренно этого желаемъ, рѣшится вступить на этотъ путь, оно можетъ быть вполне увѣрено, что найдетъ со стороны императорскаго представителя въ Тегеранѣ самую дѣятельную и самую добросовѣстную помощь. Полковникъ Дюгамель, назначенный нашимъ Августѣйшимъ Государемъ на мѣсто графа Симонича, такъ хорошо извѣстенъ умѣренностью своего характера, что одно его назначеніе уже служить самымъ яснымъ указаніемъ того образа дѣйствій, котораго ему приказано держаться, а его прежняя отличная служба есть самая надежная гарантія точности, съ которой онъ сзумѣетъ исполнить предначертанія нашего правительства въ томъ, что касается Персидскихъ дѣлъ.

Полковникъ Дюгамель, назначенный на мѣсто гр. Симонича шесть мѣсяцевъ тому назадъ, но по необходимости замедлившій отъѣздомъ, долженъ въ настоящую минуту находиться очень близко отъ мѣста своего назначенія. Его присутствіе неминуемо окажетъ полезное вліяніе на образъ дѣйствій шаха, если только Англія захочетъ съ своей стороны присоединить свои усилія къ нашимъ, чтобъ возвратить Персіи внутреннее спокойствіе, которое есть главное условіе ея существованія и вмѣстѣ съ тѣмъ служило-бы залогомъ мира для двухъ великихъ державъ, призванныхъ совокупно дѣйствовать на судьбы средней Азіи.

По приказанію Императора предлагаю вашему сіятельству на-
стаивать на этихъ соображеніяхъ при свиданіи съ лордомъ Пальмер-
стономъ, вручивъ ему копію съ этой депеши. Мы позволяемъ себѣ надѣяться, что чувства, которыми она внушена, будутъ по достоинству оцѣнены Британскимъ кабинетомъ и что онъ отнесется къ этому сообщенію съ предупредительностью, соотвѣтствующей искренно-доброжелательнымъ намѣреніямъ нашего Августѣйшаго Государя. Примите и проч.

Нессельроде.

*

Чтобъ улучшить наши отношенія къ Великобританіи, я началъ съ того, что отозвалъ изъ Кабула поручика Виткевича и объявилъ шаху и владѣтелю Кандагара, что поручительство моего предмѣстника за исполненіе заключеннаго между ними договора не было утверждено Императоромъ. Затѣмъ я попытался и успѣлъ склонить Гаджи-мирзу-Агасси написать къ лорду Пальмерстону письмо съ извиненіями, что могло послужить первымъ шагомъ къ примиренію.

Между тѣмъ я былъ произведенъ въ генераль-маіоры, и вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ ко мнѣ явился Виткевичъ, котораго я ждалъ съ нетерпѣніемъ и котораго поспѣшилъ обратно отправить въ С.-Петербургъ.

Хотя командировка Виткевича въ Кабуль и была неумѣстною при тогдашнихъ обстоятельствахъ, однако у этого офицера нельзя отнимать той заслуги, что онъ исполнилъ возложенное на него порученіе съ успѣхомъ и съ похвальнымъ усердіемъ.

Виткевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ Польскихъ студентовъ Виленскаго университета, которые за участіе въ какомъ-то тайномъ обществѣ, въ бытность Новосильцева попечителемъ, служили простыми солдатами въ линейныхъ батальонахъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса. Живя на границахъ съ Азіей, онъ сталъ изучать языки Арабскій, Персидскій и Татарскій и достигъ такого теоретическаго и практическаго знакомства съ этими языками, что могъ безъ труда объясняться на нихъ. Не смотря на это, Виткевичъ, быть можетъ, еще прозябалъ-бы долго въ забвеніи, еслибы знаменитый А. Гумбольдтъ, во время своего научнаго путешествія по Уральскимъ горамъ, не остановился, благодаря счастливой случайности, въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ жилъ Виткевичъ. Разставленные на полкѣ сочиненія обратили на себя вниманіе Гумбольдта; онъ пожелалъ познакомиться съ солдатомъ, который былъ знакомъ съ новѣйшими ученными сочиненіями, и Виткевичъ былъ ему представленъ. По возвращеніи въ Петербургъ Гумбольдтъ позаботился прежде всего объ исходатайствованіи помилуванія этому замѣчательному молодому человѣку. Виткевича произвели въ офицеры; онъ служилъ впослѣдствіи адъютантомъ при генераль-адъютантѣ Перовскомъ, а когда понадобилось отправить уполномоченнаго въ Афганистанъ, то тотчасъ вспомнили о немъ. Вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Петербургъ, Виткевичъ застрѣлился, и настоящая причина такого отчаяннаго поступка никогда не была обнаружена. Для нашихъ сношеній съ центральной Азіей, этотъ офицеръ былъ-бы неоцѣнимъ, и я очень сожалѣлъ о его преждевременной гибели.

На содержаніи моихъ денешъ отзывались тѣ непріятности, съ которыми мнѣ приходилось бороться, и эти денеши представляли положеніе дѣлъ далеко не въ розовомъ цвѣтѣ. Оттого-то графъ Нессельроде и находилъ, что я всему придаю слишкомъ мрачный оттѣнокъ. Въ ту пору я не находилъ съ его стороны того одобренія, которымъ онъ меня удостоивалъ во время моего завѣдыванія генеральнымъ консульствомъ въ Египтѣ.

Вотъ нѣсколько извлеченій изъ моей тогдашней переписки, которыя я привожу не для того, чтобъ оправдать себя отъ взведенныхъ

на меня и, быть можетъ, заслуженныхъ обвиненій, а для того, чтобъ познакомить читателя съ ходомъ переговоровъ, веденіе которыхъ было возложено на меня, и для того, чтобъ объяснить, въ какомъ душевномъ настроеніи я тогда находился.

Изъ письма Л. Г. Сениявина отъ 21 Ноября 1838.

Съ первой минуты вашего вступленія въ должность, вы очутились въ крайне затруднительномъ положеніи. Не трудно было предвидѣть, что ваша роль въ началѣ будетъ нелегка, но довѣріе къ вашимъ дипломатическимъ способностямъ не позволяетъ ни на минуту усомниться въ томъ, что вы выйдете изъ этого затруднительнаго положенія съ успѣхомъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобъ поддержать вліяніе, которое мы приобрѣли въ Персіи нашей послѣдней войной съ этимъ государствомъ. Это вліяніе съ пользою для насъ отражается на другихъ Азіатскихъ народахъ,—я разумѣю тѣ народы, которые живутъ вблизи отъ нашихъ границъ, а не тѣ, на которыхъ обращалъ особенное вниманіе вашъ предмѣстникъ вслѣдствіе своихъ Наполеоновскихъ убѣжденій.

Изъ письма графа Нессельроде отъ 28 Января 1839.

Въ моихъ депешахъ и въ письмахъ Сениявина сказано все, что вамъ нужно и интересно знать. Но я не хочу отказать себѣ въ удовольствіи выразить вамъ, любезный генералъ, какъ мы довольны вашимъ дебютомъ и вашимъ образомъ дѣйствій. Продолжайте такъ, какъ вы начали, и я надѣюсь, что мы съ успѣхомъ выйдемъ изъ затруднительнаго положенія, въ которое такъ некстати вовлекъ насъ вашъ предмѣстникъ.

Изъ моего письма къ графу Орлову, написаннаго въ Январѣ 1839 года.

«Я прибылъ въ Персію въ очень интересную минуту. Ссора съ Англіей, непріязненная демонстрація, сдѣланная этой державой въ Персидскомъ заливѣ, неудача, которую потерпѣлъ Персидскій шахъ подъ Гератомъ, затруднительное положеніе Афганистана, которому грозило непріятельское нашествіе со стороны Индіи и который искалъ поддержки у Россіи, все это взятое вмѣстѣ представляетъ,—вы съ этимъ согласитесь, г-нъ графъ, такое запутанное положеніе дѣлъ, изъ котораго Персія можетъ выйти только при посредничествѣ нашего кабинета.

Я долго жилъ на Востокѣ и потому привыкъ имѣть дѣло съ дурно организованнымъ управленіемъ, но Персія далеко превосходитъ

въ этомъ отношеніи Турцію. Финансы находятся въ полнѣйшемъ разстройствѣ, и бѣдность государственной казны доходитъ до крайнихъ предѣловъ; армія почти вовсе не существуетъ, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту; губернаторы отдаленныхъ провинцій повинуются настолько, насколько это имъ удобно, а народъ, я въ этомъ увѣренъ, отнесся бы съ полнѣйшимъ равнодушіемъ ко всякой переменѣ династїи. Однимъ словомъ, я полагаю, что предприимчивый авантюристъ могъ бы съ 4 или 5 тысячами человѣкъ пройти черезъ Персію отъ одного конца до другаго и повсюду предписывать свои законы».

«Въ сравненіи съ такимъ немогущимъ правительствомъ Турція кажется мнѣ могущественнымъ колоссомъ, а Египетскій паша, не смотря на то, что онъ не болѣе какъ паша, въ десять разъ могущественнѣе шаха изъ шаховъ, не смотря на то, что этотъ послѣдній находится въ родствѣ и съ луною и съ солнцемъ».

«Выдача организованнаго изъ нашихъ дезертеровъ батальона встрѣтила большія затрудненія оттого, что мѣстныя власти, вмѣсто того, чтобъ оказывать намъ искреннее содѣйствіе, дѣлали разныя придирки и создавали разныя препятствія. Тѣмъ не менѣе, находившихся въ Тегеранѣ дезертеровъ въ числѣ 400 человѣкъ я успѣлъ, недѣли двѣ тому назадъ, отправить подъ начальствомъ офицера, присланнаго съ этою цѣлію ген. Головинымъ, и я надѣюсь, что большая часть изъ нихъ достигнетъ нашей границы. Въ этомъ числѣ много Поляковъ, которые вообще вели себя очень хорошо».

Изъ моего письма къ Л. Г. Сениавину изъ Тегерана отъ 25 Февраля 1839.

«По мнѣнію поручика Виткевича, изъ центральной Азіи могли бы устремиться на самыя образованныя части свѣта такія же массы варваровъ, какія выходили оттуда въ V-мъ столѣтіи, такъ какъ онъ не думаетъ, чтобъ Татарія и Туркестанъ были въ ту пору болѣе густо населены, чѣмъ въ настоящее время. Переселенія народовъ, по его мнѣнію, не были послѣдствіемъ заранѣе составленнаго плана, а были естественно изливавшимся потокомъ кочевниковъ, наводившимъ тѣ государства, которыя приходили въ упадокъ и въ которыхъ нравственно испорченное и изнѣжившееся населеніе совершенно утратило воинственный духъ».

«Хорасанъ представляетъ намъ и по сію пору живой образчикъ такого порядка вещей. Лишь только пружины управленія начинаютъ тамъ ослабѣвать, лишь только который нибудь изъ стоящихъ на окраинѣ степи городовъ или селеній представитъ перспективу легкаго завоеванія, Туркмены тотчасъ появляются и завладѣваютъ имъ».

Если это підприєміє увѣнчалось успѣхомъ, другія племена устремляются въ томъ же направленіи, чтобъ также попытать счастья, и, если въ странѣ господствуетъ анархія, кочевники въ нѣсколько лѣтъ подчиняють своему владычеству обширныя страны».

«Такова грустная и даже, быть можетъ, лишенная основанія мысль Виткевича, что варварство должно въ концѣ концовъ одержать верхъ надъ цивилизаціей и что Европа не избѣгнетъ вторичнаго нашествія варваровъ. Въ настоящую минуту Россія служитъ ей оплотомъ; но еслибы, по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій, Россія въ свою очередь стала приходить въ изнеможеніе, еслибы анархія проникла въ наше дорогое отечество, тогда,—говоритъ онъ,—потокъ варваровъ устремился бы на Западъ, потому что элементы для такого нашествия находятся налицо, и нигдѣ народонаселеніе не размножается такъ быстро, какъ среди кочевниковъ, которые бродятъ съ своими стадами между нашими границами и границами Китая».

«Теперь я перехожу къ Афганистану; такъ какъ это, безъ сомнѣнія, самый важный пунктъ, касательно котораго намъ предстоитъ выяснить наши сношенія съ Азіей».

«Еслибы можно было все переначать съизнова, я былъ бы того мнѣнія, что Россія никогда не должна мѣшаться въ дѣла Афганистана. Эта страна такъ отдалена отъ сферы нашего политическаго вліянія, что намъ нечего вести съ ней постоянныя сношенія, и мы не можемъ съ успѣхомъ поддерживать царствующихъ въ ней монарховъ. Но не смотря на эту невозможность, наше собственное достоинство не позволяетъ оставлять беззащитными тѣхъ, кто просилъ нашей помощи и положился на наше покровительство».

«Графъ Симоничъ былъ опрометчивъ и дѣлалъ ошибки, я этого не отвергаю; но въ сущности онъ держался того направленія, которое было ему указано императорскимъ министерствомъ. Помимо того, что покойный Родофиникинъ передалъ на словахъ Виткевичу (онъ между прочимъ далъ ему понять, что наше правительство было расположено ссудить Досту-Магомету-хану два милліона наличными деньгами и два милліона товарами), достаточно пробѣжать инструкціи, данныя министерствомъ Виткевичу, чтобъ убѣдиться, что мы въ ту пору намѣревались принять дѣятельное участіе въ Афганистанскихъ событіяхъ. Зачѣмъ было отправлять офицера въ Кабуль, если эта миссія не должна была привести ни къ какимъ результатамъ? Вѣдь вы согласитесь, что наши торговые интересы только могли служить предлогомъ; въ сущности же они ничтожны и еще долго будутъ оставаться ничтожными».

«Повѣрьте мнѣ, мой дорогой Сеньявинъ, что этотъ вопросъ болѣе важенъ, чѣмъ какъ вамъ кажется въ Петербургѣ, и что онъ отзовется на восточныхъ провинціяхъ Имперіи. Когда Англичане упрочатъ свое вліяніе въ Хивѣ и въ Бухарѣ и станутъ посылать оттуда муллъ, чтобъ фанатизировать наши мусульманскія племена, тогда мы придемъ, быть можетъ слишкомъ поздно, къ сознанію, что было ошибкою позволять Англичанамъ переходить Индъ и было ошибкой не подержать во время братьевъ Баракзеевъ».

«Еслибы спросили моего совѣта, я сказалъ бы, что прежде всего слѣдуетъ овладѣть Хивой. Надо уничтожить это гнѣздо хищниковъ и обратить его въ Русскій передовой постъ. Съ 12 или 15 тысячами человѣкъ такая экспедиція непременно имѣла бы успѣхъ и произвела бы въ Азіи громадное впечатлѣніе. Въ тоже время я высадилъ бы въ Астрабадъ отрядъ изъ 6 или 8 тысячъ пѣхоты съ соотвѣтствующимъ числомъ пушекъ для того, чтобъ можно было употреблять эти силы въ дѣло, смотря по обстоятельствамъ. Эта демонстрація ободрила бы Персовъ и Афганцевъ, а еслибы Англичане удержали Каракъ,—что они, повидимому, и намѣрены сдѣлать,—мы удержали бы Астрабадъ. Наконецъ, въ видѣ первоначальной помощи, можно бы было выдать субсидіи сердарямъ Кабульскому и Кандагарскому».

«Вы скажете, что все это тоже, что объявленіе войны. Я не того мнѣнія. Напротивъ того, я думаю, что Англичане сдѣлаются болѣе сговорчивыми, когда увидятъ, что мы приняли такой тонъ, и что они поспѣшатъ очистить Каракъ и оставить въ покоѣ сердарей Кабульскаго и Кандагарскаго, лишь бы только мы съ нашей стороны очистили Астрабадъ».

«Издали Афганистанъ можетъ казаться очень интереснымъ съ своими сердарами, съ своимъ Шуджа-уль-Мулькомъ и съ своей Англо-Индійской арміей; но вблизи, на томъ разстояніи, на которомъ я его вижу, это положеніе вещей въ высшей степени печально, и мнѣ очень хотѣлось бы знать, чѣмъ долженъ я руководствоваться въ нашихъ сношеніяхъ съ Афганистаномъ».

Изъ письма Л. Г. Сеньявина. Петербургъ, 18 Апрѣля 1839.

«Я не хочу отправить сегодняшняго курьера, не написавъ нѣсколько строкъ въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 25 Февраля, въ которомъ вы сообщаете мнѣ пріобрѣтенное Виткевичемъ на практикѣ убѣжденіе въ возможности Азіатскаго нашествія или вѣрнѣе въ возможности движенія Азіатцевъ въ западномъ направленіи. Эту же мысль высказываетъ Канкринъ. Что касается меня, я не утверждаю, что это никогда не можетъ случиться; но я убѣжденъ, что этотъ день

настанеть не скоро, тѣмъ болѣе, что Европейцы нашего времени имѣютъ важное преимущество передъ Европейцами среднихъ вѣковъ,—а именно порохъ, котораго тѣ не выдумали.

«Виткевичъ, какъ кажется, не подумалъ объ этомъ маленькомъ препятствіи, которое въ совокупности съ пушечными ядрами и съ картечью можетъ служить запрудой для потока. Что вы объ этомъ скажете?»

«Пока мы еще не вступили въ войну съ этими новыми Вандалами, я долженъ объявить войну лично вамъ за то, что вы пишете касательно командировки Виткевича въ Афганистанъ. Если вы дадите себѣ трудъ перечитать бумаги, хранящіяся въ архивѣ нашего посольства, вы легко придете къ убѣжденію, что министерство никогда не имѣло намѣренія создавать безъ всякой причины усложненія и затрудненія, къ сожалѣнію, возникшія противъ нашего желанія. Лишь только этотъ дьяволъ Гуссейнъ-али прибылъ въ Оренбургъ съ просьбой о помощи и покровительствѣ отъ имени своего августѣйшаго государя Доста-Магомета-хана, мы тотчасъ обратились къ Симоничу за свѣдѣніями: Что такое Афганистанъ? Что могли бы мы сдѣлать тамъ для нашей торговли? Какого рода *нравственное* покровительство могли бы мы оказать, не компрометируя себя передъ тѣми, кто находится подъ нашимъ покровительствомъ?»

«Онъ отвѣчалъ, что мы непременно должны взять на себя гарантію сдѣлокъ, которыя могутъ быть заключены между Афганцами и Персіей, что это единственное средство утвердить наше вліяніе въ этой отдаленной странѣ, и т. д. Но въ инструкціи, которая была дана Симоничу во время командировки Виткевича, положительно сказано, что Афганистанъ находится такъ далеко отъ насъ, что мы не можемъ съ успѣхомъ вмѣшиваться въ тамошнія распри, что поэтому мы не можемъ обѣщать нашей гарантіи, не обдумавши серьезно такого шага; что мы ограничиваемся совѣтами, которые можетъ давать всякій, что мы вовсе не прочь завязать съ этими людьми торговыя сношенія, и т. д.»

«Стало быть, Виткевичъ отправился туда скорѣе съ цѣлію познаться съ мѣстностью, чѣмъ съ цѣлію все перевернуть верхъ дномъ для осуществленія замысла, который не существовалъ. Сверхъ того Симоничу было приказано отправить Виткевича только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ вполне убѣжденъ, что это не будетъ бесполезной попыткой. Я ничего не говорю о рѣшеніи, которое счелъ нужнымъ принять Симоничъ; результаты этого рѣшенія у васъ передъ глазами. Впрочемъ, извѣщая насъ о томъ, что онъ гарантировалъ исполненіе договора, заключеннаго между Персами и Кандагарцами, Симоничъ въ той же депешѣ предупреждалъ насъ, что Персы не исполняютъ условій этого договора, что они не пошлютъ Афганцамъ

денегъ, потому что они сами безъ денегъ, что не пошлютъ имъ войскъ, потому что эти двѣ націи принадлежатъ къ различнымъ религіознымъ сектамъ и потому ненавидятъ одна другую, и что даже не пошлютъ имъ военныхъ припасовъ. Хороша роль гарантирующей державы при такихъ условіяхъ и на такомъ огромномъ разстояніи!»

«Надѣюсь, что послѣ этого вы не будете утверждать, будто Симоничъ держался того направленія, которое было ему указано министерствомъ. Впрочемъ дѣло сдѣлано, и только дай Богъ, чтобъ все это кончилось благополучно».

«Мы очень удивлены тѣмъ, что вы не имѣете никакихъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ этомъ проклятомъ Афганистанѣ. По извѣстіямъ, дошедшимъ до насъ изъ Лондона, Камрамъ-мирза поссорился съ находившимися въ Гератѣ Англичанами Поттингеромъ и Стоддартомъ и выгналъ ихъ отсюда, что сверхъ того Англо-Индійская армія встрѣтила препятствія при переходѣ черезъ владѣнія Синдскаго эмира, что Достъ-Магометъ ханъ окружилъ себя баррикадами, сколько могъ. Напротивъ того, Медемъ пишетъ намъ изъ Каира, что Англичане уже достигли Шикарпура».

Изъ письма Л. Г. Сенявина. Каменный Островъ, 15 Іюля 1839.

«Я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо отъ 7 Іюня; я прочелъ его съ удовольствіемъ и понялъ, какъ вамъ должно быть непріятно, что дѣла въ Персіи и въ Афганистанѣ не идутъ такъ, какъ было бы желательно. Но что же дѣлать? Иногда необходимо скрывать свое неудовольствіе. А насъ поставилъ въ такое затруднительное положеніе этотъ негодный Симоничъ, сдѣлавшійся въ концѣ концовъ комендантомъ крѣпости, которая еще не построена».

«Вспомогательная 60-ти тысячная армія, во главѣ которой надѣялся стать шахъ, была бы, — согласитесь съ этимъ, — бесполезна послѣ отступленія его Персидскаго величества и послѣ его возвращенія въ Тегеранъ. Но что могло бы быть полезно если не для Персовъ, то по меньшей мѣрѣ для насъ, это занятіе Астрабада. Эта мысль была выдвинута впередъ и сильно поддержана, но она не встрѣтила одобренія. Послѣ этого не оставалось ничего другого, какъ заниматься фразами, которыя, надѣюсь, доставлены вамъ въ достаточномъ выборѣ. Что же касается проекта оборонительнаго союза, то это было подогрѣтое блюдо соглашенія съ Турціей, и сверхъ того не забудьте, что Турецкій трактатъ (тотъ, который былъ заключенъ въ Ункіаръ-Скелесси) былъ заключенъ для *будущаго*, между тѣмъ какъ Персидскій трактатъ долженъ бы былъ служить для *настоящаго*. Во всякомъ случаѣ, мнѣ при-

скорбно видѣть, что наше вліяніе въ Азіи сильно поколеблено; но что же могу я сдѣлать? Будемъ ожидать болѣе благопріятной минуты для его возстановленія».

Изъ письма Л. Г. Сенявина. Каменный Островъ, 1 Августа 1839.

«Что касается Виткевича, то онъ лишилъ себя жизни вовсе не потому, что его имя появилось въ газетахъ, а изъ мизантропіи, изъ полонизма и вслѣдствіе давно принятаго имъ рѣшенія. Виткевичъ очень хорошо исполнилъ данныя ему приказанія, и онъ нисколько не виноватъ въ томъ, что эти приказанія были недѣльны. Поэтому застрѣлиться долженъ бы былъ Симоничъ, а не Виткевичъ, который былъ только орудіемъ въ его рукахъ».

На одну изъ моихъ депешъ, въ которой я увѣдомлялъ о первыхъ военныхъ успѣхахъ Англо-Индійской арміи въ войнѣ съ Сердарями, о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ этой войны и о важномъ вредѣ, который отъ нея потерпитъ наше политическое положеніе, вице-канцлеръ отвѣчалъ мнѣ письмомъ отъ 29 Августа 1839, изъ котораго я прилагаю при семъ извлеченіе.

«Ваши депеши, любезный генералъ, не окрашены въ розовый цвѣтъ; онѣ конечно, не доставляютъ намъ удовольствія, но онѣ также и не удивляютъ насъ. Мы очень ясно предвидѣли, что намъ придется переживать непріятныя минуты. Мы никогда не обманывали себя на счетъ исхода Англо-Индійской экспедиціи; мы никогда не питали ни малѣйшей надежды на сопротивление Афганцевъ. Всѣ соображенія, которыя вы излагаете въ вашихъ послѣднихъ депешахъ касательно послѣдствія такого положенія дѣлъ, уже сто разъ приходили намъ самимъ въ голову; но когда заходила рѣчь объ отысканіи средства предотвратить эти послѣдствія, о томъ, чтобъ воспрепятствовать успѣхамъ Англичанъ и оказать помощь сердарямъ Кандагарскому и Кабульскому, я долженъ вамъ въ томъ признаться, мы становились въ тупикъ и тысячу разъ проклинали Симонича, его легкомысліе и его непредусмотрительность».

«Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ сильно скомпрометировалъ насъ и что ваша задача очень трудна; также не подлежитъ сомнѣнію, что наше вліяніе въ Азіи должно пострадать отъ этой путаницы. Это соображеніе важнѣе всѣхъ другихъ для Россіи, и на немъ должны сосредоточиваться всѣ наши помыслы. Дѣйствовать прямо на Афганистанъ и послать подкрѣпленія Сердарямъ—было положительно невозможно. Дѣйствовать посредствомъ Персовъ? Но осада Герата ясно доказала намъ, чего можно ожидать отъ такого союзника. Все, что мы могли бы предпринять съ этой стороны, потребовало бы

отъ насъ громаднѣхъ жертвъ людьми и деньгами безъ всякаго удовлетворительнаго результата и, сверхъ того, вовлекло бы насъ въ войну съ Англіей, войну, которой Императоръ конечно не боится, но которую онъ не желалъ бы вызывать изъ-за столь отдаленныхъ интересовъ. Поэтому, чтобъ поднять наше значеніе въ Азіи, приходится обратить свои взоры въ другую сторону, и я надѣюсь, любезный генералъ, что скоро буду въ состояніи сообщить вамъ о такомъ предпріятіи, которое приведетъ насъ къ этой цѣли, не подвергая тѣмъ трудностямъ и опасностямъ, которыя встрѣтила бы военная экспедиція въ Афганистанъ». Графъ Нессельроде присовокупилъ въ формѣ постскриптума слѣдующія слова: *«Придетъ время, что и на нашей улицѣ будетъ праздникъ»*.

Предпріятіе, на которое былъ сдѣланъ намѣкъ въ этомъ письмѣ, заключалось, какъ я впоследствии узналъ, въ военной экспедиціи, которая должна была выступить слѣдующей зимой изъ Оренбурга въ Хиву подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Перовскаго. Однако, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ и какой-то поистинѣ роковой случайности, эта экспедиція не удалась. Мы были принуждены отступить, даже не видѣвши въ глаза непріятеля. Наши солдаты вынесли-бы безъ большаго труда самый суровый холодъ; но глубокіе снѣга, не позволявшіе ни людямъ, ни вьючнымъ животнымъ подвигаться впередъ, представили непреодолимое препятствіе, и идти далѣе не было возможности *). Черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ того, я переѣхалъ черезъ тѣже самыя степи и также въ серединѣ зимы; правда, что зимы не похожи одна на другую. Какъ-бы то ни было, но эта неудавшаяся экспедиція не только не подняла нашего нравственнаго значенія, какъ того ожидали, а лишь еще болѣе ослабила наше вліяніе. Вотъ извлеченіе изъ письма, написаннаго мною къ графу Нессельроде въ отвѣтъ на его письмо отъ 29 Августа.

Тегеранъ, 7 Октября 1839.

«Прошу васъ извинить меня, что мои депеши иногда отзываются грустью и даже раздражительностью; но могу васъ увѣрить, что, благодаря графу Симоничу, мое положеніе здѣсь столь же неясно, сколько затруднительно и что всякій другой на моемъ мѣстѣ долженъ бы былъ бороться съ тѣми же затрудненіями. Изъ всѣхъ, данныхъ Симоничемъ обѣщаній, я не могъ исполнить ни одного; а вслѣдствіе

*) Нынѣ извѣстно, что Хивинскій походъ 1839 года не удался, потому что В. А. Перовскій (вопреки предостереженіямъ самаго Государя) слишкомъ довѣрился ссыльному Поляку Цюлковскому, котораго онъ взялъ съ собою въ походъ и который поморилъ верблюдовъ. Неоглашенные еще эпизоды обольщеній крайне-поучительны. П. В.

того шахъ питаетъ ко мнѣ нерасположеніе, полагая, что именно я возстановилъ противъ него императорское правительство. Сверхъ всего этого, графъ Симоничъ принялъ на себя роль Персидскаго банкира и, пользуясь капиталами находившимися въ его распоряженіи, онъ давалъ взаймы деньги всякому, кто ихъ спрашивалъ. Вы не можете себѣ представить, г-нъ графъ, сколько просьбъ этого рода было заявлено съ тѣхъ поръ, какъ я прибылъ въ Тегеранъ. Я постоянно отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, во-первыхъ потому, что всѣ находящіеся въ моемъ распоряженіи суммы имѣютъ специальное назначеніе и во вторыхъ потому, что всѣ эти ссуды ничѣмъ не обезпечены. Но послѣдствіемъ всего этого было то, что меня считаютъ человѣкомъ жаднымъ и неуслужливымъ. Наконецъ, графъ Симоничъ льстилъ самолюбію и самомнѣнію Персовъ, осыпая ихъ самыми неумѣренными похвалами, между тѣмъ какъ по моему мнѣнію, въ виду той отвратительной системы управленія, какая существуетъ въ Персіи, Русскій представитель унижилъ бы свое достоинство, если-бы сталъ хвалить что достойно лишь хулы. Вотъ почему меня обвиняютъ въ гордости. Я не могу скрывать отъ васъ, г-нъ графъ, что я не пользуюсь личнымъ расположеніемъ ни шаха, ни его министровъ; но если я не буду въ состояніи снискать любовь Персовъ, по крайней мѣрѣ надѣюсь, заставлю ихъ уважать меня».

«Въ настоящую минуту вашему сіятельству уже должно быть извѣстно, что Персидское правительство согласилось на всѣ условія, которыхъ требовалъ лордъ Пальмерстонъ, и я полагаю, что Англійская миссія не замедлитъ своимъ возвращеніемъ въ Персію. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что Персидскіе министры дали свое согласіе съ заднею мыслію не исполнять всѣхъ своихъ обѣщаній, и самая серьезная препятствія, вѣроятно, встрѣтятся при заключеніи торговаго договора».

«Шахъ не придаетъ большой цѣны обладанію Горіаномъ по причинѣ хлопотъ и расходовъ, сопряженныхъ съ снабженіемъ этого мѣста припасами. Это служитъ новымъ доказательствомъ, что Персы не понимаютъ важности этого пункта; но нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что они согласятся уступить его лишь послѣ того, какъ будетъ очищенъ островъ Каракъ, хотя это условіе и не включено въ формальный договоръ».

Между тѣмъ Англо-Индійская армія подвигалась впередъ, не встрѣчая серьезныхъ препятствій. Пройдя черезъ ущелье Байлана, которое ведетъ изъ долины Инда въ равнину Афганистана, Англичане заняли Гиснэ, Кандагаръ и Кабуль. Сердари спаслись бѣгствомъ, и шахъ Шуджа-эль-Мулькъ былъ снова возведенъ на престолъ своихъ предковъ.

Эти событія такъ важны, что о нихъ не слѣдовало-бы говорить мимоходомъ; но свѣдѣнія, которыя доходили до насъ, были неясны и противорѣчивы. И ходъ военныхъ дѣйствій въ Афганистанѣ, и причины, вызвавшія войну, и ея печальная развязка,—такая печальная, что по ея послѣдствіямъ ее можно сравнить лишь съ отступленіемъ Французской арміи въ 1812,—все это изложено очень ясно и вполнѣ безпристрастно въ сочиненіи г-на *Kaye: The war in Afghanistan*, которое долженъ читать и изучать всякій, кто интересуется восточными дѣлами.

На одну изъ моихъ депешъ, въ которой я описывалъ успѣхи Англо-Индійской арміи, я получилъ слѣдующій отвѣтъ графа Нессельроде отъ 7 (19) Ноября 1839.

«Развязка Афганистанскаго затрудненія должна была доказать вамъ, любезный генералъ, какъ было основательно съ нашей стороны нежеланіе держаться той ошибочной системы, въ которую старался вовлечь насъ вашъ предмѣстникъ съ такою опрометчивостью. Откажемся навсегда отъ этихъ далекихъ цѣлей, которыя не приведутъ насъ ни къ чему, кромѣ опасныхъ усложненій. Если бы мы держались той гарантіи, которую такъ легкомысленно обѣщаль Симоничъ, если бы мы не отказались отъ нея, посудите сами, къ чему-бы это насъ привело. Внимательно слѣдя за движеніемъ Англійскихъ войскъ, мы замѣчаемъ, что Афганцы имѣли тысячу средствъ остановить ихъ въ горахъ и не дозволить имъ проникать въ Афганистанъ. Въмѣсто того, армія Доста-Магомета-хана разбѣжалась безъ выстрѣла. Если бы Афганцевъ стали поддерживать Персы, эти послѣдніе вѣроятно послѣдовали-бы ихъ примѣру, доказательствомъ чего служатъ безплодные усилія овладѣть такимъ плохо укрѣпленнымъ городишкомъ, какъ Гератъ. Однако, таковы были союзники, которыхъ пришлось бы Россіи поддерживать не войсками,—что было-бы невозможно,—а милліонами, которые были-бы истрачены безъ всякой пользы. И такъ, мой любезный генералъ, оставьте сожалѣнія о прошломъ и рѣшительно придерживайтесь новой системы, которая совершенно отлична отъ системы вашего предмѣстника и которая изложена въ данныхъ вамъ инструкціяхъ. Она будетъ гораздо болѣе благопріятна для единственной цѣли, которую мы должны имѣть въ виду,—для внутренняго спокойствія Персіи, чѣмъ рискованныя предпріятія въ центральной Азіи. Чтобъ утвердить это спокойствіе на прочныхъ основаніяхъ, я всегда считалъ необходимымъ примиреніе съ Англіей. Поэтому мнѣ было очень пріятно узнать, что шахъ принялъ послѣднія предложенія лорда Пальмерстона, и я поспѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобъ внушить Англійскому министерству болѣе благосклонное къ Персіи расположе-

ніе. Вы увидите, что усилія барона Брунова не остались безуспѣшными. Въ настоящую минуту наша главная цѣль—достигнуть того, чтобъ Макниль не былъ снова назначенъ посланникомъ въ Персію; я уже говорилъ объ этомъ съ лордомъ Кланрикардомъ и обращаю на этотъ предметъ особое вниманіе нашего посла въ Лондонѣ. Если намъ удастся достигнуть замѣщенія этого задорнаго человѣка человѣкомъ разсудительнымъ, то я попрошу васъ стать съ этимъ послѣднимъ съ перваго разу въ хорошія отношенія. Это будетъ для васъ тѣмъ болѣе нетрудно, что миссія Брунова привела къ значительному улучшенію въ нашихъ сношеніяхъ съ Англіей, и что мы въ настоящую минуту въ состояніи добиться, чтобъ новому Англійскому послу въ Персіи было дано приказаніе откровенно улаживать вмѣстѣ съ вами всѣ вопросы, которые могли бы возникнуть въ этой странѣ. Въ этомъ отношеніи можно считать за благопріятное обстоятельство тотъ фактъ, что въ Персію отправлена Французская миссія. Это возбудитъ сильную зависть въ Англіи, которая въ настоящее время уже не въ дружескихъ отношеніяхъ къ Іюльскому правительству. Напротивъ того, не проходитъ дня, чтобъ между этими двумя морскими державами не возникали какія-нибудь новыя непріятности, и нѣтъ ничего невозможнаго что прежнюю горячую дружбу замѣнитъ полный разрывъ. Французская миссія составлена почти цѣликомъ изъ лицъ, которыя состояли при Французскомъ посольствѣ въ Петербургѣ и которыя выѣхали отсюда бѣльшею частію съ недоброжелательствомъ къ Россіи».

Привожу мой отвѣтъ на это письмо, отправленный въ Декабрѣ 1839 года:

«Я получилъ письмо, которымъ ваше сіятельство почтили меня отъ 7 (19) Ноября, и могу увѣрить васъ, что я вовсе не намѣренъ принимать на себя роль защитника Афганистана и нисколько не жалѣю о томъ, что мы не вступились за него. Поведеніе Сердарей было во всѣхъ отношеніяхъ такъ гнусно, что нѣтъ возможности чувствовать малѣйшее состраданіе къ ихъ участи; но я желалъ-бы только одного, чтобъ мы не заходили слишкомъ далеко въ нашемъ сочувствіи къ нимъ, и я остаюсь при томъ мнѣніи, что командировка Виткевича въ Афганистанъ была ошибкой, потому что эта миссія внушила Афганцамъ обманчивыя надежды и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудила опасенія Англіи».

«Я также раздѣляю мнѣніе вашего сіятельства, что Персидскому правительству всего болѣе нужны внутреннія улучшения и административныя реформы, а не завоеванія и не слава. Поэтому, со времени моего прибытія въ эту страну, я постоянно старался изучить механизмъ Персидской администраціи и обнаружить раны, породившія сла-

бость и изнуреніе, въ которомъ находится эта страна въ настоящую минуту. Разслѣдованія, которыми я занимался, послужать содержаніемъ для особаго труда, въ которомъ я постараюсь указать, какими средствами можно-бы было уничтожить самыя выдающіяся злоупотребленія. Если мои идеи будутъ одобрены императорскимъ министерствомъ и если мнѣ удастся склонить на ихъ сторону новаго Англійскаго посланника, который, какъ вы утверждаете, г-нъ графъ, не замедлитъ прибыть на свой постъ,—тогда наши совокупныя усилія, быть можетъ, принесутъ какую-нибудь пользу. Но я опасаюсь, что наши добрыя намѣренія будутъ парализованы упорствомъ и самомнѣніемъ Персидскихъ министровъ и въ особенности Гаджи, который, какъ я уже имѣлъ честь неоднократно писать вашему сіятельству, очень честный человекъ, но отвратительный администраторъ и къ тому-же преисполненъ высокаго мнѣнія о своей учености».

Въ доказательство, какъ сильно привлекали къ себѣ общее вниманіе событія, театромъ которыхъ былъ Афганистанъ, привожу извлеченіе изъ письма ко мнѣ г.-ад. Берга изъ Варшавы отъ 8 (20) Ноября 1839. «Англичане дозволили себѣ въ Афганистанѣ *Uebergriffe* *). Прощай наше вліяніе, которымъ, впрочемъ, мы никогда и не пользовались въ этой странѣ. Я не думаю, чтобъ Англичане,—какъ вы говорите въ вашемъ письмѣ отъ 23 Іюля,—ослабили себя, распространивъ такъ далеко свою власть. Ихъ владычество въ Индіи всегда было только нравственное, или, по меньшей мѣрѣ, не столько матеріальное, сколько нравственное; ихъ матеріальныя средства имѣли лишь второстепенное и вспомогательное значеніе. Но только матеріальная сила слабѣетъ отъ расширенія, между тѣмъ какъ нравственная сила отъ расширенія крѣпнеть. Вы согласитесь съ тѣмъ, что находящіеся въ Индіи 100 тысячъ Англичанъ управляютъ населеніемъ изъ 180 или 200 милліоновъ не съ помощью матеріальной силы, а благодаря своему умственному превосходству. Поэтому я полагаю, что послѣдняя экспедиція Англичанъ на Кабуль и на Гератъ укрѣпила ихъ нравственное владычество надъ Индіей и стало быть, ихъ могущество въ Азіи не только не ослабѣло, но усилилось въ соразмѣрности. Для насъ мало утѣшительнаго въ томъ, что эта экспедиція вывела наружу ту истину, что мы не пользуемся никакимъ вліяніемъ въ центральной Азіи. Объ этихъ странахъ Англичане имѣютъ подробныя мѣстныя свѣдѣнія, и благодаря частымъ сношеніямъ съ этими народами, приобрѣли на нихъ вліяніе. Мы-же не имѣемъ ни свѣдѣній объ этихъ странахъ, ни нуж-

*) Увлеченія, захваты.

ныхъ познаній; мы не ведемъ тамъ торговли и не имѣемъ никакихъ сношеній съ мѣстнымъ населеніемъ, а потому и не можемъ имѣть никакого на него вліянія».

«Мнѣ кажется, что ссора Англичанъ съ Персами и всѣ статьи, которыми Англіійскія газеты громили мнимые замыслы Русскихъ на Индію, были ничто иное, какъ придирки, придуманныя для того, чтобы оправдать ихъ собственные честолюбивые замыслы и тѣ завоеванія, которыя они очень старательно готовятъ и такъ ловко приводятъ въ исполненіе».

Въ то время еще никто не могъ предвидѣть окончательнаго исхода войны, которая была предпринята противъ Афганцевъ; однако, вотъ что я между прочимъ отвѣчалъ на приведенное письмо въ Февралѣ 1840.

«Что касается *Uebergriffe* Англичанъ въ Афганистанъ, то я не вполне раздѣляю ваше мнѣніе и полагаю, что они ослабили себя, зайдя слишкомъ далеко. Могу увѣрить васъ, что ихъ вліяніе въ этой обширной странѣ утверждено на очень непрочномъ фундаментѣ и что, если бы Россія того захотѣла, было-бы вовсе нетрудно принудить Англичанъ обратно перейти за Индъ и заставить болвана, возведеннаго ими въ званіе Кабулскаго шаха, убраться оттуда. Но дѣло въ томъ, что мы не желаемъ мѣшаться въ то, что происходитъ на такомъ большомъ отъ насъ удаленіи, и дѣйствуя такъ, императорскій кабинетъ быть можетъ, правъ. Только дай Богъ, чтобы экспедиція въ Хиву удалась; я отвѣчаю вамъ, что она произведетъ впечатлѣніе въ Азіи».

Не смотря на миролюбивыя попытки, съ которыми Персидское правительство, по моему совѣту и при моемъ посредничествѣ, обратилось къ Сень-Джемскому кабинету, и не смотря на то, что изъ Петербурга меня увѣдомляли о скоромъ устраненіи затрудненій, возобновленіе добраго согласія между двумя дворами подвигалось медленно, и только въ Сентябрѣ 1841 года Англіійскій посланникъ снова занялъ свой постъ въ Тегеранѣ.

Между тѣмъ наши старанія достигнуть этой цѣли не прекращались; и вотъ что нашъ посолъ въ Лондонѣ баронъ Бруновъ писалъ мнѣ отъ 12 (24) Ноября 1840.

«Любезный генералъ, вы получите это письмо отъ Англіійскаго офицера, котораго полковнику Шейлю приказано послать въ Тегеранъ съ письмомъ отъ лорда Пальмерстона къ мирзѣ-Агасси».

«По моему личному мнѣнію, этотъ шагъ можетъ открыть путь къ возвращенію Британскаго посольства и къ заключенію окончательнаго соглашенія между двумя сторонами».

«Изъ четырехъ спорныхъ пунктовъ, которые приходилось уладить, три уже считаются Британскимъ правительствомъ окончательно ула-

женными. Остается уладить только 4-ый пунктъ касательно очищенія Горіана. Англіійскій офицеръ отправляется въ Тегеранъ именно для того, чтобъ условиться о предварительныхъ распоряженіяхъ касательно этого очищенія и для того, чтобъ передать этотъ городъ Гератскимъ Афганцамъ. Если шахъ уладить это дѣло согласно съ тѣми желаніями, которыя поручено выразить Англіійскому офицеру, то непосредственнымъ слѣдствіемъ этого будетъ примиреніе между двумя дворами, и тогда полковникъ Шейль возвратится въ Тегеранъ, а Англіійскія войска немедленно очистятъ островъ Каракъ».

«Теперь отъ самого шаха зависитъ хорошо взвѣсить, чего требуютъ его выгоды. На мой взглядъ, непонятно, какую могъ-бы онъ извлечь пользу изъ обладанія Горіаномъ. Онъ не принесетъ ему никакой пользы въ качествѣ исходнаго пункта для новаго нападенія на Афганцевъ, такъ какъ для всякаго ясно, что если-бы онъ снова увлекся желаніемъ напасть на Гератъ, Англичане снова пришли-бы на помощь къ этому городу, и Персамъ это предпріятіе не удалось-бы точно также, какъ при первой попыткѣ».

«Съ другой стороны, если шахъ не имѣетъ намѣренія нападать на Гератъ и ограничится тѣмъ, что будетъ охранять себя отъ опасности, которая могла-бы угрожать ему со стороны Афганцевъ, то Горіанъ былъ-бы, по моему мнѣнію, очень слабой охраной; такъ какъ если Англичане будутъ поддерживать Афганцевъ и руководить ихъ дѣйствіями, то Горіанъ продержится недолго, а если послѣ взятія Горіана Афганцы будутъ продолжать военныя дѣйствія, то границы Персіи не только не будутъ ограждены отъ непріятельскаго вторженія, но будутъ подвергнуты этой опасности еще болѣе прежняго».

«Изъ-заудовольствія удержать въ своихъ рукахъ Горіанъ, шахъ рисковалъ-бы подвергнуть себя двойной опасности: 1-е, той, что у него отнимутъ этотъ городъ силой и 2-е, что онъ будетъ вовлеченъ въ распрю, въ которой на сторонѣ Афганцевъ будетъ то преимущество, что они получаютъ тѣмъ или другимъ способомъ болѣе или менѣе существенную помощь отъ Англичанъ. По этимъ соображеніямъ я полагаю, что шахъ выказалъ бы политическое здравомысліе, еслибы сдѣлалъ видъ, что не по принужденію, а добровольно отказывается отъ обладанія городомъ, который ему ни на что не нуженъ и который можетъ быть скоро у него отнятъ, если онъ не воспользуется настоящимъ случаемъ, чтобъ уступить его подъ видомъ добровольной готовности. Попросту сказать, все это сводится къ очень простому соображенію: вопросъ въ томъ, что будетъ болѣе выгодно для шаха—очистить-ли Горіанъ и въ замѣнъ того достигнуть

возвращенія Англійскаго посольства и уступки Карака, или-же отказаться отъ очищенія Горіана и вслѣдствіе того остаться въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Англіи, не получить обратно Карака и сверхъ того подвергаться опасности, что на Горіанъ будетъ сдѣлано нападеніе и что этотъ городъ будетъ у него отнятъ безъ всякаго вознагражденія и сверхъ того съ позоромъ для него».

«Мнѣ кажется, что всякій благоразумный человѣкъ не сталъ бы долго колебаться въ выборѣ того или другаго образа дѣйствій. Къ сожалѣнію, мнѣ извѣстно, любезный генералъ, что вы имѣете дѣло съ людьми очень неблагоразумными. Мнѣ также извѣстно, что ихъ самолюбіе было сильно задѣто, а въ подобныхъ случаяхъ самолюбіе плохой совѣтникъ. Поэтому я полагаю, что если Англійскій офицеръ, который будетъ посланъ въ Тегеранъ, захочетъ исполнить свое порученіе съ успѣхомъ, надо, чтобы и въ его словахъ, и въ его поступкахъ было много сдержанности и *dolcezza* *). Надо, чтобы онъ воздерживался и отъ угрозъ, и отъ рѣзкости въ обхожденіи и чтобы онъ обнаруживалъ дружелюбную готовность достигнуть скораго и ни для кого неунизительнаго соглашенія между двумя дворами. Если таково будетъ поведеніе Англійскаго агента, то я надѣюсь, что онъ съ успѣхомъ исполнитъ свою миссію».

«Совѣты, съ которыми вы обращались къ Тегеранскому двору съ цѣлію ускорить развязку настоящихъ затрудненій, вызвали здѣсь горячее одобреніе. Здѣсь считаютъ за очевидное доказательство вашего безпристрастія и добросовѣстности тотъ фактъ, что вы неоднократно выражали желаніе, чтобы возвращеніе Англійскаго посольства состоялось какъ можно скорѣе; этимъ вы ясно доказали, что вы не имѣете желанія пользоваться исключительнымъ вліяніемъ въ Персіи и что вы предпочитаете раздѣлять это вліяніе съ Англійскимъ посланникомъ, лишь бы усилія этихъ двухъ представителей направлялись къ поддержанію внутренняго и внѣшняго спокойствія Персіи».

«Я не расхожусь съ вами и въ томъ мнѣніи, что пока между Англіей и Персіей будутъ существовать отношенія, похожія на отношенія между двумя воюющими державами, поведеніе Англійскихъ агентовъ не будетъ соответствовать той миролюбивой системѣ, о которой я говорю. Вотъ почему васъ, конечно, долженъ удивлять тотъ фактъ, что въ то время, какъ Англійскіе министры выражаютъ мнѣ здѣсь свое миролюбивое расположеніе къ Персіи, Англійскіе эмиссары или агенты дѣйствуютъ на мѣстѣ въ иномъ, а иногда и противополож-

*) Сладости.

номъ, направленіи. Агенты, о которыхъ вы говорите, получаютъ внушенія отъ правительства Остъ-Индской Компаніи. Въ средѣ этого правительства, къ сожалѣнію, существуетъ прискорбное противъ насъ предубѣжденіе. Въ Калькуттѣ еще дѣйствуютъ и думаютъ такъ, какъ дѣйствовали и думали въ то время, когда Виткевичъ жилъ въ Кабулѣ, а Симоничъ въ Тегеранѣ. Отсюда возникаетъ множество противорѣчій между политикой Калькутты, гдѣ это предубѣжденіе существуетъ, и политикой Лондона, гдѣ оно исчезло. Всѣ мои усилія направлены къ тому, чтобы примирить эти разнородныя тенденціи, чтобы примирить тенденціи Калькутты, которая смотритъ на насъ какъ на враговъ, съ тенденціями Лондона, который считаетъ насъ за друзей. Я не теряю надежды достигнуть успѣха въ этомъ предпріятіи. Но когда вы примите въ соображеніе, что здѣсь идетъ дѣло объ устраненіи предубѣжденій, существовавшихъ въ теченіе многихъ лѣтъ, и что пройдутъ мѣсяцы, прежде чѣмъ миролюбивое внушеніе дойдетъ отсюда до Остъ-Индскаго правительства, вамъ будетъ не трудно понять, почему я выслушиваю здѣсь отъ лорда Пальмерстона увѣренія въ желаніи Англіи поддержать Персидскую монархію, между тѣмъ какъ Остъ-Индская Компанія нанимаетъ солдатъ для похода на Горіанъ».

«Нужно время и терпѣніе, чтобы изгладить слѣды этого зла. Я настойчиво къ этому стремлюсь въ сферѣ моей дѣятельности. Въ Европѣ положеніе дѣлъ много разъяснилось съ тѣхъ поръ, какъ начало устанавливаться доброе согласіе между Россіей и Англіей. Постараемся дѣйствовать точно также въ Азій. Это будетъ ваша задача. Повѣрьте мнѣ, что здѣсь очень хорошо извѣстны прямота, честность и умѣренность вашего характера. Ваша миссія въ Египтѣ оставила здѣсь самыя лучшія и самыя лестныя для васъ воспоминанія. Теперь держите себя въ Тегеранѣ точно такъ, какъ въ Александріи. Мы пожнемъ самыя обильныя плоды отъ вашего благоразумнаго и искренняго старанія поставить наши отношенія къ Англіи на такую же ногу въ Азій, на какую мы стараемся поставить ихъ въ Европѣ».

Это письмо было передано мнѣ докторомъ Ріакомъ, который былъ посланъ ко мнѣ полковникомъ Шейлемъ. Я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, чтобы привести къ успѣшному окончанію возложенныя на него переговоры, и вотъ въ какихъ выраженіяхъ я увѣдомлялъ объ этомъ барона Брунова.

«Въ отвѣтъ на письмо, которымъ вы почтили меня отъ 12 (24) Ноября 1840 и которое я получилъ двѣ недѣли тому назадъ, я съ удовольствіемъ могу сообщить вамъ, что несогласія, существовавшія между дворами Тегеранскимъ и Лондонскимъ, совершенно улажены.

Шахъ вполне согласился на требованіе лорда Пальмерстона: уже отправлено приказаніе очистить Горіанъ и передать его Гератскимъ Афганцамъ; однимъ словомъ, теперь уже ничто не препятствуетъ возвращенію Британскаго посольства въ Персію».

«Могу увѣрить васъ, г-нъ баронъ, что я горячо старался достигнуть этого результата и что, не окажи я Англійскому агенту поддержки какъ у шаха, такъ и у его министра, онъ едва ли имѣлъ бы успѣхъ въ своихъ переговорахъ, такъ какъ его величество объявилъ, что въ этомъ дѣлѣ будетъ вполне слѣдовать моимъ совѣтамъ. Я позволяю себѣ надѣяться, что въ своихъ депешахъ къ лорду Пальмерстону докт. Ріакъ отдаетъ мнѣ справедливость, и, что еще болѣе для меня цѣнно, надѣюсь, что наконецъ императорское министерство будетъ довольно мною.»

«Еслибы я покинулъ теперь мой постъ, я удалился бы отсюда съ сознаніемъ, что принесъ какую-нибудь пользу, такъ какъ независимо отъ примиренія между кабинетами Лондонскимъ и Тегеранскимъ, которому я искренно содѣйствовалъ, могу увѣрить васъ, г-нъ баронъ, что, безъ моего вмѣшательства, шахъ отправилъ бы прошлымъ лѣтомъ свои войска на Багдадъ и вѣроятно овладѣлъ бы этимъ городомъ, что, согласитесь съ этимъ, еще болѣе усложнило бы восточный вопросъ, который и безъ того уже достаточно запутанъ».

«Вы говорите, г-нъ баронъ, что въ то время, какъ вы стараетесь изгладить старинныя предубѣжденія въ Европѣ, отъ меня будетъ зависѣть возстановить въ Азіи доброе согласіе между Россіей и Англіей. Я съ удовольствіемъ посвятилъ бы себя достиженію этой цѣли, но оно едва ли возможно при недружелюбныхъ стремленіяхъ, которыми отличается Англійская политика въ этой части Азіи по волѣ Лондонскаго кабинета или по волѣ Остъ-Индскаго правительства».

«Если Англія будетъ безнаказанно позволять себѣ самые дерзкіе захваты, а мы будемъ относиться къ этимъ безпрестаннымъ захватамъ съ безмолвной покорностью, то настанетъ, наконецъ, минута, когда мы отступимъ такъ далеко, что уже нельзя будетъ далѣе отступать. Установить на такой основѣ доброе согласіе между двумя правительствами было бы несогласно съ достоинствомъ Россіи и было бы нарушеніемъ самыхъ дорогихъ ея интересовъ».

«Пусть Англія, въ настоящую минуту, надѣюсь, вполне успокоившаяся на счетъ нелѣпыхъ замысловъ, которые приписывались Россіи, отзоветъ свои войска по ту сторону Инда, предоставивъ шаху Шуджѣ довольствоваться его собственными ресурсами; пусть она отзоветъ изъ Герата Англійскихъ офицеровъ, которые говорятъ тамъ

тономъ повелителей; пусть этотъ городъ будетъ нейтральнымъ пунктомъ между Англіею и Россіею и пусть онъ будетъ поставленъ внѣ всякаго вліянія той или другой изъ этихъ державъ; наконецъ, пусть она откажется отъ всякаго прямого или косвеннаго воздѣйствія на Хиву и на Туркестанскихъ кочевниковъ: тогда будетъ нетрудно придти къ соглашенію и утвердить доброе согласіе между двумя правительствами на солидномъ и прочномъ фундаментѣ; вѣдь вы согласитесь, г-нъ баронъ, что если Англичане усматривали непріязненное дѣйствіе въ командировкѣ Виткевича въ Кабуль, то мы имѣемъ столько же и даже болѣе резоновъ жаловаться на пребываніе Англійскихъ офицеровъ въ Хивѣ и на ихъ наглое вмѣшательство въ дѣла этого ханства».

Въ силу соглашенія, состоявшагося между Персидскимъ правительствомъ и Англійскимъ агентомъ, докт. Ріакъ прибылъ въ Горіанъ, и тамъ въ его присутствіи совершилась передача этой крѣпости въ руки Гератскихъ Афганцевъ. Но вслѣдствіе какого-то по истинѣ роковаго предопредѣленія, повидимому тяготѣвшаго надъ устраненіемъ Англо-персидскаго столкновенія, случилось новое непредвидѣнное обстоятельство, отъ котораго едва не пришлось переначинать все дѣло съизнова. Царствовавшій въ Гератѣ Камрамъ-мирза, поссорившись тѣмъ временемъ съ Англійскимъ агентомъ маіоромъ Годдомъ и опасаясь, чтобы его владѣнія не подверглись той же участи, какая выпала на долю Кабула и Кандагара, гдѣ Англичане говорили и дѣйствовали неограниченными повелителями, Камрамъ-мирза, говорю я, предложилъ по собственному почину Персидскому шаху подчиниться ему и признать надъ собою его верховную власть. Соображенія, вызванныя этимъ непредвидѣннымъ поступкомъ изложены въ слѣдующихъ двухъ письмахъ, которыя я послалъ генералу Головину въ Тифлисъ.

Тегеранъ, 2 Апрѣля 1841.

«Политическій горизонтъ снова омрачился совершенно неожиданнымъ образомъ».

«Гератскіе Афганцы совершенно разсорились съ Англичанами. Англійскій агентъ маіоръ Годдъ выѣхалъ изъ Герата, а Афганскій уполномоченный Магометъ-ханъ прибылъ сюда отъ Камрама-мирзы съ предложеніемъ подчиниться Персіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гератцы утверждаютъ, что они отправили военную экспедицію на Кандагаръ и даже поговариваютъ объ изгнаніи Англичанъ изъ Афганистана, пользуясь всеобщимъ неудовольствомъ, которое повсюду высказывается и противъ владычества иностранцевъ, и противъ владычества Англійскаго фаворита Шуджи-Эль-Мулька. Если вѣрить Гератцамъ, то вся

страна въ возстаніи, и Англичане не устоятъ противъ ненависти и негодованія, которыя они возбудили противъ себя своимъ самовольнымъ поведеніемъ; но я думаю, что въ этихъ словахъ много преувеличеній. Во всякомъ случаѣ я полагаю, что Британское правительство будетъ очень недовольно тѣмъ, что Гератскій владѣтель обратился къ Персидскому шаху съ изъявленіями покорности, такъ какъ политика Лондонскаго кабинета постоянно стремилась къ тому, чтобъ сдѣлать изъ Герата оплотъ для Англійскихъ владѣній въ Индіи противъ Россіи и противъ Персіи».

Тегеранъ, 30 Апрѣля 1841.

«Вамъ уже извѣстно, г-нъ генераль, новое затрудненіе, возникшее въ Англо-персидскомъ вопросѣ вслѣдствіе добровольно изъявленной Гератскимъ владѣтелемъ готовности подчиниться Персидскому шаху. Благодаря этому обстоятельству, которое, конечно, крайне непріятно для Англіи, мы такъ же далеки отъ разрѣшенія этого труднаго вопроса, какъ и прежде».

«Докторъ Ріакъ, находившійся при очищеніи Горіана и при передачѣ его въ руки Гератскихъ Афганцевъ, возвратился сюда нѣсколько дней тому назадъ. Онъ также мраченъ, озабоченъ и боится за будущее. Онъ, кажется, убѣжденъ, что дѣла касательно Афганистана могутъ быть улажены прочно и къ удовольствію всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ лишь при искреннемъ и безкорыстномъ содѣйствіи Англіи, Россіи и въ особенности Персіи, которая заинтересована въ нихъ еще болѣе, чѣмъ Россія и Англія въ совокупности».

«Я всегда былъ того мнѣнія, что императорскій кабинетъ долженъ бы былъ одновременно вести переговоры и объ Афганскомъ вопросѣ, и о Персидскомъ и что лишь при совокупномъ веденіи тѣхъ и другихъ переговоровъ можно бы было достигнуть справедливаго рѣшенія, которое имѣло бы какіе-нибудь виды на прочность. До сихъ поръ этого не было сдѣлано; а нашему кабинету, быть можетъ, не позволяли этого тѣ политическія условія, въ которыхъ находилась Европа въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ; но въ настоящую минуту старинныя предубѣжденія совершенно разсѣялись, мы стали на совершенно дружескую ногу въ нашихъ отношеніяхъ къ Англіи, и эта держава сама понимаетъ, что она одна не будетъ въ состояніи окончательно устроить судьбу Афганистана. Поэтому я полагаю, что теперь настало время обратиться къ Англіи съ предложеніями и достигнуть дружескаго соглашенія по всѣмъ спорнымъ вопросамъ».

Это непредвидѣнное происшествіе, грозившее сдѣлать бесполезными всѣ мои усилія, направленные къ примиренію Персіи съ Англіей, причинило мнѣ много заботъ, которыя нашли для себя выраженіе въ письмѣ, отправленномъ мною въ Апрѣлѣ 1841 къ вице-канцлеру.

«Въ теченіи двухъ съ половиной лѣтъ, проведенныхъ мною въ Тегеранѣ въ качествѣ Русскаго посланника, мои депеши, къ сожалѣнію, никогда не были окрашены въ розовый цвѣтъ, а въ настоящую минуту сознаю, что онѣ носятъ на себѣ еще болѣе мрачную окраску, чѣмъ когда-либо. Но я былъ бы виновенъ, еслибы сталъ скрывать отъ императорскаго министерства настоящее положеніе дѣлъ. Оно таково, что возбуждаетъ во мнѣ самыя сильныя опасенія. Когда я такъ говорю, вы конечно не подумаете, что я забочусь лично о себѣ, такъ какъ я надѣюсь, что до моего отъѣзда отсюда я буду приводить въ движеніе Персидскую правительственную машину, и не о томъ идетъ рѣчь, чтобъ сдѣлать мое положеніе менѣе непріятнымъ. Если я такъ говорю, это потому, что въ моихъ глазахъ Персія находится наканунѣ кризиса. Внутренняя неурядица и шатость виѣшняго положенія неизбежно приведутъ къ кризису, который, я опасаюсь, отзовется на нашихъ Закавказскихъ провинціяхъ. Подобно тому какъ *statu quo*, которое Европейская дипломатія поддерживала въ теченіе шести лѣтъ между Египтомъ и Турціей, сдѣлалось невыносимымъ для обѣихъ сторонъ и было разрушено битвой при Низибѣ,—и Персія, со времени завоеванія Афганистана Англичанами, живетъ лишь непрочною и искусственною жизнью, которая окончится какой-нибудь сильной катастрофой».

«Вы не повѣрите, до какой степени здѣсь возбуждены умы противъ Англіи, такъ какъ здѣсь замѣчаютъ, что всѣ жертвованія и всѣ уступки, сдѣланныя Персіей, большею частію по моимъ совѣтамъ, остались безъ послѣдствій».

«И островъ Каракъ, и нѣсколько другихъ острововъ въ Персидскомъ заливѣ по прежнему заняты Англичанами. Британское посольство ничѣмъ не выражаетъ своего намѣренія возвратиться сюда; Англійскіе эmissары бродятъ по странѣ и возбуждаютъ въ ней волненіе; Англійское правительство поддерживаетъ деньгами и своимъ одобреніемъ возстаніе Агахана въ Керманской провинціи; Англичане стараются при помощи денегъ возбуждать волненія въ Хорасанѣ; они недавно подучили Хивинцевъ напасть на Гератъ; наконецъ, не смотря на увѣренія лорда Пальмерстона, положительно дознано, что никто другой, какъ Англичане оказывали до сихъ поръ покровительство укрывшимся въ Багдадѣ Персидскимъ принцамъ и что они дѣлали изъ этихъ принцевъ пугало противъ Персіи».

«Послѣ этого, можемъ ли мы удивляться, что Персы не довѣряютъ Англичанамъ и что добровольное изъявленіе покорности со стороны Камрама-мирзы, внушивъ имъ надежду снова вступить въ обладаніе Гератомъ, было принято ими съ удовольствіемъ? Они ухватились за него, какъ за послѣднее средство спасенія».

«Мнѣ неизвѣстно, г-нъ графъ, какое рѣшеніе будетъ принято по этому случаю императорскимъ министерствомъ; но полагаю, что не ошибусь, сказавъ, что мы когда-нибудь будемъ горько раскаяваться, если потерпимъ, чтобъ Англичане утвердили свое владычество въ Гератѣ, какъ они утвердили его въ Кабулѣ и въ Кандагарѣ».

«Я хорошо знаю, что мои депеши и мои письма не могутъ быть пріятны вашему сіятельству; но развѣ мною были бы довольны, еслибы я писалъ не то, что думаю? Даже, еслибы я сталъ молчать, событія выдали бы меня и заговорили бы громче и краснорѣчивѣе самого меня».

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

6.

Стр.	Стр.
1. Четыре записки графа М. Н. Муравьева о Сѣверо-Западномъ краѣ (1830—1865).....	161
2. Къ Запискамъ графа М. Н. Муравьева. Примѣчаніе его брата Андрея Николаевича.....	200
3. Стихи Некрасова графу М. Н. Муравьеву въ Петербургскомъ Англійскомъ клубѣ 27 Апрѣля 1865. 202	
4. Разсказы и анекдоты про Петра Великаго (въ томъ числѣ съ рукописи Нартова).....	204
5. Автобіографія А. О. Дюгамеля. X—XI. (Въ Испаніи.—Персидское духовенство.—Мѣста поклоненія и праздники.—Уловки Персіянковъ.—Бесѣды г-жи Дюгамель съ шахомъ.—Разговоръ съ Николаемъ Павловичемъ о Персіи.—Позадка въ Букарестъ.—Князья Стурдза и Гика.—Графъ Канкринъ.—Финансовыя занятія).....	222
6. Эпизоды изъ событій 1861—1864. Воспоминанія современника-очевидца. III. Левшинская полиція и политическія убійства (разсказъ автора о покушеніи на его жизнь)....	257
7. Двойной вѣроотступникъ. (Венгерскій ксендзъ Торнекъ въ Петербургѣ 1739). Д. М. Саложникова....	286
8. Мнѣніе митрополита Филарета о посылкѣ церковныхъ древностей на Парижскую выставку 1857 года. 291	
9. Въ „вѣчную память“ объ Александрѣ архіепископѣ Виленскомъ Н. И. Новикова.....	294
10. Дѣла давно минувшихъ дней: II. Сѣйское судоходство.—III) Какъ М. Н. Муравьевъ разыскивалъ въ Курскѣ недомыки. Н. А. Рѣшетова..	300
11. Письма князя П. А. Вяземскаго къ С. П. Шевыреву 1837—1860.....	305
12. Неизданное стихотвореніе Ф. И. Тютчева. (Сообщено И. С. Ансановымъ). 320	
13. Письмо В. А. Жуковскаго къ графинѣ Ю. Ф. Барановой о сестрѣ поэта Батюшкова	322
14. Воспоминанія сапѣра. И. М. Старицкаго.....	324
15. Критическія замѣтки А. А. Зиссермана (по поводу Записокъ И. Д. Рудакова о Кавказѣ).....	329
16. Изъ куріозовъ моей библіотеки. Барона Д. О. Шеплинга.....	333
17. А. С. Хомяковъ о Е. Д. Кавелинѣ. (Сообщено М. А. Веневитиновымъ). 335	

(Содержаніе Р. Архива 1877 г. см. на обор.)

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1885.

АВТОБІОГРАФІЯ А. О. ДЮГАМЕЛЯ.

Х*).

Въ концѣ 1839 года въ Персію прибыла Французская миссія.

Во главѣ этой миссіи находился графъ Сераси (Serasy). Она была очень многочисленна, и я никогда не могъ понять поводовъ, вызвавшихъ ея прибытіе, такъ какъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Франція не имѣетъ въ Персіи ни политическихъ, ни торговыхъ интересовъ. Я даже склоняюсь къ тому мнѣнію, что для правительства его величества Людовика-Филиппа это служило лишь удовлетвореніемъ самолюбію, давая ему возможность утверждать, что Франція имѣетъ своихъ представителей повсюду и что нигдѣ во всемъ мірѣ ничего не дѣлается помимо ея вліянія.

Но отложивъ сторону эти соображенія, я долженъ сознаться, что прибытіе Французской миссіи прервало однообразіе нашего существованія и было въ нашей ссылкѣ настоящимъ даромъ фортуны. Эта миссія была сформирована съ большимъ тщаніемъ, и въ составѣ ея находилось нѣсколько молодыхъ людей съ несомнѣнными достоинствами и изящнымъ воспитаніемъ. Мы провели много пріятныхъ минутъ въ ихъ обществѣ, а я старался оказывать имъ самый любезный пріемъ и быть имъ полезенъ, всякій разъ какъ представлялся къ тому случай. Совѣтникомъ посольства былъ г-нъ де-Лавалеттъ, который въ послѣдствіи былъ посланникомъ въ Римъ и который въ настоящее время управляетъ во Франціи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ числѣ военныхъ состоялъ при посольствѣ капитанъ главнаго штаба Бофоръ д'Отпуль (Beaufort d'Hautpoul), тотъ самый, который командовалъ Французскими войсками во время вмѣшательства въ Сирійскія дѣла, вызваннаго избиеніемъ Маронитовъ. Виконтъ д'Аршіакъ (d'Archiac) и г. Жераръ (Gerard), сынъ маршала того же имени, занимали должности секретарей; Де-ла-Гранжъ и одинъ Полякъ, по имени Казимирскій, исполняли обязанности драгомановъ; Фланденъ (Flandin) и Костъ (Coste) были прикомандированы къ миссіи, одинъ въ качествѣ живописца, а другой въ качествѣ архитектора; наконецъ, Евгеній Борэ (Eugène Boré) преслѣдовалъ исключительно религіозную цѣль; въ послѣдствіи онъ вступилъ въ орденъ Лазаристовъ.

Весной 1840 года шахъ отправился въ Испагань и, по установленному обыкновенію, я послѣдовалъ туда же въ сопровожденіи

*) См. выше стр. 82.

всей миссии. Впрочемъ я охотно воспользовался этимъ случаемъ, чтобы осмотрѣть древнюю столицу Персіи, хотя и утратившую прежде великолѣпіе, но все еще во многихъ отношеніяхъ любопытную.

Поѣздка шаха въ сопровожденіи всего двора была вызвана не столько желаніемъ выикнуть въ положеніе, въ которомъ находились отдаленныя отъ центра его владычества провинціи, сколько намѣреніемъ ускорить взносъ податей или, другими словами, отобрать деньги у губернаторовъ, которые устраивали свои собственные дѣла на счетъ управляемыхъ ими провинцій и вносили въ государственную казну лишь незначительную часть собранныхъ доходовъ. Эта разорительная система во всѣ вѣка была въ употребленіи въ Персіи: такъ какъ и шахъ, и его дворъ, и сопровождающія его войска содержатся на счетъ лежащихъ на ихъ пути провинцій, то этотъ способъ взысканія недоимокъ оказывается крайне обременительнымъ для плательщиковъ податей, и нерѣдко случалось, что губернаторы, желая избавиться отъ посѣщенія его величества, спѣшили внести въ казначейство числящіяся за ними въ долгу суммы.

Я нанялъ домъ съ садомъ въ Армянскомъ предмѣстіи Джульѣ и прожилъ тамъ почти шесть мѣсяцевъ. Нигдѣ въ мірѣ я не находилъ такихъ великолѣпныхъ фруктовъ и въ такомъ изобиліи, какъ въ Испани, и слѣдуетъ сознаться, что Персы достигли совершенства во всемъ, что касается садоводства. Разведеніе плодовыхъ деревьевъ тѣсно связано съ разведеніемъ голубей, и потому среди каждаго сада находится обширная голубятня, доставляющая необходимое удобреніе, которое, по мнѣнію опытныхъ садоводовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и самое производительное. Тамъ, какъ и въ остальной Персіи, очень хорошо умѣютъ устраивать искусственное орошеніе полей, а чтобы предотвратить слишкомъ скорое превращеніе воды въ пары, ее нерѣдко проводятъ не по верху орошаемой почвы, а подъ землею, такъ что видны только перпендикулярныя углубленія, которыя похожи на настоящіе колодцы и указываютъ направленіе подземныхъ каналовъ.

Предмѣстіе Джульѣ всегда служило мѣстопробываніемъ для дипломатическаго корпуса. Широкая улица, въ настоящее время находящаяся въ запустѣніи, до сихъ поръ носитъ названіе улицы пословъ, а надъ портиками полуразрушившихся зданій до сихъ поръ видны государственные гербы Голандіи, Испаніи, Англіи и проч., свидѣтельствующіе о томъ, что тамъ жили посольства тѣхъ державъ, съ которыми Персія поддерживала дружественныя сношенія. То была блестящая эпоха царствованія монарховъ изъ династіи Софіевъ, которую Шарденъ описалъ такими живыми красками. Какъ все измѣнилось съ тѣхъ поръ, и въ какомъ очевидномъ упадкѣ находится Персія въ настоящее

время! Первый тяжелый ударъ былъ нанесенъ этой монархіи, какъ я уже имѣлъ случай ранѣе замѣтить, вторженіемъ Афганцевъ, которые все предавали огню и мечу, а вступившая послѣ того на престолъ династія Каджаровъ не дала ни одного монарха, который былъ бы способенъ залечить раны, нанесенныя странѣ Афганцами.

Помимо переговоровъ, имѣвшихъ цѣлію устранить Англо-Персидское столкновеніе, мнѣ пришлось еще много хлопотать о предотвращеніи разрыва между Персіей и Турціей.

Пограничныя дѣла служили поводомъ для непрерывныхъ пререканій между этими двумя державами, и было бы очень трудно рѣшить, кто былъ правъ, Персія или Турція. Такое положеніе вещей объясняется тѣмъ, что граница тянется отъ горы Арарата до Персидскаго залива, что подлѣ нея живутъ бѣльшею частію Курды и другія безпокойныя племена, занимающіяся только хищничествомъ, что вожди этихъ племенъ, сообразуясь съ своими личными выгодами, признають себя вассалами то Персіи, то Турціи, но не платятъ податей ни той, ни другой. Этотъ вопросъ еще усложняется тѣмъ, что гробница имамовъ Гуссейна и Гассана, сыновей того Али, котораго Персы считаютъ единственнымъ и настоящимъ преемникомъ Магомета, устраниая Абубекра, Омара и Османа, чтимыхъ Турками за калифовъ, что эта гробница, говорю я, находится въ Кербелѣ, неподалеку отъ Багдада, на землѣ, принадлежащей Оттоманской имперіи. А такъ какъ Кербелѣ очень часто посѣщается моельщиками, и всѣ зажиточные Персы приказываютъ перевозить туда свой прахъ для погребенія рядомъ съ гробницей имамовъ Гуссейна и Гассана, то понятно, какъ сильно желало правительство Магомета-шаха завладѣть святилищемъ, самымъ дорогимъ для секты Шитовъ, къ которой принадлежатъ Персы.

Чтобы устранить эти непріятныя столкновенія, Порта командировала въ Тегеранъ чрезвычайнаго посла въ лицѣ Сарыма-эфенди; но всѣ мѣры, на счетъ которыхъ удалось достигнуть соглашенія, не помогали дѣлу. Поэтому, чтобъ достигнуть окончательнаго соглашенія, кабинеты Императорскій и Сень-Джемскій условились отправить смѣшанную комиссію, которая должна была не только снять точный планъ съ спорной территоріи, но также провести, съ согласія заинтересованныхъ сторонъ, демаркаціонную линію, которая служила бы впредъ границей для двухъ смежныхъ имперій. Эта смѣшанная комиссія была организована лишь послѣ моего отъѣзда изъ Персіи; ея занятія продолжались нѣсколько лѣтъ, и мы обязаны ей драгоценными свѣдѣніями о странахъ, которыя до тѣхъ поръ были почти вовсе намъ неизвѣстны.

Какъ бы Русскій представитель ни старался держать себя въ сторонѣ отъ внутреннихъ дѣлъ такого государства, какъ Персія, ему иногда по неволѣ приходится мѣшаться въ такія дѣла, которыя въ сущности его не касаются. Это замѣчаніе относится главнымъ образомъ къ тому, что можно бы было назвать магометанскимъ духовенствомъ, которое составляетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ элементовъ Персидскаго общества въ его теперешнемъ положеніи. Многочисленные муллы различныхъ чиновъ составляютъ по своей организаціи тѣсно сплоченное сословіе, настоящую іерархію, во главѣ которой поставлены Муштеиды. Эти послѣдніе пользуются репутаціей людей очень ученыхъ и святыхъ. Народъ уважаетъ ихъ и считаетъ своими естественными защитниками отъ тираніи и произвола правительственныхъ должностныхъ лицъ, а отсюда возникаютъ глухая борьба и постоянная рознь между властію свѣтской и властію духовной.

Эта непріязнь существуетъ не въ однихъ только низшихъ сферахъ. Шахъ раздѣляетъ ее вмѣстѣ съ послѣднимъ изъ своихъ чиновниковъ и, не смотря на свое благочестіе, спѣшитъ воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы унижить муллъ и дать имъ почувствовать свое могущество. Между Персидскими городами нѣтъ ни одного, въ которомъ муллы были бы такъ многочисленны и такъ вліятельны, какъ въ Испагани, а главный Испанскій Муштеидъ, по имени Сеидъ-имамъ-Нагиръ, можетъ считаться если не по праву, то на самомъ дѣлѣ, главою всего Магометанскаго духовенства въ Персіи. На него-то правительство и рѣшилось направить первые удары, и можно сказать, что поѣздка, предпринятая шахомъ въ 1840 году въ Испанію, имѣла главнымъ образомъ въ виду сломить однимъ разомъ духовную власть, униживъ того, кто считалъ себя равнымъ монарху. Однимъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ нашей поѣздки въ Испанію было зрѣлище борьбы, завязавшейся съ первыхъ дней нашего прибытія между Магометомъ-шахомъ съ одной стороны и высшимъ духовнымъ лицомъ съ другой.

Во время визита, который я изъ вѣжливости сдѣлалъ Сеиду, онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «Я очень радъ вашему посѣщенію, такъ какъ нуждаюсь въ вашемъ совѣтѣ и буду дѣйствовать по вашимъ указаніямъ. Вамъ также хорошо, какъ и мнѣ самому, извѣстно все что здѣсь дѣлается, и я не буду повторять то, что вы уже знаете; но вы конечно повѣрите мнѣ, что мое сердце обливается кровью и что я болѣе не въ силахъ смотрѣть на бѣдственное положеніе моего народа. Я намѣренъ удалиться отсюда, навсегда покинуть Персію и искать убѣжища въ Египтѣ, гдѣ Мегеметъ-Али, безъ сомнѣнія, приметъ меня съ распростертыми объятіями. Покровительство, которое онъ

въ теченіе столькихъ лѣтъ оказываетъ Персидскимъ моельщикамъ, управляющимся на поклоненіе гробницъ Пророка, служить для меня вѣрнымъ ручательствомъ за его любовь къ справедливости, за его благочестіе и преданность дѣлу Исламизма».

Муштейдъ затронулъ чрезвычайно щекотливый вопросъ. Поэтому, вмѣсто того, чтобъ продолжать разговоръ въ томъ же тонѣ, я отвѣчалъ ему съ дипломатической осмотрительностью: что такой профанъ, какъ я, не можетъ давать совѣтовъ и указаній столь святой особѣ, какъ Сеидъ; что онъ получаетъ вдохновенія свыше и потому самъ долженъ всего лучше знать, что ему слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ; что, впрочемъ, къ немилоści, въ которой онъ находится при дворѣ, онъ долженъ относиться равнодушно, такъ какъ его вліяніе основано на уваженіи и любви, которыя питаетъ къ нему народъ, независимо отъ непрочныхъ милостей, какими могъ-бы осыпать его монархъ. Но къ этому я присовокупилъ, что по собственному опыту могу увѣрить его только въ томъ, что народъ несравненно болѣе несчастливъ и болѣе угнетенъ въ Египтѣ, чѣмъ въ Персіи и что по этой причинѣ онъ не будетъ въ выгоду отъ предполагаемаго промѣна.

Оттого-ли, что это соображеніе подѣйствовало на Муштейда, или оттого, что въ глубинѣ души онъ былъ радъ такому предлогу, чтобъ не приводить въ исполненіе своей угрозы, тихонько шепнувъ на ухо своимъ приближеннымъ, что Русскій посланникъ умолялъ его остаться,—онъ не тронулся съ своего мѣста и предпочелъ спокойно дожидаться конца бури или, другими словами, отъѣзда шаха въ Тегеранъ.

Вліяніе, которымъ пользуется Сеидъ-имамъ-Багиръ, безпредѣльно. Его чтятъ, какъ святаго; а вода, которую онъ употребляетъ для своихъ омовеній, тщательно сохраняется и за тѣмъ разсылается въ маленькихъ скляночкахъ отъ одного конца Персіи до другаго въ качествѣ лѣкарства и предохранительнаго средства отъ всякихъ болѣзней *). Въ особенности женщины питаютъ къ Муштейду глубокое уваженіе и считаютъ себя предназначенными для вѣчнаго блаженства, если имѣютъ счастье попасть въ его гаремъ. Чтобъ дать вполнѣ ясное понятіе о могуществѣ Сеида, прибавлю еще одну черту: ему представлено право жизни и смерти, и при немъ состроитъ нѣсколько палачей, чтобъ приводить въ исполненіе постановляемые имъ приговоры.

Отправляясь съ визитомъ къ Муштейду, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что его домъ построенъ среди обширнаго кладбища; но мое удивленіе еще усугубилось, когда я узналъ, что всѣ лица, по-

*) Точно такъ какъ нѣкогда у насъ въ Суздаль и его окрестностяхъ, поном и очески скопческаго лжехриста Ковдратія Селиванова. П. Б.

хороненныя на этомъ кладбищѣ, были казнены по приказанію первосвященника, и что право быть похороненнымъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жилища Сеида считается у большинства преступниковъ началомъ искупленія ихъ вины и залогомъ будущаго блаженства.

Заведя рѣчь о Магометанскомъ духовенствѣ, я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о тѣхъ странствованіяхъ для богомолья, которыя всего болѣе въ ходу и которыя занимаютъ такое важное мѣсто въ духовныхъ дѣлахъ у Персіанъ. Эту священную обязанность исполняютъ съ особеннымъ усердіемъ женщины, главнымъ образомъ потому, что странствованія для богомолья сколько-нибудь разнообразятъ ихъ существованіе, а также потому, что они доставляютъ на нѣкоторое время возможность высвободиться изъ-подъ ярма супружеской жизни.

Четырьмя главными мѣстами богомолья служатъ для Персіанъ Мешедъ, Кумъ, Кербелан и Мекка. Когда какое-нибудь высокопоставленное лицо захочетъ посѣтить одно изъ этихъ святилищъ, весь его домъ занимается приготовленіями къ странствованію въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Покупаютъ лошадей и муловъ, нанимаютъ болѣе значительное число слугъ, готовятъ *тахтераваны* или носилки, которыя ставятся на спины двухъ муловъ, и наконецъ, ищутъ взаимны денегъ, чтобъ кошелекъ былъ туго набитъ, такъ какъ странствованіе для богомолья требуетъ очень большихъ расходовъ. Въ особенности женщины соперничаютъ въ этихъ случаяхъ между собою и стараются затмить одна другую милостынями, которыя онѣ раздаютъ на пути, приношеніями, которыя онѣ складываютъ на гробницахъ святыхъ, многочисленностью своей свиты и пышностью, съ которой онѣ путешествуютъ. Обычай требуетъ, чтобъ всѣ нищіе, приставшіе съ минуты отъѣзда или на пути къ каравану высокопоставленнаго лица, содержались на его счетъ, а это дѣлается столько же изъ благотворительности, сколько изъ тщеславія. Поэтому не трудно составить себѣ понятіе, какую массу денегъ поглощаютъ у страны такіа благочестивыя поѣздки.

Въ главномъ городѣ Хорасана, Мешедѣ, находится гробница имама Ризы,—одного изъ двѣнадцати имамовъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ Магомета и пользующагося большимъ почетомъ между Шиитами. Поѣздка въ Мешедъ не изъ самыхъ долгихъ и утомительныхъ; но она нерѣдко бываетъ опасна по причинѣ хищническихъ набѣговъ, которымъ подвергается Хорасанъ со стороны Туркменовъ.

Кумъ находится только въ четырехъ дняхъ пути отъ Тегерана, на дорогѣ въ Испагань, и благочестивые люди стекаются туда толпами, чтобъ помолиться на гробницѣ дочери имама Ризы, Фатьмы.

Кербелай, находящійся неподалеку отъ Багдада, отличается въ глазахъ Персіянъ особою святостью, такъ какъ тамъ погребены смертные останки Гуссейна и Гассана,—сыновей того Али, котораго Шииты считаютъ единственнымъ законнымъ преемникомъ Пророка.

Наконецъ, Мекка и Медина служатъ мѣстомъ благочестиваго поклоненія и цѣлью благочестивыхъ странствованій для всѣхъ мусульманъ безъ различія. Моельщики, идущіе въ Мекку, собираются въ Багдадъ и переходятъ степь не иначе, какъ съ сильнымъ конвоемъ; но все-таки съ нихъ нерѣдко берутъ выкупъ Бедуины.

Религіозные праздники, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, менѣе часты у магометанскихъ народовъ, чѣмъ у тѣхъ, которые исповѣдываютъ Христіанство, и даже *Джумэ* или Пятница не имѣетъ такого значенія, какъ наше Воскресенье и не вызываетъ совершеннаго прекращенія работъ.

Всякому извѣстно, что во всѣхъ мусульманскихъ странахъ мѣсяцъ Рамаданъ посвящается посту, то есть, что до солнечнаго заката ничего не берутъ въ ротъ, ни даже капли воды, чтобъ утолить жажду, но когда наступитъ ночь, наѣдаются вдоволь и угощаютъ другъ друга съ самой изысканной роскошью. Въ это время самъ шахъ принимаетъ приглашенія отъ высокопоставленныхъ придворныхъ. Эта честь увлекаетъ того, кто ея удостоился, въ значительные расходы, потому что въ такихъ случаяхъ стараются выставить на показъ все, что есть лучшаго въ домѣ. Обычай требуетъ, чтобъ шаху подносили подарокъ. На этотъ предметъ требуется 200 или 300 *томановъ*, а иногда и много больше, смотря по состоянію хозяина дома. Шахъ—единственный человѣкъ во всемъ народѣ, имѣющій право смотрѣть на неприкрытыхъ женщинъ; поэтому его вводятъ внутрь гарема, между тѣмъ какъ его свиту угощаютъ во внѣшнихъ апартаментахъ.

Немедленно вслѣдъ за окончаніемъ Рамадана, лишь только показалась новая луна, справляютъ праздникъ Байрама, который продолжается три дня и во время котораго всѣ обмѣниваются визитами точно какъ у насъ въ Новый годъ и на Пасху.

Въ первый день Байрама при дворѣ даютъ большой *Селамъ*. Я изъ любопытства однажды смотрѣлъ на это торжество изъ сосѣдняго павильона, который былъ отданъ по этому случаю въ мое распоряженіе. Ровно въ полдень, шахъ, одѣвшись въ свой самый дорогой нарядъ и весь покрытый брилліантами и жемчугомъ, садится на тронъ изъ слоновой кости, который былъ отбитъ Надиромъ-шахомъ у Великаго Могола и который предназначенъ только для такихъ торжественныхъ случаевъ. Этотъ тронъ ставится въ кіоскъ, который закрытъ съ трехъ сторонъ, но открытъ съ четвертой стороны. Противъ

трона, на дворцовомъ дворѣ, выстраиваются на почтительномъ разстояніи и по старшинству государственные сановники, одѣтые въ свои парадныя одежды. Шахъ обращаетъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ къ тѣмъ, кого хочетъ отличить. Придворный поэтъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ и читаетъ стихи въ честь шаха, написанные нарочно для этого торжества; даже слоны фигурируютъ въ *Селамъ* и становятся на колѣна, когда имъ приходится проходить передъ шахомъ. Этикетъ требуетъ, чтобъ въ продолженіе Селама шахъ выкурилъ три кальяна, и хотя Магометъ-шахъ никогда не курить, онъ тѣмъ не менѣе подчиняется необходимости и подноситъ кальянъ ко рту. Послѣ этого онъ встаетъ, воздухъ оглашается выстрѣлами изъ *замбурковъ*,—маленькихъ пушекъ, поставленныхъ на спинѣ верблюдовъ, и за тѣмъ всѣ расходятся. Такая же церемонія происходитъ въ гаремѣ, гдѣ женщины подходятъ къ шаху съ поздравленіями.

Черезъ шестьдесятъ дней послѣ Байрама, справляется празднованіе Курбанъ-Байрама, или Байрама Жертвоприношеній. Въ этотъ день, посѣтившіе Мекку богомольцы приносятъ жертву на горѣ Арафатъ, и у мусульманскихъ народовъ нѣтъ другаго болѣе великаго праздника. За нѣсколько дней впередъ водятъ по улицамъ Тегерана верблюда, украшеннаго амулетами и побрякушками, а въ самый день Курбанъ-Байрама народъ толпами сопровождаетъ верблюда до мѣста жертвоприношенія. Обыкновенно кто нибудь изъ принцевъ крови или какое-нибудь высокопоставленное лицо наноситъ верблюду первый ударъ, за тѣмъ чернь въ одно мгновеніе разрываетъ верблюда на куски, и каждый старается унести съ собою хоть небольшой кусокъ отъ мяса жертвы. Въ этотъ-же день, всякій имѣющій на то средства, закалываетъ одного или нѣсколькихъ барановъ. Эти жертвоприношенія считаются дѣломъ благочестивымъ и похвальнымъ, а въ домахъ людей богатыхъ закалываютъ множество барановъ и раздаютъ ихъ мяسو нищимъ. Чтобъ понять значеніе этихъ благочестивыхъ подвиговъ, надобно знать, что, по ученію Корана, мостъ, тоньше волоса и уже острія сабли, проведенъ черезъ адъ и ведетъ въ рай. При переходѣ именно черезъ этотъ мостъ, правовѣрные большею частію оступаются и падаютъ въ бездонную пропасть. А бараны, приносимые въ жертву въ день Курбанъ-Байрама, оказываютъ очень важную услугу послѣдователямъ Магомета, замѣняя для нихъ верховыхъ лошадей: Персіяне убѣждены, что, усѣвшись верхомъ на одну изъ этихъ невинныхъ жертвъ, грѣшникъ безпрепятственно переѣдетъ черезъ опасный мостъ. Упомянутые праздники одинаково священны для всѣхъ мусульманъ безъ исключенія; но тѣ, которые называются праздниками

луны Могаррема и учреждены въ воспоминаніе умерщвленія сыновей Али, Гассана и Гуссейна, справляются исключительно одними Шитами и нигдѣ не обставлены такою пышностью, какъ въ Персіи. Это именно тѣ праздники, которые сильно возбуждаютъ религіозное рвеніе и поддерживаютъ въ народѣ фанатическую привязанность къ исповѣданію его вѣры; ставя Персіянъ въ изолированное положеніе среди всѣхъ другихъ Азіатскихъ народовъ, они придаютъ имъ совершенно особый національный отпечатокъ.

Въ первые десять дней луны Могаррема, всѣ одѣваются въ траурныя платья и присутствуютъ съ самымъ горячимъ рвеніемъ на драматико-религіозныхъ представленіяхъ, которыя даются на всѣхъ площадяхъ, на всѣхъ перекресткахъ и даже на внутреннихъ дворахъ частныхъ домовъ. Эти представленія однообразны съ одного конца Персіи до другаго и повторяются ежегодно безъ всякихъ измѣненій. Это—облеченная въ драматическую форму поэма о дѣяніяхъ святыхъ имамовъ Гассана и Гуссейна, о преслѣдованіяхъ, которымъ они подвергались, и наконецъ, объ ихъ мученической кончинѣ. Хотя эта драма всегда повторяется на одинъ и тотъ-же тонъ, она тѣмъ не менѣе чрезвычайно сильно привлекаетъ къ себѣ вниманіе слушателей и производитъ на народъ все болѣе и болѣе глубокое впечатлѣніе по мѣрѣ того какъ представленіе, раздѣляющееся на десять актовъ и продолжающееся десять дней, приближается къ своей развязкѣ; въ концѣ концовъ она вызываетъ такія рыданія и такія слѣзы, какихъ, конечно, еще никогда не заставляла проливать ни одна трагедія. И женщины и мужчины толпами стекаются на эти драматическія представленія, которыя носятъ названіе *Тазіэ* и въ которыхъ тѣ, которые ихъ устраиваютъ въ поощреніе общественнаго благочестія, соперничаютъ между собою, стараясь затмить одни другихъ.

Мнѣ случалось присутствовать на *Тазіэ* въ домахъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ особъ; всѣ стѣны были обтянуты кашемировыми шалами, актеры (такъ какъ въ этихъ случаяхъ даже женскія роли исполняются мужчинами) были одѣты въ очень дорогіе наряды, усыпанные самыми лучшими драгоценными каменьями, а зрителей безъ различія классовъ угощали чаемъ, пивомъ, шербетамы, конфетами и разными другими лакомствами.

Намъ Европейцамъ эти представленія кажутся монотонными; въ особенности манера актеровъ декламировать на распѣвъ становится въ концѣ концовъ невыносимой; но тѣ, которые хорошо понимаютъ мѣстный языкъ, увѣряютъ, что стихи, которые читаются въ этихъ случаяхъ, чрезвычайно изящны; а такъ какъ къ этому еще примѣшивается религіозное чувство, то и понятно, почему эти драма-

тическія представленія имѣютъ великое значеніе для всего народа. Впрочемъ празднованіе Могаррема не ограничивается тѣмъ, что мы рассказали о Тазіѣ. Въ теченіе этого времени все населеніе находится въ возбужденномъ состояніи. Толпы дервишей ходятъ по городу, подвергая свое тѣло различнымъ истязаніямъ въ честь святыхъ имамовъ. Одни изъ нихъ бичуютъ себя самымъ безжалостнымъ образомъ до того, что изъ нихъ течетъ кровь; другіе втыкаютъ себѣ въ тѣло желѣзные кольца, на которыя привѣшены колокольчики, проносясь въ тактъ и въ теченіе цѣлыхъ часовъ имена Гассана и Гуссейна, а ихъ дикій вой оглашаетъ воздухъ даже ночью.

Во время праздниковъ Могаррема Персіане только и занимаются тѣмъ, что публично проклинаятъ трехъ первыхъ калифовъ Абубекра, Омара и Османа, и не подлежатъ никакому сомнѣнію, что эти праздники много способствуютъ поддержанію той вражды и той ненависти, съ которыми Шіиты относятся къ Суннитамъ. Поэтому Турки, Афганцы, Бухарцы и вообще всѣ тѣ, кто принадлежитъ по своимъ вѣрованіямъ къ числу Суннитовъ, поступаютъ благоразумно, скрываясь въ теченіе Могаррема отъ глазъ народа, фанатическія страсти котораго возбуждены до крайности и который готовъ выместить на первомъ встрѣчномъ тѣ страданія, которымъ подвергались нѣкогда его высокочтимые имамы. Что касается Европейцевъ, то имъ не можетъ грозить никакая опасность въ эту пору всеобщаго возбужденія, и это, быть можетъ, потому, что въ Тазіѣ одну изъ главныхъ ролей играетъ посолъ Франковъ, который вступается за Гассана и за Гуссейна и кончаетъ тѣмъ, что переходитъ въ магометанскую вѣру.

Праздники, о которыхъ я до сихъ поръ говорилъ, установлены по лунному календарю и потому справляются въ различные мѣсяцы, между тѣмъ какъ *Новрузъ* бываетъ всегда въ одинъ и тотъ-же день, а именно въ день весенняго равноденствія и соответствуетъ нашему новому году. Празднованіе этого дня перешло къ Персамъ отъ Гебровъ, а такъ какъ оно не справляется у другихъ магометанскихъ народовъ, то эти послѣдніе извлекаютъ отсюда предлогъ для обвиненія Персовъ въ идолопоклонствѣ. Поэтому, чтобъ согласовать это глубоко вкоренившееся въ странѣ обыкновеніе съ религіозными догматами, Персы придумали освятить Новрузъ тѣмъ, что стали праздновать въ этотъ день годовщину возведенія Али въ званіе калифа. Въ этотъ день родственники и друзья обмѣниваются подарками, и въ этотъ-же день, по установившемуся съ незапамятныхъ временъ обыкновению, губернаторы провинцій и начальники племенъ присылаютъ монарху подарки звонкою монетой, кашемировыми шалами, вьючными животными, фруктами и съѣстными припасами разнаго рода, а шахъ

съ своей стороны дарить болѣе или менѣе цѣнныя халаты или почетныя одѣянія въ знакъ своего высокаго благоволенія. Подарки, которыя дѣлаются шаху въ праздникъ Новруза, служили для древнихъ Персидскихъ царей однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода, и даже во времена Фетъ-Али-шаха этотъ источникъ доставлялъ государственной казнѣ значительныя суммы. Разсказываютъ, что въ 1808 году подарокъ отъ губернатора Испагани Хаджи-Магомета-Гуссейна-хана состоялъ изъ пятидесяти пяти муловъ, изъ которыхъ каждый былъ покрытъ прекрасной кашемировой шалью и несъ на себѣ тысячу томановъ (въ то время томанъ стоилъ тоже, что 4 рубля серебромъ). Но съ тѣхъ поръ произошла большая перемѣна, и оттого-ли, что страна обѣднѣла или оттого, что теперешній шахъ не умѣетъ держать въ страхѣ своихъ служителей, подарки въ день Новруза становятся съ каждымъ годомъ незначительнѣе.

Наконецъ, у Персіянъ есть также много зловѣщихъ дней, находящихся въ связи съ ихъ вѣрованіями или, вѣрнѣй, съ ихъ религіозными суевѣріями. Есть такіе зловѣщіе дни, въ которые ни одинъ Персіанинъ не возмется ни за какое самое ничтожное дѣло; а есть и такіе, въ которые каждый съ разсвѣтомъ покидаетъ свое городское жилище, какъ будто оно должно обрушиться на него, и возвращается домой лишь съ наступленіемъ ночи. У Персіянъ еще есть Рузъ-и-Кадръ, роковой день, который, по ихъ убѣжденію, рѣшаетъ участь каждаго на весь годъ.

Въ Константинополѣ и въ Египтѣ, Турки, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ Европейцами, усвоили до нѣкоторой степени лоскъ цивилизаціи. Я съ намѣреніемъ говорю лоскъ, потому что у нихъ все ограничивается внѣшностью, не проникая въ кровь и мозгъ народной массы. Но въ Персіи нѣтъ даже такого внѣшняго лоска, и когда, наконецъ, свыкнешься съ существующими тамъ обычаями, то поневолѣ сознаешь, что попалъ въ самую глубь Азіи. Въ подтвержденіе приведу нѣсколько случаевъ изъ моего пребыванія въ Тегеранѣ.

Въ 1839 году, Гуссейнъ-ханъ былъ отправленъ въ качествѣ посланника во Францію и въ Англію. Его высокій ростъ, красивая наружность и богатый костюмъ произвели въ Лондонскихъ и Парижскихъ салонахъ нѣкоторое впечатлѣніе, и газеты часто занимали своихъ читателей подробностями объ этой личности. Хотя политическая цѣль, съ которою былъ посланъ Гуссейнъ-ханъ, нимало не была достигнута, и хотя во время своего пребыванія въ Франкистанѣ онъ дѣлалъ только глупости и долги, однако, по возвращеніи въ Персію, онъ былъ очень хорошо принятъ шахомъ и въ теченіе нѣкотораго времени послѣ того былъ у него въ большой милости. Каково же было наше удив-

леніе, когда намъ пришли сказать, что бывшій посланникъ Гуссейнъ-ханъ былъ наказанъ палочными ударами по пяткамъ. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ оказалось, что шахъ, подвергая своего слугу такому наказанію, не имѣлъ намѣренія наказать его за какой-нибудь важный проступокъ, прогнѣвившій монарха, а приказалъ бить его по пяткамъ только ради *тербижета*, т. е. его воспитанія. Дѣйствительно, царское благоволеніе до того вскружило Гуссейну-хану голову, что онъ сталъ держать себя высокомерно и задавать себѣ тонъ; поэтому шахъ, чтобы сдержать его заносчивость, счелъ нужнымъ подвергнуть его униженію. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Гуссейнъ-ханъ былъ въ немилости и не смѣлъ показываться при дворѣ. Наконецъ, шахъ послалъ ему халатъ, и это значило, что прошлое позабыто и что солнце благоволенія снова начинало блескѣть надъ его головой. Одѣвшись въ этотъ халатъ, служившій залогомъ помилованія и забвенія, Гуссейнъ-ханъ поспѣшилъ пасть ницъ у порога земнаго благополучія и вскорѣ былъ назначенъ гуоернаторомъ Іезда.

Такая же бѣда случилась съ мирзой-Али, сыномъ и помощникомъ мирзы Массуда. Мирза-Али, которому было съ небольшимъ двадцать лѣтъ, управлялъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ во время продолжительнаго отсутствія своего отца, задержаннаго по дѣламъ службы въ Корасанѣ. Подобно всѣмъ Персіянамъ, занимающимъ высшія мѣста, мирза-Али сталъ жить на широкую ногу, постоянно находя недостаточнымъ число своей прислуги и своихъ лошадей. Такъ какъ его жалованье было незначительно и къ тому же уплачивалось неакуратно, то онъ скоро попалъ въ денежные затрудненія и сталъ прибѣгать ко всякимъ средствамъ, чтобы добыть денегъ. Не довольствуясь тѣмъ, что онъ присвоилъ себѣ подарки, которые были назначены другимъ лицамъ, и которые онъ, въ качествѣ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, долженъ былъ отправлять по назначенію, мирза-Али попытался и успѣлъ поддѣлать подпись шаха и сталъ продавать патенты на военные чины пенсіи и жалованья. Это продолжалось почти цѣлый годъ и могло произойти только въ Персіи. Наконецъ, доносы стали дѣлаться все чаще и чаще, и въ руки шаху попали несомнѣнные доказательства плутней его юнаго министра. Тогда его гнѣву не было границъ; сначала онъ намѣревался задушить мирзу-Али, потомъ хотѣлъ, чтобы у него отсѣкли кисть правой руки; наконецъ, по разнымъ ходатайствамъ, молодой человекъ отдѣлался тѣмъ, что его наказали палками и заставили возвратить присвоенныя денежные суммы.

Впрочемъ Магометъ-шахъ не всегда выказываетъ такую снисходительность. Онъ иногда подчиняется постороннимъ вліяніямъ до та-

кой степени, что трудно его понять; но когда ему надобѣлъ какой-нибудь министр, онъ подписываетъ его смертный приговоръ, какъ это и случилось не задолго до моего прїѣзда съ каймаканомъ, бывшимъ у него въ самой большой милости. Для такихъ характерныхъ людей, какъ Магометъ-шахъ, легче убить человѣка, чѣмъ заставить его повиноваться, такъ какъ для подписанія смертнаго приговора достаточно одной минуты гнѣвнаго раздраженія, а для того, чтобы подчинять нашей волѣ чужую волю надо постоянно упражнять способности и имѣть много энергіи.

Во время Гератской кампаніи, при шахѣ состоялъ домашнимъ секретаремъ мирза-эль-Наги, къ которому онъ очень благоволилъ, и который пользовался полнымъ его довѣріемъ. Но мирза-эль-Наги, подобно большинству Персіянъ, былъ человѣкъ продажный; онъ имѣлъ низость обмануть довѣріе своего государя и поступилъ на жалованье къ Англичанамъ. Письмо, адресованное имъ къ Англійскому министру, было перехвачено и попало въ руки шаху, который, рѣшившись погубить измѣнника, на время скрылъ свое негодованіе. Шахъ обходился еще ласковѣе прежняго съ своимъ фаворитомъ, осыпалъ его похвалами и приказалъ въ своемъ присутствіи надѣть на него почетную одежду. Мирза-эль-Наги воображалъ уже, что онъ достигъ апогея монаршей милости, какъ вдругъ шахъ позвалъ его къ себѣ, показалъ ему перехваченное письмо и спросилъ, извѣстно-ли ему имя автора. Мирза-эль-Наги поблѣднѣлъ и тщетно пытался оправдаться. Шахъ сдѣлалъ знакъ дежурнымъ феррахамъ; измѣнника задушили въ его глазахъ, а трупъ его тащили по улицамъ для того, чтобы онъ послужилъ предостереженіемъ для тѣхъ, кто вздумалъ бы подражать ему.

Многоженство, какъ всякому извѣстно, существуетъ въ Персіи точно такъ же, какъ и въ другихъ магометанскихъ странахъ. Кромѣ четырехъ законныхъ женъ, дозволенныхъ Кораномъ, и кромѣ наложницъ, которыхъ можно имѣть въ неограниченномъ числѣ, въ Персіи еще существуетъ разрядъ полузаконныхъ женъ, которыя называются *сигеями* и которыхъ берутъ на опредѣленное время. Церемоніи, сопровождающія заключеніе такихъ временныхъ браковъ, до крайности просты и въ сущности заключаются въ томъ, что разламываютъ кусокъ леденца и дѣлятся имъ съ муллою, приглашеннымъ въ качествѣ свидѣтеля, между тѣмъ какъ бракосочетаніе съ законными женами совершается съ большею торжественностью.

Хотя *сигеи* не пользуются такими же правами, какъ законныя жены, и какъ кажется, не могутъ садиться въ ихъ присутствіи, однако въ названіи *сигея* нѣтъ ничего презрительнаго или укоризненнаго, и дѣти, которыя родятся отъ такихъ браковъ, считаются законными

дѣтьми и пользуются равными правами со всѣми другими. Если въ послѣдствіи они и уступаютъ первое мѣсто тѣмъ изъ своихъ братьевъ или сестеръ, которые родились отъ законныхъ жёнъ, то причина этого кроется не въ ихъ собственномъ происхожденіи, а въ низкомъ происхожденіи ихъ матерей, такъ какъ ни въ одной изъ Азіятскихъ странъ аристократія не пользуется такими привилегіями, какъ въ Персіи и нигдѣ такъ не цѣнятся преимущества знатнаго происхожденія. Многоженство очень распространено въ Персіи, и даже бѣдные люди, вынужденные по недостатку средствъ довольствоваться одной женой, нерѣдко разводятся съ устарѣвшей женой и женятся на молодой. Однако семьи Персидскія не многочисленнѣе нашихъ, и народонаселеніе скорѣе уменьшается, чѣмъ возрастаетъ.

Одно изъ самыхъ выдающихся исключеній составлялъ въ этомъ отношеніи покойный Фетъ-Али-шахъ, у котораго было болѣе пяти сотъ дѣтей и потомство котораго доходитъ въ настоящее время до трехъ тысячъ человекъ. Поэтому вовсе не удивительно, что Фетъ-Али-шахъ не зналъ ни числа, ни именъ своихъ дѣтей, и что на придворнаго шута была возложена обязанность вести списки раждавшихся и умиравшихъ дѣтей, для того, чтобы онъ всегда былъ въ состояніи доставлять своему государю нужныя свѣдѣнія. Государство, очевидно, не въ состояніи давать содержаніе столькимъ принцамъ царской крови; оттого-то многіе изъ нихъ и влечать самое бѣдственное существованіе.

Все, что касается внутренняго устройства гаремовъ, семейной жизни Персовъ и подначальнаго положенія, въ которомъ находятся жены по отношенію къ ихъ мужьямъ, скрыто отъ глазъ посѣщающихъ Персію иностранцевъ; это такія тайны, въ которыя онъ не въ состояніи проникнуть, а прикрывающая эти отношенія занавѣса можетъ быть частію приподнята лишь тѣми Европейскими дамами, которымъ, благодаря ихъ общественному положенію, удавалось проникнуть внутрь гаремовъ высокопоставленныхъ лицъ. Оттого-то и изложенныя ниже свѣдѣнія я добылъ не самъ, а чрезъ посредство моей жены. Она въ короткое время познакомилась съ Персидскимъ языкомъ и научилась выражаться на немъ не только правильно, но даже изящно; поэтому ей было легче, чѣмъ кому-либо другому, наблюдать и изучать все, что касалось общественнаго положенія Персидскихъ женщинъ. Въ составъ гаремовъ знатныхъ людей входятъ женщины четырехъ различныхъ національностей: 1) Персіянки, которыя обыкновенно берутся въ законныя жены и изъ которыхъ состоитъ любимая прислуга. 2) Грузинки, которыя славятся столько же своей красотой, сколько ограниченностью своего ума. Ихъ уже не привозятъ въ Персію съ тѣхъ поръ, какъ Грузія находится подъ Русскимъ

владычествомъ, а тѣ изъ нихъ, которые изрѣдка встрѣчаются въ гаремахъ, всѣ принадлежать къ прошлому поколѣнію. 3) Абиссинки. 4) Негритянки. Женщины этихъ двухъ послѣднихъ категорій, извѣстныя подъ общимъ названіемъ *черныхъ*, принадлежать къ разряду рабынь, и съ ними обходятся съ возмутительнымъ презрѣніемъ. На нихъ возлагаютъ самыя трудныя работы и ихъ едва относятъ къ разряду человѣческихъ существъ.

Въ проѣздъ чрезъ Тавристъ моя жена сочла долгомъ сдѣлать вѣжливый визитъ Навабъ-Алиже, первой женѣ Магомета-шаха и матери наслѣдника престола, нынѣ царствующаго подъ именемъ Нассръ-эдъ-Дина. Хотя эта женщина и не молода и не красива, и хотя ея супругъ не оказываетъ ей большаго вниманія, она все-таки занимаетъ первое мѣсто въ царскомъ гаремѣ, благодаря своему знатному происхожденію изъ рода Каджаровъ. Навабъ-Алиже не лишена ни ума, ни образованія. Она приняла мою жену съ безукоризненною вѣжливостью. Послѣ проведенныхъ вмѣстѣ нѣсколькихъ часовъ, моя жена пожелала удалиться; но Навабъ-Алиже настоятельно упрашивала ее остаться. Наконецъ, чтобъ найти предлогъ для возвращенія домой, моя жена сказала ей, что уже поздно и что я жду ея къ обѣду. Какъ, воскликнула она, вы обѣдаете сегодня съ вашимъ мужемъ! Отчего вы не сказали мнѣ этого раньше? Я ни за что не стала бы васъ удерживать. Это большое счастье; отправляйтесь же какъ можно скорѣе; я также два раза въ моей жизни была такъ счастлива, что обѣдала съ *центромъ міра* (*киблежи-алемъ*: это одно изъ тѣхъ названій, которыми обозначаютъ Персидскаго шаха).

Узнавъ, что моя жена говоритъ по-персидски, шахъ выразилъ желаніе, чтобъ она ему представилась, и эта аудіенція была назначена на одинъ изъ слѣдующихъ дней. Это была самая свѣжая новость; поднялась бѣготня взадъ и впередъ, и переполохъ былъ общій. Наконецъ, въ полдень, первый евнухъ его величества, въ сопровожденіи десятка другихъ евнуховъ, явился къ моей женѣ съ увѣдомленіемъ, что шахъ готовъ принять ее. Она надѣла Персидскую чадру—большой кусокъ матеріи, въ который она закуталась съ ногъ до головы, чтобъ не нарушать общепринятаго обычая, и послѣдовала за евнухомъ. Во главѣ кортежа находился отрядъ гвардіи съ музыкантами впереди; за нимъ слѣдовали феррахи, пичгедметы и скороходы въ шапкахъ, украшенныхъ перьями и въ костюмахъ, на которыхъ нашиты золотыя и серебряныя монеты; вслѣдъ за тѣмъ шли *гуламъ-бетегъ*—семи и осьми-лѣтніе мальчишки-пажи, конюхи, которые вели за узду лошадей, и наконецъ евнухи. Моя жена сѣла въ карету, и тогда весь этотъ кортежъ двинулся впередъ съ оглушительными криками. Фер-

рахи колотили направо и налѣво попадавшихся на пути ротозѣевъ, и такое грубое обхожденіе никого не удивляло: до такой степени оно было согласно съ установившимися въ подобныхъ случаяхъ обыкновеніями.

У входа въ андерумъ (внутренніе апартаменты) кортежъ оставился; только евнухи и пажы вошли въ дверь, которая была тотчасъ заперта вслѣдъ за ними, согласно съ установленнымъ обыкновеніемъ. Тамъ мою жену приняла и привѣтствовала сестра шаха и жена сердаря Ханъ-Баба-хана,—Русскаго подданнаго и богатаго землевладѣльца изъ Эриванской провинціи; затѣмъ она ввела мою жену въ апартаменты его величества. Тамъ мою жену ожидали мать шаха, всѣ его жены и сотня другихъ женщинъ, принадлежавшихъ къ числу родственницъ. Всѣ эти дамы приняли мою жену очень привѣтливо, а она съ своей стороны постаралась сказать каждой изъ нихъ какую-нибудь любезность. Въ числѣ ихъ находилась дочь имама Верди-мирзы, одного изъ принцевъ, укрывшихся въ Константинополѣ, у котораго сынъ былъ очень опасно боленъ. Моя жена съ участіемъ спросила о положеніи больнаго; но его мать очень холодно отвѣчала: я почему знаю; я уже давно его не видѣла; впрочемъ это—дѣло доктора и меня не касается.

Затѣмъ моя жена обратила вниманіе на очень хорошенькую пятилѣтнюю дѣвочку и обратилась къ матери шаха съ вопросомъ, кто мать этого красиваго ребенка. Когда ей указали на мать, эта послѣдняя торопливо возразила: О, нѣтъ, *астаферъ Аллахъ* (Боже сохрани), *малэ менъ нистъ*—она не моя дочь, а дочь ея величества,—и указала на мать шаха. Въ Персіи имѣютъ обыкновеніе дарить все, даже самыя дорогія свои привязанности.

Между тѣмъ какъ разговоръ продолжался въ этомъ тонѣ; мою жену угощали фруктами и вкусными шербетами.

Черезъ четверть часа поднялась сильная тревога между дежурными женщинами, и въ этотъ самый моментъ одинъ изъ маленькихъ *гуламовъ* пришелъ возвѣстить: *Киблси аламъ теширифъ, миберендъ инджо*. то есть центръ міра намѣренъ удостоить васъ своимъ присутствіемъ. Это увѣдомленіе произвело общій переполохъ; всѣ позабыли и о правилахъ церемоніала, и о присутствіи иностранки въ гаремѣ. Мать шаха, которая обыкновенно держитъ себя очень надменно, торопливо сошла съ своего мѣста, чтобъ все приготовить согласно съ данными свыше приказаніями, а четыре жены шаха опрометью заняли четыре угла комнаты, гдѣ оставались, въ теченіе всей аудіенціи, неподвижными, какъ мраморныя статуи, устремивъ глаза въ полъ. Остальныя лица съ такой же торопливостью скучились въ углубленіи комнаты. Моя

жена, также удалившаяся въ углубленіе подлѣ окна, очень забавлялась паническимъ страхомъ, который изображался на всѣхъ лицахъ. Наконецъ появился и центръ вселенной.

Магометъ-шаху было немного болѣе тридцати лѣтъ; онъ былъ средняго роста, скорѣе толстъ, чѣмъ худъ, и красивъ собою; у него были прекрасные глаза и большой носъ, какъ у всѣхъ Каджаровъ. Онъ былъ одѣтъ очень просто: на немъ былъ костюмъ низама изъ темно-зеленой шали; на его головѣ была Персидская шапка безъ всякихъ украшеній, а обувь онъ былъ въ огромные ботфорты. Страдая застарѣлой подагрой, (которая и свела его, въ цвѣтъ лѣтъ, въ могилу) онъ хромалъ, но передъ тѣмъ, чтобъ войти взялъ въ руки палку и постарался казаться легкимъ на ходу. Увидѣвъ мою жену, онъ поклонился ей по-европейски и, сѣвъ въ кресло, сказалъ ей: милости просимъ, г-жа мухта (т.-е. супруга уполномоченнаго); затѣмъ онъ знакомъ пригласилъ ее сѣсть на кресло противъ него, — это была такая прерогатива, которую придворный этикетъ не допускаетъ ни для какой женщины.

Хотя моя жена очень хорошо поняла сдѣланный ей шахомъ знакъ, она не рѣшалась сѣсть, пока мать шаха стояла. Замѣтивъ это, Магометъ-шахъ сказалъ своей матери по-турецки съ явнымъ нетерпѣніемъ: *сенъ-де-утуръ*, садись же, и тогда моя жена также сѣла на указанное ей мѣсто. Сказавъ нѣсколько словъ въ мою похвалу, шахъ спросилъ, какъ я поживаю. Моя жена отвѣчала, что я непрестанно молюсь о благоденствіи его величества и что высказанныя на мой счетъ похвалы она принимаетъ за доказательство его высокаго благоволенія. Шахъ былъ, повидимому, очень удивленъ тѣмъ, что моя жена говорила съ такимъ акцентомъ и въ такихъ оборотахъ рѣчи, которые общеприняты въ подобныхъ случаяхъ, и выразилъ это удивленіе своей матери. Я слышалъ, продолжалъ онъ, что Европейскія женщины почти также образованны, какъ мужчины? Скажите же мнѣ, какъ идутъ дѣла Мегмета - Али въ Египтѣ? Моя жена рассказала ему, какимъ условіямъ четыре державы заставили подчиниться Египетскаго пашу. — Въ такомъ случаѣ, продолжалъ шахъ, вамъ также должно быть извѣстно, какъ идутъ дѣла Англичанъ въ Китаѣ? — Моя жена рассказала ему все, что знала, и ея рассказъ заставилъ шаха разсмѣяться. — Такъ какъ вы такъ много знаете, то скажите мнѣ, гдѣ больше жителей, въ Петербургѣ или въ Пекинѣ? — Моя жена отвѣчала ему, что о Пекинѣ мы имѣемъ мало свѣдѣній, но что по словамъ тѣхъ, кто тамъ бывалъ, Пекинъ еще многочислѣнѣе Петербурга. — Я знаю, что вы содержите тамъ посольство изъ муллъ. Развѣ Е. В. Императоръ полагается на своихъ муллъ? — Отчего же на нихъ не полагаться? отвѣчала моя жена: вѣдь наши муллы такъ же покорны Императору,

какъ и всѣ другіе подданные, и конечно не стали бы заниматься *муллахъ-бази* — поповскими интригами. Такъ называютъ здѣсь народные мятежи, которые всегда возникаютъ по подстрекательству духовенства, составляющаго самый враждебный къ правительству классъ. Очень хорошо, сказалъ шахъ, я поступаю такъ же, какъ Русскій Императоръ—никогда не прощаю *муллахъ-бази*. Затѣмъ шахъ перенесъ разговоръ на Лондонъ, Вѣну, Парижъ, Берлинъ и въ особенности Петербургъ, засыпая мою жену распросами, на которые она отвѣчала такъ удовлетворительно, какъ могла. Затѣмъ онъ пододвинулъ свое кресло къ ея креслу и сказалъ ей въ полголоса съ коварной усмѣшкой: а что думаете вы о томъ, какъ мы обходимся съ нашими женами; при этомъ онъ указалъ на своихъ женъ, которыя стояли неподвижными и какъ бы прикованными къ стѣнѣ и не смѣли разинуть рта. Должна ли я отвѣчать вашему величеству,—сказала моя жена,—такъ, какъ отвѣчали бы у насъ или такъ, какъ отвѣчали бы здѣсь?—Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ шахъ, скажите мнѣ откровенно ваше мнѣніе. — Въ такомъ случаѣ,—отвѣчала моя жена,—я скажу вамъ, что ваши обычаи отвратительны и что ни одна Европейская женщина не согласилась бы подчиниться имъ. Впрочемъ,—прибавила она, чтобъ позолотить пилюлю,—то, что хорошо для одной страны, можетъ негодиться для другой, и вы, конечно, имѣете основательные доводы поступать такъ, какъ вы поступаете. — Это правда, сказалъ шахъ, здѣсь такъ поступать безусловно необходимо.

Послѣ того шахъ еще много спрашивалъ мою жену о положеніи женщинъ въ Европѣ, объ ихъ воспитаніи и объ ихъ привязанности къ мужьямъ. Разговоръ не прерывался ни на минуту, такъ какъ шахъ хотя и не отличался большимъ умомъ, но былъ очень любознателенъ и обладалъ нѣкоторыми историческими и географическими познаніями. Наконецъ, моя жена попросила *мурасса*, т.-е. позволенія удалиться, которое было ей дано и сопровождалось всякими любезностями; тогда она удалилась изъ гарема съ такимъ же церемоналомъ, съ какимъ была туда введена.

Много времени спустя,—за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ мы покинули Персію, чтобъ никогда болѣе туда не возвращаться,—моя жена попросила вторичной аудіенціи у шаха, чтобъ проститься съ нимъ и съ его семействомъ. Ей былъ оказанъ точно такой же пріемъ, какъ и въ первый разъ. Когда она попросила его величество дать ей на память нѣсколько строкъ, написанныхъ его рукою, шахъ отнесся къ ея просьбѣ съ самой любезной предупредительностью. Онъ приказалъ принести бумагу и *калемданъ*, чернильницу, которую одна изъ его женъ подала ему, ставъ на колѣни, и на-

писалъ твердою рукою слѣдующія строки, которыя мы хранимъ, какъ драгоцѣнный документъ. Вотъ буквальный переводъ: «Богъ. — *Канумъ* (супруга) уполномоченнаго министра намъ очень понравилась. Жаль, что, скоро пресытившись Персіей, она уже чувствуетъ желаніе возвратиться на родину. Эти строки написаны въ знакъ памяти (съ нашей стороны). Въ мѣсяцѣ Шеваль 1257 (въ Ноябрь 1841). Написано въ Тегеранѣ».

Все вышеизложенное ясно доказываетъ, какъ ничтожна роль, которую играютъ въ Персіи даже тѣ женщины, которыя принадлежатъ къ высшимъ сферамъ общества. Однако было-бы несправедливо обвинять Коранъ въ намѣреніи унижить женщину и ея общественное положеніе. Никогда подобная мысль не входила въ голову Магомета, который и по своей натурѣ, и по тѣмъ условіямъ, среди которыхъ жилъ, питалъ страстную любовь къ женскому полу. Доказательствомъ этого служатъ и уваженіе, съ которымъ онъ отзывается въ Коранѣ о женщинахъ, и признательность, которую онъ публично выражалъ красивой и богатой вдовѣ Кадиджѣ, которой былъ обязанъ своими первыми успѣхами, и 46 женъ и одалискъ, которыхъ Пророкъ почтилъ своимъ выборомъ, и его рыцарская любовь къ Зейнебѣ, и его смерть съ головою, опущенною на колѣни дочери Абубекра Аиши, и множество другихъ подробностей изъ его жизни. Если-же въ своихъ узаконеніяхъ онъ не возвысилъ женщину до равнаго положенія съ мужчиной, причиной этого было то, что ни въ исторіи, ни въ нравахъ Азіи онъ не находилъ ничего, что могло бы внушить ему мысль о такомъ нововведеніи. Въ его время, точно такъ-же, какъ и теперь, можно было услышать слѣдующія слова Перса, обращенныя къ другому Персу въ то время, какъ этотъ послѣдній билъ свою сестру: «Зачѣмъ ты ее бьешь? Развѣ Богъ недостаточно наказалъ ее, создавши женщиной?» И Еврей, законы которыхъ послужили образцемъ для законовъ Магомета, и Арабы, и даже болѣе цивилизованные Греки и Римляне смотрѣли на женщину какъ на мебель, какъ на собственность, облагаемую налогомъ, и обходились съ ней сообразно съ этимъ взглядомъ. Въ Китаѣ и въ Индіи было еще хуже. Все равно, молода она или стара,—говорится въ кодексѣ Ману,—за мужемъ она, или нѣтъ, она должна безпрекословно исполнять приказанія своего господина и не осмѣливаться что-либо предпринимать по собственному почину. Палка и веревка были-бы наказаніемъ виновной. А развѣ эти понятія не могли распространиться по Европѣ, не будь божественнаго вліянія Евангелія?

При такомъ положеніи общества, только любовь сына къ матери или причудливая привязанность господина къ любовницѣ могла облег-

чать положеніе самаго слабаго пола. Поэтому интересно прослѣдить исторію отместокъ, къ которымъ прибѣгалъ отъ времени до времени этотъ полъ, чтобъ уклониться отъ несправедливой суровости законовъ. Персія представляетъ въ этомъ отношеніи замѣчательный примѣръ. Случалось, что не только содержащіеся въ гаремахъ женщины присвоивали себѣ власть своихъ повелителей и держали ихъ въ страхѣ, но даже въ мѣнѣ знатныхъ семействахъ мало-по-малу распространялись втихомолку оппозиціонныя идеи, клонившіяся къ восстановленію равенства въ правахъ между лицами обоего пола и діаметрально противоположныя содержанію предписаній (*фахъ*), изданныхъ толкователями Корана. Въ этихъ идеяхъ, на ряду съ мусульманскими вѣрованіями, встрѣчаются остатки старыхъ предразсудковъ, унаслѣдованныхъ отъ Гебровъ. Результатомъ ихъ было нѣчто въ родѣ кодекса, который представляетъ странное смѣшеніе теорій, часто безнравственныхъ, но всегда вступающихъ за правое дѣло; иначе и быть не могло у такого народа, у котораго страсти и недостатокъ просвѣщенія постоянно отзываются на понятіяхъ о нравственности. Но если Персидскія женщины очень дорожатъ этимъ кодексомъ, мало-по-малу созданнымъ ими самими, то это происходитъ не только оттого, что онъ развязываетъ имъ руки наперекоръ *фаху* и ихъ мужьямъ, но въ особенности потому, что всѣ ихъ вкусы, всѣ ихъ симпатіи и даже, можно сказать, всѣ ихъ причуды, за немногими исключеніями, вписаны въ этотъ кодексъ, освящены имъ и введены въ силу, благодаря привычкамъ, столь-же древнимъ, какъ и самъ Коранъ.

Постановленія этого кодекса сначала передавались на словахъ изъ устъ въ уста, и лишь впослѣдствіи возникла мысль изложить ихъ письменно. Миръ-Дамадъ, какъ кажется, былъ первый писатель, занявшійся собираніемъ всѣхъ относящихся до этого предмета свѣдѣній въ одно цѣлое. Но преждевременная смерть не дозволила ему докончить эту работу. Тогда Фетъ-Али-шахъ, замѣтившій, какое сильное вліяніе оказываютъ тайны этого женскаго кодекса на его собственный гаремъ, приказалъ одному изъ своихъ сыновей, Магомету-мирзѣ, привести въ ясность все, что было опаснаго въ этомъ ученіи. Принцъ поспѣшилъ исполнить приказаніе своего отца и издалъ по этому предмету парафразу въ Персидскихъ стихахъ подъ заглавіемъ *Адабъ-унъ-нисса*. Вотъ, какъ онъ выражается въ предисловіи: «Славной памяти Миръ-Дамадъ, вознамѣрившись приподнять темную завѣсу, скрывавшую отъ глазъ нечестивыя вѣрованія и тайныя продѣлки нашихъ женъ, сталъ слѣдить за ихъ поведеніемъ и собирать о нихъ свѣдѣнія отъ нѣкоторыхъ пожилыхъ Испаганьскихъ сплетницъ, которыя считались самыми опытными послѣдовательницами того уче-

нія, которое онъ имѣлъ цѣлю развѣдать. Благодаря его умственнымъ усиліямъ, скоро были выведены наружу адскія хитрости и дьявольскія продѣлки нашихъ дражайшихъ половинокъ,—этой гнусной расы! Высказывая такое рѣзкое порицаніе, авторъ, вѣроятно, хотѣлъ успокоить свою совѣсть и внушить мутламъ и мужьямъ отвращеніе къ этому кодексу. *Адабъ-унъ-нисса* раздѣляется на шестнадцать главъ; это сочиненіе переведено Александромъ Ходзько, который былъ въ ту пору консуломъ въ Гиланѣ и принадлежалъ къ числу лучшихъ ориенталистовъ. Но еслибы я сталъ излагать его содержаніе во всѣхъ подробностяхъ, я вышелъ-бы изъ предположенныхъ мною рамокъ.

Многочисленныя непріятности, которыя, какъ видно изъ всего предыдущаго, мнѣ приходилось выносить въ моихъ официальныхъ сношеніяхъ, какъ отъ императорскаго министерства, такъ и отъ Персидскаго правительства; здоровье моей жены, которая не могла свыкнуться съ климатомъ и внушала мнѣ серьезныя опасенія; наконецъ, смерть моего отца, скончавшагося въ Петербургѣ 20 Декабря 1840 г. послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, и одиночество, въ которомъ находилась моя мать вслѣдствіе этого семейнаго несчастія,—всѣ эти поводы заставили меня просить о неотложномъ увольненіи отъ должности. На это графъ Нессельроде увѣдомилъ меня, что Императоръ соблаговолилъ изъявить согласіе на мое увольненіе, и что на мое мѣсто назначенъ графъ Медемъ. Но я конечно долженъ былъ дождаться прибытія моего преемника, которое замедлилось по различнымъ причинамъ. Тѣмъ временемъ я имѣлъ удовольствіе привѣтствовать возвращеніе Англійскаго посольства, которое прибыло въ Тегеранъ въ послѣднихъ числахъ Августа 1841 года. Я съ перваго разу сталъ въ самыя лучшія отношенія къ сэру Джону Макнилю и поддерживалъ его всѣмъ моимъ вліяніемъ въ сношенія съ Персидскими министрами о заключеніи торговаго договора.

Такъ какъ главнокомандующій Кавказской арміи счелъ нужнымъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, поставить санитарный кордонъ на Араксѣ, то, во избѣжаніе необходимости выдерживать карантинъ, я вздумалъ отплыть изъ Персидскаго залива въ Бомбей и возвратиться въ Европу переправившись черезъ Суэцъ. Британское правительство отнеслось къ этому намѣренію съ самой любезной предупредительностью и предоставило въ мое распоряженіе стоявшій въ Бендеръ-Буширѣ пароходъ, который долженъ былъ доставить меня въ Бомбей, ко времени отплытія тѣхъ пароходовъ, которые постоянно ходятъ на Суэцъ. Однако, замѣтивъ изъ писемъ, полученныхъ мною тѣмъ временемъ отъ графа Нессельроде, что мое намѣреніе ему не нравилось и что онъ (хотя и не основательно) опасался, чтобъ Британское

правительство въ Индіи не отнеслось къ моему появленію въ Бомбей съ подозрѣніями и съ неудовольствіемъ, я немедленно отказался отъ моего намѣренія и рѣшился возвратиться въ Россію тѣмъ-же путемъ, какимъ пріѣхалъ. 1-го Декабря я передалъ графу Медему должность, которую занималъ при Персидскомъ дворѣ, и черезъ нѣсколько дней послѣ того выѣхалъ въ Тифлисъ.

Наканунъ моего отъѣзда, въ Тегеранѣ сталъ ходить неясный слухъ о пораженіи, нанесенномъ Англійской арміи въ Афганистанѣ. Впослѣдствіи это извѣстіе вполне подтвердилось, а когда сдѣлались извѣстны всѣ ужасныя подробности отступленія Англичанъ сквозъ ущелья Бейлана, для всѣхъ стало ясно, что это пораженіе приняло размѣры настоящей катастрофы.

Время года было позднее, и холодъ былъ очень силенъ въ горахъ Азербейджана. Однажды я былъ вынужденъ снять кузовъ кареты съ колесъ и спустить его, при помощи веревокъ, съ крутого ската, покрытаго гололедицей. Еслибы меня не сопровождали шесть Донскихъ казаковъ, возвращавшихся домой по окончаніи срока своей службы при посольствѣ, то мнѣ пришлось бы бросить мой экипажъ. Вообще все это путешествіе было очень утомительно.

Мы остановились на нѣсколько недѣль въ Тифлисѣ, чтобъ отдохнуть, и я возвратился въ Петербургъ только въ Февралѣ 1842 года.

XI.

По кончинѣ батюшки, моя мать, будучи вынуждена уменьшить свои расходы, наняла маленькую квартиру на Фонтанѣ, между мостами Аничкинымъ и Чернышовымъ, въ домѣ бывшемъ Баллина, а теперь Шварца, и прожила тамъ двадцать два года до самой смерти. Желая быть ближе къ моей матери, я, по возвращеніи въ Петербургъ, нанялъ на короткое время въ томъ же домѣ сосѣднюю съ ней квартиру, такъ какъ, прежде чѣмъ окончательно устроиться въ Петербургѣ, я намѣревался отвезти на минеральныя воды въ Германію мою жену, здоровье которой внушало мнѣ серіозныя опасенія. Вскорѣ послѣ моего прибытія въ Петербургъ, я былъ принятъ въ аудіенціи Его Величествомъ Императоромъ, и вотъ слово въ слово происходившій 19-го Февраля 1842 года разговоръ, которымъ почтилъ меня Его Величество.

Императоръ. —Здравствуйте, любезный генералъ; я прежде всего долженъ поблагодарить васъ за то, что вы такъ хорошо исполняли ваши обязанности въ Персїи. Вы очень хорошо поняли и исполнили

мои желанія. Я читалъ всѣ ваши донесенія и былъ ими какъ нельзя болѣе доволенъ. Изъ всего, что вы намъ сообщали, можно заключить, что Персія находится въ сильномъ упадкѣ.

Я.—Управленіе тамъ отвратительное; губернаторы провинцій дѣлають, что хотять; деньги не поступаютъ въ казну; но самое болѣе несчастіе для страны заключается въ томъ, что главный министръ шаха настоящій глупецъ.

Императоръ.—Онъ глупъ или лукавъ?

Я.—Онъ и то и другое. Это человекъ, который ничего не понимаетъ въ дѣлахъ управленія, который отдаляетъ отъ шаха всѣхъ способныхъ людей и причиняетъ неисчислимый вредъ странѣ.

Императоръ.—Говорятъ, что шахъ человекъ болѣзненный?

Я.—Онъ сильно страдаетъ подагрой, Ваше Величество, и можно опасаться, что поднявшаяся вверху подагра сдѣлается причиной его внезапной смерти.

Императоръ.—Какихъ онъ лѣтъ?

Я.—Ему только 37-мъ лѣтъ, но онъ страдаетъ подагрой уже болѣе десяти лѣтъ. Это—наслѣдственная болѣзнь въ его семействѣ.

Императоръ.—А что дѣлаетъ наслѣдникъ престола, тотъ изъ его сыновей, который призжалъ ко мнѣ на встрѣчу въ Эривань?

Я.—Онъ хорошенькій мальчикъ, но съ виду слабъ здоровьемъ.

Императоръ.—Какъ его воспитываютъ?

Я.—Не хорошо. Онъ находится на попеченіи муллы, который учитъ его писать и читать, и болѣе ничему. Мать шаха никогда не позволяла учить его иностраннымъ языкамъ, и я полагаю, что когда онъ сдѣлается мужчиной, онъ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ походить на своихъ предмѣстниковъ.

Императоръ.—Нельзя не сказать, чтобы для насъ это не было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выгодно.

Я.—Я полагаю, Ваше Величество, что Персія еще долго не будетъ страшной для Россіи и что намъ слѣдуетъ опасаться только одного, чтобы, вслѣдствіе слабости правительства, въ Персіи не воцарилась анархія.

Императоръ.—Въ этомъ отношеніи я вполне раздѣляю ваше мнѣніе. Я всего болѣе опасаюсь анархій въ Персіи, потому что такой порядокъ вещей непременно отразился бы на всемъ пространствѣ нашихъ Закавказскихъ провинцій. Какъ сильна Персидская армія?

Я.—На бумагѣ она состоитъ изъ 108 тысячъ человекъ; но, вслѣдствіе бѣдности государственной казны, правительство могло бы съ трудомъ собрать даже четвертую часть этой цифры.

Императоръ.—Все-ли это регулярныя войска?

Я.—Да, Ваше Величество; это до нѣкоторой степени регулярныя войска, хотя ихъ рѣдко заставляютъ упражняться и хотя шахъ вообще очень мало ими занимается. Впрочемъ солдаты очень красивые мужчины и, по примѣру организаціи Англійской арміи, каждый полкъ состоитъ только изъ одного батальона. Уже два года, какъ на службѣ у Персидскаго правительства состоятъ Французскіе инструкторы, и хотя имъ, къ моему крайнему удивленію, до сихъ поръ аккуратно выплачивали жалованье, они еще ни разу не были приглашены приступить къ обученію хоть одного батальона.

Императоръ.—Не происходитъ ли это отъ недовѣрія?

Я.—Я полагаю, что это происходитъ отъ неумѣнья Персовъ пользоваться услугами Европейцевъ. Ваше Величество изволили прислать имъ нѣсколькихъ рабочихъ изъ Петербургскаго арсенала, и конечно эти люди могли бы быть очень полезны; но ими также не умѣли пользоваться: оказывался недостатокъ то въ желѣзѣ, то въ деревѣ, то въ углѣ.

Императоръ.—Въ такомъ случаѣ, Тегеранскій арсеналъ долженъ находиться въ состояніи упадка?

Я.—Такъ какъ первый министръ шаха заботится болѣе всего о работахъ въ арсеналѣ и такъ какъ большая часть государственныхъ доходовъ идетъ на это заведеніе, то нельзя сказать, чтобы эта часть находилась въ рѣшительномъ упадкѣ. У Персіянъ отъ 150 до 200 пушекъ; въ этомъ числѣ есть пушки очень большаго калибра, которыя было бы трудно перевозить по дурнымъ Персидскимъ дорогамъ. Но Хаджи воображаетъ, что чѣмъ громаднѣе величина пушки, тѣмъ лучше эта пушка дѣйствуетъ, а такъ какъ онъ сверхъ того считаетъ себя Персидскимъ Неемъ, то воображаетъ, что все знаетъ лучше всякаго другаго и потому не хочетъ выслушать ничего совѣта.

Императоръ.—Извѣстно ли вамъ, что въ Афганистанѣ совершились важныя событія? Мѣстное населеніе, какъ кажется, возстало повсюду. Англичанамъ будетъ не легко возстановить въ этой странѣ ихъ поколебленное владычество. Вѣдь я не думаю, чтобы всѣ ихъ военныя силы въ Индіи превышали сто тысячъ человѣкъ.

Я.—Я не понимаю, какъ Англійское правительство, при своей осмотрительности, могло предпринять такое завоеваніе, которое не обѣщало ему никакихъ существенныхъ выгодъ и которое заставитъ его постоянно вмѣшиваться въ Средне-азіятскія дѣла.

Императоръ.—Я полагаю, что Англичане сдѣлали это единственно изъ зависти къ намъ. Тѣмъ не менѣе я могу по совѣсти сказать, что не сдѣлалъ имъ ничего такого, въ чемъ могъ бы себя упрекнуть,

Я поступалъ въ моихъ отношеніяхъ къ Англіи вполнѣ добросовѣстно, и доказательствомъ этого могутъ служить всѣ инструкции, которыя были даны графу Симоничу. Впрочемъ все случившееся доказываетъ, что въ здѣшнемъ мірѣ есть извѣстныя границы, которыхъ никогда не слѣдуетъ переступать.

Я.—Я не могу скрыть отъ Вашего Величества, что блестящій успѣхъ, съ которымъ сначала дѣйствовали Англичане въ Афганистанѣ, произвелъ въ этой части Азіи неблагоприятное для насъ впечатлѣніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ я полагаю, что реакція вызванная неудачами Англичанъ послужитъ къ нашей пользѣ.

Императоръ.—Въ виду всего, что происходило въ Азіи въ послѣдніе три года, можно бы было просто обратиться къ этимъ народамъ со словами: Россія не приходитъ къ вамъ на помощь, потому что вы сами должны быть достаточно сильны для того, чтобы отражать иноземцевъ, нападающихъ на ваши земли. Но теперь я опасаясь, чтобы обнаружившійся между Афганскими племенами духъ непокорности не перешелъ къ другимъ Азіятскимъ народамъ и въ особенности къ тѣмъ мусульманскимъ племенамъ, которыя живутъ вдоль береговъ Каспійскаго моря и давно уже ведутъ противъ насъ упорную борьбу. Прѣзжая по Закавказскимъ провинціямъ, вы вѣроятно слышали о Шамилѣ и о вліяніи, которымъ онъ пользуется въ средѣ своихъ единоверцевъ?

Я.—Конечно, Ваше Величество, слышалъ. Я полагаю, что мусульмане сознаютъ упадокъ своихъ религіозныхъ и общественныхъ началъ и ищутъ поддержки въ экзальтаціи фанатизма. Можно замѣтить, что точно такія же попытки дѣлаются на Востокъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Поэтому я очень желаю, чтобы намъ удалось удалить отъ шаха его перваго министра. Этотъ фанатикъ охотно принимаетъ нашихъ перебѣжчиковъ и посылаетъ эмиссаровъ въ наши Закавказскія провинціи; хотя онъ и не можетъ вызвать этимъ способомъ серіозной для насъ опасности, но онъ можетъ создать для насъ затрудненія, поддерживая среди мусульманскаго населенія безразсудныя надежды.

Императоръ.—Вы одно время намѣревались возвратиться чрезъ Индію, и я почти сожалѣлъ о томъ, что вы этого не сдѣлали, такъ какъ намъ было бы интересно знать, что тамъ дѣлается; впрочемъ, вы, можетъ быть, поступили благоразумно, отказавшись отъ этого намѣренія.

Я.—Макниль, помня, какъ его хорошо приняли во время его проѣзда чрезъ Грузію, желалъ, чтобы я возвратился этимъ путемъ и тѣмъ доставилъ бы Британскому правительству случай принять такъ же любезно посла Вашего Величества. Но я не осмѣлился предпри-

нять такое путешествіе безъ особаго на то разрѣшенія Вашего Величества.

Императоръ.—Повторяю вамъ, что вы хорошо поступили, несмотря на то, что Британское правительство отнеслось къ этому намѣренію благосклонно и изъявило готовность сдѣлать всѣ необходимыя для такого путешествія распоряженія. Впрочемъ, вамъ, вѣроятно, извѣстно, что Макниль будетъ отозванъ?

Я.—Да, Ваше Величество, я узналъ объ этомъ по возвращеніи въ Петербургъ.

Императоръ.—Я этимъ доволенъ. Онъ такъ запуталъ дѣла, что стоилъ этого, чтобы его отозвали.

Я.—Что касается меня, Ваше Величество, то я былъ съ нимъ очень хорошъ и могу увѣрить Ваше Величество, что во время моего отъѣзда изъ Тегерана между двумя посольствами существовали самыя дружественныя отношенія.

Императоръ.—Въ Англіи также стали наконецъ отдавать справедливость добросовѣстности моего образа дѣйствій. Недовѣріе, которое тамъ питали къ Россіи, совершенно исчезло; даже могу сказать, что въ Лондонѣ отношенія между двумя правительствами еще болѣе близки, чѣмъ въ Тегеранѣ. Затѣмъ, любезный генералъ, еще разъ благодарю васъ за усердіе, съ которымъ вы мнѣ служили и повторяю вамъ, что я былъ очень вами доволенъ.

*

Я ждалъ только начала весны и былъ исключительно занятъ мыслию о путешествіи; но для этого послужило препятствіемъ неожиданно сдѣланное мнѣ предложеніе отправиться съ дипломатической миссіей въ Бухарестъ.

Чтобы взвѣсить поводы этой командировки слѣдуетъ припомнить нѣкоторыя обстоятельства изъ исторіи Дунайскихъ княжествъ.

Нашими трактатами съ Турціей были обезпечены широкія привилегіи въ пользу Молдавіи и Валахіи, а Адрианопольскій мирный договоръ призналъ за этими княжествами право на полную административную автономію. Хотя узы вассальной зависимости и не были разорваны, но верховенство Порты сдѣлалось почти номинальнымъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ княжества зависѣли не столько отъ Порты, сколько отъ Россіи, благодаря протекторату, возложенному на Русскихъ консуловъ въ Яссахъ и въ Бухарестѣ. Послѣ войны съ Турціей и почти до 1835 года Молдо-Валахія очень благоразумно управлялась графомъ Киселевымъ, носившимъ титулъ уполномоченна-

го председателя дивановъ Молдавскаго и Валахскаго. Благодаря вѣжливости своего обхожденія, своему безкорыстію и просвѣщенной заботливости о благѣ страны, графъ Киселевъ пріобрѣлъ въ Дунайскихъ княжествахъ большую популярность и сдѣлался идоломъ всѣхъ классовъ населенія. Именно подъ его руководствомъ были составлены какъ для Валахіи, такъ и для Молдавіи, органическіе статуты, которые, какъ бы дурно ни отзывалась о нихъ враждебная Россіи партія, безъ сомнѣнія были лучше всего, что было до тѣхъ поръ сдѣлано для организациі различныхъ отраслей администраціи въ этихъ княжествахъ. Въ силу Адрианопольскаго мирнаго договора, наши войска должны были очистить Дунайскія княжества послѣ уплаты этими послѣдними нѣкоторой доли военной контрибуціи, и затѣмъ, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, господарей для этихъ двухъ провинцій должно было назначить на первый разъ императорское правительство съ согласія Порты. Вслѣдствіе этого, графъ Киселевъ провозгласилъ господарями Александра Гику и Михаила Стурдзу, перваго въ Валахіи, а втораго въ Молдавіи. Послѣ этого графъ Киселевъ окончательно покинулъ княжества, оставивъ дѣла управленія въ рукахъ туземныхъ князей.

Михаиль Стурдза, безспорно, былъ однимъ изъ самыхъ умныхъ людей въ своемъ отечествѣ; ему нельзя было отказать въ замѣчательныхъ административныхъ способностяхъ; но ему ставили въ упрекъ его чрезмѣрное корыстолюбіе и давленіе, которое онъ производилъ на магистратуру, чтобы выигрывать процессы, въ которыхъ правда не всегда была на его сторонѣ.

Александръ Гика далеко уступалъ Стурдзѣ административнымъ способностями. Онъ мало занимался дѣлами, былъ очень спѣсивъ и высокомеренъ и потому не былъ способенъ примирить съ своею властію различныя политическія партіи, возбуждавшія волненіе въ Валахіи. Оттого-то, въ первые же годы его управленія возникли столкновенія между нимъ и общимъ собраніемъ, которое организовалось путемъ избранія и состояло бѣльшою частію изъ бояръ.

Эти столкновенія сдѣлались чрезвычайно серіозными въ началѣ 1842 года, когда общее собраніе, въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, изложило, хотя и въ почтительныхъ выраженіяхъ, настоящій обвинительный актъ противъ управленія господара. Съ этой минуты началась борьба между законодательнымъ собраніемъ и исполнительной властью, и можно было предвидѣть, что князь Гика не будетъ въ состояніи удержать въ своихъ рукахъ власть. Жалобы, выраженные общимъ собраніемъ, были бѣльшою частію вполне основательны; но не менѣе того было несомнѣнно и то, что онѣ были высказаны не

столько для того, чтобы уничтожить невыносимыя злоупотребленія, сколько для того, чтобы поколебать положеніе господаря, такъ какъ было немало честолюбцевъ, надѣявшихся замѣнить его.

Мнѣ было приказано немедленно отправиться въ Бухарестъ для того, чтобы выразить князю Гикѣ неудовольствіе, которое онъ вызвалъ со стороны императорскаго кабинета своимъ двусмысленнымъ и самовольнымъ поведеніемъ, для того, чтобы убѣдить его въ необходимости строгой провѣрки взводимыхъ на его правительство обвиненій и наконецъ для того, чтобы настоять на удаленіи нѣкоторыхъ его министровъ, обвиняемыхъ въ самыхъ вопіющихъ злоупотребленіяхъ.

Я выѣхалъ въ Бухарестъ въ половинѣ Мая, предварительно сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія для того, чтобы моя жена могла, отправиться на минеральныя воды въ Германію въ сопровожденіи моей сестры Луизы и моего брата Карла; я самъ намѣревался отправиться туда, лишь только исполню въ Валахіи возложенное на меня порученіе. Въ это время Русскимъ консульствомъ въ Яссахъ управлялъ г-нъ Коцебу, а генеральнымъ консульствомъ въ Валахіи г-нъ Дашковъ.

Я остановился въ Яссахъ только на одинъ или на два дня, такъ какъ тамъ мнѣ нечего было дѣлать, и затѣмъ отправился прямо въ Бухарестъ. Бояре, въ особенности тѣ, которые полагали, что имѣютъ одинакое съ князьями Стурдзой и Гикой право на званіе господаря, имѣли въ Петербургѣ многочисленныхъ приверженцевъ, такъ что оцѣли моей миссіи въ Бухарестѣ знали еще до моего пріѣзда. Поэтому вожди различныхъ партій стали стараться склонять меня на свою сторону и внушать мнѣ такое же нерасположеніе къ князю Гикѣ, какое они сами къ нему питали. Поднялась непрерывная суматоха; меня стали осаждать посѣтители съ утра до вечера, и я тогда узналъ, какъ велика склонность бояръ къ интригамъ, какъ они горячо гонятся за должностями и какъ въ нихъ сильно честолюбіе. За немногими исключеніями, эти бояре не внушаютъ къ себѣ уваженія, и я долженъ сознаться, что въ Молдо-Валахіи хотя женщины и отличаются легкостью поведенія, но вообще выше мужчинъ. Онѣ болѣе образованы, чѣмъ мужчины, и у нихъ болѣе душевнаго благородства.

Напротивъ того, я былъ очень холодно принятъ княземъ Гикою и его приближенными: онъ понималъ, что императорскій кабинетъ склонялся на сторону его политическихъ противниковъ и что его поведеніе не вызывало у насъ ничего кромѣ порицанія.

Хотя князь Гика и былъ обязанъ Россіи своимъ положеніемъ, но съ самаго вступленія на престолъ завелъ интриги противъ державы-покровительницы и искалъ сближенія то съ Франціей, то съ Англіей. Генеральные консулы этихъ двухъ державъ г-нъ Биллькокъ

(Billecoq) и г-нъ Колькунъ (Colquhoun), вмѣсто того, чтобы отклонять его предложенія, поспѣшили воспользоваться ими, такъ какъ преобладающее вліяніе ихъ Русскаго товарища низводило ихъ на второстепенную роль, и они были бы рады возникновенію такихъ событій, которыя могли поколебать это вліяніе и въ концѣ концовъ ослабить его. Князь Гика, воображавшій, что своими тайными происками онъ выказываетъ большую политическую ловкость, достигъ только того, что г-нъ Дашковъ перешелъ на сторону оппозиціи; понятно, что съ этого времени корреспонденція нашего генеральнаго консула съ императорскимъ министерствомъ отзывалась сильнымъ нерасположеніемъ къ господарю и совершенно охладила благосклонное до того времени расположеніе императорскаго кабинета. Вмѣстѣ съ тѣмъ г-нъ Дашковъ старался выставить болѣе блестящія, чѣмъ солидныя достоинства вождя оппозиціи Бибеско и этимъ расчистить путь для его возведенія на престолъ. Когда я прибылъ въ Бухарестъ, борьба уже разгорѣлась до того, что всѣ мои старанія примирить господаря съ большинствомъ бояръ, очевидно, не могли имѣть успѣха, а умѣренные совѣты, съ которыми я обращался къ той и къ другой сторонѣ, оставались безъ вниманія. Поэтому я ограничился добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ настоящаго положенія дѣлъ и, возвратившись чрезъ два мѣсяца въ Петербургъ, сообщилъ императорскому министерству, что, по моему глубокому убѣжденію, такъ дѣла не могутъ идти въ Валахіи и что если князь Гика не согласится на добровольное отреченіе отъ престола, необходимо войти въ соглашеніе съ Портой о его низложеніи и затѣмъ приступить къ избранію новаго князя, согласно съ органическимъ статутомъ.

Мое мнѣніе было одобрено. Порта безъ всякихъ затрудненій согласилась издать фирманъ о низложеніи князя Гики, и Бибеско, какъ и слѣдовало ожидать, былъ выбранъ господаремъ Валахіи.

*

Немедленно по возвращеніи въ Петербургъ я испросилъ годовой отпускъ для того, чтобы отправиться за границу къ женѣ и отдохнуть отъ всѣхъ понесенныхъ трудовъ. Это было въ половинѣ Августа. Я засталъ жену въ Дрезденѣ, и такъ какъ я страдалъ завалами въ печени, то мы прежде всего отправились въ Маріенбадъ, гдѣ я пользовался водами въ теченіе четырехъ недѣль. Оттуда я направился чрезъ Прагу въ Вѣну. Изъ Вѣны я проѣхалъ въ Италію. Побывавъ въ Венеціи, Падуѣ, Болоньѣ, Флоренціи и Римѣ, я поселился на зиму въ Неаполь, гдѣ пробылъ три мѣсяца. Это путешествіе по Италіи оставило мнѣ неизгладимыя воспоминанія; въ особенности видъ Рима, этого вѣчнаго города, произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе.

Въ первыхъ числахъ Марта 1843 мы отплыли на пароходъ въ Марсель и прибыли туда благополучно послѣ непродолжительныхъ остановокъ въ Ливорнѣ и въ Генуѣ.

Изъ Марсели я отправился въ Парижъ, гдѣ пробылъ болѣе мѣсяца, а затѣмъ въ Эмсъ, гдѣ моя жена должна была, по совѣту докторовъ, выдержать вторичный курсъ лѣченія. Хотя срокъ моего отпуска еще не истекъ, мнѣ хотѣлось скорѣе возвратиться домой, и я направился вмѣстѣ съ женой (моя сестра и мой братъ уѣхали нѣсколько недѣль ранѣе) черезъ Дрезденъ, Берлинъ и Кенигсбергъ въ Курляндію, гдѣ мы всѣ условились съѣхаться въ имѣніи моей двоюродной сестры, баронессы Вольфъ, Юнгферингофъ. Тамъ получили мы извѣстіе, что матушка едва не отравилась мышьякомъ, который былъ положенъ, вѣроятно съ намѣреніемъ, въ поданный ей за обѣдомъ супъ. Она и ея горничная серьезно занемогли и спаслись отъ опасности лишь благодаря своевременно оказанной помощи; но сестра моей матери, моя тетка Шрейтерфельдъ, жившая вмѣстѣ съ нею съ той минуты, какъ овдовѣла, и также поѣвшая этого супу, умерла черезъ нѣсколько часовъ или вслѣдствіе слабости сложенія или вслѣдствіе испуга, такъ что всѣ старанія сохранить ея жизнь оказались безуспѣшными. Это заставило насъ сократить время нашего пребыванія въ Курляндіи и немедленно возвратиться въ Петербургъ. Я былъ такъ счастливъ, что засталъ матушку на пути къ выздоровленію и затѣмъ не разставался съ нею въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Съ этой минуты для меня какъ будто началась новая эпоха въ жизни. Наше семейство было въ то время въ полномъ сборѣ. Мой братъ Сергѣй, назначенный адъютантомъ къ Великому Князю Наслѣднику, нынѣ благополучно царствующему Императору, жилъ въ Петербургѣ со времени своего поступленія на службу. Мой братъ Карлъ женился вскорѣ послѣ того на внучкѣ княгини Ливенъ, дѣвицѣ Фитингофъ; а братъ Лудовикъ, вышедшій въ отставку изъ военной службы, также поселился въ Петербургѣ вмѣстѣ съ своей женой, урожденной Рахмановой; наконецъ, братъ Михаилъ, возвратившійся съ Каспійскаго моря, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ командовалъ крейсеромъ въ Астрабадскомъ заливѣ, былъ назначенъ командиромъ почтового парохода «Владимиръ» и съ тѣхъ поръ въ теченіе многихъ лѣтъ ходилъ взадъ и впередъ между Кронштадтомъ и Штеттиномъ. Мы всѣ жили неподалеку другъ отъ друга, а маленькая гостиная матушки служила для всего семейства центромъ соединенія. По Воскресеньямъ и по Четвергамъ всѣ обѣдали у нея, а вечера мы почти всегда проводили тамъ же, чтобъ составлять ей партію въ ералашъ. Трудно было бы найти другой семейный кружокъ, болѣе многочисленный и болѣе

дружный, и матушка могла въ теченіе болѣе пятнадцати лѣтъ наслаждаться тѣмъ, что всѣ ея дѣти были подлѣ нея. Только гораздо позже смерть стала сокращать нашъ кружокъ, и у меня сжимается сердце, когда я вспоминаю о тѣхъ свѣтлыхъ дняхъ, которые уже никогда не воротятся.

Я былъ причисленъ къ генеральному штабу, но не несъ никакихъ особыхъ обязанностей, и потому имѣлъ много свободного времени. Я воспользовался этимъ досугомъ, чтобъ заняться политической экономіей, къ которой всегда чувствовалъ сильное влеченіе. Въ ту пору я имѣлъ случай встрѣчаться съ министромъ финансовъ графомъ Канкринымъ, единственнымъ настоящимъ министромъ финансовъ, какого никогда болѣе не имѣла Россія. Я хорошо знаю, что въ настоящее время вошло въ моду не отдавать справедливости графу Канкрину, потому что онъ никогда не пускался, очертя голову, въ примѣненіе теорій о свободѣ торговли; но чтобъ убѣдиться въ томъ, что его финансовая система была лучше системы его преемниковъ, достаточно сравнить, въ какомъ положеніи находились Русскіе финансы въ его время и въ какомъ они находятся теперь. При Канкринѣ промышленность и торговля процвѣтали, общественный кредитъ достигъ своего апогея, золото и серебро находились въ обращеніи наряду съ банковыми билетами, которые можно было всегда размѣнять на звонкую монету; наконецъ, нашъ курсъ, при переводѣ денегъ за границу, постоянно стоялъ выше *пари*. Такъ какъ нѣтъ возможности отвергать очевидную истину и цвѣтущее положеніе, въ которомъ находилась въ ту пору Россія, то многіе пытались приписывать это цвѣтущее положеніе особенно благоприятнымъ обстоятельствамъ, при которыхъ графъ Канкринъ управлялъ финансами Имперіи. Но это не болѣе какъ рискованное предположеніе, неоснованное ни на какихъ положительныхъ данныхъ. Въ бытность графа Канкрина министромъ, Россія выдержала войну съ Персіей, войну 1828 и 1829 съ Турціей и, наконецъ, въ 1831 войну съ Польскими мятежниками. Сверхъ того, революція 1830 года принудила Россію выставить значительныя военныя силы и заняться приготовленіями къ войнѣ; въ томъ-же году у насъ была холера, причинившая полный застой въ дѣлахъ, и наконецъ, если не ошибаюсь, въ 1833 или въ 1834 году, у насъ былъ такой повсемѣстный неурожай, какой рѣдко случался въ Россіи.

Въ чемъ-же, спрашиваю я, заключались тѣ обстоятельства, которыя, какъ нѣкоторые легкомысленно утверждали, были особенно благоприятны для графа Канкрина, и не справедливѣе-ли приписать его здравымъ политико-экономическимъ принципамъ и его практическому уму то быстрое развитіе народнаго богатства, которое произошло

подъ его управленіемъ? Графа Канкринъ можно основательно упрекать только въ томъ, что онъ замѣнилъ старыя ассигнаціи кредитными билетами и принялъ серебряный рубль за основную монетную единицу; но и эта ошибка не имѣла-бы важныхъ послѣдствій, еслибы государственный Совѣтъ не настоялъ, по предложенію князя Любецкаго, на выпускъ рублевыхъ билетовъ и не принудилъ графа Канкринъ дѣйствовать въ нѣкоторой мѣрѣ наперекоръ его собственнымъ убѣжденіямъ,—такъ какъ графъ Канкринъ постоянно противился этой мѣрѣ, утверждая, что рублевые билеты вытѣснятъ изъ обращенія звонкую монету. Къ тому-же графъ Канкринъ всегда настаивалъ на бережливости, какъ на самомъ дѣйствительномъ способѣ ввести порядокъ въ финансахъ, и съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на чрезмѣрныя траты, которыя дѣлались императоромъ Николаемъ для военныхъ силъ Имперіи. Однажды онъ даже подалъ прошеніе объ увольненіи и взялъ его назадъ только послѣ того, какъ ему было дано обѣщаніе уменьшить военные кадры. А вслѣдствіе того, что расходы постоянно превышали доходы, Канкринъ говорилъ своимъ приближеннымъ: чтобы мы ни дѣлали, а Россія всегда останется банкротомъ.

Когда я говорилъ ему о торговомъ балансѣ, который всѣ стали съ нѣкотораго времени называть химерою, графъ Канкринъ отвѣчалъ: Я вполне раздѣляю мнѣніе, что золото и серебро такой-же товаръ, какъ и всякій другой продуктъ; но во всякомъ случаѣ это самый лучший изъ всѣхъ товаровъ, потому что онъ всегда находитъ покупателей. А когда ему говорили, что чрезмѣрно высокія охранительныя пошлины поощряютъ контрабанду, онъ постоянно возражалъ: Повѣрьте мнѣ, что о размѣрахъ контрабанды всѣ составляютъ себѣ очень преувеличенное понятіе. Кто занимается у насъ всѣхъ болѣе контрабандою?.....

Точно такъ-же, какъ Наполеонъ I, при всемъ своемъ гениі, не сумѣлъ оцѣнить примѣненіе пара къ мореплаванію, и Канкринъ не понималъ, какое важное значеніе должны были пріобрѣсти желѣзныя дороги. Онъ былъ явнымъ противникомъ желѣзныхъ дорогъ, и я нѣсколько разъ слышалъ отъ него, что желѣзныя дороги годны только для того, чтобы уничтожать капиталы (*Kapitalien todt zu schlagen*).

Въ нѣкоторомъ отношеніи онъ былъ правъ, такъ какъ въ Европѣ и въ Америкѣ желѣзныя дороги поглотили много милліардовъ и тѣмъ нарушили пропорцію, которая должна существовать между недвижимыми и оборотными капиталами націй. Для всякаго очевидно, что когда слишкомъ большая часть сбереженій, составляющихъ избытокъ продуктовъ надъ потребленіемъ, находитъ постоянное помѣщеніе, доставляемое желѣзными дорогами: то для денежныхъ оборотовъ, требуемыхъ

земледѣліемъ, промышленностью и торговлей, уже нѣтъ достаточныхъ средствъ. Отсюда происходятъ безденежье и дороговизна денегъ, затрудненія въ сдѣлкахъ, и наконецъ, денежные и торговые кризисы, которые въ послѣднее время такъ часто разражались на биржахъ тѣхъ странъ, въ которыхъ кредитъ утвержденъ на самомъ прочномъ фундаментѣ.

Еслибы не были изобрѣтены желѣзныя дороги, экономическое положеніе, вѣроятно, было-бы болѣе удовлетворительно. Но съ той минуты, какъ начали строить желѣзныя дороги на континентѣ, Россія не могла оставаться внѣ общаго движенія, такъ какъ иначе могла бы очутиться въ очень невыгодномъ положеніи по сравненію съ своими сосѣдями, и проживи гр. Канкринъ долѣе, онъ, я въ томъ увѣренъ, самъ призналъ-бы необходимость избороздить Россію желѣзными путями.

Сочиненіе Тенгоборскаго объ Австрійскихъ финансахъ внушило мнѣ намѣреніе написать такое-же сочиненіе о Русскихъ финансахъ. Я собралъ и привелъ въ порядокъ матеріалы по этому предмету, какіе только былъ въ состояніи отыскать, и въ концѣ 1844 г. представилъ Императору, чрезъ военнаго министра, сравнительный обзоръ государственныхъ доходовъ во Франціи, въ Австріи, въ Пруссіи и въ Россіи.

Я знаю, что Императоръ, просмотрѣвъ мою записку, сказалъ князю Чернышову: Зачѣмъ Дюгамель беретъ за то, что его не касается? Эти слова могли только охладить мое рвеніе къ труду. Вотъ такимъ-то образомъ императоръ Николай, вмѣсто того, чтобы поощрять ученія изслѣдованія, дѣйствовалъ—вслѣдствіе своего недовѣрчиваго и крутаго характера,—какъ гасильникъ просвѣщенія. Сколько благородныхъ стремленій были окончательно подавлены этимъ невыносимымъ формализмомъ, никому не позволявшимъ выходить изъ сферы своей специальности, сколько талантовъ изсякли въ самомъ источникѣ, оттого что имъ не давали простора для развитія! И кто-же отъ этого болѣе всѣхъ пострадалъ, какъ не самъ императоръ Николай; ибо въ концѣ его царствованія, когда настали трудныя времена, онъ очутился въ одиночествѣ, не зная, на кого возложить свое довѣріе. Старые слуги государства мало-по-малу сошли со сцены, а чтобы ихъ замѣнить, никого не подготовили.

Эта истина всего яснѣе обнаружилась въ томъ, что касалось управленія финансами. Замѣнившій графа Канкрина, *Вронченко* былъ по крайней мѣрѣ такъ благоразуменъ, что не дѣлалъ никакихъ нововведеній и неуклонно шелъ по стопамъ своего предшественника. По этому въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ его управленія правительственная машина дѣйствовала какъ слѣдуетъ. Разстройство нашихъ финансовъ

началось въ бытность министромъ г. *Брока*, а послѣ него *Княжевичъ* и *Рейтернъ* шли тѣмъ-же путемъ и сдѣлали это разстройство непоправимымъ. Нетрудно было бы указать нѣкоторыя изъ неблаговременныхъ мѣръ, которыя были приняты этими министрами, одна вслѣдъ за другою, и которыя лишь глубже раскопали пропасть, угрожающую поглотить достояніе государства; но этимъ мы опередили бы ходъ событий, и потому я намѣреваюсь возвратиться къ этому впоследствии.

Что касается моей записки, то Вронченко, управлявшій въ ту пору Министерствомъ Финансовъ, доложилъ Императору, что она есть плодъ долгой и добросовѣстной работы и наполнена интересными данными; тогда Его Величество приказалъ изъяснить мнѣ признательность за эту работу.

Въ концѣ 1845 г. я окончилъ другой трудъ, носившій заглавіе: *Исторія кредита и государственнаго дома въ Россіи*; этому мемуару я предпослалъ въ качествѣ эпиграфа слѣдующія слова, которыя я прочелъ въ одномъ изъ сочиненій Канкрина: *Für den Staatskredit, diese empfindliche alte Jungfer, muss mit Sorgfalt, jedoch ohne zu grosse Aengstlichkeit gesorgt werden.* (Съ государственнымъ кредитомъ, какъ съ сентиментальной старой дѣвой, слѣдуетъ обходиться осторожно, но безъ излишней робости). Тутъ были съ большою точностью описаны наши государственные долги въ эту эпоху; но съ тѣхъ поръ было сдѣлано столько вѣншихъ и внутреннихъ займовъ, что мой трудъ уже не имѣетъ другаго интереса, кромѣ историческаго.

Семь лѣтъ подвизавшись на дипломатическомъ поприщѣ, я считалъ себя въ правѣ искать посланническаго мѣста при одномъ изъ Европейскихъ дворовъ; но чтобъ подвигаться впередъ въ дипломатической карьерѣ нужна болѣе, чѣмъ на всякомъ другомъ служебномъ поприщѣ, высокая протекція. Между тѣмъ оказался вакантнымъ постъ Русскаго посланника въ Стокгольмѣ, и я былъ помѣщенъ въ списокъ кандидатовъ; но Императоръ отдалъ предпочтеніе барону Крюднеру.

Убѣдившись, что графъ Нессельроде нерасположенъ горячо поддерживать мои служебные интересы и не желая играть жалкую роль просителя, я рѣшился подать прошеніе объ отставкѣ съ намѣреніемъ жить частнымъ человѣкомъ и заняться управленіемъ большаго помѣстья, принадлежавшаго моему тестю въ Подоліи. Но Императору не угодно было принять мою отставку, и онъ приказалъ передать мнѣ, что такъ какъ для меня имѣется въ виду болѣе высокій постъ, то я долженъ дожидаться его и запастись терпѣніемъ.

Этимъ мѣстомъ моего назначенія, какъ я вскорѣ узналъ, была Восточная Сибирь, гдѣ я долженъ былъ замѣнить генерала Руперта въ званіи генераль-губернатора. Многочисленныя жалобы, поступавшія

на генерала Руперта, вызвали командировку сенатора Толстаго съ порученіемъ обревизовать управленіе этой части Имперіи, и можно было предвидѣть, что генераль Рупертъ будетъ отставленъ. Дѣйстви-тельно такъ и случилось. Но и на этотъ разъ я обманулся въ моемъ ожиданіи и, несмотря на формальное общаніе Императора, бывшій въ ту пору министромъ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій добился того, что на предназначенное мнѣ мѣсто былъ назначенъ одинъ изъ его любимцевъ, Тульскій губернаторъ Муравьевъ. Это было чѣмъ-то въ родѣ личнаго для меня оскорбленія, и я, безспорно, имѣлъ право на какое-нибудь вознагражденіе. Поэтому я и былъ назначенъ въ концѣ 1847 года въ свиту Его Величества.

Лѣтомъ того-же года я предпринялъ вмѣстѣ съ женой поѣздку во внутреннія губерніи. Сначала мы отправились въ Полтавскую губернію, въ Линовичи, къ дядѣ моей жены съ материнской стороны, графу Бальмену, съ цѣлію отвезти туда двухъ двоюродныхъ сестеръ моей жены, дѣвицъ Сиверсъ, жившихъ у насъ въ домѣ въ теченіе почти цѣлаго года. Старшая изъ нихъ, Катерина страдала грудью, и суровый Петербургскій климатъ былъ вреденъ для ея здоровья; поэтому мы поспѣшили отвезти ее въ Малороссію, гдѣ она жила до того времени.

Изъ Линовичей мы отправились въ Зозово, въ Кіевскую губернію, къ другому дядѣ моей жены съ отцовской стороны отставному генера-Платону Козловскому.....

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

7.

Стр.

Стр.

1. Письма В. А. Жуковского къ Государю Императору Александру Николаевичу. 1850-й годъ. (Смертная казнь и ея значеніе. — Апологія Прусской политики. — Радовиць. — Единство Германіи. — Литературныя работы. — Невольная задержка въ чужихъ краяхъ)..... 337

2. Автобіографія А. О. Дюгамеля. XII—XVII. (Въ Бухарестъ. — Переходъ Русскихъ войскъ черезъ Прутъ. — Подавленіе мятежа въ Валахіи. — Австрія проситъ Русской помощи. — Планъ военныхъ дѣйствій въ Трансильваніи. — Фуадъ-эфенди. — Балта-Иманская конвенція. — Выборъ Валахскаго господари. — Записка о Дунайскихъ княжествахъ. — Разборъ Балта-Иманской конвенціи. — Мѣры для усмиренія Молдо-Валахіи. — Слово за графа Берга. — Дядя Козловскій. — Сенаторство. — Семейныя дѣла. — Записка о походѣ въ Индію. — Мѣры Александра Второго. — Отмѣна крѣпостнаго права. — Возсоедине-

ніе униатовъ. — Посылка въ Олонецкую губернію. — Записка о старообрядчествахъ. — Отправленіе генералъ-губернаторомъ въ Сибирь. — Киргизскія степи. — Въ Омскѣ. — Каторжники Михайловъ. — Въ Томскѣ. — Въ Кузнецкѣ. — Алтай)..... 371

3. Дѣла давно минувшихъ дней: IV) Княгиня Александра Борисовна Мещерская. — V) Князь Андрей Борисовичъ Голицынъ. — VI) Ратники. — VII) Недоразумѣнія. Н. А. Рѣшетева. 428

4. Публичныя концерты и балы въ столицахъ. С. В. Танѣева 442

5. Любопытныя показанія графа А. А. Запрѣснаго о нѣкоторыхъ представителяхъ Московскаго образованнаго общества въ началѣ прошлаго царствованія 447

6. Владимиро-Маринскій пріютъ на озерѣ Мстинѣ. Издателя 453

7. Поправки и замѣтки 457

(Содержаніе Р. Архива 1878 г. см. на «бор.»).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1885.

АВТОБІОГРАФІЯ А. О. ДЮГАМЕЛЯ.

XII *).

Мы стояли на порогѣ того, печальной памяти, 1848 года, въ теченіе котораго революціонный духъ распространялся съ непреодолимою силою все далѣе и далѣе, расшатывая троны и внося смуту во всѣ международныя сношенія.

Толчокъ былъ, какъ всегда, данъ Франціей. Февральская революція, низвергнувшая съ престола Людовика Филиппа и его династію, и установившая во Франціи республиканскую форму правленія, послужила прелюдіей для цѣлаго ряда политическихъ волненій, которыя потрясли Европу въ самыхъ ея основаніяхъ. Король Піемонта Карлъ Альбертъ, полагая, что настала благопріятная минута для изгнанія Австрійцевъ изъ Италіи, объявилъ Австріи войну и вторгнулся въ Ломбардію. Венгры, съ своей стороны, не замедлили потребовать удовлетворенія за старыя обиды и возстали противъ Габсбургскаго дома. Смуты самага серьезнаго характера вспыхнули въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Прагѣ, въ Дрезденѣ и въ другихъ мѣстахъ; а во Франкфуртѣ собрался Германскій парламентъ, который зашелъ такъ далеко, что вознамѣрился измѣнить внѣшній видъ Германіи и замѣнить Германскій Союзъ основанною въ центрѣ Европы и прочно-организованною конституціонною имперіей.

Среди всѣхъ этихъ потрясеній, одна Россія оставалась твердой и непоколебимой какъ утѣсь, о который разбиваются яростно стремящіяся волны Океана. И народы, и цари устремили свои взоры на Россію, отъ которой ожидали своего спасенія. Отъ императора Николая стала зависѣть судьба народовъ, и онъ никогда еще не находился въ положеніи, болѣе достойномъ зависти. Именно въ ту пору онъ достигъ апогея своего могущества и своей славы, и какъ прискорбно подумать, что онъ не могъ удержаться на этой высотѣ!

Сначала шла рѣчь объ отправленіи меня въ Копенгагенъ чтобъ поздравить короля Фридриха VII отъ имени Императора съ восшествіемъ на престолъ; когда я готовился къ отъѣзду, приказано мнѣ состоять въ качествѣ военнаго агента при фельдмаршалѣ Радецкомъ, командовавшемъ Австрійскою арміей въ Ломбардіи. Но неблагопріятныя извѣстія, получавшіяся въ Петербургѣ одно вслѣдъ за

*) См. Р. Архивъ 1885, книга 1-я, стр. 179 и 489 и выше, стр. 82 и 222.

другимъ изъ Дунайскихъ княжествъ, гдѣ духъ неповиновенія дѣлалъ быстрые успѣхи, заставили правительство отказаться отъ намѣренія отправить меня въ Италію, и я былъ окончательно командированъ въ Яссы и въ Бухарестъ, чтобъ предотвратить, если еще не было поздно, взрывъ революціоннаго движенія въ этомъ сопредѣльномъ съ нами краю.

Я выѣхалъ изъ Петербурга 1-го Апрѣля и, чтобъ скорѣе прибыть на мѣсто, ѣхалъ и ночью, и днемъ. Въ Яссахъ я видѣлся съ княземъ Стурдзой и хотя въ Молдавіи было замѣтно нѣкоторое броженіе умовъ, Стурдза держалъ бразды правленія твердою рукою, и не было основанія опасаться, что его увлекутъ.

Въ Бухарестѣ положеніе дѣлъ было гораздо болѣе натянуто. Князь Бибеско достигъ власти при помощи либераловъ и, изъ желанія пріобрѣсти популярность, ухудшилъ и ослабилъ свое положеніе. Достигнувъ званія господаря, онъ напелся вынужденнымъ подавлять революціонныя стремленія при всякомъ ихъ проявленіи; нѣкоторыхъ строгихъ мѣръ, вызванныхъ обстоятельствами, было достаточно для того, чтобъ вся партія юной Валахіи отвергнулась отъ него и чтобъ ея вожди стали считать его за ренегата и измѣнника.

Г. Туманскій замѣнилъ Коцебу въ качествѣ консула въ Яссахъ, между тѣмъ какъ этотъ послѣдній замѣнилъ Дашкова въ качествѣ генеральнаго консула въ Бухарестѣ. Этотъ выборъ не былъ удаченъ. Карлъ Коцебу былъ по характеру интриганъ. Онъ не любилъ Бибеско уже потому, что своимъ возвышеніемъ Бибеско былъ обязанъ не ему, а Дашкову; и потому онъ охотно выслушивалъ всѣ сплетни, направленные противъ господаря. Недовольные скоро убѣдились, что князь не могъ разсчитывать на искреннюю и энергическую поддержку со стороны Русскаго генеральнаго консула, а отъ этого усилились ихъ смѣлость и ихъ происки, съ цѣлію возбудить смуты. При этомъ и нравственность Коцебу не была чиста отъ упрековъ. Въ душѣ игрокъ, онъ проводилъ ночи за зеленымъ столомъ, и эта необузданная страсть была причиной, что онъ постоянно находился въ денежныхъ затрудненіяхъ, что вредило его офиціальному положенію.

Понятно, что, при возбужденномъ состояніи умовъ, очень косо смотрѣли на прибытіе представителя самодержавнаго государя, желавшаго поддержать порядокъ и уваженіе къ законамъ. Меня стали осыпать оскорбленіями и въ стихахъ, и въ прозѣ; меня стали изображать въ карикатурахъ съ цѣлію сдѣлать и ненавистнымъ, и смѣшнымъ; меня, очевидно, желали вывести изъ терпѣнія и раздражить, но этого не достигли. Ко всѣмъ, какъ къ князю, такъ и къ боярамъ, я обращался въ сдержанныхъ выраженіяхъ и старался объяснить имъ, какую опасность навлекла бы на ихъ страну всякая

революціонная попытка. Но къ моимъ предостереженіямъ относилась безъ вниманія вся молодежь, обучившаяся въ Парижѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ и впитавшая въ себя демагогическія теоріи того времени. Между тѣмъ каждая почта приносила извѣстіе о какой-нибудь новой побѣдѣ, одержанной революціонерами надъ законными властями, о какомъ-нибудь новомъ паденіи трона, который съ трескомъ рушился при радостныхъ возгласахъ толпы. Недовольные собирались на совѣщанія у генеральныхъ консуловъ Французскаго и Англійскаго, и эти два консульства сдѣлались настоящими очагами мятежа.

Зачинщики, замышлявшіе ниспроверженіе установленнаго порядка вещей, приняли за правило лстить тѣмъ изъ приближенныхъ господаря, которые сочувствовали ихъ влеченіямъ, и дѣйствовали съ ними заодно, а между тѣмъ осыпали бранью правительство докровительствующей державы, которая, по ихъ словамъ, не имѣла иной цѣли, кромѣ ихъ поработенія. Все что было сдѣлано Россіей для обезпеченія за Дунайскими княжествами многочисленныхъ льготъ,—и кровь, которую мы проливали, и сокровища, которыя мы тратили—все считалось ни во что въ ту минуту, когда всѣ молодыя головы были въ бреду и когда только безразсудства Французскихъ революціонеровъ казались достойными подражанія.

Вскорѣ послѣ моего прибытія въ Бухарестъ, фельдъегерь привезъ мнѣ извѣстіе, что отрядъ войскъ сосредоточивался въ Леово на Прутѣ подъ начальствомъ генерала Герштенцвейга, а на случай, если бы положеніе дѣлъ сдѣлалось серьезнымъ и недопускающимъ отлагательства, мнѣ предоставлялось право пригласить генерала Герштенцвейга перейти Прутъ и приступить къ военному занятію княжествъ.

Давая мнѣ такое доказательство полного довѣрія, Государь возлагалъ на меня страшную отвѣтственность: я не могъ не сознавать, что выборъ между миромъ и войной будетъ зависѣть отъ рѣшенія, на которомъ я остановлюсь, и что изъ пользованія предоставленнымъ мнѣ правомъ могутъ возникнуть страшныя усложненія. Я принялъ твердое рѣшеніе не прибѣгать къ этому послѣднему средству иначе, какъ въ случаѣ крайней необходимости; я все еще надѣялся, что, въ тайнѣ доведя до свѣдѣнія недовольныхъ о томъ, какъ намѣрено дѣйствовать въ извѣстномъ случаѣ императорское правительство, я, быть можетъ, удержу ихъ отъ исполненія ихъ замысловъ, которыми они увлекались съ такою прискорбною непредусмотрительностью.

Положеніе князя Бибеско становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе шаткимъ: онъ уже не зналъ, къ какимъ святымъ слѣдуетъ обращаться съ молитвами; разразившаяся надъ Европой революціонная буря отняла у него всякую энергію и, еще ни съ кѣмъ не

сражавшись, онъ уже чувствовалъ себя побѣжденнымъ. Если бы онъ могъ положиться на преданность двухъ батальоновъ Валахской милиціи, стоявшихъ гарнизономъ въ Бухарестѣ, и если бы онъ съ энергіей сталъ въ ихъ главѣ, онъ, вѣроятно, успѣлъ бы предотвратить приближавшуюся грозу; но Бибеско былъ менѣе всего одаренъ воинскими способностями: солдаты почти вовсе не знали его въ лице, а офицеры были болѣе или менѣе заражены революціоннымъ духомъ.

Выстрѣлъ изъ пистолета, направленный въ господаря во время его прогулки, но не попавшій въ цѣль, послужилъ какъ бы сигналомъ для революціоннаго движенія, которое уже давно въ тайнѣ готовилось. Заговорщики тотчасъ шумно собрались передъ княжескимъ дворцомъ. Эта демонстрація имѣла полный успѣхъ. Бибеско былъ до такой степени испуганъ и деморализованъ, что подписалъ всѣ условія, какихъ отъ него потребовали; но онъ скоро пришелъ къ убѣжденію, что его положеніе невыносимо и, чрезъ нѣсколько дней, выѣхалъ съ семействомъ въ городъ Кронштадтъ, въ Трансильванію, не встрѣтивъ никакого пренятствія со стороны вожаковъ, которые, напротивъ того, радовались тому, что почва разчистилась подъ ихъ ногами и что они могли безпрепятственно приступить къ осуществленію своихъ химерическихъ утопій.

Тотчасъ было учреждено временное правительство, составленное изъ корифеевъ революціонной партіи, какъ то изъ Степана Голеско, Ивана Гики, Эліадеса, Телля, Братіано и другихъ людей такого же пошиба.

Однимъ изъ первыхъ актовъ этого импровизированнаго правительства было сожженіе органическаго устава, дарованнаго Дунайскимъ княжествамъ Россіей; это было сдѣлано съ цѣлію доказать самымъ несомнѣннымъ образомъ, что движеніе было направлено главнымъ образомъ противъ державы - покровительницы. Лишь только увидѣлъ я, къ какой развязкѣ вела эта прискорбная вспышка, я поспѣшилъ выѣхать изъ Бухареста, пока еще не были прерваны сообщенія, и направился прямо въ Леово; мнѣ казалось, что настало время для вооруженнаго вмѣшательства, чтобы предотвратить распространеніе возстанія въ Молдавіи и еще далѣе.

Это было въ половинѣ Іюня, и я засталъ ген. Герштенцвейга въ Леово. Я сообщилъ ему, въ какомъ положеніи находились дѣла въ Валахіи, какъ дурно было тамъ настроеніе умовъ, какія враждебныя къ Россіи стремленія обнаруживались со всѣхъ сторонъ, и какъ было необходимо положить этому конецъ вооруженной силой.

Генераль Герштенцвейгъ, знавшій содержаніе данныхъ мнѣ инструкцій, безъ всякихъ затрудненій изъяснилъ готовность исполнить

изложенное мною письменно приглашеніе вступить въ Молдавію и, чрезъ нѣсколько дней послѣ того, одна дивизія пѣхоты, одна гусарская бригада съ соотвѣтствующимъ числомъ пушекъ и нѣсколько сотенъ казаковъ перешли Прутъ, направляясь къ городу Берладу. Что касается лично меня, я уѣхалъ въ Яссы, откуда могъ болѣе удобно вести переписку съ императорскимъ министерствомъ.

И генералъ Герштенцвейгъ, и я самъ, мы увѣдомили военнаго министра о предстоящемъ вступленіи нашего observationalнаго корпуса въ Молдавію, а чрезъ нѣсколько дней послѣ того извѣстили его, что переходъ нашихъ войскъ чрезъ Прутъ уже состоялся. При полученіи первой изъ этихъ дещей, въ умѣ Императора возникли колебанія, и къ ген. Герштенцвейгу былъ отправленъ фельдъ-егерь съ приказаніемъ пріостановиться военнымъ занятіемъ страны до новыхъ распоряженій. Въ ту пору еще не былъ изобрѣтенъ электрическій телеграфъ. Отъ Петербурга до Леово 2.000 верстъ, и какъ ни быстра фельдъ-егерская ѣзда, но эта отъѣзна прежнихъ приказаній запоздала и застала ген. Герштенцвейга уже занявшимъ Берладъ.

При мысли, что онъ дѣйствовалъ на перекоръ намѣреніямъ Императора и навлекъ на себя его неудовольствіе, ген. Герштенцвейгъ чувствовалъ себя глубоко-несчастливымъ и совершенно растерялся. Я поспѣшилъ къ нему въ Берладъ для того, чтобы объяснить, что если была сдѣлана ошибка, то она должна быть приписана никому другому, какъ мнѣ, такъ какъ его корпусъ перешелъ границу по моему формальному требованію; что я беру на себя всю отвѣтственность за эту мѣру; что если мы сдѣлали ошибку, приступивъ къ оккупации, то мы рискуемъ сдѣлать новую и болѣе важную ошибку, если сдѣлаемъ попятный шагъ и перейдемъ обратно за Прутъ. Поэтому я умолялъ его, прежде чѣмъ принять въ этомъ отношеніи какое-либо рѣшеніе, дождаться отвѣта на наши вторыя депеши, такъ какъ курьеръ съ отвѣтомъ на эти депеши долженъ прибыть скоро и такъ какъ нѣтъ никакой опасности провести еще нѣсколько дней въ ожиданіи.

Всѣ мои доводы и всѣ мои мольбы остались безплодными: ген. Герштенцвейгъ упорно стоялъ на своемъ и перевелъ войска обратно за Прутъ, не принимая въ соображеніе, какое дурное впечатлѣніе онъ произведетъ въ странѣ такимъ торопливымъ отступленіемъ. Лишь только онъ достигъ Леово, прибылъ второй фельдъ-егерь, наскоро отправленный изъ Петербурга съ новыми инструкціями, въ которыхъ ген. Герштенцвейгу давали знать, что такъ какъ Русскія войска уже вступили въ Молдавію, то они и должны тамъ оставаться. Это былъ громовой ударъ для старика, безъ того обремененнаго недугами. Во-

образивъ, что онъ запятналъ свою репутацію и впавъ въ немилость у Императора, въ припадкѣ отчаянія онъ застрѣлся.

Мои предсказанія оправдались, и нашъ оккупационный корпусъ снова занялъ свои прежнія позиціи подлѣ Берлада; тѣмъ не менѣе печальный конецъ ген. Герштенцвейга произвелъ на меня крайне тяжелое впечатлѣніе, такъ какъ я научился цѣнить его личныя достоинства и чувствовалъ къ нему искреннее уваженіе.

Достигшая въ Валахіи власти демагогическая партія дѣлала тѣмъ временемъ все, что могла, чтобы вовлечь всю страну въ революціонное движеніе. Съ этой цѣлю были разосланы по округамъ наемные эмиссары, которые старались увлечь главнымъ образомъ поселянъ, возбуждая ихъ противъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ и внушая имъ надежду, что они сами могутъ сдѣлаться землевладѣльцами. Всѣ эти разрушительные замыслы находили явное покровительство у Оттоманскаго правительства. Жившій въ одно время со мною въ Бухарестѣ Талаатъ-эффенди не скрывалъ своихъ симпатій къ противникамъ князя Бибеско. Но дѣла приняли еще худшій оборотъ, когда Солиманъ-паша былъ возведенъ съ званіе султанскаго комиссара. Вслѣдствіе ли данныхъ ему Оттоманскимъ правительствомъ инструкцій или по своему личному усмотрѣнію, этотъ высокій сановникъ явно поддерживалъ зачинщиковъ смуты и даже не замедлилъ одобрить отъ имени султана конституцію, которая была обнародована кучкою демагоговъ. Тогда случилось то, что обыкновенно случается въ революціонныя эпохи. Всѣ тѣ, которые, по своему происхожденію, состоянію и общественному положенію, могли что либо потерять и тѣмъ самымъ навлечь на себя ярость толпы, поспѣшили эмигрировать и отправились искать убѣжища большею частію въ Трансильваніи, въ городахъ Кронштадтъ и Германштадтъ.

Власть осталась въ рукахъ людей, которымъ были ненавистны всѣ, кто занималъ какое-либо высокое общественное положеніе и которые дѣйствовали подъ вліяніемъ самыхъ опасныхъ идей; состоявшія на жалованьи у правительства газеты сдѣлались проводниками самыхъ разрушительныхъ доктринъ и не отказывали себѣ въ удовольствіи ежедневно осыпать грубою бранью и Россію, и наше правительство.

На Европу какъ будто разомъ обрушились всѣ бѣдствія: въ томъ же несчастномъ году холера разразилась почти повсюду и произвела въ Россіи страшныя опустошенія. Въ Яссахъ, гдѣ я жилъ въ ту пору, появленіе этого бича было не менѣе ужасно и, хотя эпидемія господствовала тамъ только ровно одинъ мѣсяць, все-таки число ея жертвъ было очень велико. Все населеніе какъ будто оцѣпенѣло отъ ужаса, и казалось, насталъ конецъ міру.

Мои безпрестанныя жалобы на неправильный образъ дѣйствій Солимана-паши наконецъ заставили Порту отозвать его и замѣнить Фуадомъ-эффенди, которому было приказано содѣйствовать за одно со мною возстановленію законнаго порядка въ Валахіи и даже прибѣгать къ вооруженной силѣ въ случаѣ, еслибы иначе нельзя было образумить зачинщиковъ мятежа.

Кроатскій ренегатъ Омеръ-паша командовалъ Турецкими войсками, между тѣмъ какъ начальство надъ нашимъ экспедиціоннымъ корпусомъ было ввѣрено ген. Лидерсу, только что возвратившемуся изъ-за границы, гдѣ онъ провелъ въ отпуску нѣсколько мѣсяцевъ.

Я отправился въ Галацъ для личныхъ переговоровъ съ Фуадомъ-эффенди, который незадолго предъ тѣмъ прибылъ изъ Константинополя, и за тѣмъ я отправился вмѣстѣ съ нимъ на пароходъ въ Журжево.

Политическія усложненія принимали очень серьезный оборотъ, такъ какъ перешедшія черезъ Дунай Оттоманскія войска намѣревались идти на Бухарестъ. Депутація отъ временнаго правительства прибыла къ Фуаду-эффенди въ Журжево съ намѣреніемъ склонить его на сторону революціонной партіи. Неосмотрительность, съ которою постоянно высказывался Солиманъ-паша и его болѣе нежели двусмысленное поведеніе до такой степени скомпрометировали Порту, что въ Валахіи никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы Оттоманское правительство могло рѣшиться на энергическія мѣры для подавленія возстанія.

Но оттого-ли что Фуаду-эффенди были даны на этотъ предметъ болѣе эластическія инструкціи, оттого-ли, что мое присутствіе въ Журжевѣ удержало его отъ всякихъ соглашеній съ вожаками революціонной партіи, всѣ предложенія временнаго правительства были имъ отвергнуты, и Турецкія войска двинулись на Бухарестъ.

Я сопровождалъ Оттоманскую армію и, когда она находилась уже на небольшомъ разстояніи отъ столицы, открылись новые переговоры, которые также не привели ни къ чему. Тогда Омеръ-паша двинулъ противъ города свою армію въ боевомъ порядкѣ, и вслѣдъ за тѣмъ началась ружейная пальба, и воздухъ огласился пушечными выстрѣлами. Главный бой происходилъ подлѣ одной казармы, въ которой батальонъ Валашской милиціи укрылся за баррикадами и откуда Турецкія войска были встрѣчены довольно сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Пушки скоро справились съ этимъ призрачнымъ сопротивленіемъ и, послѣ дивившагося одинъ часъ сраженія, Бухарестъ, вообще не принадлежащій къ укрѣпленнымъ городамъ, уже былъ въ рукахъ Турковъ. Временное правительство исчезло, а его члены, три мѣсяца державшіе въ страхѣ всю страну, разбѣжались въ разныя стороны.

О новой фазѣ, въ которую вступили дѣла въ Валахіи, я поспѣшилъ увѣдомить генерала Лидерса, стоявшаго въ ту пору съ своимъ корпусомъ въ окрестностяхъ Фокшанъ. Для того, чтобъ Турки не могли считать себя единственными распорядителями будущей судьбы этого княжества, Русскимъ войскамъ было приказанно идти въ Бухарестъ, куда они и прибыли дней черезъ десять послѣ Турковъ.

Въ виду одновременной оккупациі Валахіи двумя арміями и въ виду того, что революція посылала въ странѣ сѣмена анархіи, было въ высшей степени необходимо организовать какое бы то ни было правительство. Поэтому, по состоявшемуся между Фуадомъ-эфенди и мною соглашенію, мы предложили возвести боярина Константина Кантакузена въ званіе каймакана или намѣстника господара и дать ему временно всѣ необходимыя полномочія до той поры, когда возстановленіе порядка и спокойствія позволятъ приступить къ избранію настоящаго господара.

Фуадъ-эфенди, въ послѣдствіи занимавшій постъ посла при различныхъ дворахъ, бывшій министромъ иностранныхъ дѣлъ и великимъ визиремъ; въ сущности началъ запасаться нужными для дипломатическаго поприща познаніями лишь въ Дунайскихъ княжествахъ, такъ какъ до тѣхъ поръ занималъ лишь второстепенныя должности. Онъ держалъ себя какъ членомъ хорошаго общества, очень хорошо объясняясь по-французски, но не обладалъ глубокими свѣдѣніями ни по какой отрасли знаній. Подобно большинству Турковъ, занимающихъ дипломатическіе посты при Европейскихъ дворахъ, онъ отличался не столько солиднымъ образованіемъ, сколько внѣшнимъ лоскомъ цивилизаціи. Онъ былъ чрезвычайно фальшивъ, и нельзя было полагаться на его увѣренія въ преданности, которыя онъ всегда былъ готовъ расточать.

Начальникъ Турецкихъ войскъ Омеръ-паша, напротивъ того, былъ нѣсколько грубоватъ характеромъ, и у него иногда вырывались выраженія, поражающія своей противоположностью съ двоедушіемъ его гражданскаго товарища. Онъ хорошо владѣлъ Нѣмецкимъ языкомъ и былъ всецѣло поглощенъ тѣмъ, что касалось его военнаго поприща. Я неоднократно имѣлъ случай присутствовать при военныхъ упражненіяхъ, которыя производились Турецкими войсками подъ надзоромъ Омера-паши, и долженъ сознаться, что эти войска сдѣлали замѣчательные успѣхи со времени нашей послѣдней войны съ Турціей и что Оттоманская армія улучшилась во многихъ отношеніяхъ.

Съ этими-то двумя лицами, которыя такъ не походили одинъ на другаго характеромъ, я долженъ былъ вести дѣловыя сношенія въ теченіе слишкомъ двухъ лѣтъ, дѣлая все, что отъ меня зависѣло, чтобъ устра-

нять безпрестанно возникавшія затрудненія и предотвращать столкновенія между войсками Русскими и Оттоманскими.

Моя жена покинула Петербургъ вскорѣ послѣ меня и послѣ того, какъ тамъ были первые случаи заболѣванія холерой. Направляясь ко мнѣ, она поѣхала въ Малороссію и прожила довольно долго сначала въ Линовичахъ у своего двоюроднаго брата, графа Бальмена, а потомъ въ Лозовѣ, у своего дяди генерала Козловскаго. Она пріѣхала ко мнѣ только въ Ноябрь, и я началъ принимать большое общество. Зима прошла среди большого оживленія; съѣзжались на танцы то къ генералу Лидерсу, то къ Фуаду-эффенди, то ко мнѣ: Бухарестское общество очень жадно къ удовольствіямъ и развлеченіямъ, и всѣ заботились о томъ, какъ-бы пріятно провести время.

Въ Дунайскихъ княжествахъ спокойствіе было возстановлено, по меньшей мѣрѣ съ виду; но за то междоусобная война вспыхнула съ удвоеннымъ ожесточеніемъ въ Венгріи и въ Трансильваніи. Не будучи въ состояніи потушить волненіе, которое усиливалось съ каждымъ днемъ, Австрія наконецъ рѣшилась, хотя и въ ущербъ своей гордости, обратиться за помощью къ императору Николаю, а всегда отличавшійся рыцарскимъ великодушіемъ Императоръ, видя, что одинъ изъ его старыхъ союзниковъ борется съ революціей, не сталъ выторговывать какихъ-либо вознагражденій за свою поддержку и приказалъ цѣлой арміи двинуться на помощь къ императору Францу-Иосифу, который только что вступилъ на престолъ въ очень молодыхъ лѣтахъ вслѣдствіе добровольнаго отреченія его дяди и его отца отъ престола.

Впослѣдствіи, когда, во время Крымской войны, Австрія отплатила самой низкой неблагодарностью за оказанную ей нами безкорыстную помощь, ставъ на сторонѣ нашихъ враговъ, мнѣ часто приходилось слышать, какъ порицали императора Николая за то, что онъ проливалъ кровь нашихъ солдатъ для приведенія Венгріи въ покорность и не потребовалъ отъ Австріи никакихъ гарантій, то-есть не потребовалъ отъ нея формальнаго обязательства, что она будетъ дѣйствовать съ нами за одно въ случаѣ, еслибы составила коалиція противъ Россіи.

Судить о событіяхъ послѣ того, какъ они совершились, не трудно. Но въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ принимать въ расчетъ слѣдующія соображенія. Каждый часъ раздумья могъ имѣть послѣдствіемъ распаденіе монархіи, и Австрія находилась въ такомъ критическомъ положеніи, что только своевременное прибытіе дивизіи генерала Панютина, торопливо отправленной по желѣзной дорогѣ изъ Кракова въ Градцивъ, въ Моравію, и столько-же дѣятельное, сколько блестящее участіе, принятое этой дивизіей въ сраженіи при *Передѣ*, помѣшали

Георгею овладѣть Вѣной. Самые ярые революціонеры, и въ томъ числѣ много Поляковъ, собрались въ Венгріи, а ихъ окончательный успѣхъ отозвался-бы какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ нашихъ западныхъ провинціяхъ. Поэтому слѣдуетъ признать, что императоръ Николай не сдѣлалъ большой ошибки, когда пошелъ на встрѣчу опасности и предпочелъ бороться съ революціонными идеями въ Венгріи, а не въ собственныхъ владѣніяхъ.

Въ то время, какъ еще велись переговоры о нашемъ вооруженномъ вмѣшательствѣ въ Австрійскія дѣла, и этимъ вопросомъ были заняты все умы, я обратился къ военному министру князю Чернышову съ слѣдующимъ письмомъ отправленнымъ изъ Бухареста 29 Апрѣля 1849 года.

«Ваше сіятельство! Здѣсь все умы сильно озабочены важными событіями, которыя совершаются въ Венгріи, несомнѣнными успѣхами, которыхъ достигло въ послѣднее время возстаніе Мадьяръ, и наконецъ убѣжденіемъ, къ которому, по видимому, пришелъ Вѣнскій кабинетъ, что безъ помощи Россіи онъ не будетъ въ состояніи привести возмущившихся подданныхъ къ покорности. Въ качествѣ воспитавшагося въ школѣ вашего сіятельства, стараго офицера Генеральнаго Штаба, я со вниманіемъ и участіемъ слѣдилъ за всеми превратностями этой междоусобной борьбы, составляющей для Австріи вопросъ жизни или смерти, и, рассчитывая на снисходительность вашего сіятельства, осмѣливаюсь изложить мои мысли о томъ, какое слѣдуетъ дать направленіе военнымъ операціямъ въ случаѣ нашего вмѣшательства въ Венгерскія дѣла. Я очень хорошо сознаю, что, касаясь этого вопроса, выхожу изъ сферы предоставленныхъ мнѣ правъ; но я не осмѣлился-бы касаться его, еслибы близость къ театру войны и свѣдѣнія, почерпнутыя мною изъ разговоровъ съ нѣсколькими образованными Австрійскими офицерами, не побудили меня изложить вашему сіятельству то, что я здѣсь узналъ». Къ этому письму была приложена слѣдующая замѣтка:

«По непосредственнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Ольмюца начальникомъ 5-го армейскаго корпуса, видно, что Австрійское правительство, будучи озабочено оборотомъ, который приняли дѣла въ Венгріи, желало-бы нашего вмѣшательства въ Трансильванію для того, чтобъ произвести диверсію въ пользу арміи князя Виндишгреца, которая каждый день отступаетъ. Предложенный Вѣнскимъ кабинетомъ планъ военныхъ операцій заключался въ отправкѣ 15-ти-тысячнаго корпуса, который долженъ проникнуть въ Трансильванію со стороны Валахія, между тѣмъ какъ другой такой-же корпусъ направился-бы черезъ Молдавію и Буковину къ Быстрицѣ».

«Вопросъ о вмѣшательствѣ или о невмѣшательствѣ такъ важенъ при теперешнемъ положеніи Европы, что онъ безъ сомнѣнія заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны императорскаго кабинета, и я думаю, что не стоило-бы усложнять общее положеніе дѣлъ для того, чтобъ достигнуть лишь очень незначительныхъ результатовъ, а это непременно случилось-бы, еслибъ вмѣшательство было предпринято въ намѣченныхъ Австрійскимъ кабинетомъ границахъ и согласно съ его указаніями».

«Будь Австрія въ состояніи одна справиться съ тѣми затрудненіями, въ которыхъ находится въ настоящее время, то это, конечно, было-бы лучше всякаго умиротворенія, достигнутаго при содѣйствіи вспомогательной арміи. Но если положеніе Австріи таково, что оно можетъ привести къ распаденію этой монархіи; если намъ ясно видно, что эта держава не имѣетъ достаточныхъ средствъ, чтобъ подавить Мадьярское возстаніе; если есть основаніе опасаться, что въ Венгріи утвердится демократическое правительство и что эта провинція сдѣлается гнѣздомъ анархіи, которая будетъ постоянно угрожать внутреннему спокойствію сосѣднихъ странъ: въ такомъ случаѣ на насъ, быть можетъ, лежитъ обязанность вмѣшаться ради началъ порядка и правительственной прочности и ради нашей собственной безопасности».

«Но если будетъ рѣшено вмѣшаться, надо это сдѣлать съ такими военными силами, чтобъ успѣхъ не могъ быть ни минуту сомнительнъ, и съ математической увѣренностью, что Венгрія будетъ приведена въ покорность въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Въ этомъ случаѣ, вотъ, по моему мнѣнію, какой планъ военныхъ дѣйствій всего скорѣе приведетъ-бы къ цѣли».

«Чтобъ наше вмѣшательство въ Венгерскія дѣла было успѣшно и дало рѣшительные результаты, слѣдуетъ употребить на это не менѣе двухъ армейскихъ корпусовъ, то-есть около 80 тысячъ человѣкъ. Во вторыхъ, наше вмѣшательство должно произойти съ Сѣвера, а не изъ Валахій, гдѣ мы не имѣемъ никакого базиса для военныхъ операцій. 4-ый корпусъ, главная квартира котораго находится въ Дубнѣ, и одинъ изъ армейскихъ корпусовъ, стоящихъ въ настоящее время въ Царствѣ Польскомъ, на границахъ Галиціи, могли-бы войти въ составъ арміи, назначенной дѣйствовать противъ Венгріи».

«Каменець-Подольскъ, Дубно, Люблинъ и Кельце почти образуютъ внѣшнюю черту круга, центръ котораго находится между Школѣ (Skolé) и Дуклой (Doukla) на границахъ Венгріи. Поэтому войска, принадлежащія къ двумъ вышеупомянутымъ корпусамъ, могли-бы быть концентрически направлены изъ губерній Подольской и Волынской и

изъ Царства Польскаго къ Школѣ и къ Дуклѣ. Такъ какъ имъ пришлось-бы пройти длину радіусовъ одного и того-же круга, то они достигли-бы почти въ одно и тоже время вышеупомянутыхъ пунктовъ—Дуклы и Школѣ, находящихся у входа въ горныя ущелья. Именно оттуда идутъ единственныя хорошія дороги изъ Галиціи въ Венгрію: одна изъ Дуклы черезъ Бартфельдъ въ Кашанъ, а другая изъ Школѣ черезъ Верецкѣ въ Мункачъ. Мункачъ и Кашанъ соединены хорошей дорогой. Эти два пункта отстоятъ одинъ отъ другаго на семь почтовыхъ станцій или отъ пяти до шести переходовъ».

«Только послѣ прибытія двухъ корпусовъ въ Кашанъ и въ Мункачъ можно будетъ окончательно установить планъ военныхъ дѣйствій, основанный на томъ, какія позиціи будетъ въ ту пору занимать непріятель. Впрочемъ, по моему мнѣнію, главною цѣлію военныхъ операцій и настоящимъ стратегическимъ пунктомъ долженъ быть Дебречинъ, а Мункачъ—укрѣпленный замокъ, который придется блокировать, но который не преграждаетъ пути. Въ этомъ пунктѣ сходятся дороги, ведущія и изъ Кашана, и изъ Мункача».

«Одно появленіе Русской восьмидесяти-тысячной арміи на равнинахъ Дебречина окончить войну въ пользу Австріи. Дѣйствительно, это движеніе отдѣлитъ занимающія Трансильванію Венгерскія войска отъ главной арміи мятежниковъ, или принудитъ ихъ очистить это княжество и отступить черезъ Арадъ къ Чегедину; тогда мы обойдемъ и атакуемъ съ тылу линію Тиссы, принудимъ Мадьярскую армію двинуться къ намъ на встрѣчу и вступить съ нами въ бой въ окрестностяхъ Дебречина; или же эта армія будетъ принуждена оставаться въ оборонительномъ положеніи между Дунаемъ и Тиссой, а это такая позиція, въ которой мятежники, будучи атакованы съ одной стороны Русскими, а съ другой Австріяцами, вѣроятно будутъ въ концѣ-концевъ истреблены, если не положить оружія».

«Что касается войскъ 5-го корпуса, занимающихъ въ настоящее время Дунайскія княжества, то они могли-бы много содѣйствовать успѣху кампаніи, оставаясь во второй линіи; если же ихъ двинули-бы немедленно въ Трансильванію, они, быть можетъ, подверглись-бы опасности быть подавленными превосходствомъ непріятельскихъ силъ. Поэтому я полагаю, что только послѣ того, какъ наша армія перейдетъ черезъ Венгерскую границу со стороны Галиціи, можно будетъ двинуть корпусъ изъ 24 батальоновъ пѣхоты и изъ одной кавалерійской дивизіи черезъ ущелья Гемеша и Ойтоса на Кронштадтъ, оттуда въ страну Чеклеровъ и потомъ въ Клаузенбургъ. Задача этого корпуса должна заключаться въ томъ, чтобъ привести въ покорность Чеклеровъ, очистить Трансильванію отъ мятежниковъ, если они

уже не были вынуждены очистить страну вслѣдствіе движенія Русской арміи на Дебречинъ, и, наконецъ, прикрывать лѣвый флангъ, а впослѣдствіи и тылъ нашей арміи».

Я получилъ отвѣтъ ранѣе, чѣмъ ожидалъ. Князь Чернышовъ счелъ своимъ долгомъ представить эту записку Императору и уведомилъ меня о ея полученіи письмомъ отъ 17 Мая, извѣщая меня, что Его Величество изволилъ ознакомиться въ Варшавѣ съ планомъ военныхъ дѣйствій, намѣченнымъ мною для Русской арміи, назначенной дѣйствовать въ Венгріи, и милостиво отнесся къ этому доказательству моего усердія.

Въ то время, какъ Австрійская имперія была жертвою междоусобной войны, а Русская армія собиралась вдоль границы, готовая вмѣшаться въ борьбу по первому сигналу, данному Императоромъ, я былъ вынужденъ безпрестанно бороться съ Оттоманскимъ комиссаромъ, явно усиливавшимся подорвать вліяніе, которое мы приобрѣли въ княжествахъ.

Чтобъ противодѣйствовать этому вліянію и чтобъ организовать въ княжествахъ преданную ему партію, Оттоманское правительство не останавливалось ни передъ какими средствами. Турецкіе послы при Европейскихъ дворахъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ относились съ особымъ благоволеніемъ къ обучившимся за-границей молодымъ Молдаванамъ и Валахамъ, которые впослѣдствіи всѣ играли дѣятельную роль въ революціи. Въ тоже время всѣ недовольные жители двухъ княжествъ находили благосклонный пріемъ въ Константинополѣ. Наконецъ, въ довершеніе всего, Фуадъ-эффенди не переставалъ проповѣдывать милосердіе по отношенію къ тѣмъ мятежникамъ, которые были арестованы и преданы суду, а дѣлалъ онъ это по очень понятной причинѣ: всѣ эти зачинщики смуть слѣдовали внушеніямъ, которыя они втайнѣ получали изъ Константинополя.

Выраженія, вырывавшіяся изъ устъ Фуада-эффенди, когда онъ находился среди своихъ приближенныхъ, натурально передавались мнѣ и, быть можетъ, скорѣе были отголоскомъ тайныхъ намѣреній Порты, чѣмъ его личныхъ убѣжденій. Уже давно, сказалъ онъ однажды, я выведенъ изъ терпѣнія и надѣюсь, что мое правительство также скоро потеряетъ терпѣніе. Черезъ десять лѣтъ въ княжествахъ уже не будетъ рѣчи о Русскихъ, такъ какъ все зависитъ отъ народныхъ массъ, а эти массы будутъ на нашей сторонѣ, а не на сторонѣ своихъ притѣснителей. На обѣдѣ, данномъ моему коллегѣ Англійскимъ генеральнымъ консуломъ, произносились тосты за свободу и за конституцію. Наконецъ, во время мнимаго инспекторскаго объѣзда, Омеръ-паша постарался, насколько это зависѣло отъ него, распространять револю-

ціонныя идеи; поселянамъ онъ давалъ понять, что они въ концѣ-концовъ достигнутъ всѣхъ выгодъ, обѣщанныхъ имъ конституціей и что султанъ на все согласится, лишь только состоится удаленіе Русскихъ. Служившіе въ рядахъ Турецкой арміи Валашскіе ренегаты получили приказаніе переодѣваться поселянами; подъ предлогомъ раскрытія административныхъ злоупотребленій, они на самомъ дѣлѣ старались возбудить народныя массы. Однимъ словомъ, Омеръ-паша, при всякихъ обстоятельствахъ, выражался скорѣе какъ человѣкъ, занимавшійся пропагандою, чѣмъ какъ начальникъ арміи.

Признаки предстоящаго разрыва съ Турціей умножались въ такомъ числѣ, что я счелъ своимъ долгомъ предостеречь императорское министерство отъ явно враждебныхъ замысловъ Оттоманской Порты.

Вотъ что писалъ я графу Нессельроде 27 Февраля 1849 г.

«Уже недѣли двѣ, какъ въ словахъ и въ образѣ дѣйствій Омера-паши обнаруживается такая рѣзкая переменѣна, что едва-ли можно предположить, чтобъ онъ не находился подъ вліяніемъ того, что замышляютъ въ Константинополѣ. Въ прошлое Воскресенье онъ собралъ своихъ высшихъ офицеровъ на военный совѣтъ и явно поставилъ имъ вопросъ о возможности войны съ Россіей. Когда одинъ изъ пашей замѣтилъ, что находящіеся въ княжествахъ Турецкія войска очутятся въ весьма невыгодномъ положеніи, если военныя дѣйствія начнутся внезапно, Омеръ-паша съ самонадѣянностью возразилъ: въ такомъ случаѣ мы обнародуемъ конституцію, водрузимъ знамя свободы и будемъ имѣть два съ половиною милліона союзниковъ, которые будутъ сражаться за насъ. Благосклонный пріемъ, который всѣ Валашскіе бѣглецы, сначала укрывшіеся въ Трансильваніи, находятъ теперь въ Виддинѣ, откуда паша отправляетъ ихъ съ рекомендательными письмами въ Константинополь, этотъ пріемъ, не только свидѣтельствуетъ о симпатіяхъ Порты къ революціонной партіи, но, какъ мнѣ кажется, также указываетъ на тайное намѣреніе воспользоваться, въ случаѣ надобности, услугами этихъ бѣглецовъ. Во всемъ этомъ наше вниманіе возбуждено не только отдѣльными случаями, а цѣлой системой замысловъ, враждебныхъ Россіи».

*

Изъ всего предшествующаго видно, какъ были натянуты отношенія между правительствомъ султана и державой-покровительницей и что со дня на день можно было опасаться взрыва.

Тогда-то императорскій кабинетъ рѣшился отправить въ Константинополь генералъ-адъютанта Граббе для того, чтобъ договориться съ Оттоманской Портой о заключеніи дополнительной конвенціи, ко-

горая отвѣчала бы требованіямъ ненормальнаго положенія, созданнаго въ княжествахъ послѣдними событіями.

Вотъ содержаніе этого акта, подписаннаго 19 Апрѣля (1 Мая) 1849 г. и носящаго названіе Балта-Лиманской конвенціи.

Статья 1-я. Въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, созданныхъ послѣдними событіями, оба императорскія правительства пришли къ соглашенію, что, въ замѣнъ установленнаго регламентомъ 1831 года способа избранія господарей Молдавскаго и Валашскаго, эти высокіе сановники будутъ назначены е. в. султаномъ способомъ специально установленнымъ на этотъ разъ по соглашенію между двумя правительствами, съ цѣлію ввѣрить управленіе этими провинціями такимъ кандидатамъ, которые всѣхъ болѣе этого достойны и которые пользуются самой лучшей репутаціей между своими соотечественниками. Точно также на этотъ разъ два господара будутъ назначены голько на семь лѣтъ, и оба правительства предоставляютъ себѣ, за годъ до истеченія срока теперешняго соглашенія, обсудить внутреннее положеніе княжествъ и заслуги, оказанныя обоими господами для того, чтобъ принять съ общаго согласія дальнѣйшее рѣшеніе.

Статья 2-я Органическій регламентъ, дарованный княжествамъ въ 1831 году, останется въ силѣ за исключеніемъ тѣхъ перемѣнъ и видоизмѣненій, необходимость которыхъ доказана опытомъ, а именно въ томъ, что касается ординарныхъ и экстраординарныхъ собраній бояръ. Такъ какъ эти собранія (по ихъ составу и по бывшему до сихъ поръ въ употребленіи способу избранія ихъ членовъ) неоднократно служили поводомъ для прискорбныхъ столкновеній и даже для открытаго неповиновенія, то ихъ созваніе будетъ отложено, а два правительства предоставляютъ себѣ войти въ соглашеніе касательно ихъ возстановленія на основахъ, обдуманыхъ съ надлежащею зрѣлостью, въ такое время, когда они найдутъ, что эта мѣра можетъ быть приведена въ исполненіе безъ вреда для поддержанія внутренняго спокойствія въ княжествахъ. Ихъ совѣщательныя обязанности будутъ временно возложены на совѣты или диваны, составленные изъ самыхъ знатныхъ и самыхъ достойныхъ довѣрія бояръ и изъ нѣсколькихъ членовъ высшаго духовенства. Главныя занятія этихъ совѣтовъ будутъ состоять въ распредѣленіи налоговъ и въ разсмотрѣніи ежегоднаго бюджета обоихъ княжествъ.

Статья 3-я. Для того, чтобъ приступить со всей необходимой зрѣлостью къ органическимъ улучшеніямъ, которыя требуются теперешнимъ положеніемъ княжествъ и вкравшимися въ нихъ административными злоупотребленіями, будутъ учреждены два повѣрочныхъ комитета, одинъ въ Яссахъ, а другой въ Бухарестѣ, составленные изъ бояръ, самыхъ достойныхъ довѣрія по ихъ характеру и способностямъ; на эти комитеты будетъ возложена обязанность пересмотрѣть существующіе законы и указать тѣ измѣненія, которыя могли-бы всего лучше придать мѣстной администраціи правильность и единство, въ которыхъ она часто нуждалась.

Труды этихъ комитетовъ будутъ представлены въ столь можно скорѣйшемъ времени на разсмотрѣніе Оттоманскаго правительства, которое, войдя въ соглашеніе съ Русскимъ правительствомъ и удостоверяясь въ ихъ обоюдномъ одобреніи, дастъ упомянутымъ измѣненіямъ свою окончательную санкцію, которая будетъ обнародована въ обычной формѣ гатти-шерифа в. в. султана.

Статья 4-я. Такъ какъ смуты, недавно столь глубоко взволновавшія населеніе княжествъ, доказали, что необходимо дать ихъ правительствамъ поддержку вооруженной силы, способной быстро подавлять всякое инсurreкціонное движеніе и заставлять уважать установленныя власти, то два императорскихъ правительства условились продлить пребываніе нѣкоторой части Русскихъ и Оттоманскихъ войскъ, занимающихъ въ настоящее время страну; а именно для того, чтобъ предохранить границы Молдавіи и Валахіи отъ вышнихъ случайностей, рѣшено оставить тамъ покуда отъ 25 до 35 тысячъ человѣкъ отъ каждой изъ двухъ державъ.

Послѣ возстановленія спокойствія на упомянутыхъ границахъ, съ обѣихъ сторонъ будетъ оставлено въ обѣихъ странахъ по 10,000 человѣкъ до окончанія работъ по введенію органическихъ улучшеній и до упроченія въ обѣихъ провинціяхъ внутренняго спокойствія. За тѣмъ войска двухъ державъ совершенно очистить княжества, но все-таки расположатся такъ близко отъ нихъ, что будутъ въ состояніи немедленно снова въ нихъ вступить въ томъ случаѣ, если этой мѣры снова потребуютъ какія-либо возникшія въ княжествахъ серьезныя замѣшательства. Независимо отъ этого, будетъ приложено стараніе къ немедленному окончанію переустройства мѣстной милиціи такъ, чтобъ она, по своей дисциплинѣ и по своему наличному составу, служила достаточнымъ ручательствомъ для поддержанія законнаго порядка.

Статья 5-я. Въ продолженіе оккупации, два правительства будутъ содержать въ княжествахъ одного Русскаго экстраординарнаго комиссара и одного Оттоманскаго. На этихъ специальныхъ агентовъ будетъ возложена обязанность наблюдать за ходомъ дѣлъ и сообщать обращаться къ господамъ съ указаніями и совѣтами всякій разъ, какъ они усмотрятъ какія-либо важныя злоупотребленія или какія-либо мѣры, вредныя для спокойствія страны. Эти экстраординарные комиссары будутъ снабжены одинакими, составленными по соглашенію между двумя правительствами, инструкціями, въ которыхъ будутъ опредѣлены ихъ обязанности и степень ихъ вмѣшательства въ дѣла княжествъ. Два комиссара также должны будутъ придти къ соглашенію касательно выбора членовъ повѣрочныхъ комитетовъ, учреждаемыхъ въ княжествахъ, какъ это сказано въ статьѣ 3-й. Каждый изъ нихъ будетъ увѣдомлять свое правительство о трудахъ этихъ комитетовъ, присовокупляя свои собственныя замѣчанія.

Статья 6-я. Продолжительность для такого порядка вещей назначена семилѣтняя, а по истеченіи этого срока два правительства предоставляютъ себѣ принять въ соображеніе то положеніе, въ которомъ будутъ тогда находиться княжества, и принять дальнѣйшія мѣры, ко-

торыя сочтутъ самыми умѣстными и самыми благопріятными для упроченія на долгое время благосостоянія и спокойствія этихъ земель.

Статья 7-я. При этомъ подразумѣвается, что настоящій актъ, вызванный исключительными обстоятельствами и утвержденный на опредѣленный срокъ, не уничтожаетъ ни одного изъ договоровъ, заключенныхъ двумя правительствами относительно княжествъ Валахія и Молдавіи, и что всѣ прежніе трактаты, подтвержденные отдѣльнымъ актомъ Адрианопольскаго мирнаго договора, сохраняютъ свою силу и значеніе.

*

Съ перваго взгляда ясно, что Балта-Лиманская конвенція далеко не устанавливала чего-либо прочнаго, что это было нѣчто въ родѣ легкаго замазыванія раны и что главнымъ образомъ имѣлось въ виду устранить настоящую опасность. Въ ту пору всѣ умы были заняты вопросомъ объ окончательномъ выборѣ господаря для Валахія, вопросомъ, который, судя по письмамъ изъ Константинополя, долженъ былъ получить немедленное разрѣшеніе. Надо было видѣть, какъ это извѣстіе взволновало всѣхъ честолюбцевъ: каждый изъ претендентовъ употреблялъ въ дѣло всѣ находившіяся въ его распоряженіи средства, чтобъ достигнуть успѣха въ своей кандидатурѣ.

Всѣмъ, кто старался что нибудь вывѣдать отъ меня, я отвѣчалъ, что мнѣ были совершенно неизвѣстны намѣренія императорскаго министерства, что выборъ господаря вѣроятно произойдетъ въ Константинополѣ по предварительному соглашенію между Оттоманскимъ министерствомъ и императорскою миссіей; что, по моему мнѣнію, между самыми знатными боярами не было ни одного, который соединялъ бы въ себѣ качества, необходимыя для занятія этого мѣста съ пользою для страны и что, по его трудности, я даже не понимаю, какъ при настоящихъ обстоятельствахъ могутъ здравомыслящіе люди домогаться онаго.

Тѣмъ не менѣе званія господаря домогались очень многіе: Кантакузень, Константинъ Суцо, Александръ Гика, Георгій Филипеско и Стирбей выступили кандидатами. Всѣ эти соискатели старались выдвинуть себя впередъ въ ущербъ одинъ другому, и признаюсь, что низость характера, выказанная по этому случаю многими изъ нихъ, внушила мнѣ самое сильное отвращеніе. Но чтобы быть справедливымъ, слѣдуетъ также знать, что печальное политическое положеніе сдѣлало Молдо-Валахскихъ бояръ такими, какими мы ихъ видимъ теперь. Невозможно, чтобы народъ, котораго тянутъ въ разныя стороны двѣ сосѣднія державы и который, по вульгарному выраженію, привыкъ въ теченіе многихъ столѣтій *manger à deux râteliers*, невозможно, говоримъ мы, чтобы при

такихъ обстоятельствахъ этотъ народъ не впалъ, наконецъ, въ совершенную деморализацію.

Было очевидно, что система управленія съ господалями во главѣ, и безъ того уже всегда оказывавшаяся негодной, не соотвѣствовала положенію страны и что нельзя было надѣяться, чтобы Дунайскіи княжества могли впредъ управляться при этой системѣ, не подвергаясь безпрестаннымъ переворотамъ. Въ этомъ отношеніи были согласны между собою люди всѣхъ партій и всѣхъ мнѣній за исключеніемъ тѣхъ, которые изъ честолюбія добивались званія господара.

Однако переговоры о выборѣ господара еще не зашли въ ту пору такъ далеко, какъ полагали въ Бухарестѣ. Только въ концѣ Апрѣля, Русскій посланникъ въ Константинополь, г. Титовъ увѣдомилъ меня, что кандидатуры на званіе Валашскаго господара ограничивались двумя лицами—каймаканомъ Кантакузеномъ и Стирбеемъ, и спрашивалъ моего мнѣнія о томъ, которому изъ нихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе. Я поспѣшилъ отвѣчать, что если идетъ рѣчь о выборѣ между Кантакузеномъ и Стирбеемъ, то по моему мнѣнію должно отдать предпочтеніе первому изъ нихъ по той простой причинѣ, что назначеніе Стирбея тотчасъ возстановило-бы противъ него всю очень многочисленную партію, которая относилась враждебно къ князю Вибеско, и потому, что Стирбей былъ тотъ изъ двухъ братьевъ, который былъ менѣе любимъ. Наконецъ, другое соображеніе, также говорившее въ пользу Кантакузена, заключалось въ томъ, что онъ исполнялъ въ теченіе почти восьми мѣсяцевъ обязанности каймакана въ удовольствіи всѣхъ и вышелъ изъ этого неблагоприятнаго и труднаго положенія такъ хорошо, какъ только было возможно.

Но прежде нежели мой отвѣтъ былъ полученъ г. Титовымъ, Оттоманскіе министры,—по причинамъ, которыя извѣстны имъ однимъ,—сочли нужнымъ ускорить разрѣшеніе вопроса о выборѣ господара, предложивъ Стирбея для Валахіи и Григорія Гяку для Молдавіи, такъ какъ и въ этомъ случаѣ Порта хотѣла выказать свой авторитетъ и наказать князя Стурдзу за его мнимую преданность Россіи.

Хотя это предложеніе было принято г. Титовымъ только *ad referendum* и подъ условіемъ одобренія со стороны императорскаго кабинета, но въ Константинополь очень хорошо знали, что вопросы о лицахъ были въ глазахъ Россіи второстепенными, и что мы были готовы согласиться на всякій исходъ, обѣщавшій обезпеченіе порядка и общественнаго спокойствія въ княжествахъ.

Поэтому Стирбей и Григорій Гика были утверждены въ званіи господарей. Выборъ перваго изъ нихъ былъ въ высшей степени непопуляренъ, и ему пришлось съ самаго начала вести борьбу съ силь-

ной оппозиціей. Что же касается Гики, то онъ обладалъ многими прекрасными частными качествами; это былъ человекъ любезный въ полномъ смыслѣ этого слова, но онъ едва ли былъ способенъ управлять въ эпоху политическихъ бурь. Къ тому-же онъ былъ поставленъ въ фальшивое положеніе своими связями съ либеральной партіей, которая видѣла въ немъ одного изъ вождей своихъ. Онъ пробылъ на своемъ посту только нѣсколько лѣтъ и, впадши въ глубокую меланхолію, кончилъ тѣмъ, что лишилъ себя жизни въ припадкѣ умопомѣшательства.

Въ моей перепискѣ съ вице-канцлеромъ, я часто настаивалъ на ненормальномъ положеніи, созданномъ трактатами для Молдо-Валахіи, и не переставалъ повторять, что мы попали въ западню и что слѣдуетъ искать изъ нея выхода не по прежде проложенной дорогѣ. Въ концѣ концовъ я собралъ эти идеи, разбросанныя въ различныхъ депешахъ, и изложилъ ихъ въ запискѣ о тогдашнемъ положеніи Дунайскихъ княжествъ, посланной графу Нессельроде 1 Октября 1849 г. Ея содержаніе изложено вслѣдъ за симъ безъ малѣйшаго пропуску и хотя съ тѣхъ поръ протекло около двадцати лѣтъ, я не нахожу нужнымъ что-либо въ немъ измѣнять, какъ какъ все, что я предвидѣлъ, къ несчастію оправдалось на дѣлѣ слишкомъ скоро и вполне.

Записка о положеніи Дунайскихъ княжествъ.

«Зародышъ того критическаго и ненормальнаго положенія, въ которомъ находятся въ настоящее время Молдавія и Валахія, кроется въ Адрианопольскомъ мирномъ трактатѣ. Тѣмъ, что княжества были поставлены подъ покровительство Россіи, а за Портой была оставлена лишь чисто-номинальная верховная власть, былъ созданъ такой противоестественный порядокъ вещей, который долженъ былъ рано или поздно принести горькіе плоды».

«Въ теченіе первыхъ лѣтъ послѣ заключенія Адрианопольскаго мирнаго трактата, можно было не сознать всѣхъ трудностей положенія, такъ какъ въ то время Турція чувствовала прежде всего потребность залечить нанесенныя ей войною раны и потому какъ будто совершенно потеряла изъ виду княжества. Но дѣла мало-по-малу приняли иной оборотъ. Съ одной стороны напештыванія иностранныхъ державъ, съ завистью смотрѣвшихъ на преобладающее вліяніе Россіи, съ другой то обстоятельство, что мы были поставлены въ необходимость обращаться къ Турціи за султанскими фирманами для смѣщенія съ должностей, для новыхъ назначеній на должности и для распоря-

женій о ссылкѣ, доказали Портѣ, что оставленный по Адрианопольскому трактату нетронутымъ принципъ верховенства былъ по своему существу очень растяжимъ и могъ доставить Турціи, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, случай снова занять утраченное ею положеніе въ княжествахъ».

«Между тѣмъ разразилась страшная политическая гроза 1848 года, потрясшая все общественное зданіе Европы въ самыхъ его основаніяхъ, и можно-ли удивляться тому, что это потрясеніе сильно отозвалось на Молдавіи и Валахіи, гдѣ разрушительныя теоріи уже давно пустили глубокіе корни, благодаря слабымъ и непредусмотрительнымъ правителямъ? Демократическія и революціонныя начала, одержавшія верхъ прежде всего во Франціи, распространялись подобно разрушительному потоку, все далѣе и далѣе. Троны повсюду расшатывались, и господаи болѣе всѣхъ могли опасаться за свое положеніе».

«Однако, несмотря на слабость правительственныхъ властей въ княжествахъ и не смотря на обнаружившееся тамъ со всѣхъ сторонъ вредное настроеніе умовъ, образъ дѣйствій императорскаго правительства, вѣроятно, навелъ бы страхъ на недовольныхъ и предотвратилъ бы взрывъ революціи, еслибы Турція не поощряла зачинщиковъ смуть и явно, и тайно, и еслибы она не толкала страну въ революціонную пучину. Въ этомъ случаѣ Порты руководствовалась только своею слѣпою ненавистью къ Россіи, не обращая вниманія на то, что торжество демократическихъ началъ на какомъ-либо пунктѣ ея обширныхъ владѣній грозило бы ей самой важной опасностью, такъ какъ оно возбудило бы къ возстанію всѣхъ другихъ подвластныхъ ей христіанъ. Создать затрудненія для Россіи и снова приобрѣсти въ княжествахъ вліяніе, утраченное Турецкимъ правительствомъ, было единственнымъ руководящимъ правиломъ его политики. Коварные замыслы Турціи скоро принесли свои плоды. Революціонное движеніе вспыхнуло въ Валахіи, и если ея примѣру не послѣдовала Молдавія, то лишь благодаря благовременному вступленію Русскихъ войскъ въ это княжество. Съ этой минуты вопросъ о княжествахъ сталъ усложняться и запутываться съ каждымъ днемъ. Болѣе чѣмъ двусмысленный образъ дѣйствій Сулеймана-паши, явно вступавшаго въ сдѣлки съ революціонерами; его замѣщеніе Фуадомъ-эфенди, который хотя и дѣйствовалъ съ виду болѣе правильно, но питалъ не менѣе горячую симпатію къ партіи юной Валахіи; военное занятіе Бухареста Турками; почти одновременно съ этимъ состоявшееся вступленіе Русскихъ войскъ въ Валахію; происшедшія отсюда столкновенія между двумя оккупационными арміями; наконецъ, обнаружившееся между султаномъ и державой-покровительницей разномысліе

касательно наказанія виновниковъ смуть—все это случилось еще такъ недавно и такъ хорошо всѣмъ извѣстно, что не требуетъ подробнаго описанія».

«Повтому мы прямо перейдемъ къ Балта-Лиманской конвенціи, заключенной съ цѣлію регулировать въ высшей степени ненормальный порядокъ вещей и положеніе до такой степени натянутое, что война могла вспыхнуть въ княжествахъ по поводу малѣйшаго столкновенія. При помощи краткаго анализа этой конвенціи постараемся разрѣшить вопросъ о томъ, не возстановила ли Турція своими каверзами нѣкоторой части тѣхъ прерогативъ, которыя она утратила войною».

«Въ силу Адрианопольскаго мирнаго договора, Турція не только отказалась отъ права держать войска въ княжествахъ, но было сверхъ того положительно постановлено, что ни одинъ вооруженный Турокъ не долженъ осмѣливаться переходить черезъ Дунай. Теперь Туркамъ было предоставлено право держать въ княжествахъ до 10 тысячъ человѣкъ такъ долго, какъ это окажется нужнымъ для возстановленія порядка. Въ силу того же договора, княжества должны были пользоваться вполне независимой внутренней администраціей, а Порта не должна вмѣшиваться въ дѣла страны. Теперь Портѣ предоставлено право имѣть въ княжествахъ комиссара, пока будетъ длиться военная оккупация, а этотъ комиссаръ, естественно, будетъ пользоваться болѣе или менѣе преобладающимъ вліяніемъ. Адрианопольскій договоръ имѣлъ въ виду предохранить княжества отъ денежныхъ вымогательствъ Порты, назначивъ одинъ разъ навсегда, въ какомъ размѣрѣ должна была уплачиваться подать каждымъ изъ двухъ княжествъ. Но теперь званіе господаря пріобрѣтается въ Константинополѣ съ торговъ, и вышеупомянутое благотворное постановленіе отмѣнено на практикѣ, такъ какъ никогда еще не выжималось изъ Молдавіи и Валахіи денегъ болѣе методически, чѣмъ съ тѣхъ поръ, какъ стали выдавать господамъ суммы на покрытіе расходовъ, сопряженныхъ со вступленіемъ въ должность,—суммы, равняющіяся своими размѣрами тѣмъ, которыя они заплатили за свое назначеніе въ должность. Наконецъ, выборъ кандидатовъ также предоставленъ Портѣ, а происшедшее съ двумя новыми господами даетъ поводъ думать, что революціонное дѣло, начатое интригами Порты, поведется далѣе именно тѣми, кого она поставила во главѣ управленія. Итакъ, Балта-Лиманская конвенція (за исключеніемъ нѣкоторыхъ, вызванныхъ обстоятельствами, измѣненій) возстановила, по меньшей мѣрѣ по внѣшнему виду, тотъ порядокъ вещей, который существовалъ до революціи; но выше приведенныя соображенія ясно доказываютъ, что эта конвенція, хотя и была подписана Турками не-

охотно, однако дала имъ такія права, какихъ они были навсѣгда лишены Адрианопольскимъ трактатомъ».

«Теперь возникаетъ вопросъ, будутъ ли князья Молдавіи и Валахія въ состояніи впредь держаться на своихъ мѣстахъ сами собою? Мы положительно думаемъ, что нѣтъ, такъ какъ не слѣдуетъ позабывать, что Валашская революція провела глубокую черту разграниченія между прошедшимъ и будущимъ, и что то, что было возможно до этой эпохи, уже не будетъ возможно послѣ революціонной бури, выказавшей слабость правительства господарей во всей оя наготѣ. И на что могли бы опереться эти князья, чтобъ заставить уважать свою власть? Не на любовь ли и преданность управляемыхъ? Но достаточно достигнуть званія господаря, чтобъ всѣхъ превратить въ завистниковъ и враговъ, которые, вмѣсто того, чтобъ поддерживать князей, думаютъ только о томъ, какъ бы ихъ свергнуть. Не на туземную ли милицію? Никкимъ образомъ, и это по очень простой причинѣ: военная дисциплина и избирательная форма правленія, по нашему мнѣнію, несовмѣстимы. Понятно, что вѣрность и преданность войскъ переходятъ отъ отца къ сыну и къ его потомкамъ въ тѣхъ странахъ, которыя управляются въ теченіе многихъ столѣтій одною и тою же династіей. Но можно ли, напримѣръ, предположить, чтобъ Молдавская милиція, изъявлявшая готовность умереть за князя Стурдзу, была бы готова сдѣлать тоже для князя Гики, тогда какъ каждому солдату извѣстно, что этотъ послѣдній былъ въ теченіе всей своей жизни политическимъ противникомъ перваго и, наконецъ, достигъ его паденія, благодаря своей систематической оппозиціи и своимъ интригамъ? Всякій согласится съ тѣмъ, что такая преданность несвойственна человѣческому сердцу, и этимъ объясняются, но не оправдываются дѣйствія Валашской милиціи во время революціи. Это войско, безъ сомнѣнія, осталось бы вѣрнымъ князю Александру Гикѣ, но оно присутствовало при паденіи Бибеско, не пошевеливъ пальцемъ, чтобъ защитить его».

«Поэтому, чтобъ не пасть при первомъ дуновеніи народнаго неудовольствія, князьямъ приходится разсчитывать только на страхъ, внушаемый Россіей. Но развѣ Россіи, въ концѣ концовъ, не надобѣсть непріятная роль, которую ей придется брать на себя въ этихъ случаяхъ? Надо сознаться, что очень непріятно быть вынужденнымъ постоянно стоять на-готовѣ для военнаго занятія княжествъ и постоянно ожидать новыхъ усложненій въ нашихъ отношеніяхъ къ Турціи и къ остальной Европѣ. Но что же сдѣлать, чтобъ выйти изъ такого положенія? Остается выбирать между тремя путями, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, каждый представляетъ очень важныя неудобства».

1) «Отказаться отъ всѣхъ нашихъ правъ протекторства надъ Дунайскими княжествами и допустить, чтобъ Порта управляла ими точно такъ же, какъ она управляетъ прочими своими провинціями. Это значило бы разорвать нашими собственными руками трактаты, написанные остриемъ нашего меча и отказаться отъ правъ, купленныхъ цѣною нашей крови, пролитой въ битвахъ безъ числа. Такая уступка нанесла бы смертельный ударъ уваженію, которымъ пользуется Россія и навсегда отдалила бы отъ нея христіанское населеніе Востока, возлагающее на нее всѣ свои надежды».

2) «Образовать изъ Молдавіи и Валахіи независимое королевство и вручить верховную надъ нимъ власть какому-нибудь принцу, принадлежащему къ одному изъ царствующихъ въ Европѣ домовъ. Турція, вѣроятно, согласилась бы безъ затрудненій на такую сдѣлку, такъ какъ она понимаетъ, что не можетъ съ успѣхомъ бороться противъ Россіи въ княжествахъ, а также сознаетъ, что эти послѣдніе только причиняютъ ей заботы, но не доставляютъ существеннаго усиленія ея могуществу. Мы даже думаемъ, что морскія державы старались расположить Турцію въ пользу такого разрѣшенія вопроса. Россія отъ этого частію лишилась бы своихъ средствъ воздѣйствія на Турцію, но за то она освободилась бы отъ обременительной обязанности оказывать свое покровительство такому народу, который видитъ въ этомъ покровительствѣ угнетеніе и думаетъ, что можетъ безъ него обойтись. Но будетъ ли это королевство въ состояніи держаться собственными силами, и не будетъ ли это новый образчикъ Греческаго королевства, которое чувствуетъ себя стѣсненнымъ внутри своихъ границъ и прозябаетъ, будучи лишено начала жизненности?»

«Если политическія потрясенія, которыми ознаменовались роковые 1848 и 1849 годы, что либо ясно намъ доказали, то именно то, что государства третьяго разряда неспособны существовать въ виду страшныхъ успѣховъ, съ которыми духъ анархіи распространяется въ средѣ народныхъ массъ. Не имѣя ни достаточной полиціи для надзора за заговорщиками, ни достаточныхъ военныхъ силъ для подавленія возстаній въ минуту ихъ взрыва, мелкія государства всегда будутъ жертвами тѣхъ отважныхъ демагоговъ, которые мечтаютъ только о ниспроверженіи существующаго порядка. Поразительными примѣрами этой истины служатъ великое герцогство Баденское, великое герцогство Тосканское и Церковная Область. Въ каждомъ изъ этихъ государствъ нужно было прибѣгать къ иностранному вмѣшательству, чтобъ возстановить нарушенный порядокъ: и въ Римѣ, точно такъ же какъ въ Карлсруѣ и во Флоренціи, военная оккупация считается единственной гарантіей противъ новыхъ попытокъ республиканской партіи. Молдаво-Валаш-

ское королевство будетъ находиться въ состояніи безсилія по тѣмъ же причинамъ, по которымъ были безсильны только что названныя нами государства. Такъ какъ мы будемъ вынуждены безпрестанно вмѣшиваться въ его внутреннія дѣла для того, чтобъ предотвратить анархію у самой нашей границы, то мы ничего не выиграемъ ни для безопасности нашихъ границъ, ни для облегченія затрудненій, причиняемыхъ намъ княжествами въ настоящее время; мы только лишимся удобнаго мѣста для военныхъ операцій на случай войны съ Турціей».

3) «Поэтому нѣтъ лучшаго способа устранить всѣ затрудненія, какъ присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Россіи, и можно быть увѣреннымъ, что надѣленные естественными богатствами княжества скоро достигли-бы, подѣ справедливымъ и твердымъ управленіемъ, высокой степени благосостоянія. Но присоединеніе этихъ странъ къ Россіи могло-бы состояться не иначе какъ вслѣдствіе войны; вотъ почему мы и полагаемъ, что, какія-бы ни дѣлались усилія для сохраненія мира, война неизбѣжна, что она можетъ вспыхнуть скоро или нескоро, но во всякомъ случаѣ вспыхнетъ непременно, такъ какъ она коренится въ описанномъ нами положеніи Дунайскихъ княжествъ» *).

*

Между тѣмъ наше вооруженное вмѣшательство въ Венгерскія дѣла принесло тѣ результаты, какихъ мы были въ правѣ ожидать. Военныя дѣйствія инсургентовъ были немедленно парализованы, и главнокомандующій Мадьярской арміи Гѳрги нашелся вынужденнымъ, во избѣжаніе безполезнаго кровопролитія, положить оружіе; онъ сдался въ плѣнъ графу Ридигеру, командовавшему однимъ изъ нашихъ армейскихъ корпусовъ. Мадьяры очевидно маневрировали такъ, чтобъ сдаться на капитуляцію Русскимъ военнымъ властямъ, а не Австрійскимъ, и это обстоятельство сильно раздражило Австрійское самолюбіе. Но когда фельдмаршалъ Паскевичъ, донося объ этой капитуляціи Императору, написалъ въ своемъ рапортѣ: «*Ваше Величество, Венрія у*

*) Много лѣтъ спустя послѣ того, второе изъ указанныхъ мною соображеній чистію осуществилось на дѣлѣ, хотя соединенныя подѣ властію одного государя Молдавія и Валахія остались данницами Турціи вмѣсто того, чтобъ образовать независимое королевство. Признаюсь, я не ожидалъ, чтобъ кто-либо изъ Гогенцоллерновъ или какой другой членъ одного изъ царствующихъ домовъ согласился сдѣлаться вассаломъ султана. Но, несмотря на такое самоотверженіе и смиреніе, развѣ можно позавидовать положенію принца Карла Румынскаго? Онъ съ трудомъ держится, и я сомнѣваюсь, чтобъ ему удалось сдѣлаться основателемъ династіи. Рано или поздно сила обстоятельствъ потребуетъ присоединенія Дунайскихъ княжествъ къ двумъ сосѣднимъ имперіямъ, такъ что Молдавія и Великая Валахія достанутся Россіи, а Малая Валахія—Австріи, и рѣка Ольтъ будетъ границей между этими двумя государствами.

Вашихъ ногъ»,—тогда гнѣву Вѣнскаго кабинета не было границъ, и можно сказать, что именно съ тѣхъ поръ наши отношенія къ Австріи стали портиться, раздраженіе и непріязнь замѣнили дружелюбіе, существовавшее между двумя правительствами болѣе тридцати лѣтъ. Въ теченіе всей кампаніи, какъ это часто бываетъ между союзниками, въ особенности, когда во главѣ одной изъ союзныхъ армій стоитъ такой тщеславный, придирчивый и дорожащій своимъ авторитетомъ начальникъ, какимъ былъ Паскевичъ,—между Русскою арміею и Австрійскою администраціею безпрестанно возникали столкновенія, и только благодаря изворотливости и здравомыслію генерала Берга, отправленнаго въ главную квартиру Австрійской арміи въ качествѣ Русскаго комиссара, эти столкновенія улаживались и не помѣшали совокупному дѣйствію двухъ армій.

Вмѣсто того, чтобъ быть признательнымъ генералу Бергу за то, что онъ умѣлъ съ большимъ тактомъ водворять согласіе между союзными арміями и тѣмъ направлять ихъ къ одной цѣли, фельдмаршалъ Паскевичъ, напротивъ того, остался имъ крайне недоволенъ; онъ постоянно выдавалъ генерала Берга за человѣка, исключительно преданнаго интересамъ Австріи и безжалостно чернилъ его въ мнѣніи императора Николая. Ему нетрудно было внушить такія-же предубѣжденія Великому Князю Константину Николаевичу, который, будучи въ ту пору еще очень молодымъ человѣкомъ, принималъ подъ начальствомъ Паскевича участіе въ Венгерской кампаніи.

Когда, по возвращеніи изъ похода, Великій Князь отправился прямо въ Петергофъ, гдѣ находился въ то время дворъ, и когда, послѣ перваго изліянія сердечныхъ чувствъ, супруга барона Петра Мейндорфа, пользовавшаяся въ ту пору добрымъ расположеніемъ Императрицы, спросила у него: «Какія-же извѣстія привезли Ваше Высочество о генералѣ Бергѣ?» Великій Князь отвѣчалъ ей сердито: «Не спрашивайте меня о Бергѣ....»

Вслѣдъ за возстановленіемъ тишины въ Венгріи и въ Дунайскихъ княжествахъ, спокойствіе было возстановлено и въ Трансильваніи.

Оттоманскій комиссаръ Фуадъ-эффенди испросилъ дозволеніе отправиться въ Петербургъ подъ тѣмъ предлогомъ, что ему необходимо категорически объясниться на счетъ будущаго положенія Молдавіи и Валахіи, а я воспользовался этимъ отсутствіемъ моего коллеги, чтобъ отправиться въ отпускъ также въ Петербургъ. У меня было нѣсколько приступовъ перемежающейся лихорадки, и я надѣялся, что переменна климата будетъ мнѣ полезна. Это было въ концѣ Ноября. Я направился въ Петербургъ черезъ Яссы, Черновіцы и Варшаву. Это былъ лучшій путь въ то позднее время года, такъ какъ въ ту пору

еще не было желѣзныхъ дорогъ, и я могъ воспользоваться шоссейными дорогами, которыми соединены названные города.

Во время моего проѣзда черезъ Варшаву, я представился фельд-маршалу Паскевичу и начальнику его штаба князю Горчакову, которые оба очень желали знать, какъ идутъ дѣла въ княжествахъ. Въ Петербургѣ я засталъ Фуада-эффенди, который опередилъ меня нѣсколькими днями. Я пробылъ тамъ около двухъ мѣсяцевъ въ средѣ моихъ родныхъ, а въ концѣ Марта уже снова былъ въ Бухарестѣ.

Лѣтомъ я жилъ подлѣ самого города въ домѣ, принадлежавшемъ князю Константину Кантакузену. Нашей ближайшей сосѣдкой была Элиза Филипеско, урожденная княжна Бибеско; ея садъ былъ смеженъ съ нашимъ садомъ. Это была очень образованная и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная женщина. И моей женѣ, и мнѣ очень нравилось ея общество, и мы видались каждый день. Даже послѣ нашего отъѣзда изъ Валахіи, я постоянно переписывался съ ней, и могу сказать, что въ настоящее время это единственные узлы, связывающіе меня съ этою страной. Ея мужъ Александръ Филипеско, прозванный Вульпаки, потому что его старика-отца называли Вульпе (волкомъ), пользовался среди своихъ соотечественниковъ заслуженнымъ уваженіемъ, но, пустившись въ разные неудачныя спекуляціи, сильно разстроилъ и свое собственное состояніе, и состояніе своей жены. Онъ умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, еще въ молодыхъ лѣтахъ, быть можетъ отъ огорченія, а его вдова, успѣвшая кое-что спасти изъ своего приданого, переѣхала въ Парижъ и вполне посвятила себя воспитанію единственнаго сына. Хотя съ тѣхъ поръ я уже никогда болѣе не встрѣчался съ г-жею Элизою Филипеско и хотя насъ разделяло громадное разстояніе, однако отъ того нисколько не ослабѣли связывавшіе насъ взаимныя чувства дружбы и уваженія, и я всю жизнь буду хранить нѣжное и почтительное о ней воспоминаніе.

Въ день рожденія Императора, 25 Іюня, я устроилъ на занятой мною виллѣ роскошное празднество, на которое пригласилъ лицъ всякаго званія. Тутъ было все и для всѣхъ классовъ общества — и фейерверкъ, и иллюминація, и танцы, и ужинъ; вмѣстѣ съ тѣмъ празднику благопріятствовала прекрасная погода, и гости разъѣхались только на разсвѣтѣ.

Въ Августѣ я предпринялъ вмѣстѣ съ женою, ради удовольствія, поѣздку въ Малую Валахію, которая тянется вдоль склона Карпатскихъ горъ и безспорно составляетъ самую живописную часть Дунайскихъ княжествъ. Мы отправились сначала въ Кронштадтъ, въ Трансильванію, оттуда въ Германштадтъ, потомъ, возвратившись въ Малую Валахію черезъ Темешское ущелье, мы посѣтили бѣольшую часть

Греческихъ монастырей, помѣщающихся въ настоящихъ дворцахъ, среди самой восхитительной мѣстности; послѣ того мы поѣхали въ Банатъ, въ Мегадію, гдѣ находятся минеральныя воды, всего чаще посѣщаемыя Валахами, благодаря близости къ границѣ, и возвратились въ Бухарестъ черезъ Оршову, Турно-Северинъ и Крайову.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія изъ этой поѣздки, я тяжело заболѣлъ перемежающеюся лихорадкой, которая была чрезвычайно упорна и мучила меня до самаго отъѣзда изъ Валахіи. Эта лихорадка не покидала меня и послѣ моего возвращенія въ Петербургъ, и я вполне отдѣлался отъ нея только въ слѣдующемъ году, когда выдержалъ курсъ лѣченія въ Карлсбадѣ. Даже въ Карлсбадѣ, въ то время, какъ я употреблялъ тамошнія воды, у меня были два приступа лихорадки, но это были послѣдніе; поэтому я имѣю основаніе полагать, что воды этого благотворнаго источника составляютъ лучшее цѣлебное средство противъ застарѣлыхъ лихорадокъ, которыя заносятся изъ долины Нижняго Дуная. Въ Молдавіи и Валахіи лихорадкой занемогають не только иностранцы, но и мѣстные жители, и наши войска сильно отъ нея пострадали; хотя приемы хины и останавливаютъ ее, но она часто и почти неизбѣжно возобновляется.

Я возвратился въ городъ лишь только напелъ это возможнымъ, но мои силы не возстановлялись. Я обратился къ графу Нессельроде съ просьбой уволить меня отъ должности, такъ какъ можно было предвидѣть, что мое здоровье можетъ быть возстановлено только при перемѣнѣ климата. Между тѣмъ, къ намъ пришло извѣстіе, что дядя моей жены ген. Козловскій овдовѣлъ. Уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, онъ испросилъ у Императора дозволеніе оставить свое имѣніе въ пожизненное пользованіе своей женѣ безъ нарушенія правъ, предоставленныхъ моей женѣ завѣщаніемъ, написаннымъ прежде того въ ея пользу. Такъ какъ жена ген. Козловскаго умерла прежде своего мужа, то право пожизненнаго пользованія уничтожилось само собою, и моя жена дѣлалась прямой наслѣдницей своего дяди. Вмѣстѣ съ тѣмъ насъ увѣдомили, что понесенная ген. Козловскимъ утрата до такой степени разстроила его умственныя силы, что онъ ничѣмъ болѣе не занимался, что отъ того страдало его хозяйство и что моей женѣ, какъ всѣхъ болѣе заинтересованной въ томъ, чтобъ его имѣніе не пришло въ разореніе, слѣдовало взять Зозовское имѣніе въ аренду. Поэтому было рѣшено, что моя жена немедленно отправится въ Кіевскую губернію къ своему дядѣ и что я приѣду туда-же, лишь только это окажется возможнымъ. Дѣйствительно, скорѣ послѣ того состоялось мое увольненіе отъ должности, которую я передалъ г. Халчинскому, замѣнившему г. Коцебу въ званіи генеральнаго консула въ Бухарестѣ.

Я выѣхалъ изъ Балахи въ Декабрѣ 1850 года, пробылъ дней десять въ Зозовѣ, гдѣ нашелъ мою жену, и затѣмъ, заключивъ формальный арендный контрактъ на 9 лѣтъ, вмѣстѣ съ нею выѣхалъ въ Петербургъ. Арендная плата была первоначально установлена въ размѣръ 10 тыс. рубл. сер.; но въ послѣдствіи, въ виду признанной невозможности извлекать изъ имѣнія такой доходъ, она была съ обоюднаго согласія понижена на 8 тыс. руб. Дорѣгой меня снова стала мучить лихорадка, и я прибылъ въ Петербургъ совершенно больной.

XIII.

Я провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ, но мое здоровье не поправлялось; поэтому я рѣшился взять четырехъ-мѣсячный отпускъ для поѣздки за-границу, чтобъ предпринять лѣченіе минеральными водами и, какъ было выше замѣчено, выѣхалъ въ Карлсбадъ. Почти въ то самое время, какъ я сѣлся на почтовый пароходъ, который шелъ въ Штеттинъ, моя жена снова отправилась въ Кіевскую губернію, такъ какъ на нашихъ рукахъ было дѣло, требовавшее большаго умѣнья за него взяться: мы должны были извлекать изъ имѣнія ту сумму, которую обязались уплачивать дядѣ Козловскому.

Изъ Штеттина я отправился черезъ Берлинъ и Дрезденъ въ Карлсбадъ, гдѣ пробылъ шесть недѣль.

Я возвратился въ Петербургъ тѣмъ же путемъ, какимъ изъ него уѣхалъ — черезъ Берлинъ и Штеттинъ, на почтовомъ пароходѣ, которымъ командовалъ мой братъ. Во время переѣзда стояла прелестная погода. Моя жена пріѣхала ко мнѣ черезъ шесть недѣль послѣ того и привезла съ собою своего племянника, сына одной изъ ея кузинъ, барона Генриха Лоринггофена, двѣнадцати-лѣтняго мальчика, отецъ котораго просилъ насъ помѣстить его въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Мальчикъ былъ принятъ въ эту школу по прошествіи года и сталъ приходить къ намъ по Воскресеньямъ и въ праздничные дни. Онъ скоро сдѣлался въ нашемъ домѣ общимъ любимцемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ произведенъ въ офицеры Гродненскаго гвардейскаго гусарскаго полка и, выйдя въ отставку, исполняетъ въ настоящее время обязанности мирового посредника въ Полтавской губерніи, гдѣ умѣлъ снискать на этой должности общее уваженіе.

Во время моего пребыванія въ княжествахъ я былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 15-го Декабря 1851 года былъ возведенъ въ званіе сенатора. Такимъ образомъ я вступилъ не совершенно новое поприще, къ которому вовсе не былъ подготовленъ, такъ какъ ни-

когда не изучалъ правовѣдѣнія. Но пословица говоритъ: *à force de forger, on devient forgeron*, такъ и я, благодаря тщательному изученію дѣлъ, по которымъ мнѣ приходилось высказывать мнѣніе и благодаря старанію ближе съ ними ознакомиться, успѣлъ освоиться со Сводомъ Законовъ и пріобрѣсти репутацію способнаго сенатора; вліявшаго на мнѣніа сотоварищей. Я исполнялъ сенаторскія обязанности въ теченіи девяти лѣтъ. Я присутствовалъ съ начала въ Межевомъ Департаментѣ, потомъ въ 1-мъ отдѣленіи 3-го департамента и, наконецъ, въ 2-мъ отдѣленіи 3-го Департамента, гдѣ былъ назначенъ пер-воприсутствующимъ послѣ смерти князя Мещерскаго.

Лѣтомъ, во время сенатскихъ ваканцій, я уѣзжалъ въ Кіевскую губернію, а потомъ, когда мы купили въ Подольской губерніи имѣніе Носковцы, я отправлялся туда къ женѣ, которая пристрастилась къ агрономіи и уѣзжала на Югъ съ наступленіемъ первыхъ весеннихъ дней.

Здѣсь я долженъ сказать нѣсколько словъ о моемъ тестѣ, тайномъ совѣтникѣ Козловскомъ, который очень ко мнѣ расположился и питалъ искреннюю ко мнѣ привязанность. Онъ вступилъ въ военную службу въ царствованіе императрицы Екатерины II-й и командовалъ батальономъ гвардейскаго Преображенскаго полка во время катастрофы 12-го Марта 1801 года: на него была возложена обязанность охранять личную безопасность Наслѣдника престола; наконецъ, онъ участвовалъ въ битвѣ при Аустерлицѣ во главѣ того же полка, надъ которымъ былъ назначенъ начальникомъ. Затѣмъ, въ 1809 году, вслѣдствіе какихъ-то столкновеній съ командовавшимъ гвардейскимъ корпусомъ, Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, мой тестъ оставилъ военную службу и сталъ жить жизнію частнаго человѣка, что продолжалось до самой его смерти. Онъ былъ три раза женатъ. Его первая жена, урожденная графиня Софья Бальменъ, имѣла много дѣтей, но моя жена была единственная изъ рожденныхъ отъ перваго брака дѣтей, оставшаяся въ живыхъ. Во второмъ бракѣ, мой тестъ былъ женатъ на княжнѣ Мещерской, которая умерла вслѣдствіе первыхъ родовъ, а ея ребенокъ скоро также послѣдовалъ за нею въ могилу. Наконецъ, третьей женой моего тестя была г-жа Григорьева, отъ которой онъ имѣлъ дочь Екатерину и двухъ сыновей, Михаила и Александра, не считая тѣхъ дѣтей, которые умерли въ раннемъ возрастѣ.

Мой тестъ былъ въ ту пору очень старъ, и лишь только онъ узналъ, что по моимъ служебнымъ обязанностямъ я долженъ былъ постоянно жить въ Петербургѣ, онъ уполномочилъ меня наблюдать за администраціей Брацлавскаго староства и дѣлить доходы по-ровну между моей женой и остальными тремя его дѣтьми. Но его физическія силы видимо слабѣли и, пролежавъ въ постели въ теченіе нѣсколькихъ не-

дѣль, онъ умеръ отъ старости 1-го Марта 1853 г. Въ теченіе всей его болѣзни моя жена и я постоянно находились подлѣ него; моя жена присутствовала при его послѣднемъ издыханіи и закрыла ему глаза.

За недѣлю до смерти, когда онъ былъ еще въ здоровомъ умѣ, онъ позвалъ меня къ себѣ и вручилъ мнѣ свое завѣщаніе изъ опасенія, какъ онъ говорилъ, чтобы этотъ документъ не пропалъ во время суматохи, которая послѣдуетъ за его смертію, но въ сущности потому, что онъ опасался, чтобы этотъ документъ не былъ уничтоженъ которымъ-нибудь изъ его сыновей, еслибы попалъ въ ихъ руки. Его двое сыновей, хотя и находились еще въ малолѣтствѣ, не внушали ему довѣрія, а въ послѣдствіи ясно доказали своимъ поведеніемъ, что отецъ цѣнилъ ихъ по достоинству и что на нихъ нельзя было полагаться. Этимъ завѣщаніемъ мой тестъ отказывалъ своей женѣ домъ, въ которомъ онъ жилъ на Дворцовой набережной. Брацлавское староство, до истеченія срока, на который было отдано это помѣстье, то есть до 1877 г., должно было управляться однимъ изъ его двухъ сыновей, по достиженіи ими совершеннолѣтія, а доходы должны были дѣлиться между сонаслѣдниками по закону; наконецъ, хранившіеся въ банкѣ капиталы, предоставленные въ пожизненное пользованіе его жень, должны были раздѣлиться послѣ ея смерти по ровну между четырьмя дѣтьми, такъ что моя жена получала на свою долю сто тысячъ рублей и восьмую долю доходовъ съ Брацлавскаго староства.

Я взялъ на себя всѣ хлопоты касательно похоронъ, и смертные останки моего тестя погребены на Смоленскомъ кладбищѣ, гдѣ слишкомъ за тридцать лѣтъ предъ тѣмъ похоронена его первая жена. Его вдова, никогда не пользовавшаяся хорошимъ здоровьемъ, пережила его недолго: она умерла 1-го Апрѣля слѣдующаго года вслѣдъ за помолвкой ея дочери Екатерины за г-на Томилова.

Я уже ранѣе упоминалъ о двухъ кузинахъ моей жены, дѣвицахъ Сиверсъ, которыя жили довольно долго у насъ въ Петербургѣ и которыхъ мы отвезли въ 1847 г. обратно въ Малороссію. Старшая изъ нихъ Екатерина, страдавшая чахоткой, умерла вскорѣ послѣ того, между тѣмъ какъ младшая Александрина вышла замужъ за офицера Воронежскаго кадетскаго корпуса Гаршина. Это былъ бракъ по любви; но счастіе молодыхъ супруговъ было непродолжительно. Александрина Гаршина родила 17-го Января 1850 г. дочь, у которой моя жена была крестною матерью и которой было дано имя Юлія. Но во время вторичной беременности, здоровье Александрины Гаршиной сильно разстроилось вслѣдствіе какой-нибудь неосторожности, или вслѣдствіе того, что она также носила въ себѣ зародыши той болѣзни, которая похитила ея сестру въ цвѣтъ молодости. Она дожила только

до разрѣшенія отъ бремени и умерла вмѣстѣ съ новорожденнымъ ребенкомъ. На своемъ смертномъ одрѣ она выразила желаніе, чтобы моя жена взяла къ себѣ и воспитала ея единственную дочь, и мы съ тѣхъ поръ считали за священный долгъ исполненіе предсмертной воли покойной. Мы условились съ г. Гаршинымъ, что онъ отвезетъ свою дочь въ Линовицы къ графу Бальмену, а моя жена пріѣдетъ туда за нею, а затѣмъ слѣдующей осенью мы возьмемъ ее съ собою въ Петербургъ.

Вскорѣ послѣ смерти моего тестя, въ то время, какъ я былъ занятъ утвержденіемъ его завѣщанія и исполненіемъ его послѣдней воли во всѣхъ ея подробностяхъ, моя жена отправилась въ Линовицы, а оттуда вмѣстѣ съ маленькой Юліей Гаршиной въ Зозово, куда и я прібылъ вскорѣ послѣ нея. Дѣвочки было тогда три съ половиною года, и я до сихъ поръ помню, какъ въ пріѣздъ мой я засталъ ее сидящей на землѣ и занятой игрушками. Мы съ ней скоро ознакомились, а такъ какъ я очень люблю дѣтей, то она очень скоро привязалась ко мнѣ. Этотъ ребенокъ скоро сдѣлался идоломъ и для моей жены, и для меня. Съ этой минуты наша жизнь получила опредѣленную цѣль. Намъ было кого любить, и мы знали, для кого будемъ трудиться; словомъ, пополнился пробѣлъ, который мы чувствовали въ нашей жизни.

Около этого времени моя жена приобрѣла Зозовку, смежную съ Зозовомъ деревню, которую дядя Козловскій продалъ много ниже ея настоящей цѣны по причинѣ безпрестанной нужды въ деньгахъ, и которую моя жена выкупила въ качествѣ близкой наслѣдницы на основаніи предоставленнаго ей закономъ права. Какъ Зозово, такъ и Зозовка представляли много удобствъ для овцеводства, благодаря своимъ обширнымъ пастбищамъ. Мы купили въ Полтавской губерніи нѣсколько тысячъ меринсовъ и десятка четыре барановъ, выбранныхъ съ особымъ вниманіемъ, и мы были удовлетворены тѣмъ, что шерсть нашихъ овецъ улучшалась съ каждымъ годомъ и продавалась по цѣнѣ все болѣе и болѣе высокой.

Я не буду говорить ни о посылкѣ князя Меншикова въ Константинополь, ни о новомъ занятіи Дунайскихъ княжествъ нашими войсками, ни о разрывѣ съ Турціей, ни о коалиціи, составленной противъ насъ Англіей, Франціей и Піемонтомъ, ни о войнѣ, которая была перенесена съ береговъ Дуная на Крымскій полуостровъ, такъ какъ я не принималъ въ этихъ событіяхъ никакого участія и могъ бы ссылаться только на чужія слова. Я нахожу, что сочиненіе Кинглека *Вторженіе въ Крымъ* принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя всего лучше освѣщаютъ событія того времени и всего лучше объясняютъ, какія средства были пущены въ ходъ для того, чтобы вызвать войну и склонить Россію къ уступкамъ.

XIV.

Мои сенаторскія обязанности заставляли меня жить въ Петербургѣ; но я пользовался лѣтними мѣсяцами, во время которыхъ для сенаторовъ наступало вакаціонное время, чтобъ отправляться сначала въ Зозово, а потомъ въ Носковцы. Что касается моей жены и нашей дѣвочки, то онѣ постоянно проводили половину года въ деревнѣ съ большой пользою для ихъ здоровья. Но положеніе Россіи было въ ту пору такое печальное, что оно налагало отпечатокъ грусти на всѣ умы. Наши порты Балгійскаго и Чернаго морей были блокированы Французскими и Англійскими флотами, съ которыми мы не были въ состояніи бороться, и наша отпускная торговля была доведена до самыхъ незначительныхъ размѣровъ. Крымъ сдѣлался цѣлію самыхъ энергическихъ усилій со стороны состоявшейся противъ насъ коалиціи. Севастополь еще держался, но можно было предвидѣть, что въ концѣ концовъ эта крѣпость будетъ взята непріателемъ. Находившаяся на нашемъ правомъ флангѣ Австрія причинила намъ своей нечестной политикой еще болѣе вреда, нежели наши явные враги и заставила насъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, очистить княжества. Изъ великихъ державъ только одна Пруссія держалась по отношенію къ намъ благосклоннаго нейтралитета; но можно ли было поручиться, что подъ давленіемъ извнѣ она не будетъ вынуждена дѣйствовать сообща съ нашими врагами? Подвергшись нападенію со всѣхъ сторонъ, и въ Европѣ, и въ Азіи, и даже на берегахъ Тихаго океана, въ Камчаткѣ, Имперія истощалась въ усиліяхъ сдерживать за-разъ столько враговъ. При такомъ положеніи вещей естественно возникалъ вопросъ, нѣтъ-ли возможности сдѣлать такую диверсію, которая внушила-бы Англіи опасенія за ея владѣнія въ Индіи и принудила-бы ее отозвать изъ Крыма часть ея войскъ.

Я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые постоянно мечтають о дальнихъ военныхъ экспедиціяхъ и всегда готовы пускаться на рискованныя предпріятія. Но если когда-нибудь было дозвоительно сдѣлать исключеніе изъ этого внушаемаго осмотрительностью правила, то конечно тогда, когда Россія боролась изъ-за своего существованія. Будучи сильно озабоченъ этою мыслию, я сталъ собирать всѣ географическія и топографическія свѣдѣнія о дорогахъ, ведущихъ изъ Россіи въ Индію, и составилъ записку, въ которой обсуждалъ вопросъ о вторженіи Русской арміи въ Индію какъ относительно операціонной линіи, которой слѣдовало-бы держаться, такъ и относительно союзовъ, которые слѣдовало-бы заключить. Эта записка помѣ-

ченная 14-мъ Іюня 1854 г., была вручена мною въ Петергофѣ Великому Князю Наслѣднику, нынѣ благополучно царствующему Императору, который соблаговолилъ благосклонно принять ее и обѣщалъ познакомиться съ ея содержаніемъ. Изложеннымъ мною идеямъ не было дано никакого хода, и мнѣ извѣстно только то, что моя записка положена въ секретные архивы Главнаго Штаба, гдѣ вѣроятно находится и до сихъ поръ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, а именно въ 1857 г., въ Индіи вспыхнуло противъ Британскаго правительства одно изъ самыхъ страшныхъ возстаній, упоминаемыхъ въ Исторіи, которое было подавлено Англіей съ большимъ трудомъ. Огонь, вѣроятно, уже давно таился подъ пепломъ, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это возстаніе вспыхнуло-бы ранѣе, еслибы населеніе Индіи могло разсчитывать на военную демонстрацію со стороны Россіи; и кто можетъ рѣшить, каковъ былъ-бы окончательный исходъ этой страшной борьбы? То, что мы воздержались въ эту критическую минуту отъ всякаго вмѣшательства, было для Англіи настоящимъ даромъ фортуны. Между тѣмъ дѣла шли все хуже и хуже; почти каждый курьеръ привозилъ извѣстіе о какой-нибудь неудачѣ, испытанной нашими войсками. Императоръ Николай былъ сильно этимъ встревоженъ, такъ какъ онъ не могъ не сознать, что его придирчивая политика, его несдержанность и высокомеріе были главной причиной обрушившихся на его Имперію бѣдствій. Его гордость была унижена, его самолюбіе было оскорблено, и онъ не видѣлъ никакой возможности съ честью выйти изъ борьбы, которую онъ затѣялъ такъ неблагоприятно; ежеминутныя заботы, наконецъ, разстроили его желѣзное здоровье, и этотъ одаренный Геркулесовскою силою монархъ не вынесъ непродолжительной болѣзни.

Я жилъ въ ту пору въ Петербургѣ и помню, какъ были всѣ поражены этимъ неожиданнымъ событіемъ. Объ императорѣ Николаѣ искренно жалѣлъ его народъ, видѣвшій въ немъ какъ-бы воплощеніе славы и могущества Россіи. Нѣкоторые изъ его недостатковъ съ избыткомъ выкупались его хорошими качествами, и никогда еще тронъ не былъ занятъ болѣе благороднымъ рыцаремъ, болѣе честнымъ человекомъ. Онъ никогда не соглашался на какія-либо сдѣлки съ революціей, и даже либерализмъ внушалъ ему подозрѣнія. Въ качествѣ самодержца всей Россіи, императоръ Николай рано пришелъ къ убѣжденію, что для Имперіи не было иного спасенія, какъ въ союзѣ съ консервативными принципами и въ теченіе всего тридцати-лѣтняго царствованія никогда не уклонялся отъ предначертаннаго пути. Онъ умеръ настоящимъ христіаниномъ, сохранилъ до своего послѣдняго

издыханія ясность ума, а въ своемъ прощаніи съ императрицею, съ дѣтьми и со служителями еще разъ доказалъ, какая была у него возвышенная и чистая душа.

XV.

Когда императоръ Александръ II вступилъ на престолъ, онъ находился по отношенію къ союзнымъ державамъ въ совершенно иномъ положеніи, чѣмъ его отецъ и могъ принять такія условія, на которыя императоръ Николай никогда не могъ-бы согласиться.

Севастополь былъ взятъ, но въ сущности въ руки непріятеля досталась лишь куча развалинъ, и всѣ его попытки проникнуть внутрь Крыма остались безуспѣшными: союзники могли удалиться отъ берега моря лишь на нѣсколько переходовъ, потому что только ихъ флотъ могъ доставлять имъ съѣстные припасы, военные снаряды и все, въ чемъ можетъ нуждаться армія во время войны; но находившіяся въ ихъ распоряженіи транспортныя суда были крайне недостаточны, а страна сама по себѣ не доставляла никакихъ ресурсовъ.

Послѣ предварительныхъ переговоровъ, было условлено собрать въ Парижѣ конгрессъ и обсудить на немъ условія, на которыхъ было-бы возможно заключить миръ. Уполномоченными со стороны Россіи были графъ Орловъ и баронъ Бруновъ.

Парижскій мирный договоръ былъ вскорѣ подписанъ, такъ какъ всѣ державы съ нетерпѣніемъ желали выхода изъ ненормальнаго положенія, которое разрушило всѣ старые международные союзы и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ держало Европу въ неизвѣстности на счетъ того, чтѣ ее ожидаетъ.

Россія выпуталась изъ своего затруднительнаго положенія, быть можетъ, лучше, чѣмъ можно было ожидать. Тѣмъ не менѣе въ душѣ каждаго, кому дорого достоинство Россіи, осталось глубокое раздраженіе вслѣдствіе нейтрализаціи Чернаго моря, наложеннаго на Россію запрещенія содержать на этомъ морѣ болѣе установленнаго числа мелкихъ военныхъ судовъ и исправленія нашей Бессарабской границы. т.-е. уступки небольшого клочка земли у низовьевъ Дуная и Прута.

Чтѣ касается статьи договора о проведеніи новой границы въ Бессарабіи, то она была предложена и поддержана преимущественно Австріей, точно будто эта держава желала оправдать предсказаніе князя Шварценберга, что Австрія удивитъ Европу своей неблагодарностью. Впрочемъ я не думаю, чтобъ Австрійскіе государственные люди поступили въ этомъ случаѣ расчетливо. Еслибы Австрія оста-

валась союзницей Россіи, она не лишилась бы владѣній въ Италіи и не потерпѣла-бы пораженія при Садовой, такъ что она дорого поплатилась, доставивъ себѣ удовольствіе унижить свою старинную союзницу. Окончившаяся война дала намъ немало тяжелыхъ уроковъ и раскрыла намъ глаза на множество недостатковъ въ нашей военной и нашей внутренней организаціи, такъ что императоръ Александръ нашелся вынужденнымъ заняться съ первыхъ дней своего царствованія введеніемъ самыхъ необходимыхъ реформъ. Ошибка заключалась только въ томъ, что хотѣли сдѣлать слишкомъ много за-разъ и что предложенныя реформы не всегда подготовлялись съ надлежащимъ тщаніемъ. Но еще болѣе прискорбно было то, что большую строгость, которая была характеристической особенностью царствованія императора Николая, замѣнило такое полное ослабленіе власти, что можно было опасаться совершенной дезорганизаціи общества. Въ то время, какъ слабость правительства доходила до неслыханной степени, вредныя тенденціи дѣлали быстрые успѣхи, и настроеніе умовъ становилось все болѣе и болѣе дурнымъ.

Въ эту первую эпоху своего царствованія, императоръ Александръ,—по натуральной-ли склонности или изъ желанія пріобрѣсти популярность—вполнѣ погрузился въ пучину либерализма и въ послѣдствіи лишь мало-по-малу сталъ излѣчиваться отъ своего пристрастія къ демократическимъ влеченіямъ и, наконецъ, убѣдился, что самодержавіе и либерализмъ несовмѣстимы.

Правительственная мѣра, болѣе всѣхъ другихъ прославившая царствованіе императора Александра и наложившая на это царствованіе особый отпечатокъ, безспорно заключалась въ отиѣнѣ крѣпостной зависимости. Это учрежденіе, находившееся въ противорѣчій съ идеями того времени, уже отжило и не могло долѣе существовать. Императоры Александръ I и Николай I оба помышляли объ освобожденіи сельскаго населенія, но Александру II принадлежитъ та честь, что онъ смѣло приступилъ къ разрѣшенію этого труднаго вопроса и довелъ дѣло до конца.

Можно только пожалѣть о томъ, что къ вопросу о личной свободѣ Императоръ счелъ нужнымъ присовокупить, въ качествѣ неизбѣжнаго дополненія, обезпеченіе крестьянина земельнымъ участкомъ въ видахъ предохраненія отъ пролетаріата. Стараніе опредѣлить законодательнымъ путемъ то, что слѣдовало предоставить добровольному соглашенію обѣихъ сторонъ, чрезвычайно усложнило вопросъ и посягнуло на право собственности, нарушать которое нельзя безопасно. Я очень хорошо знаю, что изъ желанія загладить насиліе этого государственнаго переворота (такъ какъ иначе и нельзя назвать обо-

бравіе цѣлаго класса въ пользу другаго) постоянно повторялось, что крестьянинъ не пожелалъ-бы свободы безъ земельного надѣла, и дѣлалась ссылка на аксіому, такъ глубоко вкоренившуюся въ умахъ Русскихъ крестьянъ: мы принадлежимъ помѣщику, но земля принадлежитъ намъ. Наконецъ, чтобъ говорить правду, существовало опасеніе, что отказать крестьянамъ въ надѣлѣ земель значило-бы вызвать важныя волненія, которыя, быть можетъ, нельзя было-бы подавить.

Я не берусь рѣшать, имѣли-ли эти опасенія серьезное основаніе или же правительство подчинилось вліянію неосновательныхъ опасеній; но можно положительно утверждать, что освобожденіе крестьянъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно было обнародовано, создало сильный антагонизмъ между помѣщикомъ и его бывшими вассалами и посѣяло сѣмена глубокой ненависти между двумя сословіями. Оскорбляя одно изъ этихъ сословій въ самыхъ законныхъ его интересахъ, не удалось удовлетворить и другаго сословія, такъ какъ крестьянинъ, воображающій, что имѣетъ право на всю землю, остается недоволенъ доставшимся ему участкомъ. Сверхъ того, нельзя скрывать отъ себя и того обстоятельства, что производительность земли, а вмѣстѣ съ нею и богатство Имперіи, сильно пострадали отъ уничтоженія рабства. Уже ничто не обязываетъ крестьянина работать, чувствуется недостатокъ въ рабочихъ силахъ, и огромныя пространства земли остаются невоздѣланными. Это всего болѣе замѣтно въ Малороссіи, гдѣ населеніе отличается такою лѣнью, которая вошла въ пословицу. Поэтому, быть можетъ, только черезъ четверть столѣтія производительность земли достигнетъ тѣхъ размѣровъ, какіе она имѣла до 1861 года. А между тѣмъ было вовсе не трудно избѣжать этихъ неудобствъ, поступивъ въ остальной Россіи также, какъ было поступлено въ Балтійскихъ провинціяхъ, гдѣ крѣпостное право было уничтожено сорокъ лѣтъ тому назадъ. Тамъ экономическія условія не подверглись никакимъ потрясеніямъ, право собственности осталось неприкосновеннымъ, и продажная цѣна земель постоянно возвышается, между тѣмъ какъ эта цѣна значительно понизилась повсюду, гдѣ эманципація совершилась по новому способу. Вмѣстѣ съ тѣмъ ничто не мѣшаетъ крестьянамъ Балтійскихъ провинцій сдѣлаться собственниками, и многіе изъ нихъ дѣйствительно сдѣлались ими, но не въ силу указа, изданнаго ихъ государемъ, а благодаря своему трудолюбію и бережливости. Мнѣ небызвѣстно, что значительная часть Русской періодической печати, ультра-демократическія тенденціи которой не составляютъ ни для кого тайны, часто оплакивала судьбу крестьянъ Латышей и Эстонцевъ. Это такая тема, на которую редакторы журналовъ плетутъ не стѣсняясь и съ явнымъ удовольствіемъ все, что вздумается.

Но еслибы, не довольствуясь пустыми, лишенными смысла декламациями, постарались вникнуть въ суть этого дѣла, то скоро пришли-бы къ убѣжденію, что уничтоженіе крѣпостной зависимости въ Балтійскихъ провинціяхъ совершилось съ большей осмотрительностью, не вызвало никакихъ безпорядковъ и не нарушило ничьихъ интересовъ, и что еслибы въ остальной Россіи руководствовались тѣмъ, что было сдѣлано въ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи, то удалось-бы избѣжать многихъ разочарованій.

Манифестъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права появился лишь 19 Февраля 1861, но уже за три года передъ тѣмъ этотъ жгучій вопросъ былъ поставленъ на очередь, и имъ были заняты все умы. По приказанію Императора, во всехъ губерніяхъ были организованы комитеты для составленія проектовъ, примѣнимыхъ къ каждой особой мѣстности; но безъ этой работы можно-бы обойтись, такъ какъ засѣдавшая въ Петербургѣ редакціонная коммиссія не обратила почти никакого вниманія на желанія, выраженные мѣстными комитетами.

Какъ въ Россіи, такъ и за-границей, печать взялась за этотъ вопросъ, и академикъ Воловской напечаталъ въ *Revue des deux Mondes* за 1859 и 1860 годы нѣсколько замѣчательныхъ статей касательно уничтоженія въ Россіи крѣпостнаго права. Ничего лучшаго не было написано на эту тему и, еслибы идеи Воловскаго были приняты, удалось бы во многихъ случаяхъ избѣжать ложнаго пути. Но весьма вѣроятно, что между членами редакціонной коммиссіи, которые все были заражены предвзятыми идеями, ни одинъ не далъ себѣ труда и прочесть эти статьи. Къ тому-же Воловской былъ Полякъ, а это былъ достаточный мотивъ, чтобъ относиться къ нему съ недовѣріемъ.

Многіе изъ старыхъ преданныхъ слугъ Императора были озабочены оборотомъ, который принимали пренія объ освобожденіи крестьянъ. Между прочими, князь Васильчиковъ, находившійся въ ту пору на смертномъ одрѣ, умолялъ Императора дѣйствовать не торопясь. Къ несчастію, нѣкоторые ярые демократы, носившіе болѣе или менѣе окраску коммунизма, захватили это дѣло въ свои руки и пользовались прискорбнымъ вліяніемъ на умъ Императора, который остался глухъ къ болѣе безкорыстнымъ предостереженіямъ.

Наконецъ, манифестъ появился, и немедленно вслѣдъ затѣмъ волненія возникли въ разныхъ мѣстахъ. Но хорошо или дурно былъ разрѣшенъ вопросъ, во всякомъ случаѣ его нельзя было перерѣшить; это былъ уже совершившійся фактъ.

По крайней мѣрѣ Императоръ долженъ-бы былъ позаботиться о томъ, чтобъ законъ, введенный манифестомъ 19 Февраля и составившій какъ бы переходъ отъ старыхъ разрушавшихся порядковъ къ

лучшей будущности, сдѣлался истиной и послужилъ краеугольнымъ камнемъ для новаго зданія. Но именно этого-то и не было сдѣлано. Нѣсколько указовъ, изданныхъ въ послѣдствіи и въ особенности безчисленное множество циркуляровъ министра внутреннихъ дѣлъ, внесли въ законъ 19 Февраля глубокія видоизмѣненія, а въ западныхъ губерніяхъ, во время вспыхнувшаго въ 1863 Польскаго возстанія, этотъ законъ просто обратился въ мертвую букву.

Демократическая партія, идеи которой были усвоены Императоромъ въ вопросѣ объ эманципаціи, приобрѣла съ той минуты, къ сожалѣнію, преобладающее вліяніе на государственныя дѣла, и Богъ знаетъ, до чего-бы она дошла, еслибы отвратительное покушеніе 4 Апрѣля 1866 наконецъ не раскрыло Императору глаза и не убѣдило его въ опасности такого положенія.

XVI.

Однимъ изъ постоянныхъ стремленій императора Николая было стараніе ввести въ его обширной Имперіи единство языка и единство вѣры. Но если принять въ соображеніе, что эта Имперія, образовавшаяся мало-по-малу путемъ завоеваній, заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ двадцать разноплеменныхъ народовъ, то придется сознаться, что такая попытка должна быть безплодна и что объединеніе встрѣтитъ непреодолимые препятствія. Желая ввести всѣхъ своихъ подданныхъ въ лоно православной церкви, императоръ Николай предпринималъ такое дѣло, которое превышало его силы, и которое въ концѣ концовъ вовлекло его въ худшее изъ всѣхъ гоненій—въ гоненіе за вѣру. Сначала были стѣснены въ отправленіи своихъ религіозныхъ обрядовъ и подвергнуты гоненіямъ разнаго рода старовѣры, раздѣляющіеся на множество самыхъ разнообразныхъ сектъ. Несмотря на это, число старовѣровъ не только не уменьшилось, но постоянно увеличивается, потому что, кромѣ тѣхъ, которые официально признаны старовѣрами, есть почти столько-же тайныхъ сочувствующихъ ихъ ученію.

Въ Балтійскихъ провинціяхъ, гдѣ крестьяне исповѣдуютъ лютеранскую вѣру, православное духовенство прибѣгало ко всякимъ дозволеннымъ и недозволеннымъ мѣрамъ, чтобъ приобрѣтать послѣдователей, и эти провинціи были въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ жертвами опаснаго умственного возбужденія, вызваннаго священниками и поощряемаго правительствомъ. Но религіозное усердіе императора Николая обрушилось главнымъ образомъ и съ чрезвычайной стремительностью

на тѣхъ изъ его подданныхъ, которые принадлежали къ Греко-уніатскому культу и которые оставались въ общеніи съ Римомъ.

Начали съ того, что заручились содѣйствіемъ Греко-уніатскаго епископа Симашки, котораго склонили на свою сторону при помощи почетныхъ отличій и щедрыхъ пожалованій, въ полной увѣренности, что вслѣдъ за пастыремъ и стадо безъ сопротивленія возвратится въ лоно церкви. Однако скоро пришлось убѣдиться, что эти ожиданія были ошибочны, такъ какъ Греки-уніаты, не отказываясь отъ культа восточной церкви, вовсе не желали прерывать свои сношенія съ Римомъ и отвергать верховенство папы. Чтобы заставить Грековъ-уніатовъ отказаться отъ ихъ вѣры, были употреблены въ дѣло неслыханныя насилія. Православные священники ходили по деревнямъ съ угрозами на устахъ, между тѣмъ какъ раздававшаяся въ изобиліи водка должна была смягчать сопротивленіе упорствующихъ. Одному Богу извѣстно, сколько было причинено въ ту пору страданій для того, чтобъ насиловать совѣсть этихъ несчастныхъ, и насильственное обращеніе Греко-уніатовъ въ православіе составляетъ, безспорно, одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ царствованія Николая *).

Повидимому, правительство достигло того, чего желало. Въ западныхъ провинціяхъ Греко уніатская церковь была уничтожена, а приверженцы этой церкви были волей или неволей причислены къ православнымъ. Но между ними было немало такихъ, которые, несмотря на уступки, вырванныя у нихъ угрозами и притѣсненіями, все-таки оставались въ глубинѣ души привязанными къ ихъ прежней вѣрѣ. Они втайнѣ посѣщали католическія церкви, когда надзоръ за ними ослабѣвалъ и когда они могли это дѣлать, не подвергаясь никакой опасности. Но въ доносахъ не было недостатка; тогда употреблялись въ дѣло новыя строгости, и не только остававшіеся вѣрными религіи своихъ отцовъ, но даже совершавшіе для нихъ таинства католическіе священники подвергались преслѣдованіямъ, какъ нарушители закона.

Подобные случаи, сопровождаемые увеличивавшимися виновность обстоятельствами, возобновились въ 1858 г. въ одномъ изъ уѣздовъ Витебской губерніи, и было рѣшено, что на мѣсто происшествія будетъ отправленъ сенаторъ для производства строгаго изслѣдованія и для того, чтобы принудить непокорныхъ возвратиться въ лоно православной церкви.

Велико было мое удивленіе, когда я узналъ, что выборъ правительства, для приведенія въ исполненіе его намѣреній, палъ на меня; между тѣмъ какъ я, въ качествѣ католика, былъ послѣдній изъ тѣхъ,

*) Почтенный авторъ, будучи искреннимъ католикомъ, лишенъ возможности судить безпристрастно объ этомъ дѣлѣ. П. Б.

на кого благоразуміе дозволяло возлагать подобныя порученія. Поэтому я рѣшительно отказался отъ порученія, которое поставило бы меня въ крайне ложное положеніе, заставляя меня или заглушать голосъ моей совѣсти, или нарушать долгъ службы, и всѣ эти доводы я изложилъ тѣмъ, кому слѣдовало. Императоръ былъ такъ великодушенъ, что понялъ мое отвращеніе отъ роли, которую хотѣли на меня наложить, и на мое мѣсто назначенъ сенаторъ Щербининъ.

Въ томъ же 1858 году я имѣлъ несчастіе лишиться моего брата Карла, который умеръ отъ болѣзни сердца, оставивъ послѣ себя неутѣшную вдову. Онъ былъ моложе меня восемью годами, но никогда не пользовался хорошимъ здоровьемъ и еще ребенкомъ былъ такъ опасно боленъ, что едва не умеръ.

Существуетъ обыкновеніе посылать сенаторовъ для ревизіи тѣхъ губерній, въ которыхъ административный механизмъ дѣйствуетъ неправильно и откуда приходитъ много жалобъ на превышенія власти, совершаемыя правительственными чиновниками. Сенаторы, на которыхъ возлагаются такія ревизіи, пользуются довольно широкими правами, и эти ревизіи обыкновенно имѣютъ послѣдствіемъ увольненіе губернатора и чиновниковъ, уличенныхъ въ злоупотребленіяхъ. Въ концѣ 1859 г. мнѣ было поручено, по приказанію Императора, произвести ревизію въ Олонецкой губерніи, въ которой губернаторомъ былъ генералъ-маіоръ Волковъ. Въ этой лѣсистой губерніи, лѣсами пользовались промышленники, устроившіе тамъ пильные заводы и уплачивавшіе таксу въ пользу правительства. Подъ тѣмъ предлогомъ, что лѣсопромышленники не исполняютъ своихъ контрактовъ и тѣмъ нарушаютъ интересы казны, губернаторъ подвергъ владѣльцевъ лѣсонильныхъ заводовъ такимъ формальностямъ, которыя были не только стѣснительны, но даже совершенно неисполнимы; въ тоже время нѣкоторые изъ старшихъ мастеровыхъ были заключены въ тюрьму, гдѣ съ ними обходились самымъ возмутительнымъ образомъ. Со всѣхъ сторонъ стали хоромъ раздаваться жалобы, а между губернаторомъ и начальникомъ Палаты Государственныхъ Имуществъ Лизандеромъ, въ вѣдомствѣ котораго находились казенные лѣса и лѣсопильные заводы, возникли рѣзкія разногласія.

Бывшій въ ту пору министромъ государственныхъ имуществъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ горячо принялъ сторону находившагося на мѣстѣ своего подчиненнаго, между тѣмъ какъ министръ внутреннихъ дѣлъ покровительствовалъ губернатору. Стало быть, произошло столкновеніе между двумя министерствами, и въ этомъ случаѣ было естественно возложить на лицо, независящее ни отъ того, ни отъ

другаго министерства, обязанность разъяснить вопросъ и возстановить гармонію между отраслями управленія.

Я выбралъ человѣкъ десять между сенатскими секретарями и отправился въ Петрозаводскъ въ послѣднихъ дняхъ Декабря 1859 г. Ревизія длилась шесть мѣсяцевъ, такъ какъ не только присутственныя мѣста губернскаго города, но и присутственные мѣста уѣздныхъ городовъ были въ самой большой подробности обревизованы мною и состоявшими при мнѣ чиновниками.

Я имѣлъ случай проѣзжать по Олонецкой губерніи во всѣхъ направленіяхъ и долженъ сознаться, что никакъ не ожидалъ увидѣть страну такую богатой и цвѣтущей. Земледѣліе, конечно, не приносить большихъ доходовъ въ большей части этой губерніи, лежащей подъ 60-мъ градусомъ широты. Но тамъ есть много другихъ источниковъ богатства, какъ-то доходъ лѣсовъ и каменоломень, рыбная ловля въ озерахъ и въ рѣкахъ, охота и, наконецъ, бичевая тяга, такъ какъ чрезъ Олонецкую губернію проходитъ одинъ изъ главныхъ водныхъ путей сообщенія, соединяющій Каспійское море съ Балтійскимъ и носящій названіе Маріинской системы. Въ живописныхъ мѣстоположеніяхъ также нѣтъ недостатка; въ топографическомъ и геологическомъ отношеніяхъ Олонецкая губернія есть продолженіе Финляндіи; даже одна часть ея населенія Финскаго происхожденія и носитъ названіе Корель. Сивачскій водопадъ имѣетъ Европейскую извѣстность, и я посвятилъ его подобно другимъ путешественникамъ.

Нигдѣ въ Россіи мнѣ не приходилось видѣть столько прекрасныхъ селеній, столько красивыхъ деревенскихъ избъ. Впрочемъ, какъ говорятъ, тоже самое можно видѣть въ губерніяхъ Вологодской и Архангельской и вообще въ сѣверныхъ губерніяхъ, такъ какъ, независимо отъ встрѣчающихся на Сѣверѣ обильныхъ источниковъ обогащенія, запасъ строевыхъ лѣсовъ позволяетъ строить болѣе просторныя и болѣе удобныя жилища.

Въ болотахъ, которыхъ очень много, кроются желѣзныя руды въ значительномъ количествѣ. Добываемое изъ этихъ рудъ желѣзо расплавливается въ-устроенныхъ въ Петрозаводскѣ плавильныхъ печахъ, и изъ него выдѣлываютъ тамъ пушки и другіе снаряды для арміи и для флота. Это громадное заведеніе, составляющее само по себѣ цѣлый городъ, управлялось въ ту пору полковникомъ Фелькнеромъ съ большимъ талантомъ и знаніемъ дѣла. Однако существовало опасеніе, что съ уничтоженіемъ обязательныхъ работъ, которыя были возложены на нѣкоторую часть сельскаго населенія, можетъ увеличиться заработная плата, и отъ того могутъ быть парализованы старанія администраціи продавать продукты по прежней цѣнѣ. Оправдались-ли эти

опасенія вслѣдствіе эманципаціи, мнѣ неизвѣстно, такъ какъ мои служебныя обязанности отвлекли мое вниманіе совершенно въ иную сторону.

Не могу также не упомянуть о прекрасныхъ гидравлическихъ работахъ, которыя производились въ окрестностяхъ Вытегры подъ руководствомъ полковника Лебедева. Чтобы устранить разныя задержки и препятствія при отправленіи въ Петербургъ барокъ, при помощи которыхъ столица ведетъ свою вывозную торговлю, сооружались новыя огромныхъ размѣровъ шлюзы въ замѣнъ старыхъ. Совокупность этихъ работъ представляла грандіозный планъ, дѣлавшій столько же чести тому, кто его задумалъ, сколько исполнителямъ.

Въ Петрозаводскѣ, гдѣ я жилъ всего дольше, общество раздѣлялось на два стана, какъ это почти всегда бываетъ въ губернскихъ городахъ. Чтобы не давать повода думать, что я склоняюсь на сторону однихъ въ ущербъ другимъ, я рѣшился ни къ кому не ѣздить, не принимать всякаго, кто пожелалъ бы видѣть меня или что-либо мнѣ передать. Всѣхъ болѣе надоѣдалъ мнѣ своими посѣщеніями генералъ Волковъ. Хотя онъ былъ совершенно неправъ, но хотѣлъ во что бы то ни стало убѣдить меня въ противномъ, а мои продолжительныя съ нимъ дѣловыя бесѣды доказали мнѣ только то, что онъ былъ не на своемъ мѣстѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ жилъ не въ ладахъ со своей женой, и скандальныя сцены между супругами постоянно слѣдовали одна вслѣдъ за другой. Я рѣшился просить министра внутреннихъ дѣлъ объ его отозваніи въ Петербургъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, и послѣ его отъѣзда мнѣ было легче разяснить немало разныхъ дѣлъ, остававшихся до тѣхъ поръ во мракѣ.

Между тѣмъ какъ состоявшіе при мнѣ чиновники доканчивали ревизію присутственныхъ мѣстъ губернскаго города, я занялся составленіемъ отчета, который обыкновенно вручается въ собственныя руки Императору послѣ возвращенія въ столицу. Когда все было готово, я сѣлъ на пароходъ, ходившій по Онежскому озеру, проѣхалъ по Свири, соединяющей Онегу съ Ладогой и чрезъ двое сутокъ вышелъ на берегъ на Невской набережной послѣ самого благополучнаго переѣзда.

Послѣ нѣсколькихъ дней ожиданія, я былъ принятъ Государемъ Императоромъ въ Царскосельскомъ дворцѣ. Представляя мой отчетъ, я позволилъ себѣ доложить Его Величеству, что единственный вопросъ, котораго я не осмѣлился касаться въ этомъ рапортѣ, относится къ положенію раскольниковъ, которые очень многочисленны въ Олонецкой губерніи, такъ какъ мнѣ казалось, что, будучи католикомъ, я поступлю благоразумнѣе, если не буду касаться этого щекотливаго вопроса, но что тѣмъ не менѣе я собралъ всѣ матеріалы, при помощи которыхъ можно бы было приступить къ этой работѣ, еслибы это

было угодно Его Величеству. Государь приказалъ мнѣ не оставлять этого вопроса неразъясненнымъ и донести ему обо всемъ, что я узналъ по этому предмету, и по прошествіи двухъ недѣль я представилъ Его Величеству дополнительную записку.

Комитету Министровъ было поручено разсмотрѣніе этой бумаги, которая вызвала противъ меня настоящую бурю. Между министрами было немало фанатиковъ, которые стали обвинять меня въ намѣреніи подвергнуть священнослужителей православной церкви незаслуженному порицанію и въ стараніи выставить сектантовъ въ слишкомъ благопріятномъ для нихъ свѣтѣ. И все это, будто бы, потому, что, будучи католикомъ, я питалъ вражду къ православной церкви. Дѣло дошло до того, что ко мнѣ обратились съ официальнымъ запросомъ о томъ, кто составлялъ упомянутую бумагу и сколько католическихъ чиновниковъ состояло при мнѣ во время производства ревизіи? Я немедленно отвѣчалъ, что составленіе бумаги, вызвавшей столь горячія возраженія, было мною поручено одному православному Русскому, извѣстному своимъ религіознымъ усердіемъ и что изъ состоявшихъ при мнѣ чиновниковъ былъ только одинъ католикъ, котораго я съ намѣреніемъ держалъ въ сторонѣ отъ всего, что касалось этого дѣла.

Этимъ дѣло кончилось, но случай этотъ служить новыѣ доказательствомъ, какъ опасно говорить въ Россіи правду, если эта правда затрѣгиваетъ страсти и предрасудки высокопоставленныхъ лицъ.

XVII.

Съ 1-го Сентября я снова вступилъ въ исполненіе моихъ сенаторскихъ обязанностей, но не на долго. Въ первыхъ числахъ Января 1861, военный министръ генералъ Сухозанетъ, съ которымъ я вовсе не былъ лично знакомъ, пригласилъ меня къ себѣ для того, чтобъ предложить мнѣ мѣсто г.-губ. Западной Сибири, которое опорожнилось вслѣдствіе того, что занимавшій его въ теченіе почти десяти лѣтъ ген. Гасфортъ подалъ прошеніе объ увольненіи. Хотя мои домашнія дѣла и должны были пострадать вслѣдствіе огромнаго разстоянія, отдѣляющаго Сибирь отъ моего имѣнія въ Подоліи, въ которомъ заключалось все мое состояніе, но сдѣланное мнѣ, по приказанію Императора, предложеніе было такъ для меня лестно, что я не могъ отвѣчать на него отказомъ, и 13 Января состоялось мое официальное назначеніе на новую должность.

Желая воспользоваться санной дорогой до мѣста моего назначенія, я окончилъ какъ можно скорѣе мои приготовленія къ отъѣзду.

Что касается моей жены, то она должна была сначала отправиться въ Подолію, чтобъ тамъ устроить наши дѣла насколько возможно лучше, и затѣмъ пріѣхать ко мнѣ осенью въ Омскъ.

Однажды, военный министръ, у котораго я былъ по какимъ-то дѣламъ, повелѣ меня въ свой кабинетъ и сказалъ мнѣ: «Вамъ конечно извѣстно, что нѣтъ человѣка, на котораго не возводили бы какихъ-нибудь обвиненій, и вы, подобно всѣмъ другимъ, не составляете исключенія изъ этого общаго правила. Такъ напримѣръ, обо мнѣ говорятъ: Сухозанетъ хорошій военный министръ, но онъ слѣпъ. О Б...ъ говорятъ: онъ хорошій генераль-губернаторъ, но воръ. А про васъ говорятъ, что вы были бы хороши для вашего мѣста, но слишкомъ неподвижны». Я отвѣчалъ, что не могу понять, въ чемъ и какъ я заслужилъ упрекъ въ неподвижности, что изъ моего служебнаго списка видно, какъ много я разъѣзжалъ для службы Императору, и что если въ теченіе девяти послѣднихъ лѣтъ, когда я засѣдалъ въ Сенатѣ, я не двигался съ мѣста, то это потому, что того требовало исполненіе моихъ судейскихъ обязанностей.

Такъ какъ я въ теченіе всей моей жизни интересовался сношеніями Россіи съ Востокомъ и въ особенности съ центральной Азіей, то я уже давно имѣлъ случай познакомиться съ воинственными влеченіями всѣхъ нашихъ генераль-губернаторовъ—какъ того, который управлялъ Оренбургскимъ краемъ, такъ и тѣхъ, которые управляли Сибирью Восточной и Западной. Всѣ они мечтали о военныхъ экспедиціяхъ, а въ предлогахъ для войны не могло быть недостатка: мы были на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ въ столкновеніяхъ съ кочевыми племенами, которыя тревожили насъ своими набѣгами и которыхъ считали нужнымъ подвергать заслуженному наказанію. Но если генераль-губернаторы всегда искали случая повоевать, то это влеченіе превратилось въ настоящую жажду завоеваній съ тѣхъ поръ, какъ генераль Муравьевъ былъ возведенъ въ званіе графа Амурскаго за присоединеніе къ Россіи Амура и Уссурійскаго края. Это выходящее изъ ряда вонъ отличіе вскружило всѣмъ головы; каждый желалъ отвоевать какой-нибудь клочекъ территоріи и надѣялся получить за это титулъ, который передастъ своему потомству. Я, напротивъ того, былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что расширеніе нашихъ границъ со стороны Средней Азіи не доставитъ намъ никакихъ выгодъ, а вызоветъ лишь новыя затрудненія и ослабитъ Россію. Поэтому, когда я откланивался Императору передъ моимъ отъѣздомъ на новое мѣсто, я не преминулъ высказать Его Величеству мои убѣжденія касательно этого предмета. «Ваше Величество», сказалъ я Императору, «еслибы мнѣ пришлось остаться десять лѣтъ на томъ посту,

на который я призванъ Вашимъ довѣріемъ, то я счелъ бы себя оправдавшимъ это довѣріе только въ томъ случаѣ, еслибы не отодвинулъ границъ Вашей имперіи ни на одинъ дюймъ». Если мнѣ не удалось выполнить эту программу до конца, то виною этого былъ не я, а замѣстившій Сухозанета въ качествѣ военнаго министра генераль Милютинъ, который видѣлъ въ военныхъ экспедиціяхъ и въ трескучихъ бюллетеняхъ, издаваемыхъ по поводу этихъ экспедицій, средство обращать на себя вниманіе Императора и укрѣплять свое вліяніе на умъ Его Величества.

Я выѣхалъ изъ Петербурга въ послѣдній день Февраля, покинувъ матушку съ глубокой горестью въ душѣ: она была очень преклонныхъ лѣтъ, ея здоровье стало быстро слабѣть, и тайное предчувствіе говорило мнѣ, что я болѣе не увижу ея. Я направился черезъ Москву, Казань и Пермь на Тюмень, гдѣ вступилъ въ исполненіе моей новой должности, такъ какъ это былъ первый городъ Тобольской губерніи, представляющійся взорамъ того, кто ѣдетъ изъ Петербурга. Тюмень—довольно хорошенкій городокъ, ведущій значительную торговлю, служа мѣстомъ отправки для судовъ и пароходовъ, совершающихъ рейсы по большимъ рѣкамъ Западной Сибири. Тюмень и Ирбитъ—два главныхъ складочныхъ мѣста для торговли между Азіатской Россіей и Европейской и если когда-нибудь осуществится предположеніе соединить Пермь съ Тюменью желѣзною дорогой, то Тюмень неизбѣжно расширится въ ущербъ Ирбиту, и тогда можно будетъ безъ преувеличенія утверждать, что Уральскіе горы все равно что не существуютъ.

Какъ въ Тюмени, такъ и въ лежавшихъ на моемъ пути городахъ Ялуторовскѣ и Ишимѣ, я посѣщалъ тюрьмы, госпитали и школы, обрѣзивалъ присутственныя мѣста и разсмотрѣлъ множество поданныхъ мнѣ прошеній. Но было бы ошибочно думать, что всѣ эти просьбы требовали уничтоженія дѣйствительныхъ и несомнѣнныхъ злоупотребленій. Русскіе вообще, а Сибиряки въ особенности, чрезвычайно склонны къ жалобамъ и къ преувеличенію тѣхъ золъ, жертвами которыхъ они себя выдаютъ, а получивъ девять разъ отказъ, они и въ десятый разъ возобновляютъ свои жалобы въ надеждѣ, что они, наконецъ, введутъ васъ въ заблужденіе и чего-нибудь добьются. Эта истина ярко бросалась мнѣ въ глаза во время моего пребыванія въ Олонекской губерніи. Императоръ проѣзжалъ эту губернію двумя годами ранѣе меня и, какъ слѣдовало ожидать, ему было подано множество прошеній. Всѣ эти просьбы были, по обыкновенію, переданы въ Комиссію Прошеній, которая, разсмотрѣвъ ихъ, отослала обратно тѣ, которыя были неосновательны, увѣдомляя просителей о причинѣ от-

каза. Не смотря на это, всѣ эти просители не считали свое дѣло проиграннымъ, и когда я прибылъ на мѣсто, ко мнѣ поступили тѣже самыя жалобы, на счетъ которыхъ Коммиссія Прошеній, въ качествѣ высшей инстанціи, уже постановила окончательное рѣшеніе.

Наконецъ, я прибылъ въ Омскъ 23 Марта вечеромъ и на другой же день принималъ всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ и военныхъ, число которыхъ очень значительно, такъ какъ Омскъ служить не только главной квартирой для отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, но и мѣстопробываніемъ высшаго административнаго совѣта, завѣдующаго дѣлами этой части Сибири.

Видъ Омска произвелъ на меня такое же тяжелое впечатлѣніе, какое онъ производитъ на всякаго, кто прїѣзжаетъ туда въ первый разъ, потому что, въ особенности въ ту пору, это была настоящая канура. Но это впечатлѣніе изглаживается, когда тамъ проживешь нѣсколько времени: тамошнее общество многочисленно и довольно хорошо составлено, и въ этомъ отношеніи Омскъ могъ бы выдержать сравненіе съ лучшими изъ нашихъ губернскихъ городовъ.

Вудучи привыченъ къ работѣ, я очень скоро ознакомился со всѣми подробностями гражданскаго управленія, которое распадается въ Сибири на множество самыхъ разнородныхъ отраслей. Чтобъ исполнять всѣ мои служебныя обязанности, у меня не было ни одного свободного дня въ недѣлѣ и ни одного свободного часа во дню.

Въ началѣ Мая я предпринялъ мой первый инспекторскій объѣздъ въ Киргизскую степь. Я поѣхалъ сначала въ Семипалатинскъ на лѣвый край этой степи и доѣхалъ до крѣпости Вѣрной; на возвратномъ пути я снова переѣхалъ черезъ Иртышъ въ Павлодаръ и направился черезъ Байянь-Ауль, Каракалли, Акмоль и Кокчетавъ въ Петропавловскъ, откуда возвратился въ Омскъ, объѣхавъ весь правый край степи.

Мнѣ очень хотѣлось осмотрѣть собственными глазами Киргизскую степь, чтобъ составить себѣ понятіе о выгодахъ, какія можно извлекать изъ этихъ обширныхъ равнинъ, такъ какъ мнѣ показалось, что въ Петербургѣ были въ ходу странныя мнѣнія на счетъ богатства и красоты этой страны. Ошибочныя понятія въ этомъ отношеніи были распространены нѣкоторыми путешественниками, которые, увидѣвъ покрытыя снѣгомъ горы, вообразили, что тамъ Россія найдетъ настоящее Эльдorado. Неоднократно разѣзжая по Киргизской степи вдоль и поперекъ, я полагаю, что я въ состояніи высказать безпристрастное мнѣніе и начну съ того, что тѣ части этой степи, которыя принадлежатъ къ Западной Сибири, много лучше тѣхъ, которыя смежны съ Оренбургской губерніей. Не смотря на это, даже въ

тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются самыя благопріятныя условія и роскошныя пастбища, эта степь не годится для земледѣлія и всегда будетъ населена исключительно кочевыми племенами. Недостатокъ въ топливѣ и въ особенности въ строевомъ лѣсѣ также будетъ служить однимъ изъ главныхъ препятствій для густаго заселенія страны осѣдыми жителями. Только въ нѣкоторыхъ благопріятныхъ мѣстностяхъ въ Семипалатинской области, какъ-то въ Заилійскомъ краѣ, въ Копальскомъ округѣ, на берегахъ рѣки Лепсы, по опушкѣ, которая тянется вдоль нашей границы съ Китаемъ и, наконецъ, въ одной части Кокчетавскаго округа, составляющей какъ-бы продолженіе Тобольской губерніи, земледѣліе могло бы достигнуть процвѣтанія; но по сравненію съ громаднымъ пространствомъ степи, это не болѣе какъ оазисы среди пустыни.

Единственное средство крѣпче привязать эти степи къ Россіи—завести земледѣльческія колоніи тамъ, гдѣ почва годится для земледѣлія и поощрять переселеніе Русскихъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній въ степь посредствомъ освобожденія ихъ на определенное число лѣтъ отъ податей и отъ рекрутской повинности. Это предложеніе было мною сдѣлано, но ему не было дано дальнѣйшаго хода. До сихъ поръ правительство довольствовалось тѣмъ, что поселило въ степи нѣсколько казацкихъ полковъ, размѣстивъ ихъ по различнымъ станицамъ или селеніямъ. Но казаки по природѣ такъ лѣнны и такъ не любятъ заниматься земледѣліемъ, что это осѣдлое населеніе не добываетъ достаточныхъ средствъ для собственнаго пропитанія, и если бы ихъ не удерживали тамъ силою, эти казацкіе поселенцы покинули-бы массы степь, перешли-бы обратно черезъ Иртышъ и возвратились-бы въ свои прежнія жилища, что ясно доказываетъ, что степь вовсе не такая всѣмъ изобилующая страна, какою ее описываютъ. Исключеніе составляютъ только тѣ казаки, которые поселены на лѣвой степной окраинѣ, гдѣ, благодаря плодородію почвы и въ особенности изобилію воды, ихъ станицы превратились въ цвѣтущія колоніи.

Не слѣдуетъ опускать изъ виду и того обстоятельства, что по мѣрѣ увеличенія осѣдлаго населенія, все болѣе и болѣе стѣсняются въ своихъ средствахъ существованія кочевники, которымъ нужны для стадъ обширныя пастбища. Это обстоятельство служитъ постоянной причиною вражды между двумя племенами, которыя было-бы такъ необходимо соединить въ одно цѣлое. Если къ проистекающему отсюда различію интересовъ присовокупить вѣроисповѣдное различіе, то станетъ ясно, что нечего полагаться на преданность Киргизовъ, не смотря на то, что они очень любятъ вѣроподданическія заявленія. Пока мы будемъ сильны, Киргизы будутъ покорны; но еслибы наше могу-

щество потерпѣло малѣйшую неудачу, они обратятся противъ насъ. Тѣмъ болѣе необходимо, чтобъ мы не расширяли чрезмѣрно нашихъ владѣній и тѣмъ не ослабляли себя.

Въ виду неудовлетворительнаго положенія, въ которомъ находились въ ту пору Русскіе финансы и въ которомъ они, къ несчастію, находятся до сихъ поръ, Императоръ приказалъ всѣмъ министрамъ заботиться о возможномъ сокращеніи расходовъ на администрацію; а что касается меня, то я сталъ преслѣдовать эту цѣль со всѣмъ рвеніемъ, на какое былъ способенъ, будучи убѣжденъ, что это была самая лучшая услуга, какую я могъ оказать моему отечеству. Прежде всего я предложилъ отложить въ сторону проэктъ моего предмѣстника о постройкѣ форта на рѣкѣ Чу выше Пичпека, хотя отпускъ необходимыхъ для этого сооруженія суммъ уже былъ разрѣшенъ. Я не видѣлъ никакой существенной пользы въ сооруженіи этого форта, и мое предложеніе было принято. Но главное вниманіе я обратилъ на расходы по содержанію находившихся подъ моимъ начальствомъ войскъ, такъ какъ содержаніе солдатъ, стоявшихъ гарнизонами въ различныхъ мѣстахъ степи, стоило казнѣ чрезвычайно дорого.

Въ силу какой-то странной аномаліи, торги на снабженіе войскъ провіантомъ производились въ Омскѣ, и поставщики провіанта обыкновенно прибавляли къ существовавшимъ въ Тобольской губерніи цѣнамъ на зерновые хлѣба расходы на перевозку этого хлѣба въ Копаль и въ Вѣрное, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они покупали хлѣбъ на мѣстѣ его потребленія. Это была чрезвычайно выгодная торговая операція, изъ которой извлекали для себя пользу всѣ, кромѣ казны, на счетъ которой она производилась.

Я привелъ это дѣло въ порядокъ и въ первомъ-же году моего управленія послалъ на мѣсто довѣреннаго офицера съ порученіемъ закупить изъ первыхъ рукъ необходимое количество хлѣба безъ заключенія контрактовъ и не стѣсня продавцевъ никакими формальностями: они должны были доставить въ магазины муку по условленной цѣнѣ и немедленно получить деньги.

Этимъ способомъ я сберегъ въ теченіе трехъ лѣтъ болѣе 150 тысячъ рубл. по сравненію съ первоначальными смѣтами, и только въ 1864 и 1865 годахъ, вслѣдствіе опустошеній, произведенныхъ саранчей, я былъ вынужденъ прибѣгнуть къ прежней системѣ—закупить муку въ губерніяхъ Тобольской и Томской и затѣмъ отправить ее въ Копаль и въ Вѣрное.

Когда я проѣзжалъ черезъ Петропавловскъ, я нашелъ этотъ городъ на половину разрушеннымъ вслѣдствіе страшнаго пожара, вспыхнувшего тамъ въ первыхъ числахъ Іюня. Я испросилъ у правительства

пособіе въ размѣрѣ 10,000 рубл. для тѣхъ жителей, которые лишились всего своего имущества; въ другихъ Сибирскихъ городахъ собирались добровольныя пожертвованія въ пользу погорѣльцевъ, и городъ сталъ мало-по-малу вставать изъ развалинъ, а многіе изъ сгорѣвшихъ деревянныхъ домовъ были замѣнены кирпичными.

Послѣ Томска и Тюмени, Петропавловскъ самый значительный торговый городъ Западной Сибири и одно изъ большихъ складочныхъ мѣстъ для торговли съ Средней Азіей. Этому городу можно предсказать хорошую будущность.

По возвращеніи въ Омскъ я снова принялся съ усердіемъ за работу. За исключеніемъ нѣкоего Почекунина, имѣвшаго очень дурное вліяніе на моего предмѣстника и много повредившаго ему въ общественномъ мнѣніи, я оставилъ на мѣстахъ прежнихъ чиновниковъ, такъ какъ смѣна служащихъ цѣлыми массами приноситъ чаще вредъ, нежели пользу, и къ тому-же въ Сибири не легко найти способныхъ людей въ замѣну тѣхъ, которыхъ приходится увольнять.

Я принялъ за правило быть доступнымъ во всякомъ часу дня для всѣхъ, кому было нужно меня видѣть и по утрамъ обыкновенно принималъ всѣхъ просителей. Въ числѣ жалобъ, которыя дошли до меня этимъ путемъ, было много такихъ, которыя не имѣли никакого законнаго основанія; но тѣмъ, что я выслушивалъ всякія изъясненія неудовольствія, я заставлялъ полицейскихъ чиновниковъ быть осмотрительными въ ихъ дѣйствіяхъ, такъ какъ они знали, что о всякомъ ихъ противозаконіи будетъ доведено до моего свѣдѣнія. 30 Августа того-же года я былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи, во время пребыванія Императора въ Ливадіи, въ Крыму.

Моя жена пріѣхала ко мнѣ только 10 Октября, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ окончательно настала зима. Наша маленькая Юлія росла и хорошѣла съ каждымъ днемъ, и ей только что минуло десять лѣтъ. Нужно было серьезно позаботиться о ея образованіи, и мы дали ей всѣхъ лучшихъ учителей, какихъ можно было найти на мѣстѣ, что было дѣломъ нелегкимъ въ особенности по части музыки, къ которой она имѣла замѣчательныя способности.

Зимой я предпринялъ инспекціонную поѣздку въ Тобольскую губернію. Я посѣтилъ Тару, Тобольскъ, Тюмень и Туринскъ, откуда заѣхалъ на Ирбитскую ярмарку, продолжающуюся съ 1 Февраля по 1 Марта. Пермскій губернаторъ Лашкаревъ прибылъ туда, чтобъ видѣться со мною. Стеченіе народа тамъ было очень велико: послѣ Нижегородской ярмарки Ирбитская самая важная въ Россіи по числу совершающихся тамъ торговыхъ дѣлокъ, въ особенности касательно чайной торговли. По выѣздѣ изъ Ирбита, я вторично проѣхалъ черезъ

Тюмень и направился черезъ Курганъ и Петропавловскъ къ Омску, куда прибылъ по послѣднему санному пути, послѣ мѣсячнаго отсутствія. Вскорѣ послѣ того я получилъ извѣстіе о смерти моей матери, которая скончалась въ Петербургѣ 4 Апрѣля скорѣе отъ старости, чѣмъ отъ болѣзни.

Здѣсь я долженъ упомянуть объ одномъ случаѣ, который хотя и не важенъ самъ по себѣ, но возбудилъ много толковъ въ Петербургѣ и вызвалъ отправку слѣдственной комиссіи, во главѣ которой былъ поставленъ генералъ Сколковъ. Нѣкій литераторъ Михайловъ, осужденный на каторжныя работы за преступные происки и за сочиненія самаго возмутительнаго свойства, былъ отправленъ изъ Тобольска къ мѣсту своего назначенія за нѣсколько дней до моего прибытія въ этотъ губернскій городъ. Этотъ Михайловъ, считавшійся за передоваго человѣка демократическою партіей, которая такъ многочисленна въ Россіи, пользовался большою извѣстностью среди молодежи; женщины были отъ него въ восторгѣ и съ жадностью бросались на его сочиненія, находя ихъ безподобными. Состоявшійся надъ нимъ приговоръ надѣлалъ много шума, и лишь только онъ прибылъ въ Тобольскъ, нѣкоторая часть общества поспѣшила оказать ему любезности всякаго рода. Его стали посѣщать въ тюрьмѣ, точно будто онъ былъ мученикомъ за самое святое дѣло; нѣкоторые изъ должностныхъ лицъ, злоупотребляя своимъ офиціальнымъ положеніемъ, дозволяли ему выходить изъ тюрьмы и оставляли его у себя обѣдать. Однимъ словомъ, ему оказывали такое вниманіе, на которое онъ не имѣлъ никакихъ правъ; а когда онъ былъ окончательно отправленъ къ мѣсту своего назначенія, его поклонники до того дошли въ забвеніи приличій, что устроили ему на большой дорогѣ овацію и, прощаясь съ нимъ, пили за его здоровье. Отъ моего свѣдѣнія были тщательно скрыты всѣ преступныя манифестаціи, вызванныя продолжительнымъ пребываніемъ Михайлова въ Тобольскѣ. Ни губернаторъ Виноградскій, обнаружившій въ этомъ случаѣ свое крайнее безсиліе, ни начальникъ полиціи, ни высшій жандармскій офицеръ не сказали мнѣ объ этомъ ни слова, и всѣ эти противозаконныя дѣйствія обнаружили лишь гораздо позже вслѣдствіе отправленнаго въ Петербургъ доноса, авторомъ котораго, по всему вѣроятію, былъ адъютантъ высшаго начальника жандармовъ Л—ой, находившійся въ ссорѣ съ своимъ начальникомъ.

Всѣ лица, замѣшанные въ дѣло о Михайловѣ, конечно погрѣшили скорѣе по неблагоразумному увлеченію, чѣмъ съ предвзятымъ намѣреніемъ. Какъ было ранѣе мною замѣчено, настроеніе умовъ въ Россіи было въ ту пору такъ дурно, какъ только можно себѣ представить; въ то время многіе воображали, что дѣйствуютъ въ видахъ

общей пользы, становясь въ оппозицію къ правительству и нося на рукахъ cadaго писателя, проповѣдывавшаго анти-соціальныя и ультра-демократическія теоріи. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что черезъ Сибирь уже въ теченіи ста или слишкомъ ста лѣтъ постоянно проходили тысячи ссыльныхъ, и населеніе привыкло смотрѣть на нихъ, какъ на достойныхъ сожалѣнія и состраданія несчастныхъ, а въ лицѣ Михайлова видѣли сверхъ того человѣка политическаго и литератора. Наконецъ, рекомендательное письмо отъ Петербургскаго генералъ-губернатора князя Суворова въ пользу Михайлова,—хотя и написанное въ весьма неопредѣленныхъ выраженіяхъ,—было передано сопровождавшими этого государственнаго преступника жандармами Тобольскому губернатору и совершенно сбило этого послѣдняго съ толку.

Обвиненія, падавшія на Тобольскія городскія власти, были такъ очевидны, что ихъ нельзя было ни опровергать, ни даже смягчать. Поэтому всѣ лица, замѣшанные въ этомъ непріятномъ дѣлѣ, были уволены отъ службы, а гражданскій губернаторъ Виноградскій, предсѣдатель губернскаго правленія, прокуроръ, начальникъ жандармовъ и начальникъ полиціи отданы подъ судъ. На мѣсто Виноградскаго назначенъ бывшій губернаторъ Кяхтинскаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Деспотъ-Зеновичъ *).

Въ Маѣ слѣдующаго (1862) года я отправился въ Томскую губернію—единственную изъ губерній Западной Сибири, съ которою я еще не былъ знакомъ. Такъ какъ я намѣревался проѣхать до границъ Китая и посѣтить Алтайскіе рудники и заводы, то я взялъ съ собою жену и маленькую Юлію. Мы отправились черезъ Каинскъ и Колывань прямо въ Томскъ, гдѣ г. Асташевъ оказалъ намъ роскошное гостепріимство въ прекрасномъ домѣ, въ которомъ онъ жилъ. Г. Асташевъ, старикъ свыше 70-ти лѣтъ, былъ всѣмъ обязанъ самому себѣ; онъ нажилъ огромное состояніе золотыми приисками и былъ въ ту пору самымъ богатымъ человѣкомъ во всей Томской губерніи. Впрочемъ онъ дѣлалъ прекрасное употребленіе изъ своего состоянія, держа на свой счетъ пріютъ, въ которомъ воспитывалось около ста бѣдныхъ дѣвушекъ. Всѣ благотворительныя учрежденія получали отъ него большія денежныя пособія, и никто не зналъ, какъ было велико число тѣхъ, кому онъ помогалъ.

Обязанности главнаго начальника Алтайскихъ заводовъ и обязанности Томскаго гражданского губернатора соединялись въ то время

*) Со временемъ историкъ обязанъ будетъ доискиваться, чья именно рука дѣйствовала въ этихъ назначеніяхъ. П. Б.

въ особѣ генерала О—го. По первой изъ этихъ должностей онъ былъ подчиненъ Императорскому Кабинету, а по второй министру внутреннихъ дѣлъ и генералъ-губернатору. Эта комбинація была ошибочна во всѣхъ отношеніяхъ; она была главной причиной того, что Томская губернія всегда управлялась хуже всѣхъ остальныхъ Россійскихъ губерній. Генералъ О—ій, будучи исключительно озабоченъ тѣмъ, что касалось Алтайскихъ заводовъ и проводя половину года въ Барнауль, поневолѣ долженъ былъ небрежно относиться къ дѣламъ гражданскаго управленія и предоставлять ихъ кому-нибудь другому.

Хотя между начальниками заводовъ было немало офицеровъ, знающихъ свое дѣло, способныхъ и заслуженныхъ, однако управленіе Алтайскимъ горнымъ округомъ имѣло вообще очень дурную репутацію по причинѣ роскоши, въ которой жило большинство должностныхъ лицъ и которая нисколько не соответствовала размѣру казеннаго жалованья. Такъ какъ разработка рудниковъ находилась въ непосредственномъ вѣдѣніи Императорскаго Кабинета, то я не имѣлъ никакого права мѣшаться въ дѣла этого управленія; однако, въ виду упорныхъ слуховъ о злоупотребленіяхъ, которыя совершались тамъ въ ущербъ казнѣ, я пожелалъ знать, въ чемъ заключались эти злоупотребленія, и вотъ что я узналъ изъ устъ одного достойнѣйшаго офицера, бывшего долгое время начальникомъ одного изъ главныхъ заводовъ. Лѣтомъ всѣ начальники заводовъ съѣзжаются въ Барнаулъ для того, чтобъ условиться насчетъ работъ, которыя должны производиться въ слѣдующемъ году, и для того, чтобъ составить смѣту расходовъ, которые потребуются на эти работы, какъ то: на разработку рудъ, на рубку лѣса, на превращеніе дровъ въ уголь, на перевозку всѣхъ этихъ предметовъ и, наконецъ, на плату рабочимъ, и сообразно съ этой смѣтой Императорскій Кабинетъ разрѣшаетъ отпускъ необходимыхъ денежныхъ суммъ. Но такъ какъ эти смѣты всегда составляются въ очень широкихъ размѣрахъ, то въ результатѣ выходитъ, что къ концу года издержано на добываніе металловъ, на топливо, на заработную плату и на перевозку менѣе того, что было установлено въ первоначальной смѣтѣ; эти остатки обращались въ деньги и распределялись между всѣми должностными лицами соразмѣрно съ важностью занимаемой каждымъ изъ нихъ должности, между тѣмъ какъ при всякой хорошо организованной системѣ управленія они должны поступать на расходы слѣдующаго года.

Въ послѣдствіи я предложилъ, чтобъ управленіе Алтайскими заводами было подчинено мнѣ, какъ мѣстному генералъ-губернатору; но Кабинетъ не согласился на это, потому что многіе изъ членовъ Кабинета и во главѣ ихъ генералъ Соколовскій были сильно заинтересо-

ваны сохраненіемъ прежнихъ порядковъ. Отсюда видно, что злоупотребленія въ этой сферѣ управленія возникли издавна и что генералу О—му, при всемъ добромъ желаніи, было-бы трудно вполнѣ ихъ искоренить; однако онъ могъ-бы уменьшить ихъ до болѣе скромныхъ размѣровъ, такъ какъ всякому извѣстно, какое вліяніе имѣетъ въ подобныхъ случаяхъ примѣръ начальника, умѣющаго внушать къ себѣ уваженіе. Но О—ій и не могъ имѣть никакого нравственнаго вліянія на своихъ подчиненныхъ, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что онъ участвовалъ вмѣстѣ съ другими въ обираниі казны, предоставляя себѣ,—само собою разумѣется,—львиную долю. Оттого-то мнѣ рѣдко случалось встрѣчать человека, который внушалъ-бы такое общее презрѣніе, даже и въ средѣ тѣхъ, кто дѣйствовалъ съ нимъ сообща. Въ Томскѣ я былъ заваленъ жалобами болѣе чѣмъ гдѣ либо; но слѣдуетъ сознаться, что населеніе этого города состоитъ изъ такого сброда бродягъ, что еслибы мѣстная полиція и была лучше организована, ея задача все-таки была-бы одной изъ самыхъ трудныхъ и самыхъ тяжелыхъ.

Конечно меня не могло на все достать, и я взялъ съ собою нѣсколько чиновниковъ и поручилъ имъ обревизовать тѣ присутственныя мѣста, на которыя мнѣ было указано, какъ на самыя неудовлетворительныя по составу служащихъ. Я потребовалъ отъ предсѣдателя палаты гражданскаго и уголовнаго суда барона Ш.... выхода въ отставку, такъ какъ это была продажная душа, для которой не было ничего святаго. Нѣкоторыя дѣла о банкротствахъ тянулись чрезвычайно долго, и между прочимъ дѣло о банкротствѣ нѣкоего Горохова на нѣсколько милліоновъ. Но это послѣднее дѣло было такъ дурно ведено съ самаго начала и такъ запутано нѣсколькими сенатскими указами, что у меня были совершенно связаны руки, и я не могъ добиться его окончанія, не смотря на мое доброе желаніе.

Я воспользовался предоставленнымъ въ мое распоряженіе паромомъ, чтобъ отправиться въ городъ Нарымъ, лежащій на Оби, слишкомъ въ 400 верстахъ къ Сѣверу отъ Томска, такъ какъ въ лѣтнюю пору нѣтъ возможности проѣхать туда сухимъ путемъ. Обь представляетъ огромную водную артерію; всѣ низменности были затоплены на большомъ разстояніи, и самый городъ Нарымъ походилъ на островъ, едва возвышающійся надъ поверхностью водъ. Тамъ имѣетъ свое мѣстопробываніе чиновникъ, которому подчинены Остяки—племя въ высшей степени хилое и бѣдное. Такъ какъ охота на пушныхъ звѣрей уже нѣсколько лѣтъ утратила свое прежнее значеніе, то Остяки почти исключительно занимаются рыбной ловлей. Но тамъ, точно такъ-же какъ и въ Березовѣ, Русскіе торговцы, благодаря своимъ капиталамъ

и большому умственному развитію, жестоко обижаютъ мѣстныхъ жителей, которые—настоящія дѣти природы и скоро совсѣмъ исчезли бы съ лица земли, еслибы о нихъ не заботилось правительство.

На переѣздъ до Нарыма, внизъ по теченію рѣки, я употребилъ только 24 часа, но на возвратный путь до Томска потребовалось вдвое болѣе времени, такъ какъ приходилось плыть противъ теченія. На половинѣ дороги между Нарымомъ и Томскомъ видно устье Чулыма—другой большой рѣки, которая течетъ отъ границы Восточной Сибири и впадаетъ въ Обь. Чулымъ судоходенъ до Ачинска въ годовое, и вѣроятно будетъ судоходенъ все лѣто, если по немъ будутъ ходить пароходы, приспособленные для такого плаванія. Въ послѣдствіи я поручилъ состоявшему при мнѣ морскому офицеру изслѣдовать теченіе Чулыма, и я увѣренъ, что эта водная артерія будетъ приобрѣтать съ каждымъ годомъ все болѣе важное значеніе какъ для перевозки товаровъ, такъ и для перевозки ссыльныхъ, отправляемыхъ въ Иркутскъ и въ Нерчинскъ.

На пути изъ Томска я завернулъ въ Маринскій уѣздъ, смежный съ Восточной Сибирью и полюбопытствовалъ осмотрѣть одинъ изъ золотыхъ приисковъ, находящихся въ тайгѣ. Этимъ названіемъ обозначаютъ въ Сибири обширныя пространства, совершенно необитаемыя. Тайга, о которой здѣсь идетъ рѣчь, тянется отъ послѣдняго населеннаго пункта Маринскаго уѣзда, Тиссула, до вершинъ Алтая. Тамъ были найдены довольно богатая залежи золотоносныхъ песковъ; это настоящая *terra incognita*, о которой правительство имѣетъ крайне неполныя свѣдѣнія. Имѣются лишь туманныя свѣдѣнія о томъ, что раскольники завели тамъ поселенія въ недоступныхъ мѣстахъ и что много каторжниковъ, бѣжавшихъ изъ мѣстъ заключенія, бродятъ тамъ на удачу, ища способа втайнѣ добраться до населенныхъ пунктовъ.

Я пробылъ въ Томскѣ долѣе, нежели предполагалъ, для того, чтобъ оказать гостепріимный пріемъ Французскому послу при Пекинскомъ дворѣ г-ну Бурбулону и его супругѣ, возвращавшимся сухимъ путемъ во Францію. Чтобъ облегчить иностранному дипломату путешествіе по Сибири, я послалъ къ нему на встрѣчу одного изъ моихъ адъютантовъ, котораго отдалъ въ его распоряженіе. Но такъ какъ г-нъ Бурбулонъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, медлил своимъ прибытіемъ, а мнѣ оставалось немного времени для предположенныхъ мною поѣздокъ, то я рѣшился отправиться въ Кузнецкъ, не дожидаясь прибытія Французскаго посла и поручилъ моей женѣ принять г-на Бурбулона въ Томскѣ и затѣмъ пріѣхать ко мнѣ въ Барнаулъ, откуда мы предполагали продолжать наше путешествіе вмѣстѣ.

Рудокопный Алтайскій округъ, состоящій изъ уѣздовъ Кузнецкаго, Бійскаго и Барнаульскаго, образуетъ самую богатую и самую живописную часть Западной Сибири. Эта поѣздка оставила мнѣ неизгладимыя воспоминанія, и какъ на этотъ разъ, такъ и въ послѣдствіи, въ 1864 и 1866 годахъ, я съ истиннымъ удовольствіемъ подѣвжалъ послѣ объѣзда Киргизской степи къ главному городу рудокопнаго округа Барнаулу, который казался мнѣ оазисомъ среди пустыни. Этотъ городъ носитъ на себѣ совершенно Европейскій отпечатокъ; онъ чистъ, хорошо обстроенъ, и въ немъ можно найти избранное общество. Хотя администрація Алтайскихъ горныхъ заводовъ находилась внѣ моего вѣдомства, однако всѣ состоявшіе при ней инженерные офицеры всегда оказывали мнѣ предупредительный и любезный примѣръ, и я не могу не выразить имъ за это горячей признательности. По пути изъ Томска въ Кузнецкъ я проѣзжалъ черезъ Салаиръ. Количество добываемаго тамъ серебра незначительно; но за то тамъ найдены, на разстояніи 14 верстъ отъ города, залежи каменнаго угля, который добывается съ выгодой, а попытка плавить серебро при помощи каменнаго угля дала удовлетворительные результаты.

Построенный на лѣвомъ берегу Томи, Кузнецкъ лежитъ среди одной изъ самыхъ плодородныхъ мѣстностей, а такъ какъ жизнь тамъ очень дешева, то тамъ поселились на постоянное жительство многие изъ тѣхъ, которые живутъ казенной пенсіей. Надъ городомъ господствуетъ возвышенность, на которой воздвигнуто укрѣпленіе. Тамъ служатъ благодарственный молебень въ годовщину того дня, когда пытавшіеся взять эту крѣпость приступомъ Калмыки были отражены. Со времени этого событія протекло почти цѣлое столѣтіе, и когда посмотришь, какую ничтожную роль играютъ съ тѣхъ поръ Калмыки и какъ сильно распространяется тамъ съ каждымъ днемъ Русскій элементъ, нельзя не признать громадныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ Сибирью въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ. Какъ на берегахъ Иртыша, такъ и въ Барабинской степи и во многихъ другихъ мѣстахъ встрѣчаются мѣстности, которыя носятъ названія крѣпостей, редутовъ, передовыхъ постовъ и т. д., указывая на роль, которую исполняли эти пункты въ недавнемъ прошломъ; а теперь тамъ не встрѣчается никого, кромѣ мирныхъ земледѣльцевъ, занятыхъ воздѣлываніемъ своихъ полей.

Обревизовавъ присутственныя мѣста, я отправился въ Барнаулъ, куда прибылъ въ одно время съ моей женой, которая, дождавшись проѣзда г-на Бурбулона черезъ Томскъ, тотчасъ поѣхала ко мнѣ.

Все золото, добываемое промываніемъ золотыхъ росыпей въ обѣихъ частяхъ Сибири, доставляется въ Барнаулъ; оно превращается тамъ въ слитки и отправляется оттуда на Петербургскій монетный

дворъ. Эта операція чрезвычайно интересна. Мы также присутствовали при разработкѣ серебряныхъ рудъ: Алтайскій горный округъ ежегодно доставляетъ этотъ металлъ Императорскому Кабинету, въ количествѣ 1000 пудовъ. Однимъ словомъ, намъ показали все, что стоило вниманія; для всѣхъ насъ это пребываніе въ Барнауль было поучительно, и я всегда буду съ искреннимъ удовольствіемъ вспоминать объ этомъ городѣ и о генералѣ Фрезѣ, который принялъ насъ съ изысканной любезностью.

Изъ Барнаула мы направились къ Бійску. Носящій это названіе, обширный округъ тянется до границъ Китая и заключаетъ въ себѣ склоны горъ, на которыхъ Калмыки пасутъ стада. Торговля съ этими кочевниками сосредоточена въ рукахъ Бійскихъ купцовъ, и именно отсюда выходили миссіонеры, обращающіе язычниковъ въ христіанство.

За Бійскомъ начинается подъемъ на Алтайскія горы; это—дикая страна, напоминающая Альпы. Тамъ встрѣчаются большія озера, изъ которыхъ берутъ свое начало Бійя и Катунь и, соединившись вмѣстѣ, образуютъ самую большую изъ рѣкъ Западной Сибири—Обь.

Чтобъ укрѣпить новообращенныхъ въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, были основаны въ Алтаѣ монастыри мужской и женской, а въ послѣдствіи, именно въ 1866, архимандритъ Владимиръ былъ поставленъ во главѣ этой миссіи, которую Императрица приняла подъ свое покровительство. Теперь есть основаніе надѣяться, что обращеніе въ христіанство будетъ вестись болѣе успѣшно, чѣмъ прежде. Идолопоклонники вообще расположены къ принятію христіанства, между тѣмъ какъ почти не было примѣра, чтобъ магометанинъ принялъ крещеніе. При томъ влеченіи къ расширенію, которое составляетъ характеристическую особенность Русскаго элемента, земледѣльческое населеніе Бійскаго округа постоянно пытается завладѣть Калмыцкими землями, хотя это и запрещено закономъ. Эти отважные піонеры, состоящіе большею частію изъ сектантовъ, смѣло проникаютъ внутрь степи, съ цѣлію найти тамъ еще невоздѣланныя земли, уклониться отъ надзора гражданскихъ властей и пользоваться болѣе широкой свободой при исполненіи ихъ религіозныхъ обрядовъ.—Изъ Бійска мы повернули на Змѣиногоorskъ, одинъ изъ главныхъ центровъ добыванія металловъ въ Алтаѣ. Тамъ-то,—слишкомъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ,—Демидовъ открылъ первыя жилы среброносной руды. Добываніе серебра продолжается тамъ и до сихъ поръ, только руда оказывается уже далеко не такой богатой, какой была прежде. Мы спустились въ одну изъ пахтъ по очень удобной лѣстницѣ, выдолбленной въ утесѣ для императора Александра I-го, который намѣревался посѣтить Алтай.

скіе заводы, но не привелъ этого намѣренія въ исполненіе по непредвидѣннымъ препятствіямъ.

Изъ Змѣиногорска мы отправились въ Усть-Каменогорскъ, гдѣ оставили наши кареты для того, чтобъ совершить переѣздъ черезъ горы въ направленіи къ Бухтармѣ въ болѣе легкихъ экипажахъ. Трудно найти болѣе разнообразные пейзажи, болѣе живописную мѣстность и болѣе роскошную флору, чѣмъ на склонѣ этихъ горъ. Въ казачьихъ станицахъ, гдѣ мы останавливались мѣнять лошадей, все дышетъ благосостояніемъ и избыткомъ. На станціяхъ насъ окружали женщины и дѣвушки, предлагавшія намъ въ изобиліи плоды и медъ.

Бухтарма сама по себѣ не имѣетъ большаго значенія, но ея не можетъ миновать тотъ, кто направляется въ Зырянскъ, гдѣ въ настоящее время находится самая богатая руда, отъ разработки которой въ нѣкоторой мѣрѣ зависятъ результаты добыванія серебра въ Алтай. Къ сожалѣнію, тамъ нѣтъ топлива, и добытый металлъ сначала отправляется колеснымъ путемъ до береговъ Иртыша въ Бухтарму, потомъ спускается внизъ по теченію рѣки до Усть-Каменогорска и, наконецъ, снова везется на колесахъ въ Змѣиногорскъ, Локтевскъ, Барнауль и пр., гдѣ и обращается въ слитки. Впрочемъ, Зырянская руда заключаетъ въ себѣ столько серебра, что всѣ эти расходы по перевозкѣ покрываются съ избыткомъ.

Для возвратнаго пути мы предпочли водяное сообщеніе и отплыли изъ Бухтармы на тѣхъ баркахъ, на которыхъ перевозятъ ископаемый матеріалъ. На этомъ разстояніи Иртышъ течетъ промежъ двухъ остроконечныхъ утесистыхъ горъ, и его воды бѣгутъ до того быстро, что стоило большихъ усилій, чтобъ тянуть барки противъ теченія. Изъ Усть-Каменогорска дорога идетъ черезъ Семипалатинскъ къ Омску, куда мы возвратились въ концѣ Іюля.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

10.

Стр.

Стр.

1. Автобіографія А. О. Дюгамеля. XVIII—XXII. Движеніе въ Среднюю Азію.—Братья Милютины.—Завоеваніе Ташкента.—Сибирскій заговоръ.—Генераль Сколковъ.—Русскіе и Поляки.—Жизнь въ Подольской губерніи. *Приложенія:* 1) Финансовыя ошибки; 2) Балтійскія губерніи; 3) Греко-Турецкое столкновеніе; 4) Персія и Турція; 5) На случай войны 161
2. Записки Н. Н. Муравьева. 1812 годъ. М. С. Лунинъ.—Подъ Смоленскомъ.—Кончина Колошина.—Князь Кутузовъ.—Бородино.—Подвигъ Ермолова.—Братья Орловы.—М. Н. Муравьевъ 225
3. Воспоминанія давнопрошедшаго. В. А. Никорева. II. Внукъ гр. Закревскаго.—В. И. Назимовъ у Ермолова.—Заря освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.—Частная записка крѣпостнымъ людямъ.—Бесѣды съ графомъ Закревскимъ.—Общее заключеніе о преобразованіяхъ Александра Второго 263

4. Эпизоды при введеніи Положенія 19 Февраля. М. П. Щербининъ.—Помѣщикъ М. П. Тинькова.—Откупшіе крестьянъ у помѣщика Харьковича. Н. А. Рѣшетова. 273
5. Своеобразное мнѣніе А. С. Шишкова. 283
6. Разказы изъ недавней старины.—Времена императора Павла.—Николай Павловичъ.—Императрица Марья Александровна.—А. Н. Муравьевъ—Филареты.—Иннокентій Таврическій.—Евсей.—Князь Васильчиковъ и графъ Киселевъ. И. С. Листовскаго. 287
7. О картинѣ Брюлова: „Послѣдній день Помпеи“. Изъ письма Ѳ. В. Чинова къ А. А. Иванову... .. 296
8. Стихотвореніе Ѳ. И. Тютчева: „Москвичамъ“ и отвѣтъ „Москвичей“. 1865. 293
9. Графиня Е. П. Растопчина.—Старушка изъ степи. 299

(Содержаніе Р. Архива 1881 г. см. на обор.).

Приложена картинка, изображающая засѣданіе Государственнаго Совѣта 19 Января 1833 г.: Императоръ Николай Павловичъ награждаетъ Сперанскаго за Полное Собраніе и Сводъ Законовъ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1885.

АВТОБІОГРАФІЯ А. О. ДЮГАМЕЛЯ.

XVIII *)

Вопросъ о расширеніи нашихъ границъ со стороны Средней Азіи былъ снова поставленъ на очередь Оренбургскимъ ген.-губернаторомъ Безакомъ. Составленъ специальный комитетъ для обсужденія этихъ предположеній. Поводомъ для военныхъ дѣйствій противъ Кокана выставлена трудность снабжать провіантомъ гарнизоны построенныхъ въ Сыръ-Дарьѣ фортовъ, между тѣмъ какъ занятіе Ташкента должно было доставить драгоцѣнныя въ этомъ отношеніи средства. Само собою разумѣется, что Милютинъ вполне сочувствовалъ идеямъ Безака. У меня потребовали свѣдѣній, какое количество войскъ я могъ отрядить для содѣйствія завоеванію Ташкента, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ приказали составить приблизительную смѣту расходовъ, которыхъ оное потребуеть. Я въ точности исполнилъ данное мнѣ приказаніе, и, сколько могу припомнить, сумма расходовъ была мною опредѣлена въ 900 т. р. с.

По крайнему моему убѣжденію, не одобряя предположеннаго похода и вмѣстѣ съ тѣмъ желая отклонить отъ себя всякую въ этомъ дѣлѣ отвѣтственность, я написалъ 26-го Мая 1862 г. вице-канцлеру слѣдующее письмо, въ которомъ откровенно изложилъ мой взглядъ на

*) См. первую и вторую книги Р. Архива сего года. П. В.

этотъ предметъ и указалъ на неудобство такихъ безпрестанно возобновлявшихся походовъ.

„Ваше с—ство! Я только что представилъ г. военному министру (согласно съ оставшимся 9-го Марта журнальнымъ постановленіемъ комитета, которому поручено обсудить вопросы, касающіеся Китая и Сыръ-Дарьинской линіи) подробную записку о средствахъ, которыми я могъ бы располагать въ видахъ содѣйствія завоеванію Ташкента. Въ этой запискѣ я указалъ, какого плана военныхъ дѣйствій слѣдовало бы держаться, съ какими трудностями будетъ сопряжено снабженіе и прокормленіе и каковы приблизительно будутъ расходы на этотъ походъ“.

„Я не могу раздѣлять мнѣній г.-ад. Безака и г.-лейт. Ковалевскаго касательно необходимости и пользы завоеванія Ташкента. Я опасаюсь, чтобъ мы не вовлеклись въ невыгодное дѣло, окончательныхъ послѣдствій котораго даже нельзя въ настоящую минуту предусмотрѣть. Стремиться къ дальнимъ завоеваніямъ вмѣсто того, чтобъ развивать средства За-илийскаго края, который могъ бы быть приведенъ въ цвѣтущее состояніе, еслибы его заселяли не казаками, а иными колонистами,—тоже, что отказываться отъ существеннаго и гоняться за призраками“.

„Но главное возраженіе, по моему мнѣнію, вызываемое предположеніемъ г. Безака, относится къ денежному вопросу. Я полагаю, что каждый изъ насъ долженъ прежде всего заботиться о сокращеніи государственныхъ расходовъ, между тѣмъ какъ для всякаго очевидно, что расширеніе нашихъ границъ какъ со стороны Оренбурга, такъ и со стороны Западной Сибири до Ташкента навсегда обременитъ государство огромными дополнительными расходами. Это, подобно Кавказу, пропасть, которая будетъ поглощать всѣ наши доходы“.

„Не слѣдуетъ терять изъ виду и того обстоятельства, что съ удаленіемъ изъ страны такой значительной части ея военныхъ силъ, граница Китая останется почти безъ всякаго надзора, между тѣмъ какъ, со времени поднятія вопроса о проведеніи пограничной линіи, обнаруживается у Китайскихъ начальниковъ смежныхъ провинцій враждебное настроеніе, которое крайне необходимо сдерживать“.

„Въ донесеніяхъ нашихъ консуловъ, живущихъ въ Чугучакѣ и Кульджаѣ, равно какъ и начальниковъ, командующихъ на лѣвомъ флангѣ, идетъ рѣчь о Китайскихъ отрядахъ, проникшихъ на наши земли одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Развѣ можно поручиться, что Китайцы, узнавши объ участіи большей части нашихъ военныхъ силъ въ походѣ на Ташкентъ, не предпримутъ открытаго на насъ нападенія? Вниманіе г. Безака сосредоточено на одномъ предметѣ, тогда какъ слѣдуетъ соображать всѣ обстоятельства въ совокупности“.

Отвѣтъ князя Горчакова не заставилъ долго себя ждать; онъ помѣченъ 15-го Іюня изъ Царскаго Села, и я считаю долгомъ привести его вполнѣ:

„Я страдаю, г-нъ генералъ, сильными приступами падагры. Тѣмъ не менѣе не хочу откладывать отвѣтъ на ваше письмо отъ 26-го Мая изъ Омска, въ виду важности его содержанія. Вы извините мой лаконизмъ ради содержанія. Я сообщилъ содержаніе вашего письма Императору. Его Величество изволилъ написать на немъ собственноручно слѣдующія слова: „Это очень основательно и благоразумно“. Я присоединяюсь къ этому мнѣнію со всею силою моихъ личныхъ убѣжденій. Я просилъ г.-ад. Милютина замѣнить меня въ этомъ случаѣ о сообщить г. Безаку ваше мнѣніе, одобренное Императоромъ“.

Внизу этого письма находился, постскриптумъ, написанный собственноручно княземъ Горчаковымъ по-русски: «Я очень счастливъ, что мы идемъ рука въ руку».

Такъ какъ Государь нашелъ мое мнѣніе основательнымъ и благоразумнымъ, а князь Горчаковъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе Его Величества, то можно было ожидать, что всѣ завоевательные замыслы будутъ отложены въ сторону, если не навсегда, то по меньшей мѣрѣ на неопредѣленное время. Однако этого не случилось. Г. Милютинъ не хотѣлъ оставаться въ положеніи человѣка, потерпѣвшаго неудачу и повелѣ дѣло такъ, что черезъ полтора года правительство снова взялось за проектъ наступленія; но для отвода глазъ рѣчь шла уже не о Ташкентѣ, а о соединеніи военныхъ линій Оренбургской и Сибирской.

Нельзя отнимать у г-на Милютина того достоинства, что онъ не утомимый работникъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чрезвычайно склоненъ къ новизнѣ. Подъ предлогомъ переустройства, онъ измѣнилъ въ самомъ основаніи прежнюю военную администрацію. Прежде чѣмъ высказывать какое-либо мнѣніе о пользѣ этихъ реформъ, слѣдуетъ посмотреть, какъ выдержать они опытъ большой войны, такъ какъ то, что кажется хорошимъ въ теоріи, очень часто оказывается негоднымъ на практикѣ.

5 Января 1863 я отправился въ Петербургъ. Въ силу установившагося обыкновенія г.-губернаторы отдаленныхъ областей приѣз-

жають разъ въ каждыя два года въ столицу, щобъ ускорить окончаніе нерѣшенныхъ дѣлъ и явиться ко двору. Для моей поѣздки былъ еще одинъ поводъ: я желалъ выставить въ его настоящемъ свѣтѣ Михайловское дѣло, о которомъ я уже упоминалъ ранѣе и которому неблагонамѣренные люди старались придать такое значеніе, какого оно вовсе не имѣло. Въ Петербургѣ всегда есть множество генераловъ безъ мѣста, которые ищутъ должности, и немало честолюбцевъ, которымъ очень хотѣлось раздуть это непріятное дѣло для того, чтобъ сѣсть на мое мѣсто. Въ Россіи недостаточно добросовѣстнаго исполненія обязанностей и пользы, которую приносишь на службѣ Государю; чтобъ удержаться на мѣстѣ, необходимо еще постоянно вести борьбу съ врагами, которые скрываются въ мракѣ и которые стараются вредить вамъ коварными внушеніями. Чтобъ разстроивать эти каверзы, надо сдѣлаться такимъ-же пронырою, какъ они, а это было мнѣ вовсе не по вкусу.

Бдучи въ Петербургѣ, я узналъ въ Нижнемъ Новгородѣ, что, по случаю или скорѣе подъ предлогомъ производившагося въ царствѣ Польскомъ рекрутскаго набора, тамъ вспыхнуло страшное возстаніе, распространившееся оттуда и по Западнымъ областямъ. Хотя я и не былъ призванъ ни къ какому участию въ подавленіи этого возстанія, но оно сильно отразилось на моей служебной дѣятельности, такъ какъ тысячи Поляковъ различныхъ категорій были отправлены въ Сибирь за болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ этихъ волненіяхъ. Трудно составить себѣ понятіе, въ какой мѣрѣ этимъ усложнились мои служебныя обязанности и лежащая на мнѣ отвѣтственность. Съ одной стороны я видѣлъ множество несчастныхъ людей, лишенныхъ всякихъ средствъ существованія, а съ другой мнѣ приходилось быть на сторожѣ, чтобъ доведенные до отчаянія ссыльные не пустились на какое-нибудь отчаянное предпріятіе, отъ котораго ихъ положеніе могло сдѣлаться еще болѣе тяжелымъ. Мнѣ приходилось принимать мѣры предосторожности, чтобъ не быть застигнутымъ върасплохъ, и въ тоже время я долженъ былъ избѣгать всякихъ бесполезныхъ стѣснительныхъ мѣръ, которыя только довели бы до отчаянія людей, уже раздраженныхъ лишеніями всякаго рода. Все это вмѣстѣ взятое требовало край-

ней осмотрительности и мѣръ предосторожности, которымъ я посвящалъ большую часть моего времени.

Я прибылъ въ Петербургъ среди возбужденія умовъ, вызваннаго Польскими событіями. Государь принялъ меня очень милостиво.

Фортъ Пишпекъ,—это настоящее разбойничье гнѣздо, изъ котораго Коканцы нападали на наши границы,—только что былъ занятъ войсками моего армейскаго корпуса (онъ былъ въ первый разъ взятъ въ 1860, но въ ту пору не былъ вполне разрушенъ). Этотъ военный успѣхъ доставилъ мнѣ изъявленія благодарности отъ Государя и отодвинулъ дѣло Михайлова на второй планъ. По этому случаю я вполне убѣдился, что изъявленій милостиваго царскаго расположенія достаточно для того, чтобъ зажать рты завистникамъ, которые думаютъ только о томъ, какъ бы васъ очернить.

Въ теченіе 1861 и 1862 годовъ, какъ я уже замѣтилъ ранѣе, вредныя идеи такъ распространились въ Россіи, что можно было опасаться политическаго переворота. Пожары, которые вспыхивали не только въ Петербургѣ, но и во многихъ другихъ мѣстахъ, были роковыми симптомами состоянія умовъ. Въ Польшѣ, быть можетъ, не было бы возстанія, если бы вожаки не рассчитывали на проглядывавшія въ Россіи революціонныя тенденціи и если бы они не надѣялись найти между Русскими помощь для своихъ преступныхъ замысловъ, такъ какъ многіе изъ мечтавшихъ о государственномъ переворотѣ недовольныхъ втайнѣ сочувствовали Полякамъ. Впрочемъ, Польское возстаніе имѣло ту хорошую сторону, что оно очистило политическую атмосферу и доставило всѣмъ живущимъ силамъ Россіи случай сгруппироваться вокругъ престола. Борьба была продолжительна и ужасна, она наложила на Россію тяжелыя жертвы; но результатомъ ея было то, что многія изъ болѣзненныхъ увлеченій разсѣялись, и государственный организмъ окрѣпъ, отбросивъ зловредныя начала, которыми былъ зараженъ.

Надо сознаться, что Польша никогда не имѣла менѣе поводовъ для жалобъ, какъ именно въ то время, когда вспыхнуло возстаніе. Польшею управляютъ братъ Государя Великій Князь Константинъ, а

всѣ его тенденціи были въ пользу Польской національности. Во главѣ гражданскаго управленія былъ поставленъ графъ Велепольскій, выразившій Полякамъ явное потворство, которое не было тайной ни для кого. Однимъ словомъ, Императоръ сдѣлалъ все что могъ, чтобъ административная автономія Польши была дѣйствительнымъ фактомъ и чтобъ Поляки примирились съ той участію, которую имъ приготовила Исторія. Но всѣ эти мотивы для успокоенія умовъ были не по вкусу Польской эмиграціи, въ которой кроется причина всѣхъ золъ, столько разъ удручавшихъ Польшу. Эмиграція уже давно дѣлала все что могла, чтобъ взволновать умы и подготовить революцію. И патріотическіе гимны, которые распѣвались въ церквахъ, и демонстрація, устроенная по случаю похоронъ архіепископа, и оскорбленія, съ которыми чернь обращалась къ Русскимъ военнаго званія, и другіе тому подобные симптомы—все ясно свидѣтельствовало, что зачинщики ожидали лишь благопріятнаго случая, чтобъ сбросить съ себя маску и взяться за оружіе. Поэтому рекрутскій наборъ былъ только предлогомъ, выставленнымъ для возбужденія къ возстанію, которое вспыхнуло бы и въ томъ случаѣ, если бы вовсе и не было рекрутскаго набора.

Въ тѣ два года, въ теченіе которыхъ продолжалась эта братоубійственная борьба, Поляки не останавливались ни передъ какими преступленіями и прибѣгали безъ всякихъ угрызеньй совѣсти къ висѣлицѣ, кинжалу и яду. Когда подумаешь, что число людей, погибшихъ насильственною смертію, превышаетъ три тысячи, то волосы становятся дыбомъ, и невольно предаешь проклятью тѣхъ, кто совершалъ такіа преступленія.

Роль, которую играло католическое духовенство во время этихъ событій, была,—я долженъ въ томъ со скорбію сознаться—отвратительная, такъ какъ священники не разъ становились во главѣ шаяекъ. Папѣ слѣдовало бы въ самомъ началѣ осудить революціонные происки католическаго духовенства и не позволять священникамъ заходить за предѣлы ихъ обязанностей. Къ несчастію, этого не было сдѣлано. Напротивъ того, папа, повидимому, сочувствовалъ повстанцамъ, такъ какъ въ своихъ публичныхъ рѣчахъ скорбѣлъ о притѣсненіяхъ.

ніяхъ, которымъ подвергалась католическая церковь, а между тѣмъ эти притѣсненія если гдѣ либо и происходили, то были вызваны враждебнымъ образомъ дѣйствій самого духовенства *). Въ Польшѣ католицизмъ такъ тѣсно связанъ съ національными стремленіями, что всякій разъ, какъ Поляки предъявляли требованіе своихъ утраченныхъ правъ, католическое духовенство бросалось очертя голову въ народное движеніе, а эта прискорбная солидарность была причиной того, что даже тѣ католики, которые не принадлежатъ къ Польской національности, всегда были во всей Имперіи предметомъ нѣкотораго недовѣрія со стороны правительства.

При такихъ обстоятельствахъ жизнь въ столицѣ вовсе не была привлекательна, и я сократилъ время моего тамъ пребыванія, на сколько было возможно. Я воспользовался послѣднимъ саннымъ путемъ, чтобъ возвратиться въ Сибирь и прибылъ около половины Мая въ Омскъ, гдѣ моя жена и Юлія ожидали меня съ горячимъ нетерпѣніемъ.

XIX.

Въ Западной Сибири число крѣпостныхъ всегда было очень незначительно, а въ 1861 оно не превышало двухъ тысячъ, такъ что ихъ освобожденіе совершилось съ чрезвычайной легкостью. Но кромѣ того были крестьяне Алтайскаго горнаго округа, которые были подчинены непосредственно Императорскому Кабинету и обязаны отбывать работы въ рудоконьяхъ, перевозить уголь, лѣсъ и минералы на довольно большихъ разстояніяхъ. Для крестьянъ этой категоріи былъ составленъ особый уставъ, а для наблюденія за его исполненіемъ назначены мировые посредники. Обязательный трудъ былъ замѣненъ денежнымъ оброкомъ, и такимъ образомъ уничтожены въ Сибири послѣдніе остатки крѣпостничества.

Назначеніе мировыхъ посредниковъ было предоставлено мнѣ; но не могу сказать, чтобъ всѣ они были вполнѣ удовлетворительны, такъ какъ я, по необходимости, долженъ былъ выбирать между тѣми чиновниками, которые находились у меня подъ рукой. Вообще я пришелъ къ убѣжденію, что какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири, мировые посредники нерѣдко отклонялись отъ пути, котораго они должны были держаться, и это потому, что они не ясно сознавали роль, къ которой они были призваны. Въмѣсто того, чтобъ сказать самимъ себѣ, что имъ слѣдуетъ примирять противоположные и нерѣдко носившіе враждебный характеръ интересы землевладѣльцевъ и крестьянъ и служить для тѣхъ и другихъ безпристрастными судьями, они почти вездѣ выступали въ качествѣ не только защитниковъ крестьянъ, но ихъ адвокатовъ, поддерживали самыя несправедливыя ихъ требованія и нарушали безъ дальнихъ стѣсненій и безъ всякаго зазрѣнія правъ собственниковъ. Подобно тому, какъ въ Россіи мировые посредники оставляли безъ вниманія жалобы помѣщиковъ, и въ Алтай они безцеремонно нарушали интересы Императорскаго Кабинета, оставляя въ сторонѣ требованія справедливости. Я никогда не допускалъ подобныхъ злоупотребленій и предпринималъ двѣ поѣздки въ Алтай, чтобъ сдерживать юношеское рвеніе мировыхъ посредниковъ и напоминать имъ объ исполненіи ихъ долга.

Обязательныя работы, возложенныя на Алтайскихъ крестьянъ, были главнѣйшею причиною, того, что обязанности главнаго начальника Алтайскихъ заводовъ и обязанности Томскаго гражданскаго губернатора были соединены въ одномъ и томъ же лицѣ; предполагалось, что сей послѣдній могъ быть какъ-бы помощникомъ перваго въ случаѣ, если бы сельское населеніе не исполняло своихъ обязанностей. Это соображеніе было устранено эмансипаціей крестьянъ и назначені-

емъ мировыхъ посредниковъ; поэтому я сталъ еще болѣе прежняго настаивать на раздѣленіи двухъ должностей.

Генераль О. былъ наконецъ отозванъ, а Томскимъ гражданскимъ губернаторомъ назначенъ, по моему представленію, д. с. с. Л. Послѣ О—го, котораго всѣ ненавидѣли, всякому новому губернатору не трудно было поставить себя въ хорошее положеніе; стоило только быть вѣжливымъ и любезнымъ съ подчиненными и доступнымъ для всякаго,—словомъ, стоило вести себя съ тактомъ. Но Л. не сдѣлалъ ничего, что могъ-бы и долженъ-бы былъ сдѣлать для пріобрѣтенія не популярности, а того, что гораздо болѣе необходимо—общаго уваженія, и когда, черезъ три года, онъ оставилъ Томскъ, о немъ никто не пожалѣлъ.

17 Апрѣля того же 1863 года появился манифестъ, уничтожавшій тѣлесныя наказанія. Хотя эта мѣра громко свидѣтельствовала о гуманныхъ чувствахъ императора Александра, однако она была въ высшей степени несвоевременна, такъ какъ освобожденіе крестьянъ и безъ того уже ослабило узы повиновенія, а уничтожить послѣднюю узду, внушавшую благотворный страхъ, было и неблагоразумно, и неполитично. Наказаніе плетью было отмѣнено, а для важныхъ преступленій оставлена только ссылка въ каторжныя работы. За преступленія того же рода, совершаемыя солдатами, перестали наказывать розгами сквозъ строй, а велѣно ссылать виновныхъ въ арестантскія роты или на каторжныя работы. Конечно, каторжныя работы могли-бы въ большинствѣ случаевъ считаться достаточнымъ наказаніемъ, если бы онѣ дѣйствительно существовали въ Сибири въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Къ сожалѣнію, не то на дѣлѣ, и въ Восточной Сибири, куда направляютъ всѣхъ безъ различія каторжныхъ, нѣтъ рудокопенъ, гдѣ ихъ можно-бы было заставить работать, такъ какъ работы на Нерчинскихъ заводахъ болѣею частію прекращены по причинѣ ихъ непроизводительности. Отсюда происходитъ, что каторжныя работы существуютъ не столько на дѣлѣ, сколько на бумагѣ; арестантскихъ домовъ едва достаточно для помѣщенія каторжныхъ, и эти дома не представляютъ никакого серьезнаго обезпеченія противъ попытокъ къ бѣгству; стало-быть, каторжнику вовсе нетрудно избѣгнуть наказанія. Это и случается ежедневно, а какъ наложеніе клейма раскаленнымъ желѣзомъ отмѣнено одновременно съ отмѣной тѣлесныхъ наказаній, то сдѣлалось положительно невозможнымъ отличать бѣглыхъ каторжниковъ отъ простыхъ бродягъ. Поэтому тюрьмы въ Западной Сибири набиты биткомъ людьми этихъ двухъ категорій, подобранными на большихъ дорогахъ и не имѣющими никакихъ документовъ, которыми можно бы было удостовѣрить ихъ личность.

Неудобства, происходящія отъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній, особенно чувствительны въ сферѣ дѣятельности городской и сельской полиціи. До той поры, полицейскія власти, какъ городскія, такъ и сельскія, имѣли право наказывать розгами за незначительные проступки, и такое скорое отправленіе правосудія совершенно соотвѣтствовало характеру и привычкамъ народа. За мѣна розогъ денежными пенями и тюремнымъ заключеніемъ была ошибкою; во первыхъ потому, что во многихъ мѣстахъ нѣтъ тюремъ, а тамъ, гдѣ онѣ есть, онѣ находятся далеко не въ удовлетворительномъ состояніи; во вторыхъ потому, что тюремное заключеніе отнимаетъ у простаго народа дорогое время, которое могло-бы быть употреблено съ пользою. А что касается денежныхъ штрафовъ, то виновные большею частію не имѣютъ средствъ ихъ уплатить. Во всѣхъ этихъ случаяхъ наказаніе розгами было-бы болѣе умѣстно и гораздо болѣе полезно. Сколько разъ приходилось мнѣ слышать отъ деревенскихъ старшинъ жалобы на то, что съ тѣхъ поръ, какъ уничтожены тѣлесныя наказанія, они лишены всякой возможности обуздывать негодяевъ. Быть можетъ, на это возразятъ, что сельское уложеніе даетъ волостному суду право присуждать къ наказанію 20-тью ударами розогъ; но тѣлесныя наказанія въ гомеопатическихъ размѣрахъ не производятъ никакого дѣйствія. Въ подтвержденіе этого я могу разсказать характерный анекдотъ. Одинъ крестьянинъ Барнаульскаго округа былъ присужденъ за какой-то проступокъ къ наказанію 20-тью ударами розогъ. Выслушавъ этотъ приговоръ, онъ обратился къ волостному начальнику съ слѣдующими словами: «Стоить-ли вамъ беспокоить себя изъ-за такихъ пустяковъ! Дождитесь, чтобъ я провинился десять разъ и тогда прикажите отсыпать всѣ 200 ударовъ за-разъ; по крайней мѣрѣ тогда будетъ изъ-за чего трудиться». Наконецъ, каково-бы ни было наше мнѣніе о пользѣ тѣлесныхъ наказаній, не подлежитъ сомнѣнію, что со времени отмѣны этихъ наказаній число проступковъ и преступленій значительно увеличилось въ Россіи и что тюрьмы переполнены арестантами. Даже дисциплина въ арміи пострадала. Отмѣняя наказаніе плетью, слѣдовало-бы ввести смертную казнь за важныя преступленія, какъ наприкладъ, за убійство; а такъ какъ этого не сдѣлано, то наше уголовное уложеніе оказывается неудовлетворительнымъ, и по необходимости придется его измѣнить.

Въ Январѣ 1864 военный министръ увѣдомилъ меня, что окончательно рѣшено соединеніе линій Оренбургской и Сибирской и что въ началѣ весны я долженъ отправить сильный отрядъ изъ Вѣрнаго въ Авліету, между тѣмъ какъ г-ль Безакъ съ своей стороны пошлетъ такой-же отрядъ для завладѣнія крѣпостью Туркестаномъ. Впослѣд-

ствіи эти два отряда должны были соединиться, смотря по ходу дѣлъ, гдѣ нибудь между Авліетой и Туркестаномъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ г-ль Милютинъ предложилъ мнѣ поручить командованіе отрядомъ экспедиціоннаго Сибирскаго корпуса полковнику Генеральнаго Штаба Черняеву, на что я охотно согласился, потому что Черняевъ имѣлъ репутацію способнаго и энергичнаго офицера. Немедленно было приступлено къ необходимымъ приготовленіямъ; къ 150 т. р., которые были плодомъ моихъ сбереженій по продовольствію войскъ за послѣдніе три года, назначены на покрытіе расходовъ. Около 25 Апрѣля отрядъ выступилъ изъ Вѣрнаго, и въ первыхъ числахъ Мая онъ перешелъ черезъ рѣку Чу, которая до того времени считалась границей, отдѣлявшей наши владѣнія отъ Коканскаго ханства. Въ началѣ Іюня наши войска достигли Авліеты и взяли эту крѣпость приступомъ, между тѣмъ какъ со стороны Оренбурга также была нами взята крѣпость Туркестанъ. Послѣ развѣдокъ, сдѣланныхъ въ различныхъ направленіяхъ, Черняевъ двинулся на Чимкентъ—пунктъ болѣе важный и сильнѣе укрѣпленный чѣмъ тѣ два, и овладѣлъ имъ, благодаря чрезвычайно смѣлому нападенію, въ располхъ. Съ той минуты предположенное соединеніе двухъ отрядовъ обезпечилось. Но, какъ и слѣдовало ожидать, на этомъ не остановились, хотя князь Горчаковъ, въ своемъ циркулярѣ къ Русскимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ, и заявилъ формально, что Россія уже достигла предположенной цѣли и не имѣетъ намѣренія расширять своихъ завоеваній. Событія очень скоро и очень рѣшительно опровергли эти дипломатическія завѣренія вице-канцлера.

Въ слѣдующемъ году мы заняли Ташкентъ, который былъ главнымъ по торговлѣ и самымъ многочисленнымъ изъ городовъ Коканскаго ханства, а въ 1866 мы даже перешли за Сыръ-Дарью. Послѣ побѣды, одержанной въ открытомъ полѣ, мы также завладѣли Ходjentомъ и Джузакомъ. Однако, скоро пришлось убѣдиться, что гораздо легче расширять владѣнія и брать плохо защищенные города, чѣмъ вводить правильную администрацію въ завоеванныхъ странахъ. Ни Черняевъ, ни тѣ, которые впослѣдствіи занимали его мѣсто, не имѣли успѣха въ попыткахъ этого рода. Налоги не покрываютъ расходовъ на администрацію; торговля, на счетъ которой ласкали себя столькими мечтами, далеко не достигаетъ тѣхъ размѣровъ, какихъ ожидали; а прокормленіе войскъ не сдѣлалось болѣе легкимъ, чѣмъ прежде, такъ какъ, хотя Ташкентская область и доставляетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторые способы, но число людей, которыхъ приходится продовольствовать, увеличилось въ еще болѣе значительномъ размѣрѣ. Я всегда былъ того мнѣнія, что взятіе Ташкента будетъ необходимымъ и не-

избѣжнымъ послѣдствіемъ нашего наступательнаго движенія и могу только удивляться, что князь Горчаковъ считалъ возможнымъ установить географическіе предѣлы нашей территоріи разсылкою дипломатическаго циркуляра. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я полагалъ, что мы не имѣемъ никакого благовиднаго основанія переходить за Сыръ-Дарью. Намъ слѣдовало-бы остановиться на правомъ берегу этой рѣки, такъ какъ Сыръ-Дарья образуетъ нашу единственную природную границу и со стороны Кокана, и со стороны Бухары. Перейдя на лѣвый берегъ этой рѣки, мы заставили Бухарскаго эмира принять участіе въ борьбѣ; уже происходило нѣсколько кровавыхъ стычекъ между Бухарскими войсками и нашими, и намъ скоро придется выбирать одно изъ двухъ: или присоединить къ Имперіи Бухарское ханство, или быть постоянно насторожѣ противъ этого безпокойнаго сосѣда. При такихъ условіяхъ не можетъ процвѣтать торговля, для которой нужны спокойствіе и безопасность, а въ такомъ случаѣ спрашивается: какую-же пользу извлечемъ мы изъ того, что проникли въ глубь Средней Азіи? Англійская періодическая печать высказалась очень сдержанно о недавнихъ успѣхахъ нашего оружія въ этой части Азіи, между тѣмъ какъ прежде она была тревогу при извѣстіи о малѣйшемъ покушеніи Русскихъ проникнуть въ эти страны. Это доказываетъ только, что Англичане отказались отъ своихъ прежнихъ химерическихъ опасеній и начали понимать, какъ мало имѣютъ цѣны наши завоеванія въ Средней Азіи. Вмѣсто того, чтобъ завидовать нашимъ успѣхамъ, они имѣютъ полное основаніе радоваться нашимъ ошибкамъ, такъ какъ для всякаго очевидно, что, расширяя наши владѣнія не въ мѣру, мы только ослабляемъ сами себя и что оттого сильно страдаютъ наши финансы. Къ этому положенію дѣлъ можно примѣнить извѣстное выраженіе барона Луи: ведите хорошо политическія дѣла, и я вамъ хорошо устрою финансовыя. Мнѣ хорошо извѣстно, что и вице-канцлеръ, и министръ финансовъ сопротивлялись воинственнымъ стремленіямъ, которыя мы обнаруживаемъ въ Средней Азіи. Но недостаточно имѣть вѣрный взглядъ на вещи; надо кромѣ того имѣть достаточно силы воли, чтобъ примѣнить его къ дѣлу.

Уже прошло почти три года съ тѣхъ поръ, какъ жена моя выѣхала изъ своего имѣнія въ Подоліи, и управленіе нашимъ помѣстьемъ страдало отъ такого продолжительнаго отсутствія. Поэтому, не смотря на разстояніе, она рѣшилась отправиться туда, лишь только позволятъ дороги; ея отсутствіе должно было продолжаться болѣе года, а такъ какъ я предполагалъ отправиться на зиму въ Петербургъ, то и общалъ ей пріѣхать въ Носковцы слѣдующей весной.

30 Апрѣля Омское общество устроило въ честь моей жены на прощанье очень хорошенькій сельскій праздникъ, а 2 Мая она выѣхала изъ Омска вмѣстѣ съ Юліей, которая уже дѣлалась большой барышней. Одиночество, въ которомъ мнѣ приходилось жить, конечно, было бы очень для меня тяжело, еслибы я не былъ заваленъ работой: мои занятія умножались съ каждымъ днемъ.

Независимо отъ побѣдъ, одержанныхъ нашими войсками, 1864 г. ознаменовался подписаніемъ протокола касательно установленія нашихъ границъ съ Западнымъ Китаемъ. Переговоры касательно этого предмета начаты за три года передъ тѣмъ, и наши комиссары неоднократно ѣздили для совѣщаній съ Китайскими комиссарами въ Чугучакъ, Китайскій городъ, находящійся неподалеку отъ нашей границы. Хотя основанія для проведенія пограничной черты были установлены одною изъ статей заключеннаго въ 1860 году Пекинскаго договора, но они могли быть различно истолкованы вслѣдствіе того, что лица, составившія этотъ договоръ, имѣли крайне поверхностныя свѣдѣнія о географическихъ очертаніяхъ этой обширной земли, простирающейся слишкомъ на 2000 верстъ отъ Алтайскихъ горъ на Сѣверѣ до Тянь-Шанскихъ горъ на Югѣ. Это было причиной многихъ пререканій, доходившихъ даже до враждебныхъ столкновеній на нѣкоторыхъ мѣстахъ нашей границы, а между тѣмъ вопросъ о разграниченіи не подвигался ни на шагъ къ своему разрѣшенію. Только въ Октябрѣ 1864 г. Китайскіе комиссары, наконецъ, рѣшились подписать протоколъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ составленъ нашими комиссарами, и настоящую причину такой уступчивости, поразившей насъ удивленіемъ, слѣдуетъ, какъ я полагаю, искать въ болѣе чѣмъ непрочномъ положеніи, въ которомъ находились въ ту пору западныя провинціи Китайской имперіи. Неудовольствіе Китайскихъ магометанъ, извѣстныхъ подъ именемъ Дунганъ, въ тайнѣ усиливалось, и вспыхнувшее въ различныхъ мѣстахъ возстаніе дѣлало быстрые успѣхи, распространяясь все далѣе и далѣе. Китайскіе комиссары, въ числѣ которыхъ было немало должностныхъ лицъ самаго высшаго ранга, быть можетъ, надѣялись, что изъявивъ свое согласіе на такое истолкованіе трактата, какое было сформулировано нашими комиссарами, они найдутъ, въ случаѣ усиленія возстанія, поддержку со стороны Россіи. Такимъ образомъ всѣ условія Пекинскаго трактата были исполнены за исключеніемъ той статьи, которая касалась учрежденія Русской факторіи и Русскаго консульства въ Кашгарѣ. Эту статью не было возможности исполнить, потому что въ Западномъ Китаѣ господствовала анархія, и власть Пекинскаго правительства надъ Кашгаромъ была чисто-номинальная.

Чѣмъ далѣе отодвигали мы наши границы, тѣмъ труднѣе становилось управлять обширными землями не вполне заселенными. Чтобы устранить неудобства, проистекавшія отъ такого положенія дѣла, были придуманы различныя комбинаціи, которыя почти всѣ сводятся къ слѣдующимъ двумъ проектамъ: всѣ степи, до сихъ поръ принадлежавшія къ округамъ Оренбургскому и Западно-Сибирскому, соединить съ вновь завоеванными странами и отдать ихъ въ управленіе особому генералъ-губернатору, и за то отдѣлить Енисейскую губернію отъ Восточной Сибири и присоединить ее къ Западной Сибири съ перенесеніемъ центра главнаго управленія изъ Омска въ Томскъ. Я всегда былъ противникомъ этой маніи измѣнять очертанія различныхъ губерній и переносить центры ихъ управленія изъ одного города въ другой, такъ какъ происходящія отсюда выгоды болѣе чѣмъ сомнительны, а независимо путаницы въ дѣлахъ, такія перемѣны сверхъ того требуютъ значительнаго увеличенія расходовъ. Когда спросили моего мнѣнія объ этомъ новомъ проектѣ, я положительно заявилъ, что считаю его неосуществимымъ, такъ какъ пространство, которое тянется съ одной стороны въ восточномъ направленіи отъ Каспійскаго моря и отъ береговъ Урала до границъ Китая, а съ другой стороны въ южномъ направленіи отъ Иртыша до Тянь-Шана и до Сыръ-Дарьи, такъ громадно, что я нахожу полсжительно невозможнымъ отдать его въ управленіе одному лицу, тѣмъ болѣе, что въ центрѣ этого пространства нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы основаться новому генералъ-губернатору, и потому онъ былъ-бы поневолѣ обязанъ жить гдѣ-нибудь на границѣ.

Въ половинѣ Ноября я выѣхалъ въ Петербургъ для того, чтобы воспротивиться утвержденію вышеупомянутаго проекта, а также, чтобы обсудить вмѣстѣ съ военнымъ министромъ тѣ мѣры, которыя слѣдовало принять, чтобы упрочить за нами новыя завоеванія; но, очевидно, имѣлось въ виду лишить меня моего служебнаго положенія и, стѣсняя его, насколько было возможно, заставить меня отказаться отъ моего мѣста. Поэтому, отправляясь въ Петербургъ, я твердо рѣшился не возвращаться въ Сибирь въ томъ случаѣ, если военный министръ успѣетъ осуществить свою мысль о раздѣленіи подвѣдомственнаго мнѣ края.

.XX.

На этотъ разъ я пробылъ въ Петербургѣ слишкомъ четыре мѣсяца.

Число сосланныхъ въ Сибирь Поляковъ чрезмѣрно увеличилось въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ и причиняло намъ серьезныя за-

трудненія. Какъ было отказать въ вспомошествованіи тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ не было никакихъ средствъ? Нельзя же было оставлять ихъ умирать съ голоду. Впрочемъ и не всѣ они были въ равной мѣрѣ виновны. На тѣхъ изъ Поляковъ, которые были водворены на казенныхъ земляхъ и число которыхъ доходило въ одной Западной Сибири почти до восьми тысячъ, въ сущности не лежало особенно тяжелыхъ обвиненій. Въ спискахъ, которые мнѣ представлялись, эти Поляки обыкновенно значились въ разрядѣ неблагонадежныхъ, то-есть такихъ, на которыхъ нельзя полагаться; а я не знаю, кого нельзя-бы было подвести подъ такую неопредѣленную и эластичную категорію. Въ сущности поводомъ для всѣхъ этихъ переселеній цѣлыми массами служило желаніе удалить однихъ и тѣмъ очистить мѣсто для другихъ. Поэтому дѣло шло прежде всего о томъ, чтобъ, во избѣжаніе произвольныхъ и неразрѣшенныхъ тратъ, установить размѣръ вспомошествованія, на которое каждый имѣлъ-бы право для покрытія расходовъ на пропитаніе и на квартиру.

Вопросъ о соединеніи управленія Оренбургскихъ степей съ управленіемъ Западно-Сибирскихъ степей былъ снова поставленъ на очередь. Начальство надъ этимъ новымъ военнымъ округомъ было предложено генералу Тимашеву, назначенному на мѣсто г-ла Безака въ Оренбургъ. Впрочемъ въ томъ, что касается разстояній, затрудненія не были устранены. Эта комбинація не состоялась, а въ то время, какъ этого всего менѣе ожидали, г-ль Тимашевъ рѣшительно отказался подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья. Я никогда не могъ понять причины этого отказа; но полагаю, что такъ какъ Тимашевъ находился не въ лучшихъ отношеніяхъ съ военнымъ министромъ, то онъ опасался, что не найдетъ со стороны сего послѣдняго искренней поддержки.

Въ видѣ предварительной мѣры, было рѣшено организовать управленіе Туркестанской области посредствомъ соединенія Сыръ-Дарьинской линіи съ вновь прибрѣтенной областью, и все это подчинить Оренбургскому генераль-губернатору. Тѣмъ временемъ Безакъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ юго-западнаго края, а въ Оренбургъ его замѣнилъ генераль Крыжановскій.

Между тѣмъ къ намъ приходили самыя печальныя вѣсти изъ западныхъ провинцій Китая, гдѣ возстаніе Дунганъ дѣлало съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тревожные успѣхи. Мы скоро узнали, что Кульджа взята инсургентами и что были умерщвлены всѣ Китайцы, начиная съ генераль-губернатора Илійской провинціи Дзанъ-Дзуна. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, такой же участи подвергся Чугучакъ; и съ той минуты уже не осталось и слѣда Пекинскихъ

властей въ пограничныхъ съ Россіей Китайскихъ провинціяхъ. Въ то же время на нашей землѣ укрылось нѣсколько тысячъ несчастныхъ которымъ грозила неизбѣжная смерть. Ихъ положеніе было до того бѣдственное, что я былъ вынужденъ снабдить ихъ пищей и одеждой.

Былъ поднятъ вопросъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ въ Китайскія дѣла, къ которому громко взывало Пекинское правительство, а въ подкрѣпленіе такого мнѣнія указывалось на содѣйствіе оказанное Китайскому правительству Англо-Французскими военными силами во время подавленія возстанія Тайпинговъ. Военный министръ, по своему беспокойному характеру, не желалъ-бы ничего лучшаго, какъ навязать себѣ такую обузу. Я былъ противоположнаго мнѣнія; во-первыхъ потому, что для вмѣшательства безъ всякаго риска были нужны такія военныя силы, какими мы не могли располагать въ ту минуту, а во-вторыхъ потому, что въ такихъ раззоренныхъ и опустошенныхъ странахъ, какъ провинціи Или и Тарбагатай, содержаніе войскъ вовлекло бы насъ въ очень большіе расходы, между тѣмъ какъ отъ Пекинскаго двора, по его двоедушной политикѣ, трудно было ждать благодарности за жертвы, которыя намъ пришлось бы добровольно принести. Вице-канцлеръ одобрилъ мое мнѣніе и расположилъ Государя принять оное. Съ той минуты мы стали держаться самого строгаго нейтралитета по отношенію къ Дунганамъ.

Получивъ дозволеніе отправиться на шесть недѣль къ себѣ въ имѣніе, въ Подолію, я выѣхалъ изъ Петербурга около половины Марта и прибылъ 24 Марта въ Носковцы.

Польское возстаніе имѣло самое прискорбное вліяніе на судьбу помѣщиковъ въ Западныхъ губерніяхъ, и не только Поляки, но даже и Русскіе, владѣвшіе въ этихъ губерніяхъ помѣстьями, были поставлены, вслѣдствіе различныхъ административныхъ мѣропріятій, въ самое невыгодное положеніе. Указомъ 30 Іюля 1863 г., всякія обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ, были прекращены съ 1 Сентября того же года, и вмѣсто выкупа по соглашенію былъ введенъ во всѣхъ западныхъ провинціяхъ обязательный выкупъ со скидкой 20% съ той оцѣнки земель, которая была введена положеніемъ 19 Февраля 1861 г. Въ замѣнъ избранныхъ дворянствомъ мировыхъ посредниковъ, къ которымъ правительство питало основательное недовѣріе, были назначены мировые посредники изъ чиновниковъ. Выборъ этихъ должностныхъ лицъ былъ въ большинствѣ случаевъ самый неудачный. Кромѣ нѣсколькихъ исключеній, это были негодяи и настоящіе пролетаріи, пропитанные ненавистью и завистью къ дворянству и готовые утверждать за-одно съ Прудономъ, что собственность есть кража. Когда исторія позна-

комитъ насъ съ возмутительными несправедливостями, которыя совершались мировыми посредниками при исполненіи ихъ официальныхъ обязанностей, тогда станетъ понятно, почему какъ Русскіе, такъ и Польскіе помѣщики были такъ глубоко раздражены, и оказалось достаточнымъ нѣсколькихъ лѣтъ, чтобъ разорить земли, которыя до того времени были самыми плодородными и самыми богатыми во всей Имперіи. При видѣ того какъ дѣйствовали мировые посредники, можно бы было подумать, что ихъ единственная задача заключалась въ уменьшеніи платимыхъ крестьянами помѣщику повинностей, посредствомъ самыхъ лукавыхъ придирокъ, а это направленіе было тѣмъ болѣе прискорбно, что на такія возмутительныя дѣянія некому было жаловаться, такъ какъ мировыхъ посредниковъ сильно поддерживала въ столицѣ та партія, которая ненавидѣла въ равной мѣрѣ и помѣщиковъ, и Польскій элементъ.

При постоянно возрастающей требовательности мировыхъ посредниковъ и въ виду тѣхъ тайныхъ инструкцій, на которыя ссылались эти посредники и которыя свидѣтельствовали о добросовѣстности правительства въ столь деликатномъ вопросѣ, очевидно всего лучше было развязаться съ дѣломъ какъ можно скорѣе. Поэтому я согласился на всевозможныя уступки и жертвованія, лишь бы только достигнуть мирнаго соглашенія съ моими крестьянами. Выкупная сумма за предоставленныя мною крестьянамъ въ полную собственность 1753 десятины превосходной земли, со включеніемъ огородовъ и садовъ, была опредѣлена въ 75.468 рубл., т.-е. по 43 руб. за десятину, тогда какъ я самъ, пріобрѣтая Носковцы по купчей крѣпости, заплатилъ за каждую десятину, какъ находящуюся подъ лѣсомъ, такъ и годную для хлѣбопашества, по 60 рублей. Это была потеря почти цѣлой трети моей собственности. Изъ 75.468 рубл., которые мнѣ слѣдовало получить въ качествѣ выкупа, двѣ трети пошли на уплату долга, сдѣланнаго мною въ Петербургскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ при покупкѣ имѣнія, а одна треть была уплачена мнѣ выкупными свидѣтельствами, которыя продавались въ ту пору на 30% ниже нарицательной своей стоимости.

Не было помѣщика, которому не пришлось-бы понести такія-же потери, и можно-ли послѣ этого удивляться, что слышались обвиненія въ грабежѣ?

Черезъ три недѣли по прибытіи моемъ въ Носковцы, мы получили извѣстіе о смерти Великаго Князя Наслѣдника, окончившаго жизнь въ Ниццѣ вслѣдствіе постигшей его неизлѣчимой болѣзни. Я помню, что, когда я былъ въ Петербургѣ, въ публикѣ ходили тревожные слухи о здоровьѣ Е. И. Высочества. Только одинъ Государь былъ,

повидимому, спокоенъ на этотъ счетъ; потому что при дворѣ стараются молчать о томъ, что непріятно, пока бѣда не разразится окончательно. Это неожиданное извѣстіе поразило какъ громомъ не только царское семейство, но всю націю, возлагавшую свои надежды на Наслѣдника Престола. Юный Великій Князь снискалъ своей привѣтливостію общую привязанность и хотя сначала его образованіе оставалось въ нѣкоторомъ пренебреженіи, но потомъ онъ сталъ серьезно учиться и давалъ право многого ожидать въ будущемъ. Откланиваясь Государю передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, я намѣревался возвратиться изъ Подолія прямо въ Сибирь; но это печальное событіе заставило меня измѣнить это намѣреніе, такъ какъ я поступилъ-бы не совсѣмъ прилично, еслибы не выразилъ лично Государю участія, которое я принималъ въ постигшемъ его несчастіи. Поэтому я возвратился чрезъ Москву въ Петербургъ, а моя жена и Юлія должны были пріѣхать ко мнѣ въ Омскъ въ Августѣ. Государь соблаговолилъ поблагодарить меня за участіе, которое я принималъ въ постигшемъ его тяжеломъ горѣ. Я нашелъ Его Величество глубоко огорченнымъ, а черты его лица носили на себѣ слѣды тяжелыхъ испытаній, черезъ которыя онъ прошелъ. Я присутствовалъ при всѣхъ церемоніяхъ, происходившихъ по случаю похоронъ Великаго Князя. И вечеромъ, и утромъ толпы людей всякаго званія приходили поклониться праху того, въ чьемъ лицѣ Россія привыкла видѣть своего будущаго Государя. Скорбь, выражавшаяся на всѣхъ лицахъ, была непритворная, такъ какъ въ этомъ важномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, нація вполне отождествлялась съ своимъ Государемъ, и несчастіе, постигшее царскую семью, всѣми считалось за общественное бѣдствіе.

Наканунѣ моего отъѣзда изъ Петербурга, я получилъ отъ временно замѣнявшаго меня въ Сибири г-ла Панова депешу, содержаніе которой крайне удивило меня. Благодаря простой случайности, въ Омскѣ были открыты слѣды заговора, въ которомъ были сильно замѣшаны нѣкоторые изъ казацкихъ офицеровъ Сибирскаго корпуса. Эти молодые безумцы задумали отдѣлить Сибирь отъ Имперіи и образовать изъ нея федеративную республику по образцу Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Чтoby вывести наружу всѣ развѣтвленія этого безразсуднаго и преступнаго замысла, генералъ Пановъ немедленно образовалъ слѣдственную комиссію, и вслѣдъ за этимъ были произведены аресты въ большей части городовъ Восточной и Западной Сибири, а также и въ Москвѣ. Я сообщилъ военному министру содержаніе этой депеши и сталъ торопливо готовиться къ отъѣзду. Хотя я не усматривалъ никакой серіозной опасности въ тайныхъ проискахъ нѣсколькихъ десятковъ молодыхъ людей, которые не имѣли никакого корня

внутри страны, но все-таки это служило указаніемъ на расположе- ніе умовъ и на вредныя тенденціи, которыя были почерпнуты этими низкопробными заговорщиками въ университетахъ и въ школахъ и которыя еще разъ свидѣтельствовали, какъ была у насъ неудовле- творительна система общественнаго воспитанія.

Я отправился въ путь 30-го Мая. До Нижняго я воспользовался желѣзной дорогой, а оттуда отправился на пароходъ въ Пермь, сна- чала спускаясь внизъ по Волгѣ, а потомъ поднимаясь вверхъ по Ка- мѣ. Въ хорошее время года это скорѣе пріятная прогулка, нежели утомительное путешествіе. Въ Тюмень выѣхалъ ко мнѣ навстрѣчу Тобольскій губернаторъ Деспоть-Зеновичъ, чтобъ пригласить меня провести нѣсколько дней въ главномъ городѣ его губерніи согласно общанію, данному мною при отъѣздѣ въ Петербургъ. Въ мое распо- ряженіе былъ отданъ пароходъ, который доставилъ меня по Тарѣ и по Тоболу въ 24 часа въ Тобольскъ.

Какъ въ Тюмени, такъ и въ Тобольскѣ я былъ принятъ съ явны- ми выраженіями теплаго сочувствія, такъ какъ могу сказать безъ хвастовства, что я пользовался любовью и довѣріемъ всѣхъ классовъ населенія. Чтобъ достигнуть этого, я принялъ за правило дѣлать кому можно добро и никому не дѣлать зла.

Тобольскъ, въ которомъ я не былъ съ зимы 1861—62 года, мно- го выигрываетъ въ лѣтнюю пору. Этотъ городъ, расположенный у слиянія Тобола съ Иртышемъ, частію на равнинѣ, частію на возвы- шенностяхъ, представляетъ чрезвычайно красивую панораму, если смотрѣть на него отъ подножія памятника, воздвигнутаго завоевателю Сибири Ермаку. Три дня, проведенные мною въ Тобольскѣ, прошли въ празднествахъ и въ обѣдахъ. Могу сказать, что оказанный мнѣ жителями любезный пріемъ вполне вознаградилъ меня за постоянныя заботы объ ихъ благосостояніи. Изъ Тобольска я выѣхалъ почтовымъ трактомъ и прибылъ въ Омскъ 19-го Іюня, ровно чрезъ семь мѣся- цевъ послѣ моего отъѣзда оттуда.

Я съ горячностью принялся за работу, такъ какъ вслѣдствіе моего продолжительнаго отсутствія разрѣшеніе нѣкоторыхъ дѣлъ за- медлилось. Вскорѣ затѣмъ прибыли въ Омскъ члены комиссіи, кото- рая была составлена по желанію военнаго министра для изученія Киргизскихъ степей, какъ въ томъ, что касается общественнаго устрой- ства бродячихъ по нимъ съ своими стадами кочевниковъ, такъ и въ томъ, что касается всего лучше примѣнимой къ ихъ быту системы управленія, или другими словами, съ цѣлію сдѣлать выборъ между системой управленія, которой были подчинены Сибирскіе Киргизы и той, которой были подчинены Оренбургскіе, и во что бы то ни стало

ввести въ этомъ отношеніи однообразіе. Эта коммиссія состояла изъ представителей отъ военнаго министерства, отъ Оренбургскаго генераль-губернатора и отъ генераль-губернатора Западной Сибири и находилась подъ предсѣдательствомъ служившаго въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, д. с. с. Гирса, который не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о дѣйствительныхъ нуждахъ страны, но старался всячески проводить идеи г-ла Милютина. Проектъ административнаго устройства, который былъ составленъ этой коммиссіей, могъ бы быть очень легко составленъ въ Петербургѣ безъ всякихъ изслѣдованій на мѣстѣ: такъ онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ той программѣ, которая была намѣчена военнымъ министромъ. Эта коммиссія стоила много денегъ, собрала въ своихъ портфеляхъ безконечное множество ни къ чему негодныхъ бумагъ, которыя потребовали отъ насъ усиленной работы, и въ концѣ концовъ не открыла ничего такого, что не было бы и прежде того извѣстно. Для исполненія коммиссіей возложеннаго на нее порученія были назначены два года, и я сказалъ самъ себѣ, что мнѣ придется оставаться въ Сибири не болѣе двухъ лѣтъ, такъ какъ я нисколько не былъ расположенъ приспособляться ко всѣмъ нелѣпостямъ, какія могли выйти изъ головы г-дѣ комиссаровъ, а между тѣмъ сіи послѣдніе должны были волей или неволей составлять проекты, чтобъ нельзя было сказать, что они даромъ получали деньги.

Съ 1-го Сентября была введена какъ Оренбургъ, такъ и въ Восточной и въ Западной Сибири и на Кавказѣ, система военныхъ округовъ. Это былъ конекъ военнаго министра, его собственное созданіе, которымъ онъ чрезвычайно гордился. Конечно, отвѣтственность главнаго начальника войскъ (прежняго корпуснаго командира) очень облегчилась, такъ какъ всѣ дѣла впредь должны были разрѣшаться коллегіальнымъ порядкомъ; но за то самое разрѣшеніе дѣлъ замедлялось. Теперь приходится обращаться къ засѣдающему въ Петербургѣ военному совѣту по такимъ вопросамъ, которые прежде того подлежали вѣдѣнію корпуснаго начальника. Вообще я придерживаюсь того мнѣнія, что для войскъ, расположенныхъ на оконечностяхъ Имперіи, прежній порядокъ былъ лучше.

Моя жена и Юлія пріѣхали ко мнѣ, какъ обѣщали, въ концѣ Августа, и съ Сентября мы открыли наши гостиныя для пріемовъ. По Четвергамъ, разъ въ двѣ недѣли, мы давали танцевальныя вечера. Жители Омска еще никогда не проводили зиму такъ весело. Юлія, сдѣлавшаяся тѣмъ временемъ большой и красивой дѣвушкой, очень нравилась; она была царицей всѣхъ праздниковъ, и всѣ за ней ухаживали. Мой адъютантъ, капитанъ Миссори Торріани влюбился въ нее и сталъ просить ея руки, а такъ какъ молодые люди питали взаим-

ное другъ къ другу влеченіе, то ни я, ни моя жена не хотѣли препятствовать ихъ счастью, хотя я находилъ, что Юлія слишкомъ молода для вступленія въ бракъ: ей должно было минуть 16-ть лѣтъ только 17-го Января слѣдующаго года. Торріани принадлежитъ къ очень хорошему семейству, изъ папскихъ владѣній, но постоянно жившему въ Миланской провинціи. По семейнымъ причинамъ, онъ вступилъ въ Русскую службу и служилъ съ большимъ отличіемъ на Кавказѣ. Только за полгода передъ тѣмъ я согласился принять его въ число моихъ адъютантовъ по рекомендаціи военного министра; до той поры я вовсе не былъ съ нимъ знакомъ и конечно, когда бралъ его къ себѣ въ адъютанты, никакъ не могъ ожидать, что онъ сдѣлается моимъ зятемъ. Впрочемъ, я былъ счастливъ тѣмъ, что могъ ввѣрить счастье дочери честному человѣку, характеръ и правила котораго представляли самыя серіозныя для меня ручательства.

Моя жена тотчасъ занялась приданымъ Юліи, которое было заказано большею частію въ Парижѣ и несмотря на громадное разстояніе прибыло во-время. Въ то время, какъ мы были заняты этими приготовленіями, я получилъ утромъ 5-го Апрѣля отъ министра внутреннихъ дѣлъ телеграмму, извѣщавшую меня о покушеніи, которое было сдѣлано наканунѣ того дня на жизнь Государя и отъ котораго Его Величество спасся чудеснымъ образомъ. Эта неожиданная новость крайне изумила насъ, такъ какъ до того времени въ Россіи не случалось ничего подобнаго. Въ теченіе нѣкотораго времени мы не знали, кто былъ виновникомъ этого гнуснаго покушенія, и всѣ полагали, что это, должно быть, было дѣломъ какого-нибудь Поляка. Поэтому, когда стало извѣстно, что убійца назывался Каракозовымъ, то съ моей души какъ будто свалилось тяжелое бремя: не представлялось необходимости прибѣгать къ новымъ строгостямъ по отношенію къ ссыльнымъ Полякамъ, положеніе которыхъ и безъ того уже было очень печально.

Вслѣдъ за покушеніемъ 4-го Апрѣля былъ обнародованъ Императорскій рескриптъ отъ 13-го Мая князю Гагарину. Этотъ рескриптъ былъ принятъ съ одного конца Россіи до другаго съ искреннею радостью, такъ какъ въ этомъ документѣ, исходившемъ отъ лица Государева, въ нѣкоторой мѣрѣ выражалось признаніе, что до тѣхъ поръ правительство держалось ложнаго пути и что консервативныя начала должны впредъ служить руководствомъ правительственныхъ властей, какую бы они ни занимали ступень въ административной іерархіи. Къ сожалѣнію, этотъ рескриптъ, который стоилъ того, чтобъ быть напечатаннымъ золотыми литерами, не повсюду примѣнялся вполнѣ, и даже нѣкоторые утверждали, будто онъ не былъ предназначенъ для

западныхъ провинцій, точно будто могутъ существовать двое вѣсовъ и двѣ мѣры для того, что разумно и справедливо.

Свадьба Юліи была 24-го Апрѣля 1866 г., въ годовщину нашей собственной свадьбы, происшедшей за 28-мь лѣтъ передъ тѣмъ: Юлія непремѣнно хотѣла, чтобъ ея свадьба праздновалась въ одинъ день со свадьбой ея родителей. Брачная церемонія была совершена сначала въ Греческой церкви, а потомъ въ мѣстной католической.

Я слишкомъ хорошо зналъ характеръ военнаго министра, чтобъ не предвидѣть, что рано или поздно онъ осуществитъ свои преобразовательные или вѣрнѣе разрушительные проекты и что тогда мое положеніе въ Сибири сдѣлается невыносимымъ. Поэтому я обратился 15-го Мая къ г-лу Милютину съ письмомъ, въ которомъ выражалъ желаніе получить другое назначеніе и присовокуплялъ, что самымъ подходящимъ для меня было бы мѣсто Новороссійскаго генераль-губернатора въ случаѣ, еслибы оно сдѣлалось вакантнымъ. Эта гипотеза не казалась мнѣ неправдоподобной, такъ какъ ходили слухи о назначеніи генерала Коцебу или на мѣсто Великаго Князя Михаила Николаевича на Кавказъ, или на мѣсто графа Берга въ Варшаву.

Въ послѣднихъ числахъ Мая жена моя выѣхала въ Подольскую губернію въ ожиданіи, что я скоро къ ней пріѣду для того, чтобъ болѣе не возвращаться въ Сибирь. Но Юлія и ея мужъ остались при мнѣ и должны были впослѣдствіи сопровождать меня въ Петербургъ. Между тѣмъ я отправился въ началѣ Іюня въ инспекторскій объѣздъ и проѣхалъ сначала черезъ Семипалатинскъ въ Вѣрное, а оттуда черезъ Сергіополь, Кокбекты, Усть-Каменогорскъ и Барнауль въ Томскъ. Изъ Томска я выѣхалъ обратно въ Омскъ. Я ѣхалъ очень скоро и надѣялся, что на другой день буду въ средѣ своихъ; но за 300 верстъ отъ Омска мой экипажъ опрокинулся на почтовой дорогѣ, и я имѣлъ несчастіе переломить лѣвую ногу выше лодыжки. Меня кое-какъ довели до Омска, и по пріѣздѣ на мѣсто я пролежалъ болѣе шести недѣль въ постели, не прекращая завѣдыванія текущими дѣлами, такъ какъ общее состояніе моего здоровья не пострадало. Это несчастное происшествіе укрѣпило меня въ намѣреніи покинуть Сибирь, и почти въ тоже время я получилъ отъ военнаго министра, въ отвѣтъ на мое письмо отъ 15 Мая, предложеніе занять мѣсто предсѣдателя Главнаго Аудиторіата. Это было совсѣмъ не то, чего я желалъ; но г-ль Милютинъ, очевидно, поспѣшилъ сообщить Государю содержаніе моего письма не для того, чтобъ исполнить выраженное мною желаніе, а чтобъ скорѣе устранить меня, такъ какъ мое присутствіе въ Сибири стѣсняло его, и мы не могли идти рука объ руку по причинѣ совершенной противоположности нашихъ взглядовъ. Я отвѣчалъ военному

министру, что не отказываюсь отъ должности председателя Аудиторіата, если такова воля Императора, но что я желалъ бы прежде всего быть назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, подобно всѣмъ другимъ генералъ-губернаторамъ, оставляющимъ свои мѣста по той или по другой причинѣ, и при томъ съ сохраненіемъ того содержанія, которое получалъ до того времени. Вскорѣ послѣ этого я узналъ, что на мое мѣсто назначенъ г-ль-л. Хрущовъ, и я поторопился приготовленіями къ отъѣзду. Все, что имѣло какую-нибудь цѣнность и было легко перевозимо, было отправлено съ моими людьми и лошадьми въ Подольскую губернію. Все остальное я распродалъ на мѣстѣ, конечно, съ значительнымъ убыткомъ.

28 Октября, по случаю бракосочетанія Е. И. Высочества Великаго Князя Наслѣдника съ принцессой Дагмарою, я былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. О должности председателя Аудиторіата не было и помину, какъ будто это мѣсто никогда не было мнѣ предложено, а что касается моего жалованья, то оно было уменьшено съ 18 тысячъ рубл. на 10-ть. Въ довершеніе непріятностей, санный путь долго не устанавливался. Только въ началѣ Декабря пошелъ снѣгъ, и когда меня увѣдомили по телеграфу, что мой преемникъ прибылъ въ Пермь, я выѣхалъ 6 Декабря изъ Омска съ цѣлію встрѣтиться съ г. Хрущовымъ на полдорогѣ, т.-е. въ Тюмени, на границѣ Западной Сибири. Дальше переѣздъ, который мнѣ предстояло совершить, внушалъ мнѣ безпокойство, такъ какъ Юлія была беременна, и я опасался для нея толчковъ, которыхъ нѣтъ возможности избѣжать на зимнихъ дорогахъ. Я пробылъ въ Тюмени одинъ день, чтобъ дожидаться пріѣзда Хрущова и лично переговорить съ нимъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, а оттуда продолжалъ мое путешествіе въ Петербургъ, куда прибылъ наканунѣ Рождества.

Окидывая взоромъ мою административную дѣятельность въ Западной Сибири, я могу по совѣсти сказать, что не только относительно правильности въ производствѣ дѣлъ, но и относительно честности чиновниковъ, эта обширная, почти равняющаяся цѣлому королевству, область управлялась лучше, чѣмъ большая часть внутреннихъ губерній, гдѣ воровству и хищничеству полный просторъ, въ чемъ я неоднократно имѣлъ случай убѣдиться въ качествѣ помѣщика Подольской губерніи. Въ особенности Тобольская губернія, благодаря энергической инициативѣ и неутомимой дѣятельности ея губернатора Деспотъ-Зеновича, могла считаться образцовою. Конечно, нельзя было тоже сказать о Томской губерніи, гдѣ уже давно вкоренились важныя злоупотребленія вслѣдствіе соединенія въ одномъ лицѣ должностей гражданскаго губернатора и главнаго начальника Алтайскихъ горныхъ

заводовъ. Впрочемъ, эти злоупотребленія существовали почти исключительно въ Томскихъ присутственныхъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ въ остальныхъ частяхъ этой губерніи администрація дѣйствовала довольно правильно. Подъ мое служебное положеніе старались подкопаться сколько могли, и слѣдуетъ по правдѣ сказать, что только Государь отдавалъ мнѣ справедливость и защищалъ меня противъ тѣхъ, которые старались уронить меня въ его глазахъ. Въ числѣ послѣднихъ я могу прежде всего назвать г. Буткова, который находился во главѣ Сибирскаго Комитета и ве взлюбилъ меня, не знаю за чтò. Это былъ ограниченный человѣкъ, отличавшійся безстыднымъ цинизмомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени честолюбивый. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того онъ сошелъ съ ума, отъ огорченія, что его не сдѣлали министромъ.

Но когда въ Польшѣ вспыхнуло возстаніе и тысячи Поляковъ были отправляемы въ ссылку въ Сибирь, моимъ противникамъ было не трудно взводить на меня разныя обвиненія. Они стали проповѣдывать на всѣ тоны, что съ Поляками обходились въ Сибири слишкомъ хорошо и что, будучи католикомъ, я питалъ къ нимъ симпатію, тогда какъ на самомъ дѣлѣ я дѣйствовалъ по внушенію человеколюбія, считая за гнусность всякое преднамѣренное ухудшеніе въ положеніи этихъ несчастныхъ и принимая нѣкоторыя мѣры съ цѣлію предохранить ихъ отъ голодной смерти. Одна газета дошла до того, что обвинила меня въ постройкѣ тринадцати католическихъ церквей на счетъ казны, тогда какъ во всей Западной Сибири было всего три католическихъ церкви, изъ которыхъ одна только построена при мнѣ на добровольныя пожертвованія, а такого небольшого числа католическихъ церквей, очевидно, было недостаточно для многочисленныхъ ссыльныхъ.

Во время моего продолжительнаго пребыванія въ Сибири, мои частныя дѣла, естественно, оставались въ пренебреженіи. Поэтому, на первой аудіенціи, которую я имѣлъ у Императора послѣ моего возвращенія въ Петербургъ, я попросилъ, по разстроенному здоровью, восьмимѣсячнаго отпуска за-границу и во внутреннія губерніи. Его Величество соблаговолилъ уволить меня въ такой отпускъ.

Я присутствовалъ въ Государственномъ Совѣтѣ только два или три раза и въ концѣ Января выѣхалъ черезъ Варшаву и Галицію въ Подольскую губернію, въ мое имѣніе. Мнѣ хотѣлось скорѣе отвезти Юлію къ женѣ для того, чтобъ она разрѣшилась отъ бремени въ Носковцахъ, а для того чтобъ не подвергать ее слишкомъ большой усталости, я предпочелъ путь черезъ Галицію, потому что могъ въ этомъ случаѣ совершить большую часть переѣзда по желѣзнымъ дорогамъ.

Я остановился на два дня въ Варшавѣ, чтобъ видѣться съ графомъ Бергомъ, который при всякомъ случаѣ доказывалъ мнѣ свое расположеніе и неизмѣнную дружбу. Я нашелъ его озабоченнымъ и встревоженнымъ, такъ какъ онъ, заодно со мною, не одобрялъ нашей политики. Онъ въ особенности жаловался на тонъ, которымъ отличалась съ нѣкотораго времени періодическая печать въ Россіи. Она нападала на все, что не было Русскимъ и православнымъ, точно будто она нарочно старалась создать себѣ враговъ на всѣхъ пунктахъ земнаго шара. Съ другой стороны, мы нанесли оскорбленіе всѣмъ католическимъ государствамъ, прервавъ дипломатическія сношенія съ Римскою куріей. «Вы увидите», сказалъ мнѣ графъ Бергъ,—«я то, что я вамъ говорю, я счелъ моимъ долгомъ изложить письменно Императору,—вы увидите, что если мы не перестанемъ выражаться такимъ вызывающимъ тономъ и будемъ нападать на всѣ національности и на всѣ религіи, мы возбудимъ глубокую къ себѣ ненависть и доведемъ дѣло до того, что противъ Россіи составитъ всеобщая коалиція.»

Въ Коломейо мы покинули Лемберго-Черновицкую желѣзную дорогу и наняли экипажъ для переѣзда въ Гусятину, на Русскую границу, гдѣ находилась таможня и куда моя жена прислала намъ на встрѣчу лошадей и экипажи. Мы остановились въ Гусятинѣ только нѣсколько часовъ, чтобъ исполнить всѣ формальности таможенного досмотра и прибыли въ Носковцы на другой день, 3 Февраля, въ 10 час. утра. Велика была радость моей жены, когда она могла обнять насъ послѣ столь долгой разлуки, тѣмъ болѣе, что она тщетно ждала насъ въ теченіи нѣсколькихъ дней и не знала, чѣмъ объяснить нашу мѣшкотность.

XXI.

Проведя нѣсколько дней въ бездѣйствіи подъ впечатлѣніемъ радости, которую намъ доставляло наше свиданіе, я сталъ посвящать мой досугъ на изученіе какъ политическаго, такъ и экономическаго положенія страны и столько-же со скорбью, сколько съ удивленіемъ замѣтилъ, какъ много утратила Подолія изъ своего прежняго благосостоянія. Въ 1859 году, когда я былъ въ послѣдній разъ въ Носковцахъ и провелъ тамъ безвыѣздно нѣсколько мѣсяцевъ, въ окрестностяхъ было много помѣщичьихъ домовъ, окруженныхъ роскошными садами, хорошо обработанными полями, съ гумнами наполненными зерновымъ хлѣбомъ, съ лѣсами походившими на парки, однимъ словомъ, со всѣми признаками общаго благосостоянія. Даже положеніе крестьянъ, которыхъ правительство осыпало столькими милостями, не улучшилось замѣтнымъ образомъ, потому что, давая имъ свободу, имъ не внушили

любви къ труду, и они проводили время въ кабакахъ и въ праздности. Въ теченіе семи лѣтъ все совершенно измѣнилось. Встрѣчалось много покинутыхъ помѣщичьихъ домовъ, владѣльцы которыхъ или эмигрировали или были отправлены въ ссылку. Прекрасные лѣса были вырублены. Вездѣ видны ясныя слѣды нужды и бѣдности. Столь пагубная перемѣна въ положеніи страны была послѣдствіемъ главнымъ образомъ слѣдующихъ двухъ причинъ: ожесточенія, съ которымъ правительство преслѣдовало все, что тамъ было Польскаго, и возмутительнаго произвола, съ которымъ вводился въ западныхъ губерніяхъ законъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Въ сущности эти два обстоятельства были тѣсно связаны одно съ другимъ. Понятно, что въ то время, когда Польское возстаніе поглощало всѣ силы Имперіи и налагало на государственную казну увеличеніе расходовъ, имѣнія Польскихъ помѣщиковъ были обложены военной контрибуціею въ размѣрѣ установленныхъ процентовъ съ чистаго дохода въ наказаніе за то, что они обнаруживали сочувствіе къ мятежникамъ и доставляли революціонному правительству денежныя субсидіи. Но все должно имѣть свой конецъ, а продолжая взыскивать военную контрибуцію до настоящаго времени, не смотря на то, что уже прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ въ Польшѣ возстановлено спокойствіе, налагаютъ такое наказаніе, которое несоразмѣрно съ преступленіемъ, падаетъ безъ различія и на невинныхъ, и на виновныхъ, разоряетъ страну и въ концѣ причиняетъ вредъ намъ самимъ, такъ какъ богатство государства зависитъ отъ богатства частныхъ людей, а когда всѣ бѣдны, налоговъ не съ кого и взыскать.

Наблюдая то, что совершалось на моихъ собственныхъ глазахъ, я нерѣдко размышлялъ о причинахъ вѣковой вражды, которая отдѣляетъ Поляковъ отъ Русскихъ и которая вредна и для тѣхъ, и для другихъ. Кто нашелъ бы цѣлебное средство отъ этой застарѣлой болѣзни, тотъ оказалъ бы дѣйствительную услугу обѣимъ націямъ, которыя вмѣсто того, чтобъ мирно жить одна рядомъ съ другой, истощаются въ безплодныхъ усиліяхъ побороть одна другую. Для этого нужно бы было прежде всего, чтобъ Поляки искренно и навсегда отказались отъ химерической мысли возстановить Польшу, въ старыхъ ли ея предѣлахъ, или въ предѣлахъ болѣе узкихъ. Исторія произнесла свой приговоръ надъ Поляками, и измѣнять этотъ приговоръ было бы тщетнымъ стараніемъ. Для независимой Польши нѣтъ въ Европѣ мѣста, и всѣ попытки воскресить ее привели бы только къ безплодной междоусобной борьбѣ. Уже достаточно было пролито крови, и пропасть, отдѣляющая Россію отъ Польши, уже такъ глубока, что не слѣдуетъ еще увеличивать ее. Поляки давно должны бы были придти къ тому убѣжденію, что они поступать всего благоразумнѣе, если искренно присоединятся къ Россіи и безъ всякихъ заднихъ мыслей свяжутъ свою судьбу съ великой судьбой Имперіи, а свои интересы отождествятъ съ интересами великой Славянской семьи. Поляки обладаютъ столькими блестящими качествами, что они никогда не были

бы отодвинуты на задній планъ; они стали бы занимать то мѣсто, на которое имѣютъ полное право, и рано или поздно съ ними пришлось бы считаться. Но съ другой стороны необходимо, чтобъ и Русскіе тщательно старались не оскорблять Поляковъ во всемъ, что касается ихъ языка, религіи и національныхъ привязанностей; въ особенности необходимо, чтобъ Русская періодическая печать не осыпала ихъ ежедневно выраженіями своего презрѣнія и оскорбленіями и не усиливала чувства вражды, еще не успѣвшего остынуть. Мнѣ на это возразятъ, что въ теченіи послѣднихъ ста лѣтъ были испробованы всѣ системы, и ни одна изъ нихъ не имѣла успѣха, что не удалось привязать Поляковъ къ Россіи ни снисходительностью, ни строгостью. Въ этомъ случаѣ значительная доля вины падаетъ безъ сомнѣнія на фантастическій характеръ Поляковъ, которые легко увлекаются иллюзіями; но, положа руку на сердце, можно также сказать, что Россія нерѣдко вовлекалась въ ошибки въ своихъ отношеніяхъ къ Польшѣ и что правительственныя мѣропріятія, которыя предпринимались съ цѣлію загладить прошлое, не всегда достигали своей цѣли, какъ потому что не были задуманы съ искренностью и прямотою, такъ и потому что дурно приводились въ исполненіе низшими представителями правительственной власти. Словомъ, я желаю бы, чтобъ Поляки разъ навсегда отказались отъ своихъ неощущаемыхъ иллюзій, и чтобъ Русскіе смотрѣли на нихъ не иначе, какъ на возвращающихся въ стадо заблудшихъ овецъ. Еслибы Русскіе и Поляки по-братски протянули другъ другу руки и, такъ сказать, взаимно дополнили бы одни другихъ, то для человѣчества началась бы новая эра мира и прогресса.

Если мы отложимъ въ сторону политическій вопросъ и посмотримъ только на экономическое положеніе страны, то глазамъ наблюдателя представится вовсе неутѣшительное зрѣлище. Надо питать сильное влеченіе къ общей пользѣ и пренебреженіе къ своимъ личнымъ интересамъ, чтобъ помѣщать въ наше время свои капиталы въ земельной собственности, а не въ процентныхъ бумагахъ. Вся тяжесть налоговъ, всѣ строгости администраціи падаютъ на недвижимую собственность, между тѣмъ какъ съ владѣльцами процентныхъ государственныхъ бумагъ обходятся, какъ съ привилегированными людьми, съ самой большою заботливостью. Однако, всякій добросовѣстный человѣкъ согласится, что тотъ, кто посвящаетъ себя земледѣльческой или промышленной дѣятельности, принимая на свой рискъ какъ хорошія, такъ и дурныя вѣроятности подобныхъ предпріятій, гораздо полезнѣе для государства, нежели тотъ, чьи заботы заключаются только въ полученіи два раза въ годъ процентовъ изъ Государствен-

наго Банка. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что Русскіе капиталисты очень сдержанны въ томъ, что касается пріобрѣтенія имѣній въ западныхъ губерніяхъ. Немногіе изъ Русскихъ, пустившіеся на эти предпріятія, вообще не въ выгодѣ, а изъ патріотизма конечно никто не жаждаетъ разоряться. Если во всей Россіи земледѣліе и промышленность находятся въ упадкѣ, то это еще болѣе замѣтно въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ экономическое положеніе страны сильно пострадало отъ пагубнаго вмѣшательства мировыхъ посредниковъ. Эти послѣдніе до нѣкоторой степени возстановили хорошую репутацію деревенской полиціи, хотя и та возбуждала много неудовольствій: по сравненію съ вымогательствами, на которыя пускались мировые посредники, даже образъ дѣйствій полиціи сталъ казаться правильнымъ.

Надо прожить довольно долго на одномъ мѣстѣ, чтобъ составить себѣ вѣрное понятіе о вредѣ, который былъ сдѣланъ странѣ мировыми посредниками. Вслѣдствіе того, что они благоволили къ крестьянамъ въ ущербъ помѣщикамъ и принимали безъ провѣрки и не требуя доказательствъ всѣ заявленія крестьянъ, какъ будто это были слова Евангелія, они дошли до чудовищныхъ безобразій. Можно-ли удивляться глубокой деморализаціи крестьянъ послѣ того, какъ имъ постарались вбить въ голову самыя ложныя понятія, послѣ того, какъ ихъ неоднократно увѣряли, что рано или поздно къ нимъ перейдутъ и лѣса, и фабрики, и даже помѣщичьи дома? Мало того, крестьянамъ внушали даже такую мысль, что работать на помѣщика даже за денежную плату постыдно. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ безразсудныхъ внушеній, крестьянинъ сталъ предаваться праздности и неразлучному съ праздностью пьянству; а когда онъ, наконецъ, убѣдился, что его ублаживали химерами и что ему приходится уплачивать ренту за отведенныя ему земли, которыми онъ надѣялся пользоваться безвозмездно, его неудовольствіе стало усиливаться съ каждымъ днемъ, и я нисколько не удивился бы, еслибы онъ сталъ сожалѣть объ инвентаряхъ, подъ которыми жилъ до эманципаціи.

Крестьянамъ были отведены земли въ такомъ размѣрѣ, какимъ они никогда прежде не пользовались; но не смотря на то, что минимумъ оцѣнки этихъ земель доходилъ до смѣшнаго, все-таки на крестьянинѣ лежитъ тяжелымъ бременемъ та сумма, которую онъ долженъ уплачивать казнѣ въ теченіе 49-ти лѣтъ, и уже теперь повсюду накопляются недоимки. Мировые посредники, выказывавшіе такое великодушіе на чужой счетъ, по крайней мѣрѣ могли бы частію смягчить свою вину по отношенію къ помѣщику, еслибы уничтожили чрезполосность и настояли на окончательномъ отмежеваніи оставшихся за владѣльцемъ земель отъ тѣхъ, которыя были отведены крестьянамъ,

и тѣмъ предотвратили бы всякіе споры въ будущемъ. Но и въ этомъ случаѣ мировые посредники не оказались на высотѣ своего призванія; они никогда не умѣли подчинить крестьянина своей волѣ, и можно бы было дѣйствительно подумать, что они старались поставить помѣщика въ невозможность вести сколько-нибудь правильное хозяйство. Такъ, напримѣръ, во многихъ мѣстахъ крестьянскіе луга находятся внутри дубовыхъ лѣсовъ, такъ что деревья принадлежатъ помѣщику, а трава, которая растетъ между деревьями, принадлежитъ крестьянамъ. Можно-ли представить себѣ болѣе вредное раздѣленіе собственности, и есть-ли какая-нибудь возможность охранять лѣса, когда крестьянинъ имѣетъ право не только косить въ этихъ лѣсахъ траву, но даже пасти тамъ свой скотъ? И можно-ли было не принимать въ расчетъ того соображенія, что трава растетъ повсюду, тогда какъ дубъ растетъ только на годной для него почвѣ и требуетъ цѣлаго столѣтія, чтобъ достигнуть своего полного развитія? Оттого-то истребленіе лѣсовъ никогда не совершалось въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ со времени освобожденія крестьянъ: не имѣя возможности оградить свои лѣса отъ крестьянскихъ порубокъ, помѣщикъ спѣшилъ срубить ихъ и этимъ способомъ спасти хоть долю своего состоянія.

Другой вопросъ, который имѣетъ не менѣе важное значеніе и который былъ разрѣшенъ чрезвычайно дурно, касается заработной платы. Съ той минуты, какъ былъ уничтоженъ обязательный трудъ, приходилось заботиться о рабочихъ для воздѣлыванія полей, то есть о наймѣ батраковъ, такъ какъ разсчитывать исключительно на поденщиковъ значило бы подвергать себя опасности, что окажется недостатокъ въ рабочихъ силахъ именно въ то время, когда онѣ всего болѣе нужны. Въ такихъ густо-населенныхъ губерніяхъ, какъ Подольская, нельзя жаловаться на недостатокъ рабочихъ силъ; но тамошніе крестьяне не имѣютъ желанія работать и не исполняютъ добросовѣстно принятыхъ на себя обязательствъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда землевладѣлецъ составляетъ договоръ о наймѣ рабочихъ въ установленной формѣ, съ утвержденія волостнаго начальства и съ выдачей задатковъ, онъ не имѣетъ никакого обезпеченія: работники приходятъ и уходятъ, когда имъ вздумается, и нѣтъ такой власти, которая считала-бы своимъ долгомъ блюсти за исполненіемъ контрактовъ. Жалобы переносятся изъ одной инстанціи въ другую, но все кончается безплодной перепиской; проходятъ недѣли и мѣсяцы, но самыя законныя жалобы остаются безъ удовлетворенія. При такихъ препятствіяхъ развѣ можетъ процвѣтать земледѣліе?

Мнѣ неизвѣстно, какъ идутъ дѣла въ остальной Россіи; но юго-западные губерніи отличаются тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ никакихъ началъ власти. Здѣсь живутъ какъ въ первобытномъ природномъ состояніи, подъ господствомъ права сильного, и съ оружіемъ въ рукахъ надо защищать свою собственность отъ расхищеній. Было бы напрасно полагаться на охрану правосудія, имѣющаго пещись о всѣхъ и одинаково относиться ко всѣмъ; этого правосудія не найдешь нигдѣ, и поневолѣ приходишь къ убѣжденію, что лучше съ терпѣніемъ выносить зло, чѣмъ подавать жалобы, которыя ни къ чему не ведутъ. Въ первые годы вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, многіе ласкали себя надеждой, что сумятица въ экономическихъ отношеніяхъ была послѣдствіемъ перехода отъ старыхъ порядковъ къ новымъ, и что мало-по-малу все снова войдетъ въ обычную колею. Съ тѣхъ поръ прошло пять лѣтъ, волненіе умовъ имѣло время стихнуть; но отношенія между крестьянами и помѣщиками все также натянуты и также неудовлетворительны, какъ въ первую минуту послѣ эманципаціи.

XXII.

Наконецъ наступила весна. Какъ великолѣпно пробужденіе природы въ Подольской губерніи! Все зеленѣло, плодовые деревья покрывались цвѣтами, соловьи и всякія другія птицы пѣли на вѣткахъ. Трудно найти болѣе восхитительную мѣстность, какъ Носковцы; обширный и помѣстительный барскій домъ, удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ комфорта, окруженъ великолѣпнымъ паркомъ, въ которомъ находятся въ изобиліи самые вкусные фрукты. Среди такой прекрасной, такой разнообразной и привлекательной природы, можно бы было подумать, что находишься въ раю, еслибы вамъ безпрестанно не напоминали о печальной дѣйствительности ежедневныя непріятности, съ которыми сопряжено воздѣлываніе земли при тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ которыя поставлено землевладѣніе. Я воспользовался досугомъ, чтобъ собрать мои воспоминанія въ одно цѣлое. Въ теченіе всей моей жизни я имѣлъ обыкновеніе писать отдѣльныя замѣтки; у меня были подъ рукой многочисленныя матеріалы, а такъ какъ я сверхъ того одаренъ прекрасной памятью, то мнѣ не трудно было описать самыя достопамятныя подробности моей жизни. Эта работа очень интересовала меня, и я занимался ею съ усердіемъ. Остальное время я проводилъ въ чтеніи, въ прогулкахъ, въ ходьбѣ по полямъ, и дни проходили такъ быстро, что незамѣтнымъ образомъ сталъ истекать срокъ моего отпуска.

Я, конечно, постарался привести въ порядокъ мои дѣла, которыми не могъ серьезно заниматься во время моего пребыванія въ Сибири. Я прежде всего приложилъ стараніе къ увеличенію доходовъ, которые получались съ Носковцевъ. Я заплатилъ за это имѣніе довольно дорого, такъ какъ приобрѣлъ его покупкой въ 1858 г., когда никто не могъ предвидѣть, что эманципація совершится на такихъ невыгодныхъ для помѣщиковъ условіяхъ, на какихъ она дѣйствительно совершилась. Поэтому я скоро пришелъ къ убѣжденію, что, ограничиваясь производствомъ ржи, я никогда не буду получать такихъ доходовъ, которыя равнялись бы процентамъ съ капитала, употребленнаго мною на приобретеніе этой недвижимости. Къ земледѣлію было необходимо присовокупить такое промышленное предпріятіе, основой для котораго служили бы сельскія произведенія, и въ этомъ отношеніи все указывало на доходность свеклосахарнаго производства. Не только земля въ Носковцахъ годна для разведенія свекловицы, но два необходимыхъ предмета въ свеклосахарномъ производствѣ—топливо и известь обходится тамъ дешевле, чѣмъ въ Кіевской губерніи, гдѣ лѣса

начинають рѣдѣть, а известковой земли вовсе нѣтъ. Къ тому же мѣсто для завода было выбрано тамъ, гдѣ вода находится въ изобиліи, такъ что на лицо находились всѣ условія для процвѣтанія свеклосахарнаго производства въ Носковцахъ. Весной 1860 былъ заложенъ фундаментъ для завода, а осенью того же года этотъ заводъ уже былъ пущенъ въ ходъ. Если добытые результаты не оправдали вполне нашихъ ожиданій, то это потому что въ началѣ всякаго предпріятія представляются трудности, которыя преодолеваются лишь съ теченіемъ времени, и потому что для каждой отрасли промышленности требуется болѣе или менѣе продолжительная подготовка. Я не останавливался ни передъ какими затратами для пріобрѣтенія нужнѣйшихъ машинъ. Слѣдуетъ замѣтить, что свекло-сахарное производство, къ сожалѣнію, далеко не пользуется со стороны правительства покровительствомъ и заботливостью, на которыя имѣетъ столько правъ, потому что заводы этого рода распространяютъ благосостояніе по меньшей мѣрѣ на 40 верстъ кругомъ. Когда подумаешь, сколько денегъ эти заводы разсыпаютъ по странѣ въ видѣ платы за производство свекловицы, за работу и за перевозку, то придеши къ убѣжденію, что страна получаетъ гораздо болѣе выгодъ, чѣмъ самъ заводчикъ, потому что этому послѣднему приходится бороться съ разными неблагоприятными случайностями, съ упадкомъ цѣнъ на сахаръ, съ неурожаемъ свекловицы и со многими другими. Поэтому ничто такъ не противорѣчитъ здравымъ политико-экономическимъ теоріямъ, какъ увеличеніе акцизныхъ пошлинъ, которыми безпрестанно облагаютъ сахаръ внутренняго производства. Еслибы у г. Рейтерна были совершенно развязаны руки, то онъ не давалъ бы себѣ покоя до тѣхъ поръ, пока не убилъ бы этой важной промышленности, которую ввелъ въ страну на свой рискъ графъ Бобринскій и за которую Россія должна быть вѣчно ему благодарна. Нерасположеніе министра финансовъ къ внутреннему производству сахара основано на томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ эта промышленность получила значительное развитіе, почти совершенно прекратился ввозъ сахара изъ-за границы, а таможенные доходы по этой статьѣ уменьшились въ такой же пропорціи. Но развѣ для выгодъ казны было бы лучше, если бы Россія получала весь свой сахаръ изъ-за границы, уплачивая за него наличными деньгами? Нашъ торговый балансъ и безъ того уже неблагоприятенъ для насъ; но онъ сдѣлается еще болѣе неблагоприятнымъ, если къ другимъ предметамъ ввоза прибавится и сахаръ.

Въ половинѣ Сентября 1867 я возвратился въ Петербургъ и началъ присутствовать на засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

I.

О ф и н а н с а х ъ.

Я уже ранѣе слегка упоминалъ о вредныхъ мѣропріятіяхъ, которыя исходили отъ нашихъ трехъ послѣднихъ министровъ финансовъ. Теперь я изложу эти мѣропріятія подробно для того, чтобъ читатель могъ убѣдиться въ основательности моего о нихъ отзыва.

Г-на Брока нельзя упрекать въ чрезмѣрномъ выпускѣ кредитныхъ билетовъ, потому что Крымская война, вспыхнувшая во время его управленія Министерствомъ Финансовъ, требовала громадныхъ расходовъ, а всѣ иностранные рынки, на которыхъ заключаются займы, были для него закрыты вслѣдствіе составившейся противъ Россіи коалиціи. Но его можно упрекнуть за одну непоправимую ошибку, которая имѣла самыя пагубныя послѣдствія,—за то, что вскорѣ по окончаніи войны онъ уменьшилъ съ 4 на 3 размѣръ процентовъ съ тѣхъ капиталовъ, которые были положены на храненіе въ различныя кредитныя учрежденія.

Вслѣдствіе слишкомъ сильнаго выпуска кредитныхъ билетовъ въ банкахъ накопилась масса капиталовъ, и положенные туда на храненіе 400 милліоновъ не находили для себя выгоднаго помѣщенія. Это положеніе дѣлало до такой степени встревожило г-на Брока, что, для облегченія банковъ отъ лежавшихъ въ ихъ кассахъ капиталовъ, онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ ускорить сбытъ этихъ капиталовъ путемъ пониженія процентовъ. Но для государства было-бы гораздо выгоднѣе нести въ теченіи нѣкотораго времени ежегодный убытокъ въ 16 милліоновъ, уплачивавшихся въ видѣ процентовъ, нежели выбросить на рынокъ такую массу кредитныхъ билетовъ. Вслѣдствіе этой мѣры не только цѣна кредитныхъ билетовъ сильно упала, но, по невозможности найти для себя помѣщеніе, одна ихъ часть была переведена за границу, а другая пущена въ самыя рискованныя предпріятія. Это было именно то время, когда основывалось множество обществъ на акціяхъ съ цѣлю извлекать доходы изъ какой-нибудь отрасли промышленности. А такъ какъ въ большинствѣ случаевъ эти предпріятія были задуманы аферистами и не имѣли солиднаго фундамента, то они не имѣли успѣха, и эти общества должны были ликвидировать свои дѣла. Нѣсколько сотъ милліоновъ затрачены непроизводительно, и это отразилось вредно на государственномъ богатствѣ.

Быть можетъ, въ первый разъ представился странный фактъ, что министръ финансовъ былъ испуганъ огромнымъ количествомъ находившихся въ его распоряженіи денежныхъ капиталовъ. Отчего было

не считать эти накопившіеся въ банкахъ 400 милліоновъ за внутренній заемъ, заключенный за 4%? Послѣ заключенія мира промышленность оживилась-бы мало-по-малу, эти 400 милліоновъ напли-бы для себя помѣщеніе, и равновѣсіе возстановилось-бы само собою безъ всякихъ потрясеній. Наконецъ, если г. Брокъ желалъ уменьшить бюджетъ расходовъ путемъ пониженія процентовъ, то онъ могъ-бы взяться за это иначе, а именно путемъ изданія указа, что всѣ капиталы, положенные въ Банкъ послѣ обнародованія этого указа, будутъ приносить только 3%, а всѣ положенные ранѣе будутъ по прежнему приносить 4%. Этого, безъ сомнѣнія, было-бы достаточно, чтобъ предотвратить отливъ капиталовъ, хранившихся въ Банкѣ, а новые взносы производились-бы съ условіемъ уплаты только 3%.

Замѣнившій Брока въ званіи министра финансовъ г. Княжевичъ былъ долгое время директоромъ Департамента Государственного Казначейства. Онъ былъ однимъ изъ сотрудниковъ графа Канкрина и могъ до нѣкоторой степени считаться его ученикомъ. Но въ этомъ случаѣ оправдалась пословица, что можно блестѣть на второмъ мѣстѣ и оказаться непригоднымъ для перваго. Княжевичу нельзя отказать въ высокихъ и достойныхъ уваженія качествахъ; тѣмъ не менѣе онъ не находился на высотѣ своего положенія. Именно въ его бытность министромъ приступлено къ переустройству кредитныхъ учрежденій; но эта задача была ему не по силамъ, и онъ надѣлалъ много ошибокъ.

Долгосрочный кредитъ, которымъ можно было пользоваться въ Петербургскомъ и Московскомъ Опекунскихъ Совѣтахъ, равно какъ въ Заемномъ Банкѣ, подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, былъ уничтоженъ именно въ ту минуту, когда вслѣдствіе освобожденія крестьянъ помѣщики наиболѣе нуждались въ кредитѣ. Дѣло шло не о какихъ-нибудь измѣненіяхъ, сдѣлавшихся необходимыми съ теченіемъ времени и благодаря указаніямъ опыта, но о переустройствѣ банковъ на совершенно новыхъ началахъ. Однако прежніе банки безспорно были полезны для государственной казны. Такъ, напримѣръ, Заемный Банкъ ежегодно давалъ чистаго дохода четыре милліона; Опекунскіе Совѣты давали два съ половиной милліона, а Коммерческій Банкъ полтора милліона. Благодаря господствующей у насъ маніи все подводить подъ одну норму, дошли до того, что наложили руку даже на существовавшія въ каждой изъ нашихъ губерній кассы Государственнаго Призрѣнія, которыя были основаны съ благоразумной предусмотрительностью при Екатеринѣ II-й, дѣйствовали въ качествѣ мѣстныхъ банковъ и также выдавали долгосрочныя ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. Все было разрушено, прежніе банки уничтожены, и основанъ единственный Государственный Банкъ, въ кото-

ромъ сосредоточились всѣ кредитныя операціи, когда-то входившія въ сферу дѣятельности вышеупомянутыхъ банковъ, за исключеніемъ долгосрочныхъ ссудъ подъ недвижимую собственность, которыя отмѣнены и остаются отмѣненными доселѣ.

Я ставлю вопросъ: въ чемъ новые порядки лучше старыхъ, и упрочился ли отъ этой переменѣ государственный кредитъ? Это могло бы случиться только при томъ условіи, еслибы вновь учрежденный банкъ былъ вполнѣ независимъ отъ правительства, подобно банкамъ Французскому и Англійскому. Но такъ какъ или не хотѣли, или не могли заходить такъ далеко, то лучше было не касаться нашихъ кредитныхъ учреждений, къ которымъ публика привыкла обращаться въ теченіи столькихъ лѣтъ. Мнѣ неизвѣстно, приносить ли новый Государственный Банкъ казѣ такой же доходъ, какой приносили уничтоженные банки; но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что теперь на обязанности казны лежитъ покрытіе расходовъ множества благотворительныхъ учреждений, которыя прежде жили доходами Опекунскихъ Совѣтовъ и Приказовъ Общественнаго Призрѣнія съ ихъ капиталовъ.

Также въ бытность Княжевича министромъ финансовъ въ первый разъ серьезно поднять вопросъ о замѣнѣ откупной системы взиманіемъ акциза съ спиртныхъ напитковъ, хотя введеніе этой новой системы произошло лишь въ бытность министромъ Рейтерна; даже причиною выхода Княжевича въ отставку было разномысліе, возникшее между Княжевичемъ и директоромъ Департамента Неокладныхъ Сборовъ Гротомъ касательно назначенія разныхъ лицъ начальниками акцизныхъ сборовъ въ различныхъ губерніяхъ. Давно уже было признано, что хотя откупная система и представляетъ очень легкій способъ собиранія налога, но съ нею связано много неудобствъ. Откупщики сдѣлались силой, какъ бы государствомъ въ государствѣ; у нихъ состояли на жалованьи не только городская и сельская полиція, но даже чины администраціи до губернаторовъ; случалось, что они низвергали губернаторовъ, не подчинявшихся ихъ волѣ; и послѣ этого нельзя удивляться тому, что, благодаря своему привилегированному положенію, откупщики могли совершать злоупотребленія всякаго рода. Впрочемъ понятно, что долго не рѣшались уничтожить эту монополію, которая составляла самую важную отрасль государственныхъ доходовъ.

Давая каждому, получившему патентъ, право торговать спиртными напитками оптомъ и въ розницу, правительство имѣло главнымъ образомъ въ виду понизить цѣну водки, сдѣлать ея употребленіе какъ можно болѣе всеобщимъ и собирать въ видѣ акциза не менѣе, а можетъ быть и болѣе того, что прежде получалось съ откупщиковъ. Какъ и слѣдовало ожидать, внезапное пониженіе стоимости водки на

треть той цѣны, по которой ее продавали откупщики, до крайности усилило пьянство, къ которому Русскіе и безъ того уже склонны едва-ли не болѣе всякаго другаго народа. Послѣдствіемъ этого было развращеніе нравовъ, обнаруживающееся въ постоянно возрастающемъ числѣ проступковъ и преступленій. Въмѣсто того, чтобъ работать, люди изъ простонародья проводятъ время въ кабакахъ, которые они повсюду находятъ въ близкомъ разстояніи; ихъ небольшія денежные средства истощаются, что отражается на благосостояніи государства, какъ это доказываетъ голодъ, отъ котораго пострадала большая часть Имперіи въ 1868 году. Теперь уже дознано, что климатическія условія были лишь второстепенной причиною этого общественнаго бѣдствія.

Если же, не смотря на это, акцизъ, собираемый со спиртныхъ напитковъ, не всегда соотвѣтствуетъ смѣтнымъ предположеніямъ, то это происходитъ не отъ того, что пьютъ меньше, а отъ того, что многіе изъ акцизныхъ чиновниковъ хотя и получаютъ большое жалованье, все-таки безсовѣстно обираютъ казну. Хотя г. Гротъ и воображалъ, что онъ сдѣлалъ изъ акцизнаго управленія образцовое управленіе, но его попытка не удалась; а это служить новымъ доказательствомъ, что въ Россіи недостаточно большихъ жалованій, чтобъ искоренить злоупотребленія. По необыкновенной случайности, у меня въ Западной Сибири завѣдывалъ акцизными сборами коллежскій совѣтникъ Делагарди, человекъ въ высшей степени достойный и безукоризненно честный. Что же вышло? Онъ не могъ удержаться на своемъ мѣстѣ, потому что противъ него повели всякія интриги и, наконецъ, добились его увольненія отъ должности; а его вина заключалась въ томъ, что онъ не считалъ за долгъ дѣлать денежные взносы въ пользу чиновниковъ Департамента Неокладныхъ Сборовъ.

Уже шесть лѣтъ г. Рейтернъ стоитъ во главѣ министерства финансовъ и, не смотря на увеличеніе большей части налоговъ, бюджеты постоянно сводятся съ дефицитомъ. Эти дефициты покрывались то внѣшними, то внутренними займами. Въ числѣ этихъ послѣднихъ находились два займа съ выигрышными преміями, каждый въ 100 милліоновъ; они легко нашли для себя помѣщеніе, но они породили спекулятивную горячку и лихорадочную склонность къ игрѣ на биржѣ.

Только такія государства, какъ на примѣръ Австрія, у которыхъ финансы совершенно разстроены, до сихъ поръ прибѣгали къ этому источнику кредита, и министръ финансовъ, который самъ себя уважаетъ, и какимъ былъ Канкринъ, никогда-бы не согласился прибѣгать къ такой глубоко-безнравственной системѣ займовъ.

Но самой грубой ошибкою г. Рейтерна была придуманная имъ мѣра, при помощи которой онъ надѣялся возстановить курсъ нашихъ кредитныхъ билетовъ и которая имѣла самый плачевный исходъ. Никто не отвергаетъ того, что колебанія въ цѣнѣ нашего кредитнаго рубля составляютъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ недуговъ нашей финансовой системы и что намъ оказали бы важную услугу, еслибы возстановили обмѣнъ нашихъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету и *vice versa* въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ началѣ. Г. Рейтернъ придумалъ, что онъ достигнетъ этого результата, занявъ за границей 60 милліоновъ рублей серебромъ и допустивъ обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету съ постепеннымъ возвышеніемъ ихъ цѣны, такъ что бумажный рубль долженъ былъ мало-по-малу достигнуть своей номинальной стоимости. Владѣльцы кредитныхъ билетовъ поспѣшили воспользоваться этимъ распоряженіемъ и обратились въ банкъ за обмѣномъ своихъ бумажекъ на звонкую монету. Эта операція продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ; но чѣмъ выше подымалась цѣна нашихъ кредитныхъ билетовъ, тѣмъ болѣе усиливался наплывъ людей, требовавшихъ обмѣна этихъ билетовъ на звонкую монету. Скоро пришлось убѣдиться, что если продолжать эту операцію, то нашъ металлическій фондъ весь уйдетъ на это дѣло, и потому по неволѣ пришлось остановиться и прекратить обмѣнъ бумажекъ на звонкую монету. Немедленно курсъ нашихъ кредитныхъ билетовъ упалъ до той низкой цѣны, въ которой онъ находился до этой операціи, и оказалось, что казна напрасно издержала 50 милліоновъ, не достигнувъ никакихъ результатовъ.

Изложенныя мною соображенія, конечно, заключаютъ въ себѣ строгое осужденіе финансоваго управленія въ Россіи; но справедливость требуетъ сознаться, что при томъ положеніи, до котораго доведено это дѣло, никакой министръ, даже будь онъ одаренъ самыми большими способностями, не могъ-бы возстановить равновѣсія между доходами и расходами. Хотя доходы значительно увеличились, расходы увеличиваются еще съ большей быстротой какъ вслѣдствіе вздорожанія всего, что необходимо для жизни, такъ и вслѣдствіе введенныхъ въ Имперіи новыхъ реформъ, которыя требуютъ новыхъ и значительныхъ расходовъ. Министерство Финансовъ было, какъ разсказываютъ, предложено генералу Чевкину, который будто-бы отвѣчалъ

на это предложеніе, что въ Россіи званіе министра финансовъ можетъ принять на себя только безумецъ или чародѣй, но что онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Эти слова, быть можетъ, никогда не были сказаны; но они, очевидно, выражаютъ истину,—до такой степени безвыходно положеніе министра финансовъ въ Россіи.

Впрочемъ, не въ одной Россіи финансы находятся не въ удовлетворительномъ состояніи. Точно тоже мы находимъ въ Австріи, въ Италіи и во Франціи. Пруссія, по меньшей мѣрѣ до послѣдней войны, успѣвала покрывать свои расходы доходами, и только въ одной Англіи финансы представляютъ столь рѣдкое въ наше время явленіе, что доходы превышаютъ расходы. Нельзя не быть озабоченнымъ такимъ положеніемъ дѣлъ и нельзя не сказать, что, продолжая идти по этому пути, Европа приближается къ банкротству. Налоги до такой степени велики во всѣхъ странахъ, что уже нѣтъ возможности ихъ увеличивать, и потому единственное средство возстановить равновѣсіе въ бюджетѣ заключается въ значительномъ уменьшеніи расходовъ. Но это уменьшеніе расходовъ должно относиться къ морскимъ и сухопутнымъ военнымъ силамъ, потому что именно расходы на содержаніе армій поглощаютъ во всѣхъ странахъ чрезвычайно большую часть государственныхъ доходовъ. Господствующій въ настоящее время вооруженный миръ истощаетъ страну не менѣе, а, можетъ быть, даже болѣе нежели война, которая не можетъ быть продолжительна при усовершенствованномъ оружіи и при удобствахъ, доставляемыхъ желѣзными дорогами. Въ настоящее время всѣ народы вооружены съ ногъ до головы и смотрятъ съ недовѣріемъ другъ на друга, какъ будто находятся наканунѣ борьбы, между тѣмъ какъ, быть можетъ, пройдутъ многіе годы прежде нежели будетъ обнаженъ мечъ *).

Развѣ неудивительно, что въ наше образованное время, когда быстрота сообщеній установила солидарность между интересами всѣхъ народовъ, стоящіе во главѣ главныхъ Европейскихъ народовъ монархи и государственные люди не могутъ проникнуться взаимнымъ довѣріемъ и приступитъ съ общаго согласія къ всеобщему разоруженію? Еслибы оказалось нужнымъ собрать для этого конгрессъ, то стоило-

*) Это было написано въ концѣ 1867 г., когда никто не могъ предвидѣть войны, вспыхнувшей черезъ три года послѣ того между Франціей и Пруссіей, хотя и было положительно извѣстно, что послѣ битвы при Садовой глухая вражда существовала между этими двумя націями. Блестящія побѣды, одержанныя Пруссескими арміями, надо надѣяться, дадутъ Пруссіи возможность предписать такіа мирныя условія, которыя надолго парализуютъ беспокойныя и воинственныя наклонности Французовъ, и прочный миръ замѣнитъ упорную борьбу, разоряющую лучшія страны нашего материка. Эта ужасная война, быть можетъ, поведетъ ко всеобщему разоруженію, котораго мы желаемъ отъ всей души.

бы труда прибѣгнуть къ этому средству, а международное соглашеніе этого рода составило бы славу нашего времени. Почему-бы нашему министру иностранныхъ дѣлъ не принять на себя инициативу въ переговорахъ съ цѣлію разоруженія, а если правда, что всѣ желаютъ мира и что никто не желаетъ захватывать чужихъ владѣній, то, приступивъ къ разрѣшенію этого вопроса съ искренностью и съ доброй волей, вѣроятно, можно бы было достигнуть соглашенія. Въ Парижскомъ трактатѣ уже было постановлено, что прежде, нежели обнажить мечъ, слѣдуетъ обращаться къ посредничеству державъ для устраненія затрудненій, которыя могутъ возникать между сосѣдними государствами, а этому принципу можно бы было дать широкое примѣненіе. Еслибы во всѣхъ государствахъ военныя силы были уменьшены на половину, и еслибы благоразуміе правительствъ поддержало миръ въ теченіи по крайней мѣрѣ десяти лѣтъ, то въ бюджетахъ возстановилось-бы равновѣсіе, а правительства перестали-бы прибѣгать къ кредиту и мало-по-малу расплатились-бы съ долгами, заключенными въ трудныя времена, черезъ которыя всѣ они прошли.

II.

Балтійскія губерніи.

Будучи уроженцемъ Эстляндскимъ, я съ глубокой скорбьюзираю на страстные нападки, которыми осыпаетъ дворянъ этихъ губерній Русская періодическая печать, конечно безъ всякаго вниманія къ вѣрности и преданности, которыя были выказаны этими дворянами при самыхъ разнообразныхъ и самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Конечно, дворянство ведетъ свое происхожденіе изъ Германіи; но развѣ это помѣшало ему хорошо служить Россіи, какъ въ административной сферѣ, такъ и на поляхъ сраженій? Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что подъ оскорбленіями, которыми осыпаютъ Нѣмцевъ, кроется сильное чувство зависти. Ихъ не любятъ за то, что они вообще образованнѣе Русскихъ и находятся на болѣе высокомъ уровнѣ цивилизаци. Ихъ еще болѣе не любятъ за то, что они занимаютъ нѣкоторыя изъ высшихъ мѣстъ въ служебной іерархіи; но при этомъ не принимаютъ въ соображеніе, что если Нѣмцы и достигаютъ высшихъ должностей, то они обязаны этимъ единственно своей привязанности къ службѣ и добросовѣстности въ исполненіи обязанностей.

Эти соображенія сто разъ приходили мнѣ въ голову; но имъ придало новую силу сочиненіе г-на Самарина *Окраины Россіи*, авторъ котораго какъ будто старался расшевелить еще не вполне залечив-

шіяся старыя раны, внушая правительству, путемъ намековъ, недо-
вѣріе къ дворянству Балтійскихъ губерній. Самаринъ былъ въ числѣ
Русскихъ чиновниковъ, состоявшихъ при ген.-губернаторѣ Головинѣ,
съ именемъ котораго связаны для Балтійскихъ губерній самыя груст-
ныя воспоминанія. При этомъ ген.-губернаторѣ сдѣланы первыя по-
пытки обращенія Латышей и Эстонцевъ въ Православіе, попытки,
которыя встревожили страну, возбудили волненія среди крестьянъ и
привели къ тому, что въ настоящее время многія тысячи этихъ не-
счастливыхъ остаются безъ всякой вѣры, не зная, къ какой они принад-
лежатъ. Эмиссары бродили по странѣ во всѣхъ направленіяхъ; они
подъ рукою внушали крестьянамъ, что земли на Югѣ Россіи будутъ
безвозмездно розданы тѣмъ изъ нихъ, которые обратятся въ Право-
славіе, и всѣ умы натурально увлеклись неопредѣленнымъ желаніемъ
куда-нибудь переселиться. Самаринъ превозноситъ въ своемъ сочине-
ніи все, что было сдѣлано въ ту пору и въ подтвержденіе своей мыс-
ли приводить выдержки изъ сочиненія нѣкогого Бокка, какъ будто
дворянство трехъ губерній могло быть отвѣтственнымъ за мнѣнія ка-
кого-то изступленника, который самъ себя осудилъ на изгнаніе и ко-
торый никогда не имѣлъ кредита среди своихъ соотечественниковъ.

Я не буду утверждать, что Нѣмецкое дворянство Балтійскихъ
губерній чисто отъ всякихъ упрековъ. Для его нежеланія знакомиться
съ Русскимъ языкомъ нѣтъ никакихъ оправданій. Тоже можно ска-
зать о лютеранскомъ духовенствѣ, которое заботилось только о своемъ
благосостояніи и о поддержаніи своихъ добрыхъ отношеній съ дво-
рянствомъ и непростительнымъ образомъ пренебрегало духовнымъ ру-
ководительствомъ ввѣренной ему паствы; а это небреженіе много со-
дѣйствовало успѣху православной пропаганды. Въ этихъ двухъ отно-
шеніяхъ, какъ увѣряють, сдѣланы значительные успѣхи, то-есть юно-
шество стало усерднѣе заниматься изученіемъ Русскаго языка, а лю-
теранское духовенство усерднѣе прежняго озабочено религіознымъ и
нравственнымъ воспитаніемъ своей паствы.

Если правительство будетъ дѣйствовать добросовѣстно и сдер-
жанно, оно получитъ все, чего имѣетъ право требовать, и тогда мало-
по-малу изгладятся всѣ слѣды того прискорбнаго недоразумѣнія, ко-
торое имѣло столь вредное вліяніе на умы, внушая всѣмъ классамъ
общества чувства недоувѣрія. Въ особенности необходимо внушить жи-
телямъ Балтійскихъ губерній убѣжденіе, что правительство относится
къ нимъ безъ всякой задней мысли и что оно ни при чемъ въ томъ
потокѣ оскорбленій, который изливается Русскою періодическою пе-
чатью на все, что носитъ Нѣмецкое имя. Въ теченіи этихъ послѣд-

нихъ дѣтъ, смѣняли одного вслѣдъ за другимъ чиновниковъ, которые были поставляемы во главѣ управленія Балтійскихъ губерній. Но не людей слѣдовало мѣнять, а самую систему управленія.

III.

Греко-Турецкое столкновеніе.

Послѣ потрясеній, возбужденныхъ войной 1866 года, Европа наслаждалась непрочнымъ спокойствіемъ: ультиматумъ, съ которымъ Турція обратилась къ Греціи, и послѣдовавшее вслѣдъ за тѣмъ прекращеніе дипломатическихъ сношеній между этими государствами, неожиданно всѣхъ поразили какъ громомъ и едва не нарушили спокойствія всего міра. Съ точки зрѣнія международнаго права не подлежитъ сомнѣнію, что Турція была права; но вникая въ причины этого столкновенія, нельзя не признать, что, со времени заключенія Парижскаго трактата, Турція ничего не сдѣлала, чтобъ снискать расположеніе христіанскаго населенія и что пока Оттоманская Порта не захочетъ удовлетворять справедливыя требованія райевъ, всѣ палліативныя мѣры, придуманныя Европейскимъ ареопагомъ, не будутъ въ состояніи предотвратить окончательную катастрофу, которая разразится въ такую минуту, когда ея всего менѣе ожидаютъ.

Надо отдать Петербургскому Кабинету справедливость, что онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобъ предостеречь Турцію и Европу отъ тѣхъ опасностей, которыми грозитъ всеобщему спокойствію ненормальное положеніе христіанскаго населенія. Но, найдя слабую поддержку со стороны Франціи, Италіи и Пруссіи, и противодѣйствіе со стороны Австріи и въ особенности со стороны эгоистичной Англіи, заботящейся только о своихъ коммерческихъ выгодахъ, голосъ Россіи остался безъ отзвука, и можно сказать, что со времени Крымской войны восточный вопросъ не подвинулся ни на шагъ къ своему разрѣшенію.

Когда возникло Греко-Турецкое столкновеніе, положеніе Россіи сдѣлалось крайне затруднительнымъ, и я понимаю, что кн. Горчакову пришлось пережить немало тревожныхъ минутъ. Поощрять Грецію къ сопротивленію значило бы возстановить противъ насъ всю Европу, подвергнуть неподготовленное къ борьбѣ Греческое королевство самымъ серьезнымъ опасностямъ и вызвать всеобщее потрясеніе, между тѣмъ какъ, дѣйствуя за-одно съ другими державами и производя нравственное давленіе на Грецію, чтобъ склонить ее на уступки, значило бы уничтожать нашими собственными руками наше вліяніе на Востокъ и ронять значеніе, которымъ до тѣхъ поръ мы пользовались. Однако Императорскій Кабинетъ остановился на этой послѣдней аль-

тернативѣ, и я полагаю, что онъ хорошо сдѣлалъ, что-бы ни думали о томъ Славянофилы.

Турція находится на пути къ разложенію, и намъ нѣтъ никакой выгоды ускорять ея паденіе: лучше съ терпѣніемъ дожидаться, чтобы больной человѣкъ умеръ своей естественною смертію. Впрочемъ, съ какой стороны могли бы мы напасть на Турцію съ тѣхъ поръ, какъ Черное море признано нейтральнымъ, нашъ флотъ уничтоженъ, а Дунайскія княжества находятся подъ совокупной гарантіей державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ? Рѣшительно ни съ какой, и если обстоятельства когда-нибудь принудятъ насъ воевать съ Турціей, намъ придется принять за базисъ для военныхъ операцій наши Закавказскія провинціи и дѣйствовать въ Малой Азіи.

Конференція, собравшаяся въ Парижѣ по предложенію Пруссіи, прекратила Греко-Турецкую распрю путемъ деклараціи, подтвердившей нѣкоторые пункты международнаго права, которыхъ никто не думалъ оспаривать; но можно-ли усмотрѣть въ этой деклараціи что-либо кромѣ палліативнаго средства, которое въ сущности не устраняетъ ни одного изъ тѣхъ затрудненій, которыми такъ чреватъ восточный вопросъ? Конференція, конечно, доставила на нѣкоторое время спокойствіе Европѣ, а это много при томъ натянутомъ положеніи, въ которомъ находятся кабинеты по отношенію одинъ къ другому; но она конечно не успокоила умовъ.

Въ то время, какъ дипломаты совѣщались въ Парижѣ, пришло извѣстіе о смерти Фуада-паши, скончавшагося въ Ниццѣ отъ болѣзни сердца, и тотчасъ вслѣдъ затѣмъ газеты всѣхъ оттѣнковъ стали оплакивать смерть этого государственнаго человѣка, какъ будто на Турцію обрушилось страшное несчастье. Я припоминаю, что даже князь Горчаковъ раздѣлялъ общую скорбь, а когда я позволилъ себѣ выказать сомнѣніе на счетъ огромныхъ услугъ, оказанныхъ Фуадомъ-пашой его отечеству, князь Горчаковъ отвѣчалъ мнѣ, что главная заслуга этого министра заключалась въ умѣннѣи предостерегать диванъ отъ глупостей и что еслибы онъ находился во главѣ управленія во время послѣдняго кризиса, Порты конечно не послала бы того ультиматума, отъ котораго едва не вспыхнулъ пожаръ на всемъ Востокѣ. Что касается отрицательныхъ достоинствъ, я не отказываю въ нихъ Фуаду-пашѣ; но пусть укажутъ мнѣ хоть одну, принятую по его почину мѣру, которая способствовала бы возрожденію Турціи и утвержденію ея внутренняго устройства на болѣе прочномъ фундаментѣ, которая исполнила бы обѣщанія, данныя Оттоманской Портой на Парижскомъ конгрессѣ и которая сдѣлала бы положеніе христіанскаго населенія болѣе сноснымъ? Ничего подобнаго не было сдѣлано, а въ виду не-

прерывно возникавшихъ новыхъ затрудненій, Фуадъ-паша не умѣлъ придумать ничего лучшаго, какъ прибѣгнуть къ кредиту и вовлечь Турцію на опасный путь публичныхъ займовъ, которые достигли въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ громадной цифры. Конечно, Турецкіе финансы уже давно находились въ печальномъ положеніи, но до 1854 г. тамъ по крайней мѣрѣ не были знакомы съ язвой публичныхъ займовъ. Фуадъ-паша заразилъ свое отечество этой отвратительной болѣзью, а это болѣе всего другаго ускорило паденіе Турціи.

Въ той главѣ, гдѣ шла рѣчь о моемъ пребываніи и о моей дипломатической дѣятельности въ Персіи, я уже упоминалъ о преобладающемъ вліяніи мусульманской іерархіи въ этой странѣ и о глухой борьбѣ, которую ведутъ между собою власти свѣтская и церковная. Но этотъ антагонизмъ болѣе подробно описанъ въ запискѣ, сообщенной мнѣ однимъ Персидскимъ уроженцемъ, который вполнѣ владѣлъ языками Турецкимъ и Персидскимъ и, по своему общественному положенію, былъ замѣшанъ во всѣ интриги и во всѣ дипломатическіе переговоры, театромъ которыхъ былъ Тегеранскій дворъ въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ. Эта интересная записка бросаетъ совершенно новый свѣтъ на религіозный вопросъ, которымъ регулируются всѣ сношенія между Персіей и Турціей; она заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

IV.

Персія и Турція.

А. Политическія учрежденія Персіи представляютъ одно изъ самыхъ странныхъ явленій въ исторіи. Принципы этихъ учреждений до такой степени сложны и прикриты религіозными мистеріями, а эти мистеріи таятся отъ всѣхъ съ такимъ тщаніемъ, что до сихъ поръ лишь очень немногимъ иностранцамъ удавалось познакомиться съ настоящимъ характеромъ этого необыкновеннаго государства.

Всѣмъ извѣстно, что въ Персіи господствуютъ мусульманскія теоріи, которыя въ своемъ цѣломъ составляютъ то, что называется Шіитствомъ; но чтобъ понять характеръ этихъ теорій, недостаточно знать, чѣмъ было Шіитство въ своемъ началѣ, а необходимо прослѣдить его постепенное развитіе и уловить его значеніе въ той таинственной формѣ, въ которой оно представляется въ настоящее время.

Эта секта, расходящаяся во многихъ пунктахъ съ Суннитствомъ, имѣетъ основою фундаментальный догматъ, который называется *Имаматомъ* и который признается одними Шіитами. Въ силу этого догмата, царство истины было передано Магометомъ двѣнадцати имамамъ,

которые всё происходят отъ Али. Во внѣшнемъ мірѣ, политическое управленіе было отнято у нихъ узурпаторами; но въ мірѣ нравственномъ и духовномъ они не переставали царствовать надъ всей вселеной. Эти двѣнадцать имамовъ составляютъ вмѣстѣ съ пророкомъ одинъ и тотъ же свѣтъ истины; они—не Богъ, но они воплощеніе атрибутовъ божества. Вселенная создана для нихъ, и все твореніе держится лишь при помощи ихъ оживотворяющихъ милостей. Двѣнадцатый имамъ, по имени Мегди, не умеръ. Въ теченіи тысячи лѣтъ онъ невидимымъ образомъ печется о сохраненіи міра. Вся природа подчинена его волѣ. Онъ настоящій властитель эпохи; онъ единственный монархъ теперешняго міра. Этотъ тайный монархъ долженъ скоро снова появиться во всемъ блескѣ своего божественнаго могущества; его царствованіе должно измѣнить внѣшній видъ міра. Трудъ, собственность, религія и все, что теперь существуетъ, будетъ уничтожено; въ замѣнъ нашихъ теперешнихъ заблужденій и безпорядковъ въ мірѣ будутъ только существовать свѣтъ, радость, истина и счастье.

Хотя эти вѣрованія совершенно чужды Корану, но они составляютъ въ настоящее время душу Персидскаго Шитства. Во всей Персіи нѣтъ ни одного правовѣрнаго, умъ котораго не былъ бы постоянно волнуемъ мыслию объ этомъ скоромъ искупленіи. Въ особенности въ это послѣднее время, это религіозное вѣрованіе дошло до національнаго изступленія. Волненія среди народа, междоусобная война и страшная рѣзня, которая была ихъ послѣдствіемъ, превосходятъ все, что могло бы быть придумано самой разнузданной фантазіей. Всѣ эти фанатическія увлеченія были залиты потоками крови, тѣмъ не менѣе надъ умами Персіянъ и до сихъ поръ вполне господствуютъ упомянутыя вѣрованія и самый восторженный энтузіазмъ. По Пятницамъ толпы правовѣрныхъ собираются въ мечетяхъ въ твердой увѣренности, что узнаютъ тамъ добрую вѣсть. Не бываетъ ни одного собранія, ни одной общей молитвы, которыя не оканчивались бы горячимъ взываніемъ ко всѣмъ небеснымъ силамъ о скорѣйшемъ пришествіи властителя эпохи.

Это необыкновенное вѣрованіе могло бы сдѣлаться источникомъ національной энергіи и независимости; но вмѣсто того оно внушаетъ лишь апатію и жалкую уступчивость во всемъ, что касается отношеній съ христіанскими народами. Согласно съ очень распространеннымъ вѣрованіемъ, при приближеніи этого событія на мусульманъ нападутъ невѣрующіе. Поэтому всякая побѣда христіанъ надъ Персіей считается за предвѣстницу счастливой эпохи. Есть даже немало такихъ правовѣрныхъ, которые готовы пожертвовать своею жизнію для совершеннаго уничтоженія магометанскихъ государствъ, чтобы этимъ спо-

собомъ ускорить наступленіе великой развязки. Всѣ неправды, всѣ жестокости, всѣ бѣдствія переносятся съ терпѣніемъ, потому что неправды служатъ лучшимъ доказательствомъ, что искупленіе необходимо и что оно не далеко.

Нечего удивляться тому, что Европа еще не знакома съ этими странными вѣрованіями во всемъ ихъ объемѣ и во всѣхъ подробностяхъ. Ожиданіе пришествія этого Мессіи хотя и существуетъ издавна среди Шитовъ, но оно достигло полнаго развитія лишь въ послѣднее время. Но всякому извѣстно, съ какой мелочной заботливостью Европейцы не допускаются до знакомства съ домашнею жизнію Персовъ. Помимо внушаемаго религіей старанія держаться подалеже отъ Европейцевъ, есть еще другая причина, почему въ Персіи скрываютъ отъ христіанъ основную идею теперешняго Шитства. Въ силу священнаго постановленія, при произнесеніи имени Мегди слѣдуетъ встать и за тѣмъ пасть ницъ передъ невидимой особой этого монарха, а по причинѣ этого стѣснительнаго обряда ни одинъ правовѣрный не рѣшится заговорить объ этой внушительной мистеріи въ присутствіи невѣрующихъ. Вотъ отчего многіе изъ иностранцевъ, прожившихъ въ Персіи нѣсколько лѣтъ, уѣзжаютъ оттуда, ничего не слыхавъ о національномъ ученіи, которое заключаетъ въ себѣ и религію, и жизнь, и душу Персидскаго народа.

Послѣ того какъ мы ознакомились съ основнымъ догматомъ Шитства, намъ остается разслѣдовать, путемъ какого страннаго сопоставленія понятій Шиты могли основать политическіе порядки на такой отвлеченной идеѣ, какъ та, которая нами изложена. Такъ какъ абсолютный царь закона, законный властелинъ эпохи, въ настоящее время невидимъ, то онъ по вдохновенію передаетъ свои права замѣстителямъ, которые управляютъ міромъ отъ его имени. Замѣстители, которымъ міръ обязанъ повиноваться безусловно, избираются между Шитами по особой системѣ, которая требуетъ нѣкоторыхъ объясненій. У Суннитовъ существуетъ іерархія, неизмѣнно установившая и духъ, и букву всего закона. Теперешніе улемы не могутъ ничего измѣнить: ихъ призваніе заключается въ изученіи и объясненіи священныхъ книгъ въ томъ смыслѣ, какой былъ установленъ начальниками Суннитскаго толка. У Шитовъ совсѣмъ другое дѣло. Въ силу основнаго правила, умершіе не могутъ имѣть никакого вліянія на то, какъ слѣдуетъ объяснять законъ. Мулла или ученый, какъ бы онъ ни былъ свѣдушъ и святъ, не можетъ придавать никакого легальнаго характера своимъ мнѣніямъ съ той минуты, какъ пересталъ принадлежать къ числу живыхъ. Въ силу другаго Шитскаго постановленія, дверь для разслѣдованій открыта, то есть всякій можетъ разслѣдо-

вать законъ и истолковывать его по своей совѣсти; только для того, чтобъ пользоваться этой свободой разслѣдованій, надо предварительно сдѣлаться Муштегидомъ. А чтобъ сдѣлаться Муштегидомъ, надо глубоко изучить мусульманскіе законы и получить дипломъ на званіе Муштегида. Всякій Муштегидъ есть замѣститель властителя эпохи и стало-быть законный государь страны. Хотя всѣ Муштегиды имѣютъ одинакія права на верховенство, но ихъ авторитетъ бываетъ различенъ, смотря по степени ихъ личной доблести. Наука и практическое примѣненіе мусульманскихъ добродѣтелей могутъ сдѣлать этотъ авторитетъ почти безграничнымъ. Чтобъ упрочить владычество Муштегитовъ, Шіитство постаралось сдѣлать его столько же необходимымъ для правовѣрныхъ, сколько недоступнымъ для посягательствъ всякой внѣшней власти. Въ силу формальнаго закона, всякій мусульманинъ обязанъ или быть Муштегидомъ, или слѣпо подчиняться волѣ какого-нибудь Муштегида. Нельзя быть Шіитомъ, не подчиняясь этому основному закону. А такъ какъ мусульманское законодательство постаралось регулировать всѣ дѣйствія человѣческой жизни, начиная съ основаній и кончая тѣмъ, какъ стричь ногти, то Мусульманинъ обязанъ на каждомъ шагу обращаться за указаніями къ своему Муштегиду и сдѣлаться настоящимъ рабомъ этого послѣдняго; онъ долженъ и думать, и вѣрить, и жить, и умереть, какъ его Муштегидъ. Но главной опорой для могущества Муштегидовъ служитъ публичная молитва, которую мусульмане обязаны совершать по Пятницамъ позади калифа и которая составляетъ самую существенную особенность магометанской религіи. Шіитъ не можетъ совершать эту молитву иначе какъ стоя позади Муштегидовъ и этимъ публично свидѣтельствуетъ, что они замѣстители властителя эпохи и стало-быть законные монархи страны.

Такъ какъ, кромѣ этой власти Муштегидовъ, въ государствѣ не должно существовать никакой другой власти, то отсюда слѣдуетъ, что всѣ служители шаха считаются подпорами тираніи, осужденными на вѣчныя мученія и что верховная власть его есть явный и незаконный захватъ. Каждый листъ бумаги, на которомъ написано хоть одно слово въ угоду узурпатору, превратится въ томъ мірѣ въ раскаленную докрасна желѣзную бляху, которая будетъ повѣшена на шею преступнаго писаки. Всѣ добрые мусульмане, принужденные поневолѣ оказывать свое содѣйствіе тираніи, прибѣгаютъ къ различнымъ религіознымъ изворотамъ, чтобъ сколько можно загладить преступность тѣхъ дѣйствій, въ которыхъ они принуждены участвовать въ угоду узурпатору. Всякое незаконно присвоенное право и всякая незаконно пріобрѣтенная вещь должны быть возвращены настоящему

властителю эпохи и его теперешнимъ замѣстителямъ; поэтому всѣ сокровища и всѣ помѣстья шаха должны считаться плодами узурпаціи и насилія и принадлежать по праву Муштегидамъ. Оттого-то мусульманскіе чиновники, получивъ отъ шаха свое жалованье, относятъ эти деньги къ Муштегидамъ, какъ къ законнымъ собственникамъ и затѣмъ получаютъ ихъ обратно въ качествѣ подаянія. Даже между министрами шаха есть такіе, которые никогда не прикасаются къ своему нечистому жалованью, а поручаютъ другимъ хранить его и тратить. Всѣ безъ различія Персы, передъ тѣмъ, чтобъ отправиться въ Мекку или сдѣлать какой-либо другой чрезвычайный расходъ, обязаны промѣнять полученные отъ правительства деньги на такія, которыя приобрѣтены торговлей.

Но удивительнѣе всего то, что самъ шахъ обязанъ подчиняться этимъ религіознымъ обыкновеніямъ, отвергающимъ и уничтожающимъ принципъ его собственной власти. Въ качествѣ Шита, онъ долженъ прежде всего объявить себя подражателемъ какого-нибудь извѣстнаго Муштегида, то-есть признать этого Муштегида замѣстителемъ властителя эпохи и стало-быть настоящимъ монархомъ страны.

Сверхъ того,—такъ какъ, въ силу удивительнаго мусульманскаго постановленія, ежедневная молитва правовѣрнаго не можетъ быть совершаема на незаконно захваченной почвѣ,—шахъ обязанъ признать, передъ Муштегидами, что его дворцы незаконно имъ присвоены и принадлежать замѣстителямъ Имама; поэтому, чтобъ приобрѣсти право молиться, какъ простой мусульманинъ, шахъ вынужденъ нанимать эти дворцы у тѣхъ же самыхъ Муштегидовъ.

Не слѣдуетъ думать, что власть Муштегидовъ по отношенію къ шаху ограничивается этими религіозными отвлеченностями. Въ ихъ рукахъ находится и законодательная власть, и судебная. Они имѣютъ надъ каждымъ право жизни и смерти. Случалось, что простые муллы осуждали на смерть и предавали въ руки палача сотни мусульманъ въ силу своего религіознаго авторитета и не смотря на то, что правительство шаха возставало противъ такихъ чудовищныхъ прерогативъ. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что десятинный сборъ и другіе установленные мусульманскимъ закономъ налоги поступаютъ прямо въ руки Муштегидовъ.

Понятно, что въ присутствіи такой могущественной Шитской теократіи, власть шаха-еретика и не велика, и не прочна. Эта власть возникла вслѣдствіе ненавистной узурпаціи, опиравшейся единственно на правъ сильнаго; она по своему существу враждебна Шитству и олицетворяется въ иноземной династіи. Поэтому шахъ вынужденъ вести

постоянную борьбу и съ религіей, которую онъ исповѣдуетъ, и съ народомъ, которымъ онъ управляетъ.

Только этимъ антагонизмомъ между завоевательною силой и религіозными принципами можно объяснить рядъ страшныхъ возстаній и переворотовъ, ниспровергшихъ одну вслѣдъ за другой столько различныхъ Шіитскихъ династій, царствовавшихъ въ Персіи. Этимъ также объясняются безпокойство и недовѣріе, склонность къ насиліямъ и жестокосердіе, которыя обнаруживаются во всѣхъ дѣйствіяхъ теперешняго шаха. Ему очень хорошо извѣстно, что въ каждой Персидской деревнѣ есть простые муллы, которые, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, могутъ въ нѣсколько дней сдѣлаться самыми страшными мстителями за угнетенную религію. Въ началѣ теперешняго царствованія нѣкоторые изъ муллъ выдержали кровопролитную борьбу съ шахомъ и едва не свергли съ престола его династію. Кромѣ этихъ религіозныхъ претендентовъ, всякій ханъ, всякій начальникъ племени увѣренъ, что, по правиламъ той же религіи, онъ имѣетъ одинакое съ шахомъ право на престолъ. Если онъ повинуется теперь, то единственно преклоняясь передъ силой, и если только эта сила перейдетъ въ его руки, онъ въ свою очередь заставитъ преклоняться предъ собою другихъ. Развѣ не было примѣровъ, что дервиши, евнухи, даже простые разбойники свергали шаховъ съ ихъ престола и основывали новыя династіи?

Среди разныхъ превратностей судьбы, жертвою которыхъ были царствовавшіе въ Персіи шахи, на долю теперешней династіи выпало то счастье, что она создала для себя опору, которой не знали ея предшественницы—союзъ съ Россіей. Послѣ войны съ Персіей въ 1828 году, императоръ Николай сдѣлался настоящимъ повелителемъ этой страны, а отецъ теперешняго шаха былъ возведенъ на престолъ главнымъ образомъ благодаря вліянію Петербургскаго кабинета. Съ той поры вся Персія убѣждена, что царствованіе династіи Каджаровъ было формально гарантировано Россіей путемъ тайнаго договора. На самомъ дѣлѣ такого договора заключено не было, но въ его существованіи глубоко убѣждены не только всѣ Персы, но даже министры шаха, благодаря тому, что это мнѣніе умѣлъ ловко распространить одинъ изъ самыхъ способныхъ министровъ шаха—Мирза-Таги-ханъ. Оно служить для теперешняго Персидскаго правительства едва ли не самой надежной опорой.

Воинственные племена и выдающіеся люди, которые столько разъ свергали съ себя иго различныхъ династій и могли-бы сдѣлать такую же попытку въ настоящее время, удерживаются въ предѣлахъ покорности страхомъ, который внушаетъ имъ Россія, по ихъ мнѣнію всегда

готовая возстановить павшую династію. Поэтому-то шахъ, хорошо понимающій опасность своего положенія, принялъ за политическій догматъ—никогда не уклоняться отъ союза съ Россіей. Инструкція, данная первымъ министромъ шаха отправлявшемуся въ Петербургъ послу Садръ-Дивану-ханэ, оканчивалась слѣдующими словами: падите ницъ передъ Императоромъ для того, чтобъ вся Персія пала ницъ передъ шахомъ.

Все вышесказанное можетъ быть вкратцѣ выражено такъ. Въ теперешней Персіи господствуютъ двѣ различныя власти: одна власть—религіозная, національная, законная и демократическая, но до такой степени разъединенная, что, будучи способна все неиспровергнуть, она неспособна ввести правильную систему управленія; другая власть—военная, незаконная, иноземная, но сосредоточенная въ царствующемъ семействѣ и поддерживаемая престижемъ союза съ такою державою, которая считается непобѣдимой. Для тѣхъ, кто не могъ глубоко вникнуть въ отличительныя особенности этихъ двухъ властей Персія всегда будетъ неразрѣшимой загадкой. Иностранные дипломаты, не имѣющіе никакого понятія о принципахъ Шіитства, воображаютъ, что верховная власть шаха имѣетъ сходство съ тѣмъ, что мы видимъ во всѣхъ деспотически управляемыхъ Азіатскихъ государствахъ, а изъ двухъ властей, одновременно существующихъ въ Персіи, имъ знакома только власть шаха. Авторитетъ Муштегидовъ, который тѣмъ болѣе великъ, что прикрытъ скромною внѣшностью, натурально ускользаетъ отъ вниманія иностранныхъ наблюдателей. Муштегиды не любятъ жить въ столицѣ, избѣгаютъ всякихъ сношеній съ невѣрующими, запираются внутри мечетей и всецѣло предаются религіозной жизни, между тѣмъ какъ пышная обстановка деспотизма, составляющая обычную принадлежность военной силы, бросается въ глаза и обольщаетъ ихъ.

Народы, принадлежащіе къ Суннитскому толку, еще болѣе другихъ заблуждаются на счетъ настоящаго характера власти шаха. Благодаря чистотѣ своихъ мусульманскихъ вѣрованій, они не имѣютъ никакого понятія о таинственной власти Муштегидовъ и не могутъ допустить существованіе какой-либо другой законной власти, кромѣ власти калифа, а потому они и воображаютъ, что шахъ—единственный и неограниченный повелитель Шіитовъ, подобно тому какъ Константинопольскій султанъ—единственный и неограниченный калифъ Суннитовъ. Это важное заблужденіе, заставлявшее на все смотрѣть только съ одной стороны, и было причиной того, что Суннитскіе дипломаты почти никогда не имѣли успѣха въ переговорахъ. Въмѣсто того, чтобъ обращаться къ популярной и законной власти Муштегидовъ, они со-

вершено не вѣдали про нее и обращались только къ тиранической власти узурпатора. Это заблужденіе было спасительно для Персидскихъ шаховъ, потому что, будучи окружены столькими Суннитскими государствами, они несомнѣнно были-бы свергнуты съ престола, если-бы Суннитская дипломатія лучше ознакомилась съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ и постаралась привлечь на свою сторону Муштегидовъ, которые постоянно мечтають о низверженіи нечестиваго иноземца-узурпатора.

Это положеніе Персіи, безспорно, лучше всѣхъ было понято Россіей, такъ какъ съ той минуты, какъ она стала вмѣшиваться въ дѣла этой страны, она всегда относилась къ Муштегидамъ по меньшей мѣрѣ съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ относилась къ правительству шаха. Всякій новый императорскій посолъ, пріѣзжая въ Тегеранъ, привозилъ обычные подарки не только шаху и самымъ вліятельнымъ изъ его приближенныхъ, но также главнымъ провинціальнымъ Муштегидамъ; и эта искусная политика, основанная на стараніи располагать всѣхъ въ свою пользу, примѣнялась чаще всего въ сосѣднихъ съ Имперіей странахъ. Поэтому, ревностные приверженцы Россіи находятся не только при дворѣ шаха, но и въ средѣ Муштегидовъ, и они въ состояніи отдать страну въ руки Императора въ тотъ день, когда Россія пожелаетъ управлять ею непосредственно.

Таково политическое положеніе Персіи.

В. Теперь посмотримъ, каковы должны быть послѣдствія порядка вещей, очевидно столь вреднаго для страны и входящаго въ число элементовъ восточной задачи, которая должна разрѣшиться какимъ-нибудь путемъ.

Матеріальныя средства Персидскаго шаха чрезвычайно ограничены. Съ своими собственными силами онъ не можетъ ничего предпринять ни противъ одного изъ своихъ сосѣдей, но въ союзѣ съ Россіей онъ можетъ сдѣлаться опаснымъ противникомъ для Турціи. Конечно, легко доказать съ исторіей въ рукахъ, что Персія никогда не угрожала Турціи серьезной опасностью; но было-бы также нетрудно доказать, что въ теченіи послѣднихъ лѣтъ на Востокъ совершились чрезвычайно важные факты, которыхъ исторія еще не занесла на свои страницы. Во всѣхъ своихъ войнахъ съ Оттоманской Портой Россія до сихъ поръ постоянно нападала на Турцію только со стороны Европы.

Будучи занята гигантской борьбой съ Кавказскими горами и встрѣчая громадныя затрудненія при удержаніи въ покорности Грузинскаго населенія, мечтавшаго о своей прежней независимости,

Россія была въ состояніи предпринимать изъ Закавказскихъ провинцій лишь незначительныя военныя дѣйствія противъ Турціи, и всѣ арміи, которыя высылались Россіей и на Персію, и на Азіатскую Турцію, всегда были немногочисленны.

Теперь все это совершенно измѣнилось. Дагестанъ, такъ-сказать, пересталъ существовать. Кавказскіе горцы или истреблены, или сдѣлались вѣрноподданными Императора, или до того обезсилены, что не въ состояніи шевельнуться. На Югѣ вмѣсто необходимости бороться съ Персіей или наблюдать за нею, мы имѣемъ въ лицѣ шаха преданнаго союзника, способнаго утроить военныя силы Россіи въ Азіи. Впредѣ на Турецкую границу со стороны Эрзерума будутъ нападать не малочисленные отряды, и прочно утвердившаяся на Кавказѣ Россія будетъ выставять на этомъ театрѣ войны могущественныя арміи. Страна большею частію открыта; кромѣ Карса, нѣтъ ни одной крѣпости, которая стоила-бы этого названія и которую пришлось-бы осаждать; не нужно переходить ни черезъ Дунай, ни черезъ Балканы, и тамъ нѣтъ другой Австріи, которая могла-бы напасть на насъ съ боку или съ тылу. Европа, вѣроятно, не стала-бы равнодушно смотрѣть на наши успѣхи въ Малой Азіи и если Франція еще несовершенно истощена послѣдней войной, то морскія державы, быть можетъ, напали-бы на Россію въ Черномъ морѣ и въ Балтійскомъ, какъ это случилось въ 1853 и 1854 годахъ; но каковы-бы ни были ихъ усилія, онѣ не будутъ въ состояніи воспрепятствовать военнымъ дѣйствіямъ, которыя Россія будетъ вести противъ Турціи въ Азіи и которыми она, быть можетъ, нанесетъ смертельный ударъ своему вѣковому врагу.

Какая-же роль выпадетъ въ такомъ случаѣ на долю Персіи?

Эта страна, какъ было ранѣе замѣчено, не способна одна бороться съ Турціей, такъ какъ если Персія и можетъ безъ большихъ усилій напасть на провинціи Багдадскую и Эрзерумскую, за то Турція можетъ съ своей стороны завладѣть Азербейжаномъ и Таврисомъ, который служить для Каджарской династіи настоящей столицей, а это опасеніе вынуждаетъ Тегеранскій кабинетъ быть очень осмотрительнымъ. Но это опасеніе разсѣялось-бы съ той минуты, какъ союзница Персіи Россія предприняла-бы войну съ Оттоманской Портой. Регулярныя военныя силы, которыми могла-бы располагать Порта со стороны Эрзерума, постарались бы прежде всего воспротивиться успѣхамъ Русской арміи, а тогда избавившаяся отъ всякихъ опасеній и увѣренная въ успѣхахъ своего непобѣдимаго союзника, Персія могла-бы смѣло пуститься на всякія предпріятія противъ Турціи.

Кому неизвѣстно, какъ алчно Персія желала, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, завладѣть Багдадомъ? Кому неизвѣстно, что, помимо политическихъ соображеній, религіозныя влеченія побуждаютъ Персію къ занятію этой провинціи, въ которой находятся гробницы всѣхъ имамовъ? Но почти никто не знаетъ того, что привязанность и уваженіе Персовъ къ ихъ имамамъ постоянно усиливались и что этотъ культъ, уже очень распространенный въ Персіи подъ владычествомъ Софіевъ, въ настоящее время достигъ такихъ великихъ размѣровъ и такого значенія, о которыхъ трудно составить себѣ вѣрное понятіе. Сила нѣкоторыхъ національных влеченій, политика царствующей династіи и появленіе нѣсколькихъ новыхъ сектъ превратили культъ имамовъ въ настоящій лихорадочный бредъ. Богъ, пророкъ, царь, отечество— все поглощено поклоненіемъ имамамъ. Въ теченіи всего года, но въ особенности въ теченіи тѣхъ трехъ мѣсяцевъ, которые считаются священными, вся Персія покрывается трауромъ и оглашается плачевными воплями, напоминающими о мученической смерти имамовъ и возбуждающими народъ къ мщенію. Ни въ какой политической войнѣ, ни даже въ томъ случаѣ, еслибы дѣло шло о независимости страны или о самыхъ дорогихъ ея интересахъ, шахъ не нашелъ-бы ни одного добровольца. Но еслибы пришлось двинуться на Багдадъ и на Кербелахъ, туда отправились-бы всѣ, и не найдется женщины, которая осталась-бы жить съ такимъ нечестивымъ мужемъ, который не захотѣлъ-бы стать въ ряды арміи. Тотъ всеобщій порывъ, съ которымъ устремились-бы Персы на завоеваніе Багдада, былъ-бы вызванъ не жаждой славы и не желаніемъ присоединить новую провинцію къ владѣніямъ узурпатора, а единственно желаніемъ сразаться за имамовъ и пострадать за нихъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ они мученически погибли для спасенія Шитовъ.

Очевидно, что при такомъ расположеніи народа, поддержанное союзомъ съ Россіей правительство шаха могло-бы поднять на ноги все Персидское населеніе и устремиться съ нимъ на Азіатскую Турцію.

Это влеченіе Персовъ къ завладѣнію Багдадомъ нашло для себя совершенно неожиданное поощреніе въ политикѣ, которой слѣдуетъ Турція. Взглянувъ на Восточный вопросъ съ болѣе широкой точки зрѣнія, Порта постаралась отказаться отъ тѣхъ высокомерныхъ традицій, которыми прежде руководствовалась въ сношеніяхъ съ Персіей и вступила съ Тегеранскимъ дворомъ въ сношенія болѣе дружественныя и болѣе согласныя съ истинными интересами обоихъ мусульманскихъ государствъ. Эта внезапная перемѣна въ Оттоманской политикѣ совершенно сбита съ толку министровъ шаха. Слѣдовавшія одна вслѣдъ за другой неожиданныя уступки заставили ихъ полагать, что доведенная до край-

ности Турція старается во что бы то ни стало снискать дружбу могущественнаго шаха, а Россіи нетрудно было увѣрить Персидское правительство, что Порта, этотъ исконный врагъ Шитства, стала такъ любезна съ Персами лишь благодаря дружбѣ Императора къ шаху.

Другимъ, быть можетъ еще болѣе вреднымъ послѣдствіемъ этого поворота въ политикѣ было то, что Порта, стараясь сблизиться съ правительствомъ шаха, во многихъ случаяхъ, сама того не зная, затрогивала интересы и самолюбіе національной партіи въ лицѣ Мухтегидовъ. Касательно этого предмета и также касательно новыхъ отношеній, установившихся въ послѣднее время между Турціей и Персіей, можно бы было написать цѣлую и въ высшей степени интересную книгу. Въ настоящую минуту мы ограничимся заявленіемъ того факта, что съ одной стороны вслѣдствіе чрезвычайнаго религіознаго возбужденія и политическихъ влеченій, а съ другой вслѣдствіе поощреній, повидимому, представляемыхъ внутреннимъ положеніемъ Турціи, въ Персіи обнаруживается въ настоящее время очень сильное стремленіе къ захвату сосѣднихъ Турецкихъ провинцій. Безъ поддержки Русской арміи, которая дѣйствовала бы въ Малой Азіи, шахъ, конечно, никогда не разссорится съ Портой; но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ тотъ день, когда авангардъ Русской арміи перейдетъ черезъ границу со стороны Эрзерума, ничто не помѣшаетъ шаху устремиться на Турцію со всѣми силами доведеннаго до неистовства народа. Быть можетъ скажутъ, что Персидская армія будетъ разбита Турками. Это могло-бы случиться при обыкновенныхъ обстоятельствахъ; но при описанномъ нами настроеніи умовъ, не придется ни давать сраженій, ни сталкиваться съ непріятельской арміей. Это будетъ нашествіе въ громадныхъ размѣрахъ—настоящее наводненіе, которое разольется отъ Багдада и отъ Бассоры до Алепо, будетъ все опустошать и разорять на пути, распространить смятеніе до самыхъ воротъ столицы, между тѣмъ какъ регулярныя Турецкія войска будутъ заняты борьбой съ Русскими. Еслибы Турки, въ отместку, направили своихъ башибузуковъ на провинціи Персидскаго Курдистана, то развѣ такое нашествіе можетъ быть равносильно съ гигантскимъ нашествіемъ двухъ народовъ, изъ которыхъ одинъ располагаетъ большой дисциплинованной арміей, а другой дикимъ мужествомъ многихъ воинственныхъ и фанатическихъ племенъ?

Въ соображеніе слѣдуетъ при этомъ принимать не однѣ только матеріальныя силы, но въ особенности нравственное впечатлѣніе, которое произведетъ этотъ союзъ Россіи съ Персіей; это впечатлѣніе будетъ и глубоко, и губительно для Турціи. До сихъ поръ Турція, подвергаясь нападеніямъ въ Европѣ, могла многого лишиться, не пере-

ставая существовать на Востоѣ, гдѣ ея владычество простирается отъ Константинополя по Персидскаго залива, такъ что она могла бы сказать удивленной Европѣ, что у ней тамъ есть другая обширная Имперія, которую нужно защищать.

Но еслибы, напротивъ того, во время всеобщей войны, Европейская Турція была отнята у султана или вслѣдствіе иностраннаго нашествія или, что болѣе правдоподобно, вслѣдствіе одного изъ тѣхъ внезапныхъ возстаній христіанскаго населенія, которыя такъ часто потрясали Оттоманскую Порту въ самомъ основаніи, и еслибы въ тоже время Азіатская Турція была занята, разорена и раздѣлена на части совокупными усиліями Русскихъ и Персидскихъ армій, то что же осталось-бы тогда отъ Турціи и гдѣ пришлось-бы искать Оттоманскую Порту, за которую вступилась-бы Европа? Конечно ни Россія, ни Персія не могутъ считать себя неуязвимыми, соединенныя силы Европы могли-бы жестоко отомстить этимъ двумъ державамъ; но среди этихъ потрясеній Турція перестала-бы существовать.

Тотъ народъ, который выдвигаетъ противъ непріятеля массу людей, принадлежащихъ къ одной національности, говорящихъ однимъ языкомъ и исповѣдующихъ одну вѣру, не перестаетъ существовать во время непріятельскаго нашествія, а послѣ удаленія непріятеля снова встаетъ на ноги болѣе юнымъ и болѣе сильнымъ, чѣмъ прежде. Но тамъ, гдѣ народъ имѣетъ различное происхожденіе, говоритъ на различныхъ языкахъ и исповѣдуетъ различныя вѣры, тамъ, гдѣ онъ собранъ воедино путемъ завоеваній и существуетъ лишь потому, что существуетъ центральное правительство, въ которомъ воплощенъ иноземный элементъ,—тамъ пораженіе и даже временное исчезновеніе правительства почти всегда приводитъ къ распаденію государства, и рѣдко случается, чтобъ такое государство могло возродиться на прежнемъ фундаментѣ и возстать изъ своего пепла. Поэтому, еслибы Турція была уничтожена, она едва-ли могла-бы возродиться. Отсюда слѣдуетъ, что вся политика Турціи должна имѣть цѣлю не терять подъ своими ногами почвы и твердо держаться за свой Азіатскій фундаментъ, такъ какъ только отъ потрясенія этого фундамента могла бы произойти всеобщая катастрофа. Но указанныя нами опасности до крайности усиливаются оттого, что прошлое не даетъ въ этомъ отношеніи никакихъ указаній, которыми можно-бы было воспользоваться. Такъ какъ вниманіе Порты и морскихъ державъ постоянно было сосредоточено на Дунайской оборонительной линіи и на Черномъ морѣ, то никто не помышлялъ серьезно объ опасности, которая грозитъ Турціи со стороны Эрзерума. До сихъ поръ руководствомъ служатъ указанія прошлаго и вовсе не принимаются въ соображеніе новые элементы, со-

вершено передвинувшіе Восточный вопросъ съ прежняго мѣста и измѣнившіе положеніе дѣла.

Это самообольщеніе Европы и составляетъ главную опасность для Турціи. Чтобы предотвратить эту опасность, болѣе всего необходимо сознать трудность такого положенія. Въ то время, какъ враги Турціи, пользуясь благоприятными обстоятельствами, проявляютъ неутомимую энергію, вмѣшиваются на всѣхъ пунктахъ Имперіи во всѣ внутренніе вопросы, заводятъ интриги въ средѣ христіанскаго населенія, возбуждаютъ возстанія, проникаютъ въ церкви, въ монастыри и даже въ первоначальныя школы,—развѣ благоразумно и предусмотрительно предаваться бездѣйствію и противопоставлять всѣмъ этимъ проискамъ покорность судьбѣ и неподвижность? Если Турція дорожить своимъ существованіемъ и если Европа желаетъ избѣжать на Востокѣ прискорбнаго и страшнаго разочарованія, то и та и другая должны немедленно сбросить съ себя оковы старой политики и, наконецъ, видѣть вещи не такими, какими онѣ были прежде, а такими, какими онѣ представляются въ настоящее время и какими онѣ сдѣлаются въ недалекомъ будущемъ.

V.

На случай войны.

Русская періодическая печать съ нѣкотораго времени входитъ въ большія подробности касательно новаго военнаго устройства, которое предполагено ввести въ арміи и которое основано на обязанности всѣхъ классовъ населенія нести военную службу. Мы не намѣрены критически разбирать представленные по этому предмету проекты, но не можемъ не находить преувеличенными тѣ опасенія, которыя высказываются большинствомъ органовъ періодической печати. Судя по содержанію написанныхъ объ этомъ статей, Россія должна немедленно поставить на ноги громадную армію, потому что война неизбѣжна, потому что она можетъ вспыхнуть каждый день и потому что дѣло идетъ о спасеніи Россіи и о ея политической роли въ Европѣ, въ качествѣ великой державы.

Въ виду такихъ опасеній, мы спрашиваемъ, съ какой-же стороны грозитъ Россіи такая опасность, что намъ нужно выставить два милліона солдатъ, чтобы оградить неприкосновенность нашей территоріи? Между сосѣдними съ Россіей государствами, конечно, не Швеція и не Турція приступать къ военнымъ дѣйствіямъ. Онѣ могутъ быть вовлечены во всеобщую коалицію Европейскихъ державъ противъ Россіи, но по одиночкѣ онѣ никогда не рѣшатся вступать съ ней въ борьбу. Поэтому, говоря объ угрожающей намъ опасности, вѣроятно имѣютъ въ виду Германскую Имперію и Австрію или, быть можетъ, вообра-

жають, що тѣти двѣ імперіи можуть вступити между собою въ союзъ съ цѣлю раздавить и раздѣлитъ Россію.

Посмотримъ прежде всего, въ какихъ отношеніяхъ мы находимся къ Пруссіи и къ Германской Имперіи.

Со времени Семилѣтней войны, то-есть въ теченіи слишкомъ столѣтія, Пруссія и Россія всегда жили въ добромъ согласіи, а братство по оружію, установившееся между ихъ арміями въ 1813 и 1814 въ войнѣ изъ-за освобожденія, оставило такія воспоминанія, которыя не изгладились и до сихъ поръ. Русскій императорскій домъ связанъ съ домомъ Гогенцоллернскимъ самыми тѣсными родственными узами, и еще болѣе личнымъ уваженіемъ и искреннимъ доброжелательствомъ, которыя соединяють императора Александра II съ императоромъ Вильгельмомъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что во время Франко-Прусской войны Россія держала себя такъ, что оказала громадную услугу Пруссіи; вѣдь Австрія или вѣрнѣе ея первый министръ Бейстъ не желали-бы ничего лучшаго, какъ воспользоваться борьбой между Пруссіей и Франціей для того, чтобъ отмстить за пораженіе подъ Садовой; если же, не смотря на это, спокойствіе не было нарушено въ центрѣ Европы, то причиной этого была полная увѣренность Австріи, что лишь только она взялась бы за оружіе, Россія съ своей стороны также вмѣшалась-бы въ борьбу. Все это ясно до очевидности, и достаточно припомнить содержаніе телеграммы, посланной Императору Александру въ самый день заключенія мира въ Версали, чтобъ убѣдиться, что императоръ Вильгельмъ вполнѣ сознавалъ, въ какой мѣрѣ былъ для него полезенъ образъ дѣйствій Россіи во время войны и въ какой мѣрѣ онъ способствовалъ локализованію этой войны. И только черезъ два года послѣ этихъ событій, Пруссія будто бы способна, безъ всякаго къ тому повода, устремиться на Россію и даже вступить въ союзъ съ своей старинной соперницей Австріей для того, чтобъ раздробить Россію? Такое предположеніе просто на просто лишено здраваго смысла.

Чтобъ мотивировать жалобы, которыя могли бы быть предъявлены Пруссіей противъ Россіи, указываютъ на Польшу, на принадлежащія Россіи Балтійскія провинціи и на сочувствіе, которое питають въ Пруссіи къ Нѣмецкому населенію этихъ провинцій. Что касается Польши, то политика Пруссіи не можетъ быть иначе какъ солидарной съ политикой Россіи, и конечно ни та, ни другая не имѣють желанія пробуждать Польскую національность и возстановлять Польшу. Касательно Балтійскихъ губерній дѣло представляется въ иномъ видѣ. Лифляндія и Эстляндія были присоединены къ Россіи Ништадтскимъ мирнымъ договоромъ, а императоръ Петръ Великій фор-

мально обезпечилъ права и привилегіи, которымъ пользовались эти провинціи подъ Шведскимъ управленіемъ. Что же касается Курляндіи, то она добровольно отдалась Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. Въ этихъ провинціяхъ дворянство и граждане Нѣмецкаго происхожденія; тою степенью цивилизаціи, которой они достигли, они обязаны Германской культурѣ; весьма естественно, что они крѣпко держатся и за свои привилегіи, и за Нѣмецкій языкъ, который ставитъ ихъ въ сношенія съ Германіей, и за лютеранскую вѣру, которую они исповѣдываютъ въ теченіи многихъ столѣтій. Со времени ихъ присоединенія къ Россіи, Лифляндія, Эстляндія и Курляндія доказали свою безпредѣльную преданность Императору, а имена мѣстныхъ дворянъ съ честью фигурируютъ какъ въ рядахъ арміи, такъ и во всѣхъ сферахъ гражданскаго управленія. Но въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ, императорское правительство неоднократно нарушало привилегіи Балтійскихъ губерній и прибѣгало къ неумѣстнымъ мѣрамъ для ихъ обрусенія, такъ что даже самыя благотворныя мѣропріятія, какъ напри- мѣръ введеніе въ употребленіе Русскаго языка, отвергаются тамъ съ недоувѣріемъ, потому что въ нихъ усматривается какая-нибудь враждебная цѣль со стороны правительства. Все это возбудило сильное раздраженіе и внушило нерасположеніе, которое трудно будетъ искоренить.

Это очень прискорбно, но мы ничего бы не выиграли оттого, что стали бы скрывать истину. Не подлежитъ сомнѣнію, что населеніе Германской имперіи жалѣетъ какъ о дѣйствительныхъ, такъ и мнимыхъ страданіяхъ живущихъ въ Балтійскихъ провинціяхъ Нѣмцевъ. Но неужели можно допустить, что эти сожалѣнія могутъ когда нибудь сдѣлаться мотивомъ для войны между Пруссіей и Россіей? Достаточно взглянуть на географическую карту, чтобъ убѣдиться, что Балтійскія провинціи, — все равно довольны ли они, или недовольны Русскимъ управленіемъ, — могутъ принадлежать только Россіи, а образованные знатоки военнаго дѣла, которыхъ немало въ Прусскомъ генеральномъ штабѣ, никогда не посовѣтуютъ предпринимать такія завоеванія, которыхъ нѣтъ возможности удержать за собою, еслибы первыя попытки и увѣнчались успѣхомъ.

Мы, какъ кажется, достаточно ясно доказали, что Пруссія не имѣетъ никакого основательнаго повода объявлять войну Россіи, что всѣ опасенія на этотъ счетъ лишены основанія и что имъ не слѣдуетъ придавать большой важности. Но если самая тѣсная дружба и самыя удовлетворительныя отношенія существуютъ между императоромъ Александромъ и императоромъ Вильгельмомъ и между ихъ правительствами, то нельзя того же сказать о періодической печати обѣ-

ихъ странъ, которая старается раздувать пламя вражды, пользуясь самыми дурными инстинктами человѣческой натуры. Трудно рѣшить, Русской ли печати или Нѣмецкой принадлежитъ починъ въ этой раздражительной полемикѣ, но самый фактъ несомнѣнно существуетъ, и онъ тѣмъ болѣе прискорбенъ, что обоюдныя оскорбленія возбуждаютъ взаимную ненависть между двумя народами, которые, по своему географическому положенію и по своимъ ежедневнымъ интересамъ, очевидно должны бы жить въ мирѣ и добромъ согласіи.

Обратимся отъ Пруссіи къ Австріи.

Въ нашихъ отношеніяхъ къ этой державѣ мы, конечно, далеки отъ той эпохи, которая настала вслѣдъ за великими войнами Французской имперіи, когда Пруссія, Австрія и Россія, будучи тѣсно связаны Священнымъ Союзомъ, имѣли какъ бы одну душу и одно тѣло и поддерживали одна другую въ борьбѣ со взрывами революціонныхъ страстей. Все это совершенно измѣнилось. Образъ дѣйствій, котораго держалась Австрія во время Крымской войны и во время переговоровъ, предшествовавшихъ въ 1856 заключенію Парижскаго мирнаго договора, очень охладилъ отношенія между двумя императорскими правительствами, и съ тѣхъ поръ между Австріей и Россіей постоянно натянутыя отношенія. Россія была оскорблена тѣмъ, что Австрія была не признательна за оказанную ей въ 1849 году важную услугу; а Австрія съ своей стороны жаловалась на происки Славянофиловъ, которые имѣютъ своимъ центромъ Россію и создаютъ для Австріи множество затрудненій въ ея отношеніяхъ къ подвластнымъ ей Славянскимъ народамъ. Ни для кого не тайна, что въ Россіи существуетъ Славянофильская партія; но это скорѣе литературная, нежели политическая партія, а, при теперешней свободѣ печати, правительство не можетъ помѣшать органамъ этой партіи публично высказывать ея желанія и стремленія. Но большинство населенія совершенно равнодушно къ судьбѣ тѣхъ Славянъ, которые живутъ внѣ предѣловъ Имперіи, и конечно изъ тысячи человѣкъ не найдется одного, которому было бы извѣстно существованіе Славянъ въ Австріи и въ Турціи.

Если бы наши Славянофилы ограничивались выраженіемъ своихъ симпатій къ Славянамъ, еслибы они знакомили Славянъ съ нашей литературой, распространяли между ними знаніе Русскаго языка и воспитывали ихъ дѣтей въ нашихъ школахъ, не дѣлая различія между тѣми, которыя состоятъ въ Турецкомъ подданствѣ и тѣми, которые состоятъ въ подданствѣ Австрійскомъ,—то не было бы повода ихъ въ чемъ либо упрекать. Но они не довольствуются такою мирною и цивилизаторскою ролью. Посредствомъ своихъ сочиненій, а иногда и

посредствомъ своихъ эmissаровъ, Славянофильская партія возбуждаетъ неудовольствіе между Австрійскими и Турецкими Славянами, и, внушая имъ обманчивыя надежды, создаетъ серьезныя затрудненія для ихъ правительствъ.

Возьмемъ для примѣра Чеховъ, которые составляютъ самое тѣсно-сплоченное Славянское населеніе Австріи, и припомнимъ, съ какими заискиваніями обращались къ нимъ Славянофилы. Понятно, что эти заискиванія были Чехамъ по вкусу, такъ какъ имъ было очень пріятно, что Россія помогала имъ устроить ихъ дѣла. Но еслибы имъ предоставили на выборъ—быть присоединенными къ Россіи или оставаться подъ властію Австріи, можно быть увѣреннымъ, что, не смотря на свое неудовольствіе Австріей, они предпочли бы принадлежать ей, а не поступать въ составъ Россійской Имперіи. А то, что мы здѣсь высказали о Чехахъ, можетъ быть отнесено къ Сербамъ и ко всѣмъ другимъ Славянскимъ народамъ, находящимся подъ властію Турціи и Австріи. Отсюда слѣдуетъ, что Славянофилы навязываютъ Россіи очень глупую роль. Доведенный до своихъ крайнихъ предѣловъ принципъ національности очень вреденъ и еслибъ онъ взялъ верхъ, онъ открылъ бы эру непрерывныхъ войнъ въ центрѣ Европы и, наконецъ, покрылъ бы ее развалинами и кровью. Никакое благоразумное правительство не захочетъ руководствоваться такимъ принципомъ, и можно быть увѣреннымъ, что императорское правительство не только не сочувствуетъ проискамъ Славянофильской партіи, но напротивъ того очень ими недоволено. Мы полагаемъ, что свиданіе трехъ императоровъ въ Берлинѣ имѣло самыя благопріятныя послѣдствія въ томъ, что касается нашихъ отношеній къ Австріи, такъ какъ Вѣнскій кабинетъ приобрѣлъ тамъ убѣжденіе, что ни Императоръ, ни его правительство отнюдь не поддерживаютъ происковъ, осуждаемыхъ международнымъ правомъ и столько же несогласныхъ съ правилами нравственности, сколько они несогласны съ нашими собственными вѣрно понимаемыми интересами.

Изъ всего сказаннаго, какъ кажется, можно заключить, что опасенія наступательной войны со стороны Австріи такъ же мало основательны, какъ опасенія, которыя высказываются на счетъ Пруссіи и что съ той минуты, какъ Австрія вполнѣ убѣдится въ отсутствіи съ нашей стороны намѣренія поощрять Славянскіе народы къ возстанію, ничто не будетъ въ состояніи нарушить доброе согласіе между двумя сосѣдними Имперіями.

Правда, остается еще чреватый бурями Восточный вопросъ, но интересы всѣхъ державъ предписываютъ не торопиться его разрѣшеніемъ и предоставить его натуральному теченію. Названіе большаго

человѣка, данное императоромъ Николаемъ султану, въ сущности согласно съ истиной; но есть такія болѣзни, отъ которыхъ не умираютъ или которыя принимаютъ хроническій характеръ и могутъ продолжаться безконечно долго. Это еще болѣе вѣрно по отношенію къ государствамъ, чѣмъ по отношенію къ людямъ, такъ какъ государства, не смотря на нѣкоторые свойственные имъ по природѣ недостатки, имѣютъ такую притягательную силу, что нерѣдко проходятъ цѣлыя столѣтія, прежде нежели они окончательно распадутся на части. Неужели въ виду этой невѣрной и отдаленной случайности хотятъ потребовать отъ Россіи такихъ громаднхъ вооруженій, которыя въ концѣ концовъ истощатъ всѣ источники ея благосостоянія? Мы не видимъ въ этомъ необходимости и даже полагаемъ, что теперешній мирный составъ арміи могъ бы быть значительно уменьшенъ. Этими способомъ облегчилось бы бремя, лежащее на финансахъ Имперіи, и менѣе значительное число рукъ было бы отвлечено отъ тѣхъ производительныхъ работъ, въ которыхъ заключается единственный источникъ народнаго богатства.

Но, быть можетъ, скажутъ, что въ случаѣ, еслибы составилаь противъ Россіи всеобщая коалиція, ей понадобятся два милліона солдатъ, чтобъ дать отпоръ всѣмъ ея врагамъ? На это я возражу, что въ такомъ случаѣ не достало бы и двухъ милліоновъ солдатъ. И Россія, и всякое другое изъ Европейскихъ государствъ не выдержало бы борьбы со всеобщей коалиціей, такъ какъ не въ натурѣ вещей, чтобъ одна держава съ успѣхомъ боролась противъ всѣхъ. Но коалиціи всегда составлялись по винѣ самихъ правительствъ. Франція была поставлена на край погибели ненасытнымъ честолюбіемъ Лудовика XIV и его высокоуміемъ. Еще болѣе ненасытное честолюбіе Наполеона I возстановило противъ него всѣ народы вслѣдъ за катастрофой 1812 года. Они возстали тогда, какъ одинъ человекъ, для того, чтобъ отстоять свои поправныя права и отмстить за причиненныя имъ страданія. Но, уважая чужія права съ такимъ же тщаніемъ, съ какимъ охраняются собственныя, и принимая за основу политики честность, умѣренность и миролюбіе, никакое государство не будетъ опасаться коалиціи всѣхъ державъ, и этотъ призракъ исчезнетъ самъ собою.

Неаполь, 1 Января 1873.